

— Ян де Фрис —

РЕВОЛЮЦИЯ ТРУДОЛЮБИЯ

*Потребительское поведение
и экономика домохозяйств
с 1650 года до наших дней*

РАНХиГС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Jan de Vries

The Industrious Revolution

Consumer Behavior
and the Household Economy,
1650 to the Present

Ян де Фрис

Революция трудолюбия

Потребительское поведение
и экономика домохозяйств
с 1650 года до наших дней

Перевод с английского

АЛЕКСАНДРА МАТВЕЕНКО

Под научной редакцией

АНДРЕЯ ВОЛОДИНА

{ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ ДЕЛО }

Москва | 2016

УДК 331.101
ББК 65.24
Ф 89

Фрис, Ян де

Ф 89 Революция трудолюбия: потребительское поведение и экономика домохозяйств с 1650 года до наших дней / Ян де Фрис; пер. с англ. А. М. Матвеевко; под науч. ред. А. Ю. Володина. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 464 с.

ISBN 978-5-7749-1131-8

В «долгом» XVIII веке, понимаемом как исторический, а не календарный период, сочетание новых потребительских ожиданий с новым уровнем трудолюбия привело к фундаментальному преобразованию материальных культур Северо-Западной Европы и Северной Америки. Эта «революция трудолюбия» создала те условия экономического ускорения, которые связывают с промышленной революцией. В настоящем издании вниманию читателя предлагается рациональное объяснение новой природы потребительских товаров и фактического потребительского поведения домохозяйств всех уровней финансового достатка.

Автором рассматривается влияние зарождения и эволюции потребительского спроса на процесс экономического развития сквозь призму потребительского поведения, взятого в контексте экономики домохозяйств. Анализируются меняющиеся потребительские цели домохозяйств в период с XVII в. до наших дней и как решения конкретных домохозяйств стали связующим звеном между макроэкономическим ростом и совершенствованием природы человека. Наконец, настоящее исследование выявляет основные сильные и слабые стороны существующей теории потребления и предлагает соответствующие поправки, добавляя в экономические абстракции исторический реализм.

УДК 331.101
ББК 65.24

ISBN 978-5-7749-1131-8

The Industrious Revolution: Consumer Behavior and the Household Economy, 1650 to the Present

© Jan de Vries 2008

© Syndicate of the Press of the University of Cambridge 2008

© ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 2016

*Посвящается моей супруге Джинни
и моим детям — Николасу и Саскии*

Содержание

Предисловие и благодарственное слово · 9

1. Трансформация потребительских желаний
в «долгом» XVIII в. · 17

2. Истоки революции трудолюбия · 77

3. Революция трудолюбия: предложение
труда · 129

4. Революция трудолюбия: потребительский
спрос · 203

5. Домохозяйство типа «кормилец —
домохозяйка» · 297

6. Вторая революция трудолюбия? · 375

Библиография · 429

Предисловие и благодарственное слово

ДАННОЕ исследование вопросов долгосрочного экономического развития отличается от большинства предшествующих исследований тем, что уделяет первостепенное внимание устремлениям потребителя, а не производственной деятельности, причем рассмотрение ведется с позиции домохозяйств, а не индивидуальных потребителей. Настоящая работа охватывает период истории западной цивилизации, на который пришлась промышленная революция, однако революция эта остается здесь на втором плане, чтобы можно было уделить достаточное внимание инициативам домохозяйств, меняющимся по мере преобразования как их потребительских целей, так и стратегий реализации данных целей. Эта система поведения домохозяйств, названная нами «революция трудолюбия», формирует условия, в которых разворачивались производственные инициативы, известные нам как промышленная революция.

Для экономической теории спроса и предложения упор на спрос как движущую силу перемен в долгосрочном развитии экономики несвойственен. Подобный подход рассматривается скорее в качестве неортодоксального. При этом в более широком контексте социальных наук ставить потребление во главу угла современного общества — дело вполне обыденное. Данный вопрос, оказывается, способен одновременно порождать крайнее беспокойство в напыщенных критиках позднего капитализма и возбуждать воображение не признающих авторитеты постмодернистов. Между теми, кто отмечает проблему потребления как слишком

сложную для моделирования, и теми, кто рассматривает ее как излишне очевидную и потому не заслуживающую подробного рассмотрения, лежит значительная, однако слабо изученная и в недостаточной мере охваченная теорией территория. Настоящая работа нацелена на то, чтобы помочь с более правильным пониманием исторического феномена, игнорируемого слишком большим числом специалистов в области общественных наук; можно даже сказать, что такое невнимание намеренное.

Это исследование по экономической истории, рассматривающее в качестве экономической единицы историю домохозяйства, позволяющей создать новую экономическую концепцию изучения поведения потребителя в долгосрочном плане. То есть в настоящей книге я утверждаю, что у ожиданий потребителя есть своя история, что ожидания эти вовсе не являются второстепенными последствиями прочих, более фундаментальных сил, как не являются они и независимыми деяниями творческого подхода человеческой личности. В связи с этим мною выработана экономическая концепция, позволяющая толковать принятие решений домохозяйствами, которые обычно рассматриваются преимущественно с точки зрения социальных, культурных и идеологических условий. Отдельные ее элементы объединены мною в понятии «революция трудолюбия». Дело в том, что в определенный исторический период на определенной географической территории усилилось влияние новой формы экономического поведения домохозяйств, что привело к одновременному росту предложения рыночной продукции и спроса на широкий, хотя и строго определенный, набор потребительских товаров.

Революция трудолюбия разворачивалась на протяжении «долгого» XVIII в. Этот «долгий» век можно датировать 1650–1850 гг., вместившими в себя промышленную революцию в Великобритании и политические революции во Франции и США. Подобная нетрадиционная периодизация ставит под сомнение — и делает это сознательно! — бытующие на протяжении уже долгого времени представления об истоках современного

индустриального общества в истории стран Запада. У меня нет намерений подменить одну несложную историю другой, однако я надеюсь, что настоящее исследование поможет рассмотреть уже привычные «революционные» события в более широком контексте ранних этапов развития современных рынков, домохозяйств и материальной культуры.

Хотя предлагаемая вниманию читателя «революция трудолюбия» к середине XIX в. фактически сходит на нет, настоящее исследование не ограничивается указанным периодом, рассматривая поведение потребителя в рамках экономики домохозяйства вплоть до настоящего времени. Две заключительные главы настоящей книги преследуют собой двойную задачу. Во-первых, они призваны заострить наше понимание отличительных характеристик «трудолюбивого» домохозяйства путем его сравнения с весьма особенной экономикой домохозяйства, утвердившегося после 1850 г., — домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка». Во-вторых, они призваны помочь нам лучше понять наше настоящее и будущее. Наши представления о вариантах нашего будущего и наших перспективах сильно зависят от нашего понимания того, через что мы прошли, и того, каким образом мы пришли к реалиям сегодняшнего дня. Мое исследование доказывает, что общепринятое понимание данных вопросов в свете их связи с экономикой домохозяйств и современным обществом потребления неправильно. Поэтому заключительная задача данной книги состоит в том, чтобы предложить альтернативные точки зрения на наше настоящее и возможные варианты нашего будущего.

Данная работа основывается на опыте более широком, чем опыт отдельной страны. При этом она не претендует на то, чтобы предложить историческую концепцию, применимую для всей Европы или мира в целом. Влияние «революции трудолюбия» и связанной с ней организации домохозяйства оказалось наибольшим на весьма ограниченной территории, хотя и не имеющей четких границ. Наиболее заметное ее проявление было зафиксировано в северо-западной части Европы: Англия, Нидерланды, а также отдельные

части Франции и Германии. Свойственна она была и североамериканским колониям, пусть экономические условия в них и сильно отличались от условий северо-запада Европы. Некоторые ее черты можно было наблюдать и в ряде крупных городов других стран. Однако ни в Восточной Европе, ни в Средиземноморском регионе территорий, которые участвовали бы в основных процессах революции трудолюбия полноценным образом, не оказалось. В настоящем исследовании последовательно рассматривается целый ряд стран, о которых собраны исторические свидетельства. Но данная работа не является сравнительным исследованием, а сводной историей общего опыта (*common experience*) региона, далеко не в первую очередь определяемого политическими границами.

Я долго размышлял над проблематикой данной книги — то возвращаясь к ней, то откладывая ее до лучших времен. Некоторые из представленных здесь идей впервые сформировались у меня при подготовке докторской диссертации в 1968–1969 гг. После публикации ряда статей я отложил свой интерес к вопросам домохозяйства и поведения потребителей до лучших времен, вернувшись к ним лишь в 1990 г., когда со стороны британского историка Джона Брюэра мне поступило предложение принять участие в организуемой им серии семинаров, посвященных материальной культуре и потреблению. Вполне вероятно, что я ответил бы отказом, если бы в 1986 г. не произошла моя короткая встреча с Акирой Хаями, японским историком, занимающимся проблемами демографии. Его утверждения о том, что экономическое развитие Японии проходило в форме «революции трудолюбия» — крайне трудоемкого вида экономического роста, — заставили меня по-новому взглянуть на развитие стран Запада в предшествующий промышленной революции период. Приглашение Брюэра привело к написанию моих первых статей, в которых вводилась концепция «революции трудолюбия» применительно к странам Запада.

Другие направления моей профессиональной деятельности вновь заставили меня отложить свой интерес к данной тематике — до того момента, как мой го-

довой академический отпуск в 1997–1998 гг. позволил мне более широко и глубже ознакомиться с трудами по потребительской экономике и политической экономике потребительского поведения, когда мне довелось поработать в качестве внештатного преподавателя в оксфордском Колледже Олл Соулз. Я обнаружил, что истории, рассказываемые об Оксфорде, и еще более богатые истории о Колледже Олл Соулз являются правдой, а не вымыслом. Пусть причины практикуемых в Оксфорде методов поначалу, а иногда и по долговому размышлению, и кажутся неясными, однако их совокупный эффект крайне полезен для стимулирования интеллекта и расширения рамок научных взглядов отдельного человека. В моей жизни были годы, когда я работал более интенсивно, чем в период своего пребывания в Оксфорде, однако, наверное, именно в этот период я узнал больше и занимался повседневной научной деятельностью с наибольшим удовольствием, чем когда-либо до или после. Перечень оказавших мне содействие британских экономистов и историков получился бы довольно длинным, поэтому я ограничусь выражением благодарности покойному Чарльзу Файнстайну, Полу Дэвиду, Авнеру Оффнеру, Джейн Хамфриз, Максин Берг, Джону Робертсону и покойному Рису Дейвису.

Год, проведенный мною в Оксфорде, дал мне возможность более полно сформировать концепцию «революции трудолюбия», рассмотрев ее и применительно к XIX и XX вв. И опять же благодаря великодушию британских коллег в 2000 г. я получил возможность представить результаты своих исследований на лекциях фонда им. Эллен Макартур в Кембриджском университете. Пригласил же меня принять участие в лекциях сэр Эдвард Энтони Ригли, чья работа служила для меня на протяжении моей карьеры тем стандартом, к которому я старался прийти и сам. Возможность высказаться перед компетентной и критической аудиторией — отличный подарок: из Кембриджа я уехал с гораздо более четким пониманием того, как именно преобразовать свои лекционные материалы в монографию, которую вы держите в руках. В связи с этим мне

особенно хотелось бы поблагодарить Мартина Донтона, Ричарда Смита, Джона Хэтчера, Алана Макфарлейна, Пола и Маргарет Спаффорд, Эмму Ротшильд и Шейлу Огилви.

В силу ряда обстоятельств переложение материалов четырех лекций в шесть глав настоящей книги сильно замедлилось. К счастью, мне выпала возможность отдохнуть от учебно-административных дел, выполнение которых с момента лекций в Кембридже занимало большую часть моего времени: мне было предложено провести односеместровый академический отпуск, выпавший на осень 2005 г., в Нидерландском институте передовых исследований (НИПИ). Это было уже четвертое мое посещение НИПИ. Данный институт сыграл важную роль в завершении каждого из крупных научных проектов, которыми мне довелось заниматься, — я навсегда останусь перед ним в долгу. Сочетание таких факторов, как гостеприимство ректора Вима Блокманса, эффективное содействие со стороны сотрудников НИПИ и поддержка сообщества преподавателей из разных стран мира, тотчас создало атмосферу радушия, а также благоприятные условия для ведения исследовательской работы и продуктивного обмена научными мнениями. Вассенар, город, в котором расположен НИПИ, заслуживает быть упомянутым здесь: я полагаю, что доступные в этом городке утонченные удовольствия более всего способны оценить те, кто полностью отдается своей работе. По счастливой случайности мое пребывание в НИПИ совпало с пребыванием там Эрика Джонса, Тони Аткинсона, Барбары Ханаволт и Руфь Морманн. Крайне полезным оказалось и общение с многочисленными голландскими коллегами, включая Пира Фриса, Хенка Весселинга, Ада ван дер Вуде, Яна Лютена ван Зандена, а также коллегами из Бельгии — Брюно Блонде, Эриком Тёнем, Вальтером Превенье и Херманом ван дер Вее.

Преобразование набора идей и вопросов в настоящую книгу стало результатом серии благоприятных возможностей, а также предположений и вопросов, высказанных большим числом специалистов из разных стран. Я признателен каждому из них и освобождаю их

всех, как того требует традиция, от вины за любые ошибки и недостатки настоящего издания.

В неменьшей мере, хотя и по другим причинам, благодарен я и моей семье. Мои идеи формировались на протяжении периода, за время которого мои дети успели покинуть родительский дом и обзавестись собственными. Наблюдать это воочию было поучительно и отраднo: несмотря на мой природный пессимизм, испытывать его применительно к будущему моей семьи было невозможно.

Беркли и Вассенар

Трансформация потребительских желаний в «долгом» XVIII веке

20 АПРЕЛЯ 1697 г. в газете *Amsterdamsche Courant* появилась реклама нового товара, известного как *zak-aardebol*, или «карманный глобус». Глобус этот был не более двух дюймов (5 см) в диаметре и заключен в кожаный футляр, на внутренней стороне которого был изображен небесный свод с созвездиями. Это была одна из самых первых геоцентрических моделей космического пространства. Производители карманного глобуса картографы Абрахам ван Цейлен и Геррит Дрогенхам рекомендовали свое новое изделие как «весьма полезное для всех приверженцев астрономии и прочих наук, а также для [всех тех], кто обычно носит при себе карманные часы»¹.

На тот момент карманные часы были относительно новым изобретением часовой промышленности, рынок которой включал теперь не только башни церквей и прочих общественных зданий, но и частные дома — благодаря изобретению в 1657 г. Христианом Гюйгенсом маятниковых часов. Их распространение в среде буржуазии и даже среди горожан и фермеров оказалось невероятно быстрым². А карманные часы оказались не

1. Оригинальный текст рекламного объявления: “Seer bequam voor alle Liefhebbers der Astronomie en andere Konsteyn, gelyk een sakhorlogie alom by sig te dragen”, “Amsterdamsche Courant”, 20 апреля 1697 г.

2. Вполне вероятно, что маятниковые часы, в отличие от карманных, получили более быстрое распространение в районах с коммерческим сельским хозяйством, а не в городах. В 1677–1686 гг. во Фрисландии в завещаниях зажиточных фермеров (имевших не менее десяти дойных коров) маятниковые часы не фигурируют. Однако уже в 1711–1750 гг. 86% завещаний зажиточных

только новым подспорьем в науке хронометража, но и были весьма благосклонно встречены покупателями, готовыми заплатить за них весьма немалую цену. Ван Цейлен и Дрогенхам позиционировали свой карманный глобус в качестве логичного сопутствующего товара для карманных часов — то есть товара, который современный, хорошо «вооруженный» человек нашел бы крайне актуальным. Владелец этих двух приборов мог всегда узнать свое положение как во времени, так и в пространстве. Подобную привлекательность данных товаров в полной мере способны оценить те из нас, кто не представляет себе жизни без мобильного телефона или смартфона³.

фермеров содержат указания на наличие в доме подобных часов. В располагавшейся неподалеку от Амстердама деревне Веесперкарспел 80% датирующихся концом XVIII в. описей имущества фермеров включают и маятниковые часы. То же самое можно сказать и об Англии: лишь небольшое число описей имущества жителей графства Кент, датируемых XVII в., содержат указание на наличие маятниковых часов, однако в 1720–1749 гг. их число возрастает до 54%. В провинциальном же Корнуолле маятниковые часы так и остались редким предметом: только 9% описей имущества, датирующихся 1720–1749 гг., содержат указание на их наличие. Jan de Vries. "Peasant Demand Patterns and Economic Development. Friesland, 1550–1750", in W. N. Parker and E. L. Jones, eds. *European Peasants and Their Markets. Essays in Agrarian Economic History* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975): 205–266; H. van Koolbergen. "De materiële cultuur van Weesp en Weesperkarspel in de zeventiende en achttiende eeuw", *Volkskundig Bulletin* 9 (1983): 3–52; Mark Overton, Jane Whittle, Darron Dean, and Andrew Hann. *Production and Consumption in English Households, 1600–1750* (London: Routledge, 2004): 111.

3. Не ускользнуло это и от внимания Адама Смита. «Сколько же людей разоряют себя, — рассуждал он, — отдавая деньги за безделушки сомнительной полезности? Что движет этими любителями игрушек, так это не столько полезность, сколько способность механизмов выдавать себя за полезные. Все их карманы набиты мелкими изделиями. Они придумывают новые карманы, которые не найдешь в одеждах прочих людей, лишь бы носить с собой еще большее число этих безделиц. Они нагружены огромным числом побрякушек, вес, а зачастую и стоимость которых не уступает содержимому ящика разносчика; некоторые из этих изделий иногда оказываются в определенной мере полезными, однако настоящей необходимости в них нет, а их истинная полезность не стоит того, чтобы тас-

Карманный глобус, однако, подобной популярностью похвастаться не мог. Петр Великий, оказавшийся в Голландии как раз в момент его появления на рынке, приобрел один экземпляр⁴, но большинство интересующихся техническими изделиями покупателей новинку вниманием обошли. Карманные же часы быстро стали объектом вожделения для представителей всех общественных классов. Выпуск карманных часов в Европе вырос с ежегодных нескольких десятков тысяч изделий на момент появления на рынке карманного глобуса до примерно 400 тыс. единиц продукции в год в последней четверти XVIII в.⁵ В течение десяти лет было произведено достаточное число карманных часовых изделий всех типов и разного качества, чтобы удовлетворить потребность в них у четверти взрослого мужского населения Западной и Центральной Европы (предполагаемое число потребителей для региона производства и продажи почти всех карманных часов)⁶. В Англии часовые изделия всех видов фигурируют в менее чем 10% завещаний, датируемых 1675 г.; к 1720-м гг. они указаны уже примерно в трети описей имущества и не менее чем в 38% описей

кать с собой подобную тяжесть». Adam Smith. *The Theory of Moral Sentiments* [1759, rev. 1790], D. D. Raphael and A. L. Macfie, eds. (Oxford: Oxford University Press, 1976): 180.

4. Renee Kistemaker, et al., eds. *Peter de Grote en Holland* (Bussem: Amsterdam Historisch Museum, 1996): 163.
5. David Landes, *Revolution in Time. Clocks and the Making of the Modern World* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983): 231, fn 19; p. 442.
6. Ханс-Йоахим Фот приводит схожие расчеты по Англии, где в период 1775–1800 гг. было произведено не менее 40% общего числа изготовленных в Европе карманных часов. Если предположить, что срок службы карманных часов составлял от 5 до 12 лет (нижний и верхний пределы, согласно Фоту), то можно говорить о том, что общее число карманных часов в 1800 г. составляло от 1,4 до 3,1 млн экземпляров. Это соотносится с общим числом взрослого населения (мужчин и женщин), составлявшего на тот момент 5,5 млн человек. Hans-Joachim Voth. *Time and Work in England, 1750–1830* (Oxford: Oxford University Press, 2001): 51. Согласно независимым оценкам, в 1700 г. число карманных и маятниковых часов, которыми владели жители Англии, составляло 200 тысяч единиц. Paul Glennie and Nigel Thrift. *The Spaces of Time* (University of Bristol, unpublished ms, 1999).

имущества бедняков в период 1770–1812 гг.⁷ Парижские описи имущества указывают на то, что уже в 1700 г. карманными часами владели 13% слуг и 5% наемных рабочих. Для последующих лет XVIII в. показательна следующая статистика: более половины владельцев украденных карманных часов, по заявлениям которых судами Северной Англии были возбуждены судебные дела о краже, составили наемные рабочие⁸. К 1770-м гг. в 70% описей имущества парижской прислуги упоминаются карманные часы. Для наемных рабочих это число составляет 32%⁹. Карманные часы долгое время оставались дорогостоящим изделием — даже за самые дешевые часы приходилось отдавать жалованье за несколько недель. Однако они смогли получить широкое распространение благодаря тому, что стали одним из главных объектов расходов в случае большого или непредвиденного заработка. Моряк, вернувшийся домой после нескольких лет

-
7. Lorna Weatherill. "The Meaning of Consumer Behavior in Late Seventeenth and Early Eighteenth Century England", in John Brewer and Roy Porter, eds. *Consumption and the World of Goods* (London: Routledge, 1993): 220. Приведенные данные по описям имущества касаются бедняков, проживавших в Эссексе. Peter King. "Pauper Inventories and the Material Lives of the Poor in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries", in Tim Hitchcock, Peter King, and Pamela Sharpe, eds. *Chronicling Poverty, The Voices and Strategies of the English Poor, 1640–1840* (New York: St. Martin's Press, 1997): 155–191. Еще одним источником данных по Англии выступает Эстабрук, чье исследование документов в Бристоле и его окрестностях указывает на то, что часовые изделия фигурируют лишь в 3% описей имущества в 1660–1699 гг., но уже в документах, датируемых 1700–1739 гг., эта цифра возрастает до 22%. Эстабрук различает категорию «ранних приобретателей» (к которой он относил тех, кто был способен приобрести новые изделия роскоши благодаря своему социально-экономическому статусу). Среди представителей этой категории 22% домохозяйств владели часовыми изделиями уже в 1660–1699 гг., а в 1700–1739 гг. их число составило 72%. Carl B. Estabrook. *Urbane and Rustic England. Cultural Ties and Social Spheres in the Provinces, 1660–1780* (Manchester: Manchester University Press, 1998): 141.
8. John Styles. "Manufacturing, Consumption and Design in Eighteenth-Century England", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, p. 538.
9. Daniel Roche. *Le Peuple de Paris. Essai sur la culture populaire au XVIIIe siècle* (Paris: Aubier Montaigne, 1981): 226.

пребывания в Ост-Индии, или после успешной рыбной ловли, или китовой охоты, наемный фермерский рабочий после сбора урожая, получатель небольшого наследства, удачливый воришка — в XVIII в. существовала большая вероятность того, что эти и прочие люди потратят заработанные подобным образом деньги на небольшой ассортимент товаров, к числу которых относились и карманные часы, ставшие для рабочего человека своеобразным показателем статуса¹⁰. В XVIII в. многие семьи, периодически испытывающие крайнюю нужду, тем не менее владели маятниковыми или карманными часами, но вряд ли карманным глобусом¹¹.

Этот эпизод из истории технических нововведений и пользовательского спроса не только показателен для характеристики ранних этапов развития мужчин и женщин в качестве потребителей, но и актуален применимо к сегодняшним реалиям. Принимая во внимание те нетерпение и восхищение, которыми пронизаны наши усилия понять общество потребления, в котором мы живем, ничего удивительного в том нет, что мы стремимся заглянуть в историю потребления. Есть ли у поведения потребителя своя история? То есть можно ли говорить об упорядоченном развитии желаний потребителя? Были ли в эволюции потребления и потребительского общества поворотные моменты или моменты расхождения?

-
10. E. P. Thompson. "Time, Work-Discipline and Industrial Capitalism". *Past and Present* 38 (1967): 56–97; Paul Glennie. "Consumption within Historical Studies", in Daniel Miller, ed. *Acknowledging Consumption. A Review of New Studies* (London: Routledge, 1995): 174.
 11. Anne McCants. "Petty Debts and Family Networks. The Credit Markets of Widows and Wives in Eighteenth-Century Amsterdam", in Beverly Lemire, et al., eds. *Women and Credit. Researching the Past, Refiguring the Future* (Oxford: Berg Publishers, 2001): 33–50. Привлекательность часовых изделий для малоимущих потребителей вышла за рамки собственно статуса. Карманные часы, особенно в золотом или серебряном корпусе, можно было легко заложить, а ломбард и ссудная лавка были главными финансовыми организациями в экономической жизни рабочего класса крупных европейских городов. См. Laurence Fontaine. "The Circulation of Luxury Goods in Eighteenth-Century Paris. Social Redistribution and an alternative Currency", in Maxine Berg and Elizabeth Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century. Debts, Desires and Delectable Goods* (Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2003): 89–102.

За этими внешне наивными вопросами стоит основная проблема социальных наук — проблема взаимоотношений между свободой воли и наличествующими условиями (*agency-structure problem*). Выступают ли отдельные лица в качестве активных, способных проявлять изобретательность и творческий подход субъектов потребления или же их выбор в значительной, если и вовсе не в полной мере определяется внешними силами? Следует ли нам сосредоточить внимание прежде всего на гипотетическом субъекте, потребителе, или же на социальных, экономических, культурных и политических силах (к коим относятся производители, торговцы, законы, культурные традиции, религиозные верования и т. п.), ограничивающих и направляющих действия потребителя? Исследования истории потребительского поведения, предпринимаемые историками и экономистами, обычно практикуют подход с одной из этих позиций, оставляя мало места для размышлений об истории потребительского поведения, сжатого между хаосом произвольных порывов индивидуума, с одной стороны, и беспощадным напором доминирующих структурных и институциональных сил — с другой.

Историки предрасположены заблуждаться в том, что им под силу дать ответы на фундаментальные вопросы относительно того или иного явления просто путем определения его истоков. Это, как они полагают, дает им возможность наблюдать обнаженные факты в чистом виде, факты, открывающие истинный характер того, что позднее в силу своих закоренелых привычек они прячут под покрывалом таинственности и направляют по хорошо проторенной дорожке. Неоднократные утверждения историков о том, что им удалось обнаружить истоки современной культуры потребления, провозглашаемые в качестве «потребительских революций», которые приходится на пять четко различимых эпох, тянущихся от Ренессанса до периода после Второй мировой войны, нашу задачу не облегчают¹². Историки снова и снова показывают нам чело-

12. См. приложение к данной главе, в котором представлен историографический обзор пяти «потребительских революций».

века западной цивилизации (или в значительной степени его подобие), обитающего в эдеме сложившихся и традиционных потребительских моделей, связанных воедино со всеми аспектами жизни, и живописуют со смесью восхищения и ужаса явление интересующих их объектов дивному новому миру «потребительства»¹³. Потребительские революции, выявленные в период до XIX в., как правило, встречаются не без восхищения. По тем или иным причинам потребители того времени рассматриваются в качестве пионеров-строителей современности: черты героичности видятся даже в их самых обыденных поступках в качестве потребителей. Касательно же последующих периодов рисуемые историками картины полнятся мрачными тонами. Новые потребители гораздо чаще рассматриваются в качестве жертв или же горьких, отчужденных плодов современного общества; даже самым благотворным из их потребительских практик приписываются оттенки мишурности и безвкусицы.

13. По мере возможности термина «потребительство» (консюмеризм) в настоящем исследовании я постараюсь избегать. Употребляют его часто, а вот попыток дать ему определение не так уж много. Питером Стернсом предлагается определение, примечательное главным образом в силу своих недостатков: «Потребительством описывается общество, в котором многие люди частично формулируют свои жизненные цели посредством приобретения товаров, которые, что очевидно, не нужны им ни для выживания, ни для подчеркивания статуса». Peter N. Stearns. *Consumerism in World History. The Global Transformation of Desire* (London: Routledge, 2001): ix. Ненамного дальше помогает нам продвинуться и Стивен Майлз, предлагающий, чтобы «изучение феномена потребительства попыталось принять как должное те сложности, что стоят за актом потребления. В то время как потребление — это акт, потребительство — образ жизни». Данное различие основывается на несложном определении понятия «потребление», которое, как мы в этом еще убедимся, не учитывает должным образом важного различия, которое экономисты делают между приобретением товаров и их конечным потреблением. Учитывая, что акт потребления имеет практическую ценность по целому ряду показателей, включая культурные, проводимое Майлзом различие теряет смысл. Steven Miles. *Consumerism as a Way of Life* (London: Sage, 1998): 4. Для более детальной информации см. Peter N. Stearns. "Stages in Consumerism. Recent Work on the Issues of Periodization", *Journal of Modern History* 69 (1997): 102–117.

Большинство историков долгое время исповедовали подход, основывающийся на четком разделении истинных и ложных потребностей и акцентировании мощных сил — интересов капиталистов-производителей, влиянии задающих моду элит, государственных предписаний, — лишаящих потребителей возможности эти различия заметить. Отход от общепринятого взгляда на социальное толкование феномена потребления привел к формированию вакуума, который в последнее время начало заполнять культурологическое его толкование. Разумеется, число ученых, так и оставшихся в объятиях безжизненных форм устаревших идеологий, по-прежнему велико. Однако бытующее ныне научное мировоззрение склоняется к восхвалению триумфа воли самоформирующегося индивидуума. Поведение потребителя рассматривается в качестве культурного феномена, обладающего широкой, если и вовсе не полной самостоятельностью и оторванного от стесняющих сил экономического и социального характера. Прежде всего потребление — это не экономическое явление; предполагается, что оно выполняет коммуникативные и демонстрационные функции, в которых потребители используют проявления рыночных процессов для «вкладывания своего собственного значения в любой отдельный товар или услугу»¹⁴. Одним словом, в эру постмодернизма «классовая политика, в основе которой лежат вопросы производства, повсюду уступает место политике культурного отождествления, строящегося вокруг потребления»¹⁵.

14. Liisa Uusitalo. "Consumption in Postmodernity. Social Structuration and the Construction of Self", in Marina Bianchi, ed. *The Active Consumer* (London: Routledge, 1998): 227. Особым влиянием для данного направления научной мысли пользуется вдохновленный семиотикой неомарксизм Жана Бодрийяра, утверждающего, что «в капиталистических обществах потребление должно пониматься в качестве процесса, в котором в действительности происходит потребление лишь приписываемых тому или иному товару символов». Colin Campbell. "Consumption The New Wave of Research in the Humanities and Social Sciences", *Journal of Social Behavior and Personality* 6 (1991): 61.

15. Jonathan Clark. *Our Shadowed Present. Modernism, Postmodernism, and History* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2004): 4.

Экономисты всегда с готовностью признают предложение и спрос — производство и потребление — в качестве спаренных сил, формирующих экономику рыночного типа, однако далеко не все из них признают соответствующую побудительную роль в процессе экономического роста. Исследования современного экономического роста неизменно основываются на предположении о решительном продвижении вперед, осуществляемом предложением. Такое продвижение экономисты-историки наблюдают то в технологических изменениях, то в росте объемов капиталов, энергоносителей и сырья, то в новых институтах, делающих возможным более эффективное использование данных производственных факторов. При подобном подходе точка принятия решений почти всегда — это фирма и предприниматель. Во всем этом единственно верным остается лишь то, что, как выразился Адам Смит, «единственная цель и задача всего производства — это потребление»¹⁶. Однако определение Смита ясно дает понять, куда указывает стрелка причинной связи между предложением и спросом: это потребитель реагирует на развивающиеся производственные силы, а не наоборот¹⁷.

Именно в попытках разобраться во взаимоотношениях между предложением и спросом и зародился мой интерес к поведению потребителя. Промышленная революция, двигателем экономического роста которой выступали технологии, то есть предложение, долгое время была тем непреодолимым препятствием, что мешало оглянуться в поисках экономического роста, основанного на других факторах или относящегося к другим периодам. Однако многочисленные свидетельства о возрастании дохода на душу населения в Северо-Западной Европе вкупе с существенными улучшениями

16. Adam Smith. *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations* ([1776] Cannon edition, London: Methuen, 1904; republished, Chicago: University of Chicago Press, 1976), Vol. II, Book IV, Ch. VIII, p. 179.

17. Joel Mokyr. "Demand vs. Supply in the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 37 (1977): 981–1008. «Определения для "когда", "где" и "как скоро" следует искать прежде всего в предложении, а не в процессах, связанных со спросом» (p. 1005).

материальной жизни общества вызывают все больше сомнений в правильности традиционного мнения о том, что точкой отсчета долгосрочного экономического роста явилась именно промышленная революция. Поэтому я стал все больше склоняться к пересмотру роли потребительского спроса в развитии экономики¹⁸.

Моя попытка восстановить потребительский спрос в роли одного из лезвий своеобразных ножниц «предложение-спрос» Альфреда Маршалла привела меня к еще более значимой и при этом более запутанной проблеме¹⁹. Стандартная теория потребления ставит «суверенного» индивидуального потребителя лицом к лицу с рынком и заставляет его вести себя таким образом, что его индивидуальная полезность оказывается максимально независимой от решений других потребителей. Сколь бы несовершенным ни был подобный приоритет внимания к индивидууму, рассматриваемому вне рамок определенного контекста, тот факт, что при данном подходе игнорируются семейные связи индивидуума и его обязательства в историческом прошлом, слишком очевиден и игнорироваться не может. Соответственно подобно тому, как спрос привел меня к потребителю, потребитель привел меня к семье и экономике домохозяйства.

Очень скоро моя задача заключалась уже не просто в том, чтобы приплюсовать спрос к предложению, но и в том, чтобы связать поведение домохозяйства с по-

18. Для ознакомления с подробным освещением проблем, связанных с концепцией современного экономического роста, см. Jan de Vries. "Economic Growth Before and After the Industrial Revolution. A Modest Proposal", in Maarten Prak, ed. *Early Modern Capitalism* (London: Routledge, 2001): 177–194; Jan de Vries and Ad van der Woude. *The First Modern Economy. Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997): 711–722.

19. В своем труде 1890 г. «Принципы экономической науки» ("Principles of Economics") Альфред Маршалл определяет проблематику следующим образом: «Мы можем спорить о том, что именно определяет цену на товар — полезность [спрос] или же себестоимость производства [предложение], с тем же успехом, что и спорить о том, какое именно из лезвий ножниц — верхнее или нижнее — режет бумагу». Книга 5, гл. 3.

ведением рынка. В своих размышлениях об экономике домохозяйства и потребительском спросе в качестве исторических феноменов я руководствовался целым рядом явлений в современной истории и экономике. Если вкратце, то речь идет о следующих из них:

1. *Бунт ранних модернистов.* Три последних десятилетия исследований раннего периода современного европейского сельского хозяйства, урбанизации, протопромышленности и истории демографии и семьи привели меня к сомнениям в верности фундаментальных принципов общераспространенного мнения об отсутствии роста в традиционной экономике. Сегодня иногда допускается тот факт, что существенный экономический рост произошел еще до технологических прорывов промышленной революции, однако динамика процесса экономического роста в предшествующий ей период остается неясной²⁰.
2. *Переоценка макроэкономики Британской промышленной революции.* Согласно бытующему сегодня мнению об общем состоянии британской экономики в период классической промышленной революции — 1760–1830 гг., — показатели роста в указанный период оказались более чем в два раза ниже того, что предполагалось ранее²¹. Подобные, менее впечатляющие показатели экономического роста освещают уже не столь ярким светом традиционные высказывания об относительной важности технологий и возросшего предложения в «запуске» современного экономического

20. Для ознакомления с более полной информацией по данной концепции см. Jan de Vries. "The Industrial Revolution and the Industrious Revolution", *Journal of Economic History* 54 (1994): 251–253.

21. N.F.R. Crafts and C. K. Harley. "Output Growth and the British Industrial Revolution. A Restatement of the Crafts-Harley View", *Economic History Review* 45 (1992): 703–730. Joel Mokyr. "Accounting for the Industrial Revolution", in Roderick Floud and Paul Johnson, eds. *The Cambridge Economic History of Modern Britain Vol. I., Industrialisation, 1700–1860* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004): 4–10. Ранее соответствующее мнение было высказано в следующем издании: Phyllis Deane and W.A. Cole. *British Economic Growth, 1688–1959* (Cambridge: Cambridge University Press, 1967).

роста в указанную эру. Согласно сегодняшнему взгляду на проблематику, контраст эпохи промышленной революции с предшествующими десятилетиями уже не столь велик, а Британия и некоторые соседние регионы и страны оказываются более «богатыми» и развитыми в промышленном плане обществами, чем было принято долгое время считать.

3. *Западноевропейская модель брака*. Эпохальные исследования Кембриджской группы по истории населения и социальной структуры утвердили точку зрения, согласно которой структуры семьи малого типа (родители и несовершеннолетние дети), свойственные современным западноевропейским странам, и их производные вовсе не являются результатом индустриализации, а датируются более ранними периодами. Более того, новаторские статьи Джона Хаджнала помогли заострить внимание на особых характеристиках семьи малого типа, которые также проявились за долгое время до собственно индустриализации и, судя по всему, были свойственны исключительно Западной Европе, оказав значительное, но еще не полностью осознанное влияние на общество и экономику²². Хотя демографическое поведение домохозяйства данного типа и было исследовано достаточно подробно, отличительные черты его экономического поведения по-прежнему остаются открытым вопросом.
4. *Новая экономика домохозяйства*. Новые направления в развитии теории потребления и новые подходы в рассмотрении поведения членов семьи, выдвинутые Гэри Беккером и рядом исследователей, позволили заглянуть в некоторые углы знаменитого «черного ящика» — семьи или домохозяйства, рассматриваемых в качестве экономической единицы. Приоритет вопросу распределения времени позволяет работам

22. John Hajnal. "European Marriage Patterns in Perspective", in D. V. Glass and D. E. C. Eversley, eds. *Population in History. Essays in Historical Demography* (London: Edward Arnold, 1965): 101–143; John Hajnal. "Two Kinds of Preindustrial Household Formation System", *Population and Development Review* 8 (1982): 449–494.

этих исследователей выявить полезную связь между производством и решениями потребителя. Пусть некоторые из данных теоретических трудов и датируются 1960-ми годами, они еще ждут своего применения в соответствующем историческом контексте или требуют дальнейшей доработки, чтобы они учитывали исторические изменения в поведении домохозяйств²³.

Все вместе эти разнообразные исследования представляют собой сырье, из которого можно создать новый подход к истории экономики раннего нового времени, а в действительности пойти и дальше. Этот новый подход задумывается скорее в качестве дополнения, а не замены более ранних толкований рассматриваемого периода. При этом данный подход действительно способен оспорить утверждение о революциях-близнецах — промышленной в Великобритании и политической во Франции — как привратниках современной истории²⁴. Одновременно с этим настоящее исследование направлено на то, чтобы дополнить макроисторические процессы современного экономического роста и формирования государства, доминирующие в большей части теорий о долгосрочных структурных изменениях, третьим, предваряющим их процессом — структурой и поведением домохозяйств²⁵.

23. Gary S. Becker. "A Theory of the Allocation of Time", *The Economic Journal* 75 (1965): 493–517; K. Lancaster. *Modern Consumer theory* (Aldershot: Edward Elgar, 1991); Staffan B. Linder. *The Harried Leisure Class* (New York: Columbia University Press, 1970).

24. Для более подробного ознакомления с утверждением о том, что разница в состоянии экономики перед и после промышленной революции преувеличена, см. de Vries. "Economic Growth Before and After the Industrial Revolution", p. 177–194. Несмотря на то что за последние три десятилетия многие историки стали более открытыми для новых гносеологических и философских подходов, нам приходится ревниво соблюдать периодизацию, которая в силу своего влияния на формирование новых поколений историков представляет собой огромное препятствие для прогресса в рамках дисциплины — если так можно выразиться.

25. Схожий подход, пусть и с отличными от преследуемых настоящей работой целями, свойственен следующей публикации: Mary S. Hartman. *The Household and the Making of History. A Subversive View of the Western Past* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004): 1–5.

Домохозяйство и рынок

Я признаю тот факт, что историку, предлагающему сегодня новую метаисторическую концепцию, к которой прилагается соответствующий «великий нарратив» (пространное описание), требуется прояснить множество вопросов²⁶. И еще больше объяснений требуется в случаях, когда название предлагаемой концепции заимствовано, неточно или несколько заумно²⁷. Именно поэтому передо мной стоит серьезнейшая задача, и мне приходится начинать с испытания терпения читателя размышлениями о «колесиках и винтиках» аналитической структуры настоящего исследования.

26. Один из ведущих выразителей идей постмодернизма, Жан-Франсуа Лиотар, в 1979 г. дал этому непростому для понимания феномену до восхитительности точное и краткое определение: «недоверие к метанарративам». Схожее определение предложено и Джонатаном Кларком: «Постмодернизм — нашедший наибольшее теоретическое выражение вариант неприятия исторических фактов. Подобное неприятие является следствием настроения постмодернизма против того, что воспринимается им в качестве “модернистских” понятий правды и объективности. При этом постмодернизм замещает то, что видится ему в качестве “великих нарративов”, различными локализованными нарративами и изменчивыми определениями». Clark. *Our Shadowed Present*, p. 3. Настоящее исследование посвящено одной из главных тем, находящихся в сфере интересов постмодернизма, — потреблению. При этом автор стремится дополнить рассмотрение проблематики соответствующими историческими фактами.

27. Предлагаемый термин был придуман Акирой Хаями для того, чтобы различать трудоемкий характер промышленного развития Японии и капиталоемкую индустриализацию стран Запада. Впервые я столкнулся с данным термином именно во время своего общения с профессором Хаями. В главе 3 даются сравнение и анализ революций трудолюбия в странах Восточной Азии и Запада.

Для более подробного ознакомления с революцией трудолюбия в странах Восточной Азии и понимания ее связи с концепцией, предлагаемой в настоящем издании, см. Akira Hayami. “A Great Transformation. Social and Economic Change in Sixteenth and Seventeenth Century Japan”, *Bonner Zeitschrift für Japanologie* 8 (1986): 3–13; Osamu Saito. “Population and the Peasant Family Economy in Proto-Industrial Japan”, *Journal of Family History* 8 (1983): 30–54; Eiji Takemura. *The Perception of Work in Tokugawa Japan* (New York: University Press of America, 1997).

Ключевые утверждения моей аргументации касаются *домохозяйства* (обычно семьи или другой единицы, в качестве центрального элемента которой выступает семья) и *условий взаимодействия между домохозяйствами и рыночной экономикой*²⁸. Домохозяйство, в основе которого лежит семья, выполняет функции воспроизводства, производства, потребления и перераспределения ресурсов среди своих членов, а также функцию передачи материальных ценностей последующим поколениям. Все эти функции взаимосвязаны; ими учитываются интересы отдельных лиц, статусы которых неравны, что существенно осложняет принятие решений в рамках домохозяйства. В настоящей книге основное внимание уделено решениям, связанным с вопросами

28. Семья, рассматриваемая в качестве биологической или социальной единицы, основывается на родстве. Для целей данного исследования под семьей, как правило, понимается семья малого типа — состоящая в браке пара плюс дети. В основе определения экономической единицы, известной как домохозяйство, обычно лежит факт совместного проживания и процесс принятия решений, направленный на определенную степень координации в производстве и внутреннем перераспределении ресурсов. Чаще всего данное понятие соотносится с семьей плюс — для ситуации начального периода современной истории — с возможной прислугой и подмастерьями. Однако данному понятию свойственны и финансовые связи (реализуемые через пересылку заработанных средств и посредством прочих операций) между семьей и не проживающими в ней членами, например мигрантами, поступившими на службу в сторонние домохозяйства, а также финансовые связи в виде переводов денежных средств живущим вне стен домохозяйства родителям и прочим родственникам. Понятие домохозяйства как долгосрочной структуры для объединения дохода более широко по сравнению с понятием домохозяйства, определяемого как совместность проживания, и это имеет особое значение для вопросов настоящего исследования в силу того, что возрастание числа претендентов на совместный доход домохозяйства ведет к ограничению возможностей в принятии потребительских решений. Michiel Baud. "Huishouden, gezin en familienetwerk", in Baud and Engelen, eds. *Samen wonen, samen werken?* (Hilversum: Verloren, 1994): 13–20; Peter Laslett. "Family and Household as Work Group and Kin Group. Areas of Traditional Europe Compared", in Richard Wall, J. Robin, and Peter Laslett, eds. *Family Forms in Historic Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983): 513–563.

производства и потребления. Я постараюсь ясно показать, что на уровне домохозяйства подобные решения самым непосредственным образом связаны друг с другом. Соответственно при изучении экономики домохозяйства можно отбросить вопрос о первенстве курицы и яйца (в нашем случае — предложения и спроса), сосредоточившись вместо этого на едином наборе решений, затрагивающем одновременно и предложение, и спрос. При этом мною высказывается следующее утверждение исторического характера: Северо-Западная Европа и британская Северная Америка пережили в период «долгого» XVIII в. (приблизительно в 1650–1850 гг.) «революцию трудолюбия», в рамках которой все возрастающее число домохозяйств перераспределяли свои производственные ресурсы (в роли которых выступало главным образом время членов семьи) таким образом, что это вело *как* к росту предложения ориентированных на рынок и получение дохода видов деятельности, *так и* к росту спроса на предлагаемые рынком товары. Усиление производственной специализации в рамках домохозяйства ведет к расширению потребительского выбора в рамках рынка.

Настоящее исследование рассматривает *взаимодействие* рыночной экономики и домохозяйства, в основе которого лежит семья. Таким образом, моя первая задача состоит в том, чтобы обосновать правильность использования термина «взаимодействие». Для экономиста первый вопрос был бы следующим: поддается ли поведение домохозяйства достаточному объяснению с точки зрения традиционных коммерческих стимулов, таких как изменения в относительных ценах и реальных зарплатах (например, доходов и эффекта замещения)? Если поддается, то нам следовало бы вести речь лишь о «влиянии» рынка *на* домохозяйство. Социально-исторический подход к проблематике позволил бы наделить домохозяйство отдаленного во времени прошлого большей степенью экономической самостоятельности. Однако доминирующие модели социальных наук сосредоточены на рассмотрении последовательного «опустошения» экономической сущности домохозяйства, происходящего по мере того как расшире-

ние рынка поначалу лишает домохозяйство самостоятельности, а потом и его производственной роли. «Экономика семьи» эволюционирует в «экономику, основанную на семейном доходе», пока домохозяйства не принимают свою нынешнюю форму «семейной потребительской экономики». Эта популярная типология линейного развития была предложена Луизой Тилли и Джоан Скотт и схожа со многими другими попытками связать те формы, которые принимала структура семьи, с экономическим развитием²⁹.

Данная типология (к которой мы еще вернемся в главе 2) вдохновляется структурным функционализмом Парсонса, основанном на предположении о том, что структура семьи со временем изменяется, чтобы соответствовать функциональной роли, которой требуют от нее социальные изменения. В качестве наиболее важного из социальных изменений, связанных с индустриализацией, считается появление структур, не основанных на родственных связях, таких как государство, школы, коммерческие организации, программы страхования и профсоюзы. Все эти институты отбирают у семьи те или иные функции. В конце концов, индустриальное общество оставляет семье лишь две из них: (возможно) социализацию детей и установление частной зоны отношений эмоционального порядка, своеобразного «прибежища посреди бессердечного мира». В роли структурного изменения, ассоциирующегося с подобным радикальным упрощением функций семьи, выступает преобразование сложных, расширенных форм семьи в «выхоленную» семью малого типа, свойственную урбанизированному и индустриальному обществу.

То, что подобная теоретическая система была принята историками, не обошлось без последствий. Ричард

29. Louise Tilly and Joan Scott. *Women, Work and Family* (New York: Holt, Rinehart & Winston, 1978; revised ed. London: Methuen, 1987). См. также Talcot Parsons. "The American Family. Its Relations to Personality and the Social Structure", in Talcot Parsons and Robert F. Bales. *Family, Socialization and Interaction Process* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1955): 9; Niel Smelser. *Social Change in the Industrial Revolution. An Application of Theory to the Lancashire Cotton Industry, 1740-1840* (London: Routledge & Kegan Paul, 1959).

Дж. Эванс дает следующее краткое определение данному феномену: «За отнесением [семьи] к оторванной от общества частной сфере последовало ее изъятие из истории, понимаемой в более широком смысле, и отнесение к деполитизированной истории частной жизни»³⁰.

Настоящее исследование обходится без структурного функционализма как такового в его расширенном толковании, настаивая при этом на том факте, что домохозяйства обладают существенно большей самостоятельностью (в силу своей большей функциональности?) по сравнению с той степенью самостоятельности, которой наделяют их эти теории. В настоящей работе подчеркивается степень свободы, которой обладают домохозяйства при выборе возможностей, предоставляемых эволюционирующими обществом и экономикой, а не отсутствие подобного выбора. Именно так зачастую и проводится различие между экономикой и социологией. Насколько же оно справедливо — это другой вопрос³¹.

Еще одна широко распространенная точка зрения, против которой возражает автор настоящего исследо-

30. Richard J. Evans. "Politics and the Family. Social Democracy and the Working-Class Family in Theory and Practice Before 1914", in Richard J. Evans and W. Robert Lee, eds. *The German Family. Essays on the Social History of the Family in Nineteenth- and Twentieth-Century Germany* (London: Croom Helm, 1981): 256.

31. Автором уже ставшей притчей во языцех остротой о том, что «экономика — это наука о выборе, который делает человек, а социология — наука об отсутствии у него какого-либо выбора», судя по всему, является экономист Джеймс Дьюзенберри. Настоящее исследование пытается откорректировать не только активно разрабатываемую экономистами, но при этом в недостаточной мере принимающую во внимание социальные факторы концепцию о самостоятельном, способном принимать оптимальные решения потребителе, но и чрезмерно сфокусированную на социальных факторах позицию социологов, которая ставит под сомнение утверждение о том, что домохозяйствам может быть свойственно стратегическое поведение, поскольку они, как предполагается, зажаты в жестких тисках норм и структур. Для ознакомления с данной проблематикой см. Michael Anderson, Frank Berchhofer, and Jonathan Gershuny. "Introduction", in Anderson, Berchhofer, and Gershuny, eds. *The Social and Political Economy of the Household* (Oxford: Oxford University Press, 1994): 1–16.

вания, тесным образом связана с функциональной моделью структуры семьи и заключается в том, что семья — это хранилище устаревших ценностей или даже больше — последнее пристанище всевозможных пережитков прошлого. Семья якобы противится насущным функциональным требованиям, налагаемым на нее идущим путем индустриализации обществом; при этом она пытается воспользоваться изменениями в экономике для защиты своих все в большей и большей степени превращающихся в анахронизмы ценностей. Однако это совершенно безнадежное занятие, в котором члены семьи, чаще женского пола, пытаются примирить непримиримое. Со временем функционализм все же одерживает верх, а защитные действия семьи оказываются проявлениями «культурных пережитков». Семья оказывается заложницей того, чему немецкие ученые дали название “gleichzeitige Ungleichzeitigkeit” («синхронный анахронизм»)³².

Подобная концепция пережитков сильно противоречит концепции трудолюбивого потребительства: получается, что семья скорее оглядывается назад, чем смотрит вперед, используя свои экономические ресурсы для защиты привычного образа жизни, а не для достижения новых целей. В любом обществе есть определенное число домохозяйств, которые выбирают и защищают «образ жизни», который требует сознательного противодействия изменениям, однако настоящим исследованием такие действия в качестве «культурных пережитков» не рассматриваются, а само подобное поведение не предполагается в качестве типичного.

32. Наиболее четкое свое воплощение применительно к истории семьи данная концепция нашла в теории Ганса Медикка, касающейся экономики семьи протопромышленной эпохи. Домохозяйства, пытавшиеся сохранить формы крестьянского общества в условиях рыночной экономики, являлись «частью длительного периода истории, последовавшего за исчезновением крестьянского общества, в той же мере, что протопромышленная экономика семьи являлась частью периода истории, предвещающего промышленный капитализм». Hans Medick. “The Proto-industrial Family Economy. The Structural Function of Household and Family During the Transition from Peasant Society to Industrial Capitalism”, *Social History* 1 (1976): 293, 310.

Заключительный вопрос состоит в следующем: можно ли вести речь о существовании какой-либо семьи вообще в конце процесса исторических изменений? Дело в том, что целая когорта социологических теорий, странным образом привлекательных как для людей, проповедующих левые, так и правые взгляды, рассматривает рациональность капиталистического рынка в качестве силы, разрушающей некапиталистический институт семьи путем ослабления уз, связывающих ее членов посредством своих последних, еще остающихся у нее функций³³. В своем влиятельном труде «Капита-

33. Для ознакомления с социологическим анализом вопроса см. David Popenoe. *Disturbing the Nest. Family Change and Decline in Modern Societies* (New York: A. de Gruyter, 1988); см. также работу политолога Джеймса К. Уилсона: James Q. Wilson. *The Marriage Problem. How Our Culture Has Weakened Families* (New York: HarperCollins, 2002); для ознакомления с точкой зрения экономистов см. Shirley P. Burggraf. *The Feminine Economy and Economic Man. Reviving the Role of Family in the Post-Industrial Age* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1997). Главное утверждение Бюргграф (р. 2) заключается в следующем: «Снижение внимания к нашему первичному социальному институту [семье] быстро ведет нашу культуру к критической точке социальной эволюции и создает беспрецедентные проблемы для социальной и экономической политики».

Для ознакомления с марксистским толкованием вопроса см. Claude Meillassoux. *Maidens, Meal and Money. Capitalism and the Domestic Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981). Мейассу утверждает, что капиталистам должно быть выгодно сохранение нерыночного характера домохозяйств, поскольку такие домохозяйства—это территория дешевого воспроизведения рабочей силы, позволяющая осуществлять ее «суперэксплуатацию»: «Таким образом, в функции своего воспроизведения капиталистический способ производства зависит от чуждого ему института, который он тем не менее поддерживал в качестве наиболее адаптированного к выполнению данной функции, а также наиболее рачительного, благодаря его способности использовать неоплачиваемый, в частности женский, труд, и эксплуатировал эмоциональную привязанность, все еще преобладающую в отношениях между родителями и детьми» (р. 142). Однако далее Мейассу описывает безжалостную логику исторического развития капитализма, ускоряющую эмансипацию молодежи (лучше всего годящейся для трудовой эксплуатации) и освобождающую женщин от семьи (в целях компенсации затрат на их обучение посредством их вывода на рынок труда). «Однако логика развития капитализма содер-

лизм, социализм и демократия» Йозеф Шумпетер вводит понятие «распад семьи», утверждая, что та же логика, что ведет к упадку власти церковных и светских властителей, этим не довольствуется и идет дальше, оспаривая домашнюю роль жены и подчиненное положение детей. Распад семьи является частью более широкой тенденции, свойственной динамике капитализма: «Разломав общественную структуру предшествующего ему периода, капитализм смёл не только препятствия, мешающие его продвижению, но и подпорки, удерживавшие его от собственного коллапса»³⁴.

Если исходить из данной точки зрения, то выходит, что современный феминизм с его требованиями об отмене любых все еще действующих законов, социальных обязательств и традиций, ограничивающих участие женщин в качестве ничем не обремененных индивидумов в социальной и экономической жизни, стремится к тому, чтобы выхолостить в рыночной экономике остатки субстанции, известной как «семья». Ликвидируя последний значимый институт докапиталистической эры,

жит в самой себе противоречие, поскольку, ликвидируя все остатки свободы, капитализм изменяет саму природу производственных отношений. С исчезновением семьи могут исчезнуть и связующие нити личного подчинения, однако исчезнет и «свободный трудящийся», который, будучи освобожденным от одного набора оков (семья), попадает в состояние полной отчужденности по отношению к своему работодателю». И здесь тон его рассуждений резко меняется: «На фоне подобных угроз семья все больше рассматривается — благодаря небольшому числу эмоциональных взаимосвязей, все еще сохраняющихся в ней — в качестве одного из последних бастионов свободы. Бастион этот, однако, весьма хрупок, поскольку ничто более не обещает, что он будет в состоянии выстоять подтачивающее его влияние денежных отношений; и в этом мы можем видеть всю меру угрозы тоталитаризма, которую несет в себе капитализм» (р. 144).

34. Joseph Schumpeter. *Capitalism, Socialism and Democracy* (New York: Harper & Row, 1941), Ch. 14, p. 139. Общая тема — о том, что капитализм зависит от мира морали, который ему предначертано уничтожить — подробным образом освещена в следующем издании: Krishan Kumar. "Pre-capitalist and Noncapitalist Factors in the Development of Capitalism. Fred Kirsch and Joseph Schumpeter", in Adrian Ellis and Krishan Kumar, eds. *Dilemmas of Liberal Democracies* (London: Tavistock Publications, 1983): 148–173.

феминизм занимает место, отданное Лениным империализму как «высшей стадии капитализма». Подобные выводы уводят нас далеко за пределы XVIII в., однако если характер домохозяйства, в основе которого лежит семья, определяется исключительно силами, воздействующими на него извне — рынком, рациональностью капитализма и государством, — то значимость подхода, который я желал бы выработать в рамках настоящего исследования, сильно снижается.

Моя позиция по данным спорам такова: семья в западной цивилизации представляет собой достаточно живучую и самостоятельную, но при этом и достаточно слабую единицу для того, чтобы оправдать использование термина «взаимодействие» для описания ее отношений с рыночной экономикой. Вместо «субстанционалистского» понимания домохозяйства, рассматриваемого в качестве цельной единицы — *das ganze Haus* в немецкой традиции, — я предпочитаю видеть в нем точку реализации союзов между супругами и подразумеваемых договорных обязательств между родителями и детьми³⁵. Рынок бросает на данную единицу свою тень, в буквальном смысле теневые цены³⁶, чем влияет на поведение его членов. Однако внутрисемейные союзы обычно достаточно гибки, чтобы позволить семье применять соответствующие стратегии адаптации и подбирать общие потребительские цели.

Кроме того, относительно хрупкую структуру семьи малого типа Северо-Западной Европы не стоит истолковывать в качестве функционалистского продукта урбанизации и индустриализации XIX и XX столетий. «Несостоятельность тесной взаимосвязи между домо-

35. David Sabeau. *Property, Production, and Family in Neckerhausen*, 1700–1870 (Cambridge: Cambridge University Press, 1990): 97–98.

36. «Теневая цена» — это вмененная стоимость товара или услуги в отсутствие обычной цены, определяемой рынком. Установление условной цены позволяет рассчитать наиболее вероятную цену товара или услуги в условиях существования нормального рынка. Подобные расчеты, как правило, основываются на альтернативных издержках факторов производства рассматриваемого товара или услуги, то есть при отказе от альтернативных видов их производства.

хозяйством, основанном на семье расширенного типа, и доиндустриальной Европой была продемонстрирована» целым поколением историков-демографов и историков, занимающихся проблемами семьи³⁷. Структуры семьи малого типа существовали во многих странах Западной Европы за сотни лет до индустриализации. Более того, в настоящей работе мною выдвигается утверждение о том, что именно эти слабые семьи малого типа обладали наибольшей способностью стратегического реагирования на благоприятные возможности, предоставляемые рынком, чем семьи более жесткой и сложной структуры в большинстве прочих регионов мира.

Домохозяйство Западной Европы преимущественно было компактным, как правило, вмещааясь в рамки семьи малого типа. Подобная социальная единица была крайне уязвима перед возможностью распада или исчезновения. И даже в случае отсутствия событий катастрофического характера внутренняя сплоченность данной единицы неоднократно подвергалась значительному давлению на протяжении жизненного цикла семьи. В то время как расширенные семьи в случае трудностей могли обращаться за помощью к родственникам, западная семья, начиная с эпохи Средних веков, чаще обращалась за содействием к внешним институтам, особенно к Церкви и общине³⁸. По утверждениям Макса Вебера, христианская церковь выступала за верховенство индивидуальной души над притязаниями биологических уз, что помогло развеять миф о сакральности семьи и генеалогических связей. Практическим следствием данного подхода стало пестование, особенно

37. Angélique Janssens. *Family and Social Change. The Household as a Process in an Industrializing Community* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993): 18. Указанная позиция самым тесным образом переплетается со следующими авторитетными публикациями Кембриджской группы: Peter Laslett and Richard Wall, eds. *Household and Family in Past Time* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972); Richard Wall, ed. *Family Form in Historic Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).

38. Katherine A. Lynch. *Individuals, Families, and Communities in Western Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003): 66, 103–135.

в городах Западной Европы, популярного христианского вероучения, «основанного на общинных моделях и институционализированных подобщинных структурах, которые бросили вызов гегемонии кровных уз и происхождения в западном обществе»³⁹.

Свойственная Западной Европе нуклеарная семья формировалась посредством брака между мужчиной и женщиной, которые при вступлении в него переселялись в отдельное жилье, основывая таким образом новое домохозяйство. То есть молодожены не присоединялись к домохозяйствам своих родителей или ближайших родственников, а формировали новую экономическую единицу. Средний возраст вступающих в брак был достаточно высок, особенно это касалось невест (их возраст составлял от 20 до 30 лет). Вследствие экономических трудностей, связанных с формированием нового, жизнеспособного домохозяйства, значительное число мужчин и женщин (10–20%) так никогда и не вступали в брак. Несмотря на поздний возраст вступления в брак, большинство детей покидали отчий дом еще в подростковом возрасте (в 15–18 лет), работая и живя до момента вступления в брак в качестве прислуги в домохозяйствах посторонних людей. Данные характеристики, определяющие «европейскую модель брака», проявляют себя, по крайней мере, уже в Позднем Средневековье, оставаясь актуальными и сегодня и являя собой уникальную черту Западной Европы⁴⁰. В большинстве же цивилизаций мира брак отличался и отличается от западноевропейского следующими особенностями: институтом брака охвачено почти все население, в него вступают в раннем возрасте, а сами браки являются договорными. Женщина покидает родительский дом только для того, чтобы перебраться в дом мужа или, что происходит чаще, в дом родителей мужа. При этом типична ситуация, когда мужчина от родителей не переселяется никогда.

Исследования и обсуждения значимости европейской модели брака (European Marriage Pattern, EMP) ведутся

39. Katherine A. Lynch. Op. cit., p. 22.

40. Hajnal. "European Marriage Pattern".

с самого момента ее полного признания, пришедшегося на 1960-е гг. Прежде всего были оценены демографические последствия данной модели: поздний брак и неполный охват населения могут ограничивать его воспроизводство, а потребность в формировании самостоятельных домохозяйств может делать брак зависимым от экономических условий. Нуклеарная семья рассматривалась в качестве субъекта, осуществляющего планирование и расчеты экономического характера⁴¹. Кроме того, предполагалось, что европейская модель брака ведет к формированию особой, более индивидуалистичной личности, и, как следствие, создаются условия социализации детей и относительной свободы в период работы прислугой и во время этапа досвадебных ухаживаний⁴². Влияние европейской модели брака на отношения между полами также было исследовано, особенно применительно к схожести жизненного уклада мужчин и женщин и вероятности, что женщина встанет во главе семьи (вследствие хрупкости семьи малого типа)⁴³. И наконец, мы приходим к экономической значимости европейской модели брака. Согласно главному из имеющихся на сегодняшний день утверждений, поздний брак и работа прислугой и подмастерьями предоставляли молодежи, особенно женщинам, возможность сделать накопления, которые они могли привнести во вновь образуемое домохозяйство. Обеспечивало ли это домохозяйства рядовых европейцев большим капиталом или более богатой материальной культурой по сравнению с домохозяйствами других регионов мира? Джон Хайнал уверен, что именно так оно и было:

Согласно традициям европейской модели, прежде чем вступить в брак, человек обычно проживал несколько лет взрослой жизни вне его рамок; и этот период был

41. Данное утверждение в наиболее полном и убедительном виде представлено в следующей работе: E. A. Wrigley and R. S. Schofield. *The Population History of England, 1541-1871. A Reconstruction* (London: Edward Arnold, 1981): 454-484.

42. Peter Laslett. *Family Life and Illicit Love in Earlier Generations* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977).

43. Hartman. *The Household and the Making of History*, p. 34-69.

значительно более продолжительным, чем в неевропейских странах, — особенно это касалось женщин. Это был период максимальной производительности, свободный от обязательств по уходу и воспитанию детей, период, в течение которого сделать накопления было совсем несложно. Накопления эти (к примеру, накопление домашней утвари в период подготовки к браку) способны значительно поднять спрос на товары, не относящиеся к категории жизненно необходимых, таких как продукты питания, и так далее... Когда поздний брак является нормой, общий объем порожденного спроса может быть гораздо выше, чем в случаях, когда он проистекает от немногочисленного класса зажиточных семей среди населения, уровень доходов которого соответствует прожиточному минимуму. Способен ли данный эффект, который был свойственен исключительно Европе, помочь объяснить то, каким именно образом закладывались основы для свойственного исключительно Европе «прыжка» в современный экономический рост?⁴⁴

В рамках европейской модели брака «расценки» на вступление в него были крайне высоки, поскольку перед кандидатами стояло обязательство накопления капитала для жизнеспособного, самостоятельного домохозяйства. Каких-либо исследований, касающихся предположений Хайнала об экономическом эффекте вынужденных накоплений в период проживания в чужом доме в качестве прислуги, пока не предпринималось, однако, как мы убедимся в главе 4, *расходы* прислуги привлекли внимание историков, занимающихся вопросами моды и подражательного поведения.

Большинство сделанных с учетом европейской модели брака предположений полагаются на точку зрения, согласно которой семьи нуклеарного типа способствуют развитию индивидуализма, а индивидуализм, в свою очередь, питает капитализм и экономическое развитие⁴⁵. В центре же внимания настоящего исследования не ин-

44. Hajnal. "European Marriage Patterns in Perspective", p. 132.

45. Именно это утверждение, сформулированное с элегантностью и определенной англоцентричной самоуверенностью, лежит в основе следующих работ: Alan Macfarlane. *The origins of English Individualism* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978) и *The Culture of Capitalism* (Oxford: Basil Blackwell, 1987).

дивидуум, а домохозяйство, в рамках которого индивидуум принимает решения. Оказались ли нуклеарные домохозяйства — маленькие, гибкие и самостоятельные — единственно благоприятными условиями для новаторских изменений в поведении потребителя? Распространялись ли элементы планирования и расчетов, характерные для поведения демографической природы, и на решения экономического характера? Сложная структура семьи сильно ограничивает и затрудняет принятие потребительских решений. На наличные средства имеется слишком большое число претендентов как в рамках самого домохозяйства, так и среди более широкой сети родственников. Сложные домохозяйства отличаются «силой» в том смысле, что обладают большими возможностями противостоять неблагоприятным ситуациям по сравнению с домохозяйствами малого типа. Однако способность противостоять подобным ситуациям имеет свою цену — большую жесткость правил и обычаев, которыми приходится руководствоваться при выделении экономических ресурсов⁴⁶. Кроме того,

46. На Западе, где домохозяйства были в меньшей степени привязаны к более широким группам родственников, «функцию солидарности и противодействия рискам в рамках широких групп родственников в определенной мере выполнялась общиной. Большая зависимость от соседей, организаций, подобных гильдиям и корпорациям (особенно в городах), или общинных благотворительных фондов — фундаментальная особенность западноевропейской системы». Ronald Lesthaeghe. "On the Social Control of Human Reproduction", *Population and Development Review* 6 (1980): 531.

Собственно, внутри западного региона Европы можно провести дальнейшее различие между ситуациями в северо-западной и южной ее частях. Давидом Ретером отмечается, что в обществах средиземноморского региона дети жили с родителями до вступления в брак, в то время как в Северной Европе их обычно отдавали в прислугу уже в среднем подростковом возрасте. Подобным же образом «в обществах средиземноморского региона значительная часть помощи испытывающим нужду членам общества оказывалась членами семьи или посредством актов милосердия со стороны отдельных граждан, в то время как в обществах Северной Европы она оказывалась посредством государственных и частных институтов». David Sven Reher. "Family Ties in Western Europe. Persistent Contrasts", *Population and Development Review* 24 (1998): 209.

многие мужчины и женщины, живущие в домохозяйствах сложного типа, не имеют на протяжении многих и многих лет полной самостоятельности в принятии решений, касающихся их домохозяйств, а иногда и на протяжении всей жизни, поскольку принятие решений остается за более авторитетными членами домохозяйственной единицы⁴⁷. Принимая во внимание сложность процесса принятия решений и потенциальные притязания даже отдаленных членов семьи на дополнительные доходы домохозяйства, можно говорить о том, что клаустрофобные узы расширенной семьи должны ограничивать и подавлять новые формы потребительского поведения. Для целей настоящего исследования подобное

Нас здесь интересует вопрос о том, как именно потребности родственников влияют на потребительский выбор семьи и перераспределение дохода между членами семьи нуклеарного типа. Нуклеарные семьи севера Европы предрасположены к тому, чтобы направлять свои средства на приобретение потребительских товаров в большей мере, чем семьи, описываемые Регером.

47. Я предлагаю читателю убедиться в этом на основе опросов 800 недавно вышедших замуж женщин, живших в Северной Италии в период между 1880 и 1910 гг. На вопрос, кто именно принимал решения относительно покупки их одежды в первые два года их замужества, супруги служащих ответили, что решения принимались ими самостоятельно (30%) или после обсуждения вопроса с супругом (59%). Среди жен испольщиков лишь 6% респонденток заявили, что принимали решения самостоятельно, а еще 22% — что принимали их совместно с супругом. При этом 50% заявили, что данные решения принимались кем-то из родителей мужа либо обоими родителями. Эти данные указывают на наличие структуры домохозяйства, неблагоприятной для зарождения революции трудолюбия. Raffaella Sarti. *Europe at Home. Family and Material Culture, 1500–1800* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2002): 218.

Даже у семей, явным образом относящихся к нуклеарному типу, были значительные обязательства по отношению к (не проживающим вместе с ними) родственникам. Согласно Хагену, у глав крестьянских домохозяйств Бранденбурга XVIII в. были обязательства поддерживать престарелых членов семьи, а посредством части приданого — тех из братьев и сестер, которым наследства не полагалось. Стратегия домохозяйства чаще заключалась в воспроизводстве, а не накоплении. William Hagen. "Peasant Fortunes. Standards of Living in the Eighteenth-Century Brandenburg Countryside" (unpublished, University of California at Davis, 1987).

отличие от нуклеарного домохозяйства значимо. Хотя историческое развитие европейской модели брака и неспособно пролить достаточно света на *временные* границы революции трудолюбия, вполне возможно, что данная модель оказала влияние и на определение ее *географических* рамок.

Говорить о географических рамках революции трудолюбия со всей определенностью не представляется возможным. Частично это обусловлено ограниченностью географических свидетельств, а частично — способностью высоко урбанизированных районов, даже оторванных от головных территорий, проявлять, по крайней мере, некоторые черты потребительского поведения, интересующего нас в связи с настоящим исследованием. Базовые элементы европейской модели брака могли встречаться и в Восточной Европе, вплоть до линии, которая, по определению Хайнала, тянется от Санкт-Петербурга до Триеста, однако большая часть этой обширной территории находилась вне влияния интересующих нас особенностей потребительского поведения. Причиной тому являются ограничения, накладываемые корпоративным и институциональным контролем за принятием решений домохозяйствами, и/или недостаточная развитость сети городов, мешающая зарождению и распространению новых потребительских обычаев. Но именно в Северо-Западной Европе, где соответствующие элементы — семьи малого типа, развитая сеть городов и рыночные институты — были представлены в наиболее полной мере, революция трудолюбия и могла произойти⁴⁸.

48. Особенности корпоративного контроля за поведением домохозяйств в странах Центральной Европы подробно описаны в следующей публикации: Sheilagh C. Ogilvie. *A Bitter Living. Women, Markets, and Social Capital in Early Modern Germany* (Oxford: Oxford University Press, 2003). Для ознакомления с более подробным исследованием «границ» новых потребительских обычаев см. новаторский труд Зандгрубера, посвященный поведению потребителей в австрийских землях. Зандгрубер определяет указанные земли как часть южного германо-австрийского культурного региона, «который в XVIII и XIX вв. противился нововведениям». Такие потребительские нововведения, как «кофе, картофель, сахар, белый хлеб [butterbrot],

Подводя итог сказанному, следует отметить, что западноевропейская семья долгое время оставалась «слабой». Ей были присущи и все еще присущи черты как общественного, так и частного характера; члены семьи принимали участие в общественной жизни в качестве отдельных индивидуумов и были самостоятельны в выборе действий в ответ на меняющиеся условия рынка и в зависимости от потребительских желаний членов семьи⁴⁹. Она была и по-прежнему остается активной движущей силой истории. Это не та модель домохозяйства, что развивается линейным образом от автаркического патриархального уклада былых времен, проходя через поэтизированную, автономную семью, воспетую прошлым поколением специалистов по социальной истории, к рудиментарной, выпотрошенной семье, вызывающей сегодня так много обеспокоенности⁵⁰.

бренди или новое расписание приема пищи, были в крестьянской среде малоизвестны или неизвестны вовсе, за исключением Wiener Umland [прилегающих к Вене территорий] и, возможно, Форарльберга». Зандгрубер отмечает, что в то время, как в Северной Германии уклады жизни [Lebenformen] городских и сельских жителей постепенно сближались, на юге сохранялось их четкое различие, а сами они менялись крайне медленно. Sandgruber. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft*, p. 242.

49. Lynch. *Individuals, Families and Communities in Europe*, p. 12–14; Peter Laslett. "Family, Kinship and Collectivity as Systems of Support in Pre-Industrial Europe. A Consideration of the Nuclear-hardship Hypothesis", *Continuity and Change* 3 (1988): 153–175; Michael Anderson. *Family Structure in Nineteenth-Century Lancashire* (Cambridge: Cambridge University Press, 1971): 170–179.

50. Еще одно подтверждение подобной точки зрения можно найти в следующей работе: Pat Hudson and W. R. Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy in Historical Perspective* (Manchester: Manchester University Press, 1990). Во вступительной части авторы подвергают критике «как пессимистичные, так и оптимистичные толкования вопроса... которые подпадают под чрезмерное влияние функционалистского и детерминистского в экономическом плане подхода, находящего в экономикe семьи и внутрисемейных отношениях пассивные и зависимые величины процесса изменений» (p. 20). Далее авторы утверждают, что «трудовая занятость женщин, экономика семьи и стратегия семьи реагируют на экономические изменения не только пассивным образом, но и упреждающе, что само по себе вносит определенный вклад в материальные и идеологические результаты экономического развития» (p. 34). Их подход к данному воп-

Теория потребления

До сих пор я утверждал, что домохозяйство обладает достаточной целостностью, чтобы создать экономическую единицу, способную взаимодействовать с рынком, а не просто отражать его процессы и уступать его требованиям. Какие именно формы данное взаимодействие принимает по мере развития и изменений рыночной экономики? И в особенности как именно домохозяйство прокладывает путь развития в качестве потребителя?

Мы можем начать со стандартной теории потребления, хотя она и основана на наборе малообещающих предположений, сужающих изучение проблемы потребления к небольшому ряду краткосрочных вопросов. Во-первых, в центре внимания теории потребления стоит индивидуум, а не домохозяйство. При этом понимается, что индивидуум обладает абсолютной самостоятельностью, а его предпочтения остаются неизменными. То есть индивидуум знает, чего хочет независимо от экономической системы. В этом смысле потребитель рассматривается как «суверен». Предполагается, что суверенный потребитель с определенным доходом обладает отличным знанием всех доступных товаров и цен на них и способен добиваться максимума полезности без усилий и лишних затрат. Один из популярных учебников формулирует это следующим образом: «Экономическая теория потребления весьма проста. Экономисты предполагают, что потребители выбирают оптимальный набор товаров, который могут себе позволить». То же в более формальной формулировке: «Потребители выбирают наиболее привлекательный для них набор товаров, исходя из своего бюджетного множества»⁵¹.

росу существенно отличается от моего. Авторы исследования подчеркивают различия в поведении в зависимости от места проживания, занятости, образа жизни и пола, однако главным является их игнорирование влияния на поведение родственной и функциональной составляющих семьи.

51. Hal R. Varian. *Intermediate Microeconomics. A Modern Approach* (New York: W. W. Norton, sixth ed. 2003): 20, 73.

Используемые в данных цитатах термины «оптимальный» и «наиболее привлекательный» отсылают к задаче потребителя по максимизации «полезности». Однако «полезность» — термин, способный ввести в заблуждение. Термин слишком узко описывает понятие удовлетворения потребителя, когда в центре находятся объективные качества товаров — их полезность. Однако термин предполагает и субъективные качества, включая ожидание радости, испытываемое при планировании покупки. Это мера интенсивности желания. Вследствие метафизической природы данной концепции и невозможности ее эмпирического наблюдения экономисты, начиная с Вильфредо Парето и заканчивая Полом Самуэльсоном, пытаются подменить ее чем-то более конкретным⁵². Парето сделал выбор в пользу «чистого и голого факта выбора». А Самуэльсон позднее назовет это явление «выявленным предпочтением» потребителей, которое представляет собой выстраивание «голыми фактами выбора» кривых безразличия, определяющих «воображаемую границу между тем, что предпочитаемо, и тем, что нет». В соответствии с вышесказанным то, что по-прежнему называется «полезностью», — это просто то, к чему потребители выказывают предпочтение посредством своих действий, — понятие, преобразованное из первоначально *главного* в абсолютно *рядовое*. Цена подобного изменения подхода, как отмечает Мария Бьянки, заключается в том, что «мотивация потребителя или стимул к действию неизвестны и не могут быть познаны. Поскольку выбор рынка указывает на то, что предпочтения представляют собой главные, неразложимые на составные части и обязательные элементы действия, получается, что то, ради чего добиваются максимума полезности, более неизвестно, не может быть известно и даже не имеет значения»⁵³.

52. Vilfredo Pareto. *Manuel d'économie politique*, second ed. (Paris: Giard, 1927); Paul Samuelson. "A Note on the Pure Theory of Consumer's Preference", *Economica* 5 (1938): 61–71; Fabio Ranchetti. "Choice Without Utility?" in Bianchi, ed. *The Active Consumer*, p. 28–30.

53. Maria Bianchi. "Introduction", in Bianchi, ed. *The Active Consumer*, p. 8.

Как следствие, неслучайно, что применение подобной теории, приравнивающей концепцию спроса к логике отдельных актов выбора, способно наделить потребительский выбор лишь пассивной ролью в динамических экономических процессах. Тем не менее существуют и новые подходы в изучении поведения потребителя, которые не отказываются полностью от основ традиционной теории и при этом расширяют ту область человеческой деятельности, к которой могут быть плодотворно применены суждения экономического характера.

При необходимости иметь дело со сложным понятием, как «полезность», достаточно просто предположить, что любое индивидуальное действие является «наиболее предпочтительным» и максимально полезным, и на этом задача и решена: “*De gustibus non est disputandum*” (лат. «О вкусах не спорят»). И тем не менее все же *существуют* несколько характеристик «полезности», рассматриваемой как динамический процесс, которые поддаются наблюдению, позволяя немного приоткрыть крышку черного ящика, где спрятана «полезность», и пролить свет на историческое развитие потребительского спроса. Хорошая точка отсчета для этого — предлагаемое Тибором де Сцитовски разделение полезности на две части: стремление к комфорту и стремление к удовольствию⁵⁴. Под «комфортом» де Сцитовски понимает потребление, облегчающее страдания или дискомфорт, что включает в себя, разумеется, и удовлетворение первичных потребностей, однако это далеко не всё, поскольку существует множество возможностей повысить комфорт. Потребление ради удовольствия связано с эмоциональным возбуждением и стимулированием. Один и тот же акт потребления может вести к повышению как удовольствия, так и комфорта. Де Сцитовски подмечает, что в отличие от стремления к комфорту стремление к удовольствию удовлетворено быть не может, так как это по природе своей процесс бесконечный. Кроме того, де Сцитовски

54. Tibor Scitovsky. *The Joyless Economy* (Oxford: Oxford University Press, 1976, rev. ed. 1992).

полагает, что чем ближе человек к абсолютному комфорту, а потому и к отсутствию стимулов, тем больше человек стремится к таким формам потребления, которые несут удовольствие и повышают уровень эмоционального возбуждения. Современность, являющаяся продуктом потребительского общества, скучна. Однако ирония заключается в том, что собственно скука является одной из движущих сил потребления, поскольку стремление избавиться от нее запускает бесконечный процесс поиска чего-то нового и интересного.

Указанные категории «полезности» можно разобрать на еще более мелкие составляющие. Потребление ради комфорта и само может быть подразделено на потребление товаров, которые, как полагает де Скитовски, повышают персональный комфорт, и тех, что дают то, что я буду называть социальным комфортом. Торстейн Веблен и многие специалисты после него указывают на тот факт, что повышенное потребление направлено не только и даже не столько на личное использование потребляемого, сколько ради того, чтобы посылать соответствующие сигналы социального характера, служа соответствующим «знаком». Подобное «потребление напоказ» отличает конкретного человека от остальных и подкрепляет его претензии на соответствующий статус⁵⁵. Статусные товары (по природе своей редкие товары, потребление которых доступно далеко не всем) являются одним из проявлений подобной агрессивной

55. Thorstein Veblen. *The Theory of the Leisure Class. An Economic Study of Institutions* ([1899] New York: New American Library, 1953); Pierre Bourdieu. *Distinction. A Sociological Critique of the Judgment of Taste*, trans. Richard Nice (London: Routledge & Kegan Paul, 1984). И Веблен, и Бурдьё истолковывают потребление в качестве конкурентного поведения, «затрагивающего и остальных» (то есть в качестве действий, совершаемых в большей мере ради эффекта, производимого ими на других, чем ради их истинной полезности) и усиливающего общественную иерархию посредством постоянного воспроизведения отношений доминирования и подчинения. В то время как, согласно Веблену, потребление напоказ выполняет данную функцию напрямую, через демонстрацию состоятельности, Бурдьё подчеркивает косвенную силу культурного капитала, проявляемого в демонстрации вкуса.

демонстрации сигналов. Однако социальный комфорт достижим и посредством «защитного потребления» (потребления товаров в целях самозащиты от последствий практики потребления других лиц). Это важная часть стремления к «респектабельности», которое, по мнению Вудруфа Смита, возникло на протяжении XVII и XVIII вв. и рассматривается в качестве концепции, описывающей широкий ряд потребительских практик⁵⁶. Все эти источники социального комфорта, позволяющие отдельному лицу выделиться среди других и подкрепить или защитить свои статусные притязания, характеризуются многовариантностью. Вследствие того, что они являются ответом на потребительские действия других людей, равновесия не существует, а точка насыщения никогда не может быть достигнута⁵⁷. Экономический рост лишь усиливает спрос на статусные товары, обеспечивающие социальный комфорт⁵⁸.

Потребление ради удовольствия также поддается разделению на составляющие с помощью «союзных» понятий — «гедонизма» и «новизны». Колин Кэмпбелл

56. Woodruff D. Smith. *Consumption and the Making of Respectability, 1600–1800* (London: Routledge, 2002). Согласно Смиту, буржуазия «создала себя в качестве стремящегося произвести впечатление класса, сформированного вокруг культуры респектабельности» (р. 27), однако уже к XIX в. эта характеристика свойственна и другим классам: «Создается впечатление, что стремление к респектабельности оказалось сопряженным с формированием *всех* классов современного общества» (р. 244, термин «всех» выделен согласно тексту оригинала).

57. Основополагающее мнение по данному вопросу было высказано еще несколько десятилетий назад Джеймсом Дьюзенберри. Он утверждает, что «суверенный потребитель» суверенным не является вследствие наличия «демонстрационного эффекта» потребительских практик других людей. Контакт конкретного человека с более статусными потребительскими товарами и более высокими условиями жизни ведет к желанию увеличить свое собственное потребление. Таким образом, потребление зависит не только от дохода конкретного человека, но и от дохода других лиц. James S. Duesenberry. *Income, Saving, and the Theory of Consumer Behavior* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1949).

58. Fred Hirsch. *Social Limits to Growth* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976).

в своей изобретательной инверсии на «Протестантскую этику и дух капитализма» Макса Вебера предполагает, что «романтическая этика» лежит в основе «духа современного потребительства»⁵⁹. В своей традиционной форме гедонизм был стремлением к непосредственно ощущаемым чувственным наслаждениям. Удовольствие проявлялось в акте потребления, будь то потребление вина, плотские утехы или услаждение слуха музыкой. Романтическая этика привела к рождению современной формы гедонизма, в центре которой образ потребления, его предвкушение, томление по удовлетворению своих «грез», в то время как собственно акт потребления зачастую несет в себе разочарование. Кэмпбелл показывает, что в современном обществе иллюзии, которые способны питать люди, всегда оказываются лучше испытываемой ими реальности, что постоянно заставляет потребителя испытывать смутное неудовлетворение реальностью и желать чего-то большего, чего-то лучшего⁶⁰. Желание это, в конце концов, переносится на конкретные объекты, что ведет к тому, что цикл потребления запускается снова и снова.

Таким образом, традиционный гедонизм зависит от образов предвкушения, порождаемых обществом и отличающихся статичностью, и находит удовольствие в «товарах», удовлетворяющих аппетиты. Современный гедонизм опирается на индивидуальность, отли-

59. Campbell. *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism*.

60. «Современный человек» Кэмпбелла, чей иллюзорный мир неизбежно более богат, чем любая наличествующая реальность, не слишком отличается от описанной Адамом Смитом «человеческой природы», которая отличается присущей нам способностью «убеждать самих себя в том, что обладание предметами делает нас счастливыми». Будучи околдованными чарами данного заблуждения, мы работаем, чтобы приобрести роскошные вещи, «безделушки», которые, если «посмотреть на них отвлеченно, в философском свете... всегда оказываются в высшей степени презренными и ничтожными». Все это оканчивается «комической иронией», от которой зависит финансовое благополучие: наши потуги не приносят в нашу жизнь искомого счастья и удовлетворения, однако они делают нас более состоятельными людьми. Adam Smith. *Theory of Moral Sentiments*, p. 183.

чается изменчивостью «грез» и способен находить удовольствие лишь в новизне. Новизна — новые веяния моды и образа жизни, новые товары и услуги — обеспечивается инициативой производителей, однако на рынке производитель встречает *находящего в активном поиске потребителя*. Это стремление к новизне заставляет «современного гедониста» заниматься поиском и изучением нового⁶¹.

Подобный потребитель далеко ушел от образа пассивного потребителя, стремящегося к максимальной полезности приобретаемых товаров, изучающего для этой цели цены постоянного и хорошо известного ему набора товаров и сверяющегося с неизменным списком предпочтений, чтобы создать с максимально возможной эффективностью свой потребительский набор. Теперь же мы получили потребителя, активно вовлеченного в открытие нового. Возникает вопрос: с чего это потребителям отвергать старые товары, обладающие известной степенью удовлетворения, и менять их на новые, выгода от которых еще неизвестна? Разумеется, многие потребители на подобный риск и не идут, и почти все отвергают риск приобретения товаров, о которых они совершенно ничего не знают. Де Скитовски замечает, что «новое занятие, как и новый товар... может доставлять радость, только если оно распознаваемо, если часть его потенциала понятна, если произошли развитие и адаптация вкусов, необходимых для того, чтобы должным образом оценить его». Для того чтобы стать источником удовольствия, новый товар должен повстречать в должной мере опытного потребителя, чьи знания и опыт позволяют ему признать потенциал товара⁶².

К потребности в подобном признании следует прибавить потребность в сочетаемости. Какие-либо определенные выводы о потенциальной полезности новых

61. Bianchi. "Introduction", p. 4, 8.

62. Scitovsky. *The Joyless Economy*, p. 74, 225. Amartya Sen. "Economics and the Family", *Asian Development Review* 1 (1985): 14–26. Амартия Сен указывает на «способности» потребителей, которыми определяется, чего именно можно добиться, приобретая тот или иной товар.

товаров редко можно сделать на основе их качеств, рассматриваемых вне контекста. Как указывает Бьянки:

Они являются частью сложной и изменчивой системы взаимосвязи с другими товарами и характеристиками. Именно потенциал сочетаемости товаров делает возможными вариативность потребления и изменения в нем. Чтобы стать «товарами», новым товарам необходимо быть «узнанными», для чего они должны как использовать схожесть, так и конкурировать между собой. Однако, чтобы быть новыми, они должны обладать характеристиками и функциями, меняющими существующий порядок и синхронность потребительского набора. Зачастую в рамках данного процесса малые изменения инициируют более крупные⁶³.

Вычлененная нами на настоящий момент структура полезности имеет две вариации, каждой из которых свойственен спрос ради комфорта и спрос ради удовольствия. Стремление к комфорту ведет к спросу на конкретные товары и услуги, с помощью которых можно избавиться от определенного дискомфорта, а стремление к удовольствию в рамках традиционного гедонизма ведет к спросу на определенные впечатления. По крайней мере, теоретически спрос в обоих случаях ограничен, поскольку дискомфорт может быть устранен, а жажда удовольствий удовлетворена. Стремление же к социальному комфорту, которому свойственна озабоченность статусом, отличием от других и самовыражением, не ограничено, а процесс экономического роста только подстегивает его. И наконец, есть стремление к удовольствию, в основе которого лежит современный гедонизм. Истинная полезность товара или услуги обеспечивается устранением дискомфорта, однако одновременное с этим устранение стимулов порождает и усиливает современное состояние скуки. Простого противоядия от скуки не существует. Повышенное потребление существующих товаров скуку не ослабляет. Вместо этого избавление от данного состояния кроется в потреблении потенциально широкого круга товаров и услуг, которым свойственна новизна.

63. Bianchi. "Introduction", p. 10.

Правда, такой эффект не в состоянии быть полным и постоянным: длится он лишь на протяжении того времени, в течение которого новым объектам потребления свойственна новизна. Однако сегодняшний активный и наделенный воображением потребитель вступил на путь бесконечного поиска новых источников удовольствия.

Подобное расчленение поведения потребителя на его составные части дает лишь неглубокое схематическое представление о динамической структуре спроса. Такой подход предполагает наличие исторического процесса, в рамках которого модели спроса развиваются *внутри* экономической системы связанным и последовательным образом. Это, в свою очередь, требует того, чтобы мы оставили в стороне пассивного потребителя традиционной теории с его неизменными, определяемыми извне (то есть внешними по отношению к экономике) предпочтениями, который добывается максимума полезности посредством цепи изолированных решений. Я предлагаю заменить этот заезженный образ активным, постоянно находящимся в поиске потребителем, чье знакомство с новыми для него впечатлениями происходит при взаимодействии со множеством предлагаемых производителями товаров, что и формирует его вкусы и чей выбор товаров — методом проб и ошибок — учитывает их дополнительные свойства и ведет к образованию новых «кластеров потребления» и новых способов довести значение потребления до сведения других лиц. В данном случае полезность зависит не только от объективных качеств потребляемых товаров, но и от знаний и опыта потребителя (капитала потребителя), а также возможной сочетаемости доступных товаров.

Экономика домохозяйства

До настоящего момента наше внимание было приковано к индивидууму и его спросу на товары, однако, как уже было сказано, данное исследование сосредоточено прежде всего на проблематике экономики домохозяйств и концепции потребления, выходящей за рамки

физической полезности товаров. Не отвергая аксиому Адама Смита о том, что «единственная цель и задача всего *производства* — это потребление», можно утверждать, что потребление — не единственная цель *человеческой деятельности*; при этом потребление легче понять, если рассматривать в качестве способа достижения другой цели. Новые подходы к экономике потребительского поведения могут помочь нам и здесь.

Важной вехой в изучении поведения потребителя стало введенное Кельвином Ланкастером различие между «товарами», которые приобретаются, и их «характеристиками», которые определяют полезность товаров и потребляются. Это позволяет нам провести различие между, с одной стороны, товарами, ценами на них и ограниченностью бюджета, которая и диктует поведение потребителя в рамках традиционной теории, и, с другой стороны, характеристиками товаров (как правило, множеством характеристик), которые и придают им полезность и являются качествами, предпочитаемыми тем или иным индивидуумом. Точно так же как товары обладают множеством характеристик, так и определенные характеристики могут быть свойственны более чем одному товару. Действительно, «ряд товаров, взятых вместе, может обладать характеристиками, отличными от тех, что присущи товарам по отдельности»⁶⁴. Это побуждает экономистов заглянуть в сложные процессы, посредством которых домохозяйства превращают товары в потребляемые характеристики. Ланкастер назвал этот процесс «технологией потребления».

Вслед за Ланкастером данная проблематика была развита Гэри Беккером, что привело к созданию ряда теорий, получивших название «новая экономика домохозяйства». Вместо того чтобы концентрировать внимание на индивидууме как самостоятельно принимающей решение единице, Беккер обращается к домохозяйству. Он рассматривает домохозяйство в качестве субъекта, ориентированного на потребление в той же мере, что предприятие ориентировано на производство. Он утверждает, что точно так же, как произ-

64. Lancaster. *Modern Consumer Theory*, p. 13.

водственная функция описывает преобразование ресурсов в выпущенные товары на предприятиях, может быть описан процесс, когда домохозяйства преобразуют приобретаемые товары в конечное потребление, который можно назвать «технологией потребления» (термин «функция потребления» уже был использован Джоном Мейнардом Кейнсом для других целей).

Домохозяйство приобретает на рынке товары (приобретаемые товары = x_i) до тех пор, пока не исчерпывает свой денежный доход, и сочетает данные товары со своими трудовыми (T_i) и прочими ресурсами для производства того, что и будет в конечном итоге потреблено. Беккер назвал это конечным потреблением « Z », или предметами потребления « Z »⁶⁵. Домохозяйство (в роли которого, как правило, необязательно выступает семья) рассматривается здесь в качестве субъекта, выделяющего свои ресурсы, главным образом время своих членов, таким образом, чтобы добиться максимальной полезности каждого из своих членов⁶⁶.

65. Becker. "A Theory of the Allocation of Time", p. 495. Предметы потребления « Z » — это «более элементарные предметы потребления, применительно к которым функция полезности действует напрямую».

66. Некоторым читателям будет легче понять рассматриваемый вопрос с помощью формул. Производство домохозяйством предметов потребления « Z » осуществляется с помощью технологии потребления, сочетающей приобретенные товары и труд домохозяйства:

$$Z_i = f(x_i, T_i). \quad (1)$$

Домохозяйство распределяет время своих членов между тремя главными категориями: труд, направленный на приобретение денежного дохода, необходимого для приобретения товаров (T_w); труд в рамках самого домохозяйства, направленный на преобразование приобретенных товаров в предметы потребления « Z » (T_c); и свободное время, включая и время, отведенное на собственно потребление предметов потребления (T_r):

$$T = T_c + T_w + T_r. \quad (2)$$

Временное ограничение (2) определяет объем труда, направленного на зарабатывание денег, что в простом случае, где фиксирует наемный труд, ведет к товарному ограничению:

$$\sum p_i x_i = I = T_w w, \quad (3)$$

где w равняется уровню заработной платы, а I — общая сумма денежного дохода.

Выделение данных ресурсов — сложный процесс, в который вовлечены труд, направленный на приобретение денежного дохода, необходимого для приобретения товаров (T_w); труд в рамках самого домохозяйства, направленный на преобразование приобретенных товаров в предметы потребления « Z » (T_c); и свободное время, включая и время, отведенное на собственно потребление товаров (T_r)⁶⁷. При разделении наличного времени членов домохозяйства по данным категориям становится очевидным, что распределение домохозяйством времени своих членов имеет фундаментальное значение. Чем больше времени уделяется рыночному труду, тем больше товаров (x) домохозяйство может приобрести, однако у него остается меньше времени на преобразование данных товаров в предметы конечного потребления « Z » и меньше времени потребления, требующегося для того, чтобы получить от них удовольствие.

Какие варианты распределения времени доступны домохозяйствам? Это зависит от наличия альтернативных технологий потребления, с помощью которых можно заполучить желаемые предметы потребления « Z », и степени «взаимозамещаемости» между товарами и временем. То есть можно ли говорить о том, что в рамках определенного технологического и коммерческого режима существуют многочисленные способы сочетания товаров и времени для получения определенного предмета потребления « Z », или же речь идет

Присутствием T_w в обеих формулах (2) и (3), где T_w — временное и товарное ограничения соответственно, подчеркивается важность степени «взаимозамещаемости» между товарами и временем в технологиях потребления, доступных для получения желаемых предметов потребления « Z ».

67. Последняя потребность, потребность во времени потребления, Беккером не рассматривается, однако исследуется Линдером в следующей работе: Linder. *The Harried Leisure Class*, p. 13–15. Линдер абсолютно серьезно воспринимает датируемую 1851 г. остроу Артура Шопенгауэра о том, что «покупка книг была бы отличным делом, если можно было бы еще прикупить и время, чтобы их читать». См. также Ian Steedman. *Consumption Takes Time. Implications for Economic Theory* (London: Routledge, 2001).

об одном-двух способах? Со временем развитие технологического и коммерческого характера способно расширить круг альтернатив, доступных домохозяйству для получения своих предметов потребления « Z ». Изменения в технологиях потребления домохозяйств ведут и к изменениям в спросе на отдельные товары (x_i). Это необязательно отражает в себе изменения во вкусах, поскольку домохозяйства могут по-прежнему стремиться к одним и тем же предметам потребления « Z », являющимся истинным источником полезности. В подобном контексте легко определить, как именно, скажем, снижение цены на один из товаров может привести к выбору новой технологии потребления, в рамках которой осуществляется более интенсивное использование товаров (x_i). Схожим образом сдвиг в сторону технологий более интенсивного потребления товаров может произойти и в случае повышения заработной платы, ведущего к росту альтернативных издержек труда и свободного времени домохозяйства.

Будучи взятой в контексте данной беккеровской системы, революция трудолюбия соотносится с домохозяйственными решениями, выходящими за рамки подобных корректировок, производящихся в зависимости от изменения цен и заработной платы. В качестве примеров здесь можно говорить о выделении домохозяйством времени своих членов на цели рыночного труда в объемах, превышающих объемы, предполагаемые изменениями заработной платы и цен; или о более широком использовании взаимозамещаемости в технологиях потребления в целях специализации и, как следствие, более высокой продуктивности как в производстве, так и в потреблении; и, наконец, о пересмотре набора желаемых предметов потребления « Z » (что, согласно Беккеру, предполагает изменение предпочтений) в пользу тех, что соотносятся с такими технологиями потребления, в рамках которых осуществляется более интенсивное использование товаров.

Подобное расширенное толкование теории потребления позволяет сделать несколько выводов применительно к историческому анализу домохозяйства.

Полный доход и эффективность домохозяйства. Из предметов потребления « Z » члены домохозяйства извлекают полезность, определяемую их предпочтениями (или вкусами). Соответственно полная мера их благополучия должна выражаться суммарной «ценностью» всех потребляемых предметов « Z ». (Поскольку предметы потребления « Z » по природе своей не относятся к классу коммерческих товаров, сделать подобные исчисления нелегко; здесь требуется обращение к тому, что экономисты называют «теневыми ценами».) Однако традиционные подходы к рассмотрению уровня жизни довольствуются исключительно денежным доходом, которым определяются ограничения бюджета домохозяйства и, соответственно, влияние бюджета на приобретаемые товары (x). Разница между двумя этими определениями уровня жизни — приобретением товаров (x), помноженных на их цену, и потреблением предметов « Z », помноженных на их теневую цену, — и является мерой «добавочной стоимости» домохозяйственного производства⁶⁸.

Оба определения аналогичны узкому определению валового внутреннего продукта и более широким опре-

68. Из предметов потребления « Z » члены домохозяйства извлекают полезность, определяемую их предпочтениями (или вкусами). Соответственно полная мера их благополучия — «полный доход» домохозяйства — равна:

$$\sum Z_i P_i, \quad (4)$$

где P_i — теневая цена на предметы потребления « Z », по природе своей не относящиеся к классу коммерческих товаров. Это можно сравнить с традиционным подходом измерения уровня жизни домохозяйства, ограничивающимся суммарным денежным доходом и возможностями домохозяйства в приобретении товаров (подобно тому, что выражено в уравнении 3 (см. сноску 66)). Разница между этими двумя определениями уровня жизни — приобретением товаров (x), помноженных на их цену, и потреблением предметов « Z », помноженных на их теневую цену, — и является мерой «добавочной стоимости» (VA) домохозяйственного производства:

$$VA = \sum Z_i P_i - \sum p_i x_i. \quad (5)$$

В зависимости от выбора домохозяйством той или иной технологии потребления данная разница будет либо увеличиваться, либо уменьшаться.

делениям, или «развернутым подсчетам», в пользу которых выступают феминистки и прочие критики традиционного подсчета национального дохода и которыми часто учитывается стоимость нерыночной продукции⁶⁹. Разница будет либо увеличиваться, либо уменьшаться — в зависимости от выбора домохозяйством той или иной технологии потребления, то есть в зависимости от того, насколько интенсивно в плане приобретения товаров производство предметов потребления «Z».

Разница эта будет варьироваться и на микроуровне самого домохозяйства в соответствии с его «потребительской эффективностью». Оптимизация описанных выше сложных решений требует определенных усилий и издержек. Домохозяйства же сильно различаются в эффективности, с которой они могут и желают преобразовывать свои ресурсы в предметы потребления «Z»⁷⁰. Выбранная потребителями степень применения расчетов в принятии решений зависит от их знаний и опыта (социальный капитал, потребительский капитал). Так, выбор ингредиентов потребляемой еды зависит от человеческого капитала повара, который ее готовит; определение сочетаемости доступных товаров требует определенного потребительского капитала; максимальная эксплуатация символической стоимости товаров требует определенного социального капитала. Более того, в то время как производственная неэффективность предприятий выявляется и наказывается рыночной конкуренцией, в случае с домохозяйствами подобных внешних сил, наказывающих и подталкивающих их к большей потребительской эффективности,

69. Расширенные подсчеты включают нерыночную продукцию, однако зачастую не учитывают отдачу, рассматриваемую в качестве «досадных необходимостей», к коим относят издержки современной жизни. См. William Nordhaus and James Tobin. "Is Growth Obsolete?" in James Tobin. *Essays in Economics*, Vol. III, *Theory and Policy* (Cambridge, Mass.: MIT University Press, 1982): 360–450; Robert Eisner. *The Total Incomes System of Accounts* (Chicago: University of Chicago Press, 1989).

70. Jeffrey James. *Consumption and Development* (New York: St. Martin's Press, 1993): 186–188.

не существует⁷¹. Даже в случаях, когда производство индивидуальных предметов потребления «Z» осуществляется домохозяйством в достаточной мере эффективно, остается проблема ассортимента предметов потребления и их распределения между членами домохозяйства.

Главный смысл концепции «полного дохода» можно понять, рассматривая наиболее привычный показатель дохода: исследователи доиндустриальных обществ, как правило, определяют доступные домохозяйству экономические ресурсы как уровень заработной платы, дефлированный уровнем цен. Этот показатель реальной заработной платы обычно используется в качестве главной меры приблизительной оценки покупательной способности домохозяйства⁷².

71. Внешних сил, наказывающих домохозяйства, не существует, однако *внутри* него недовольство и критика могут быть достаточно интенсивными, вызывая в члене домохозяйства, на которого возлагается основная ответственность — в большинстве случаев это жена или мать, — серьезные переживания. Дэниел Миллер обращает внимание на значительную власть, которую приобрела современная домохозяйка вследствие того, что ею принимаются потребительские решения от лица семьи, однако он тут же поспешно добавляет, что «[власть эта] не ощущается в повседневной жизни как соответствующие полномочия теми, кто ее отправляет». Домохозяйка находится в незавидном положении, когда ей приходится одновременно заниматься экономикой домохозяйства (ища соответствующую роль где-то между телеведущей-писательницей Мартой Стюарт, получившей известность благодаря своим рекомендациям по домоводству, и Золушкой) и политической экономикой (где она нечто среднее между объектом рекламных манипуляций международного капитализма и субъектом, грамотно пользующимся благами международной рыночной экономики). Поскольку большинством специалистов, пишущих по данной проблематике, их собственные действия в качестве потребителя видятся в значительно более возвышенном положении по сравнению с мирскими хлопотами домохозяйки, то зачастую до анализа данных вопросов они попросту не снисходят. Daniel Miller. "Consumption as the Vanguard of History. A Polemic by Way of an Introduction", in Daniel Miller. ed. *Accompanying Consumption. A Review of New Studies* (London: Routledge, 1995): 34–35.

72. См., например, из последних исследований: Robert Allen. "The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War", *Explorations in Economic History* 38 (2001): 411–447. Для ознакомления с критическим мнением о данной уважа-

Рассмотренная выше модель распределения времени предупреждает нас о возможности того, что перераспределения в использовании времени членами домохозяйства — изменения, касающиеся свободного времени, а также перераспределения труда между домохозяйством и рынком — могут привести к тому, что денежный доход домохозяйства будет направлен на другие цели, отличные от тех, что предполагаются на основе собственно уровня заработной платы. Однако даже эта, более исчерпывающая мера дохода не включает в себя «полного дохода», в который входят некоммерческий труд и эффективность потребления. Степень того, насколько полный доход выше прочих мер дохода зависит от технологий потребления, используемых для производства предметов потребления «Z» и потребительской эффективности труда домохозяйства.

Полезность и перераспределение дохода. Потребление и извлечение полезности осуществляются каждым человеком отдельно, при этом большинство предметов потребления «Z» либо потребляются совместно, либо распределяются в пользу отдельных членов домохозяйства на основе определенных решений⁷³. Характер данного процесса — независимо от того, кроются ли его истоки в альтруизме или же он является отражением неравенства власти внутри семьи, которой обладают разные ее члены — настолько же важен, насколько и малопонятен. Закрытость семейной жизни для

емой традиции см. Jan de Vries. "Between Purchasing Power and the World of Goods. Understanding the Household Economy in Early Modern Europe", in John Brewer and Roy Porter, eds. *Consumption and the World of Goods* (London: Routledge, 1993): 95–98.

73. Для ознакомления со значимой попыткой обойти эту проблему см. Paul A. Samuelson. "Social Indifference Curves", *Quarterly Journal of Economics* 70 (1956): 1–22. Самуэльсон рассматривает семью как «область альтруизма». Согласно его определению патернализма, полезность отдельного человека зависит от подчинения остальных его предпочтениям. В противоположность этому в случае с альтруистом полезность других членов семьи (определяемая ими самими) включена в его собственную. Гэри Беккер рассматривает данный вопрос в следующей работе: "A Theory of Social Interactions", *Journal of Political Economy* 82 (1974): 1063–1093.

постороннего глаза — большинство людей охотнее говорят о сексуальной стороне своей жизни, чем о финансовой — ведет к судебным постановлениям, идеологическим притязаниям и удобным предположениям, которые подменяют собой непосредственное владение информацией о распределении дохода внутри домохозяйства. (Мы остановимся на этом более подробно в главе 5.) На настоящий же момент будет достаточно напомнить, что экономика домохозяйства включает в себя решения производственного (кто именно будет работать и какие именно задачи выполнять) и потребительского характера (что именно будет употреблено, инвестировано, сэкономлено и каким образом распределено среди членов).

Большая часть дохода зарабатывается людьми поодиночке, большая часть товаров приобретается ими поодиночке, и вся полезность «усваивается» ими поодиночке. При этом потребительские ресурсы, годящиеся для перераспределения в рамках домохозяйства, составляют значительную часть общих ресурсов общества. Беккер утверждает, что «на семьи во всех обществах, включая современные, ориентированные на рынок общества, приходится... половина или более [всей экономической деятельности], поскольку именно они осуществляют производство значительной части потребительского и образовательного капитала, капитала, связанного с вопросами здоровья, а также прочих видов человеческого капитала своих членов»⁷⁴. Согласно другим, более формальным оценкам производства домохозяйств (по США, Великобритании и Австралии), на них приходится от 25 до 40% общенационального дохода⁷⁵. Качеством решений, касающихся перераспределения потребительских ресурсов, обуславливается и то, насколько общая полезность (полный доход), определяемая каждым членом по отдельности, превосходит денежную стоимость ресурсов: то есть качеством решений обуславливается ценность домохозяйства как

74. Gary Becker. *A Treatise on the Family* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981): 303.

75. Eisner. *Total Incomes System of Accounts*, p. 73; Avner Offer. *The Challenge of Affluence. Self-Control and Well-Being in the United States and Britain Since 1950* (Oxford: Oxford University Press, 2006): 85.

обычного экономического предприятия в глазах его членов. Беккер полагает, что в случае схожести индивидуальных предпочтений решения, касающиеся перераспределения, уже не являются главным фактором успеха отдельного домохозяйства. В качестве такового в данном случае выступает скорее эффективность преобразования товаров в предметы потребления «Z», в которой, как считает Беккер, домохозяйства сильно разнятся. А ведь чем больше разница во вкусах отдельных членов семьи, тем более сложным становится процесс принятия решения в рамках домохозяйства, а значит, принимаемые решения в большей степени сказываются на общей полезности.

Потребительские наборы. Во главу угла моделей и Ланкастера, и Беккера поставлено различие между товарами, которые мы покупаем, и предметами потребления «Z», которые мы потребляем и которые наделяют товары полезностью. Стабильной взаимосвязи ряда «один-к-одному» между приобретением товара и извлечением полезности более не существует. Товары в определенном сочетании могут обладать характеристиками, отличными от тех, что свойственны этим же товарам, потребляемым раздельно. Подобная «неразделимость» в потреблении товаров может быть очевидной, если и вовсе не тривиальной. Так, в качестве одного из примеров «потребительского набора», который сразу приходит в голову, можно назвать чай и чайные чашки. Однако подобные наборы могут отличаться гораздо большей сложностью и значимостью. Задержимся на минутку на примере с чаем. Его совместное употребление с сахаром более чем очевидно. Однако в Китае чай пьют без сахара, как пили без сахара и кофе на своей родине — Аравийском полуострове. Зарождение потребления чая вместе с сахаром привело антрополога Сидни Минца, исследовавшего историю сахара, в благоговейный трепет:

Первая подслащенная чашка горячего чая, которую выпил английский рабочий, стала знаменательным событием, поскольку она была предвестником преобразования целого общества, полной перекройки его экономического и социального фундамента. Нам следует

полностью разобраться в последствиях этого и прочих схожих событий, ведь на их основе была построена совершенно новая концепция отношений между производителями и потребителями, значения труда, самоопределения, природы вещей⁷⁶.

Минц полагает, что это событие — если бы только мы могли наблюдать его воочию — позволило бы нам заглянуть в истоки возникновения современной жизни, что было бы сравнимо с возможностью взглянуть на Адама, поедającego яблоко. Минц просит читателя поверить, что всё, проистекшее из этого события (массовые изменения в поведении потребителя, возникновение потребительства, плантационных экономик, основанных на труде рабов, колониализм, капитализм), действительно было *последствиями* пагубного вкуса, характерного для «некоторых» — вполне возможно, Минц имеет в виду и всех — «английских рабочих»⁷⁷. Представленный здесь мною подход к вкусам потребителя призван сделать процесс формирования потребительского капитала частью контекста, а следовательно, и одним из параметров рассматриваемой системы, чтобы потребительские нововведения виделись как проистекающие из накапливаемых опыта и знаний, а не проявляющие-

76. Sidney W. Mintz. *Sweetness and Power. The Place of Sugar in Modern History* (New York: Viking Press, 1985): 214.

77. Прежде чем заключить, что привлекательность сахара является естественной и непреодолимой, рассмотрим для начала рассказ Зандгрубера о его распространении в Австрии: «Вывод, который напрашивается сам собой, — это то, что до 1800 г. большинство австрийцев его [сахар] вовсе не потребляли. При этом его повышенное потребление отмечается в кухнях высших классов общества (der Oberschichtenküche), где в XVIII в. сахар высоко ценили и где он оказал значительное влияние на состав блюд и рецептов». Sandgruber. *Die Ängste der Konsumgesellschaft*, р. 208. В Центральной Европе потребление сахара, судя по всему, началось при дворе и долгое время ассоциировалось с изысканными блюдами, а не бодрящим напитком рабочего человека. И вновь слово Зандгруберу: «Новые горячие напитки — кофе, чай, какао — зародились в придворном обществе [höfische Gesellschaft]. И здесь они, в отличие от того, как они потреблялись в местах своего происхождения, подслащивались, что кажется нам сегодня совершенно естественным». Sandgruber. «Leben und Lebensstandard im Zeitalter des Barock», р. 179.

ся в качестве обусловленного внешними обстоятельствами события. Тем не менее Минц определенно прав в том, что указывает на довольно далеко простирающиеся ответвления кластеров потребления.

Согласно имеющимся свидетельствам, традиция употребления чая и кофе с сахаром закрепились в Северо-Западной Европе между 1685 и 1700 гг., однако развитие кластеров потребления на этом не закончилось⁷⁸. Чай и кофе, употребляемые совместно с пшеничным хлебом, составляли в Нидерландах начала XVIII в. экономный завтрак трудящихся членов домохозяйства. Они не только подменили собой утреннюю овсянку или утренние блины с пивом, но и привели к изменению расписания приема пищи в целом: теперь вместо двух трапез в день появилось три. Что касается развития ситуации по другую сторону Северного моря, то Вудруф Смит пишет, что «британский ритуал, названный «полдником», стал одним из двух главных трапез, придуманных или коренным образом преобразованных в конце XVII и начале XVIII столетий, в основе которых лежало потребление ввозимых из-за рубежа товаров и которые имели важное социальное и культурное значение для трапезничающих. Другой такой трапезой стал завтрак, а точнее — та его форма, в которой он дошел до XX в.»⁷⁹.

Кластеры потребления могут зарождаться и при наличии менее очевидной связи между товарами, которая обеспечивается видением со стороны потребителя того,

78. Вудруф Смит описывает созидательный момент, приведший в восторг Минца, гораздо более прозаично: «Хотя чай и кофе несомненно и употреблялись с сахаром в Нидерландах и Англии некоторыми из любителей гастрономических экспериментов еще примерно до 1685 г., каких-либо свидетельств о всеобщей моде на употребление с ними сахара нет. Однако имеются четкие свидетельства широкого распространения данной практики в Великобритании не позднее 1710 г., а к 1720–1730-м гг. и в других странах. Ключевым периодом здесь, судя по всему, стали годы примерно с 1685 по 1700-й. Возможно, случайно, что на период непосредственно после 1700 г. пришлось существенное возрастание употребления чая, кофе и сахара и в Европе». Smith. *Consumption*, p. 122–123.

79. Ibid., p. 172.

что определенные товары подходят друг другу, что само по себе является продуктом накопления «потребительского капитала». Иногда данный феномен называется «эффектом Дидро». Основой для подобного названия послужили свидетельства Дени Дидро о своем потребительском опыте, высказанные им в очерке «Сожаления о моем старом халате»⁸⁰. Заменяв свой старый халат на великолепный новый, этот *философ* оглядел свой кабинет, и тот показался ему недостаточно хорош. Расположившись за письменным столом в своем новом халате, он нашел этот стол убогим. Однако же, заменив и его новым, роскошным предметом мебели, Дидро обнаружил, что гобелены на стенах сильно обветшали. Были заказаны новые. И вскоре подобным же образом произошло полное обновление обстановки в кабинете. То захлащенное помещение, которым всего неделю назад он был вполне доволен, оказалось преобразовано в элегантную, но безликую комнату. Дидро не собирался перестраивать свой кабинет, однако именно к этому результату чувства стиля и последовательности его и привело.

Дидро выразил сожаление по поводу новой обстановки, однако более значимый вывод из этой истории заключается в том, что сами по себе новые предметы потребления не обладают той полезностью, которую приобретают в сочетании с другими предметами потребления. Более того, такое сочетание позволяет потребительским товарам приобретать нематериальные качества, влияющие на их полезность для потребителя. Товары, встроенные в «миры товаров», приобретают — и даже в большей степени, чем остальные — отличительные функции, которыми обеспечивается определенная социальная разница между людьми. Также создаются определенные способы сообщить о значимости использования товара окружающим и сementировать взаимосвязь с другими людьми. Основные черты такого антропологического подхода к вопросу потребления самым непосредственным образом связаны с представ-

80. Dennis Diderot. "Regrets on Parting with my Old Dressing Gown", in *Rameau's Nephew and Other Works by Dennis Diderot*, trans. Jacques Barzun (New York: Bobbs-Merrill, 1964): 309-317.

ленной в настоящем исследовании моделью. Экономисты Ланкастер и Беккер могли бы с готовностью подписаться под знаменитым высказыванием антропологов Мэри Дуглас и Бейрона Ишервуда о том, что «все товары несут в себе определенное значение, но ни один из них — сам по себе»⁸¹.

Как уже указывалось выше, процесс знакомства с новыми впечатлениями от потребления новых товаров, посредством которого потребитель стремится к комфорту и удовольствию, не следует рассматривать лишь как простое приобретение новых товаров. Скорее новизна заключается в знакомстве с новыми возможностями взаимодополняемости товаров. «Новые проявления взаимодополняемости и принципы использования определяют успех новых предметов потребления и пути их распространения»⁸². Проявления взаимодополняемости, или потребительских наборов, могут начинаться с простой неразделимости товаров с технической точки зрения и заканчиваться встроенностью товаров в сложный стиль жизни⁸³. Из этого вытекает, что

81. Mary Douglas and Baron Isherwood. *The World of Goods* (New York: W.W. Norton, 1979): 72. Несмотря на родство данной формулировки с позицией экономистов, антропологи рассматривают утверждения Дуглас и Ишервуда как прямой вызов «смешным предположениям» экономики. Цит. по: Daniel Miller. "Consumption Studies in Anthropology", in Miller, ed. *Acknowledging Consumption*, p. 266–267. Со своей стороны Дуглас и Ишервуд обсуждают экономистов, включая Ланкастера, с неподобающим снисхождением. «Ланкастер, — заключают они пренебрежительно, — способен объяснить не лучше других, какие свойства сегодняшних изделий роскоши способны будут сделать некоторые из этих изделий, но не другие, товарами первой необходимости завтра» (p. 111). После чего Дуглас и Ишервуд с уверенностью предрекают — на основе собственной антропологической теории, — что «повышение реального дохода обычно ведет к более частому проведению масштабных социальных мероприятий частного характера» (стр. 112). Слишком много времени, чтобы опровергнуть это высказанное в 1979 г. утверждение, не потребовалось.

82. Davide Gualerzi. "Economic Change, Choice and Innovation in Consumption", in Bianchi, ed. *The Active Consumer*, p. 56.

83. «Стиль жизни» — недостаточно четкий термин, однако я прибегаю к нему для обозначения материального выражения чувства индивидуальности. «Стиль жизни — и результат, и путеводная

изменения потребительского спроса, имеющие более серьезные последствия, касаются не просто «мягких», постоянно протекающих второстепенных изменений, являющихся реакцией на относительные цены и доходы, но и требуют резких, прерывистых скачков, позволяющих добиваться новых потребительских систем.

Рисунки 1.1a, b и c представляют собой схематические иллюстрации сказанного. На рис. 1.1a дано представление постоянно текущих, незначительных изменений: потребление (измеряемое в потребительских наборах возрастающего качества и количества; см. вертикальную плоскость) повышается однообразно, вместе с повышением дохода домохозяйства (см. горизонтальную плоскость). Материальная культура тесным образом связана с уровнем дохода. Она эволюционирует постоянно и незначительно, следуя определенной предсказуемой иерархии полезности. На рис. 1.1b постоянно текущие, незначительные изменения сохранены, но при этом вводится представление о том, что потребительский выбор расширяется по мере увеличения доходов и что потребители посредством покупки товаров пытаются выделяться из общей массы — приобретать социальную отличность⁸⁴. При наличии определенного дохода некоторые потребители будут стремиться следовать современным веяниям, в то время как другие сознательно будут придерживаться традиционного потребительского выбора. Прочие будут выделяться следованием определенному спектру городских, сельских или космополитических вкусов. Данные попытки выделиться наряду с разницей в степени потребительской эффективности

звезда в поиске индивидуальности и в формировании потребительских практик в рамках эволюционирующей системы предметов потребления». Gualerzi. "Economic Change, Choice, and Innovation in Consumption", p. 55. См. также Peter E. Earl. *Lifestyle Economics* (New York: St. Martin's Press, 1986).

84. Процесс разграничения вкусов на протяжении XVIII в. в г. Делфте (Нидерланды) описан в работе: Thera Wijzenbeek-Olthuis. *Achter de gevels van Delft. Bezit en bestaan van rijk en arm in een periode van achteruitgang (1700–1800)* (Hilversum: Verloren, 1987). См. также Anton Schuurman. *Materiele cultuur en levensstijl* (Wageningen: A. A. G. Bijdragen 30, 1989).

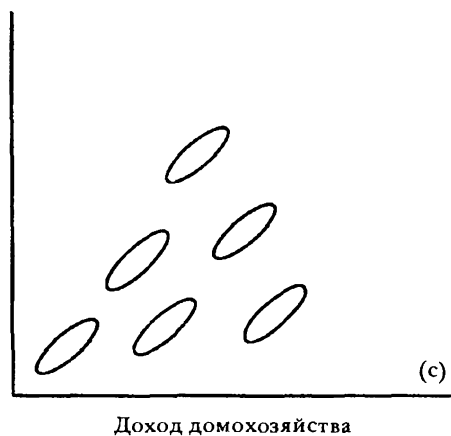
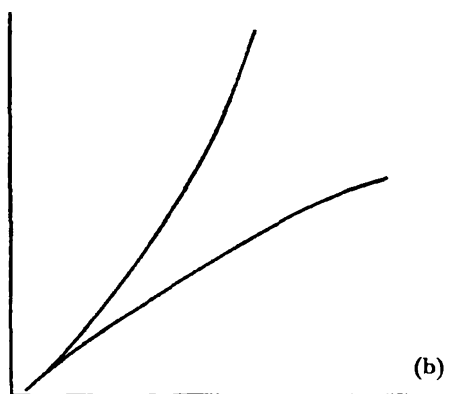
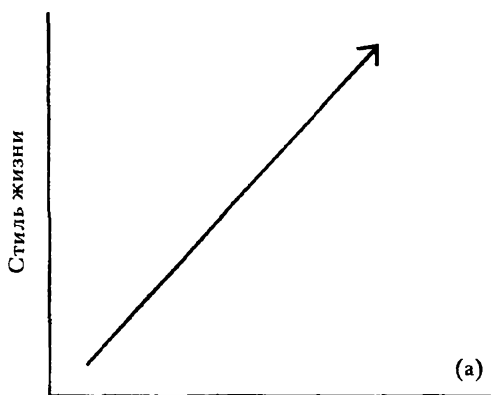

Рис. 1.1а, б, с. Три модели взаимосвязи между доходом домохозяйства и потребительским выбором

отдельных домохозяйств приводят к распределению потребителей с одинаковым уровнем дохода вдоль определенного ряда «вкусов», в то время как потребители с разными уровнями доходов могут стремиться следовать одному и тому же стилю жизни. Если на рис. 1.1a материальная культура потребителя определяется одним только доходом, то на рис. 1.1b положение потребителя определяется уже его доходом и вкусами.

Наконец, рис. 1.1c иллюстрирует материальный мир, в котором потребление меняется незначительным образом и постоянно, однако зачастую прерывисто — требуя «скачков» к новым кластерам потребления. Каждый кластер представляет собой некое равновесие — область локального притяжения, где элементы потребления подкрепляют друг друга и сосуществуют с производственной деятельностью домохозяйства. Движение *внутри* кластера отличается постоянностью, как на рис. 1.1a и 1.1b, однако движение *между* кластерами не столь однозначно. Случайно из одного кластера в другой потребитель не переходит; смена «прописки» требует определенного элемента стратегии, как правило, на уровне домохозяйства.

Обычно потребительские предпочтения отличаются стабильностью, потому что вкусы отдельного человека не изменяются случайно, как следствие каких-то импульсов или безо всякой причины. Потребление остается в рамках определенного кластера в соответствии с доходом домохозяйства и относительными ценами. Конечно, вкусы людей могут разниться необъяснимым образом. То есть они могут отличаться таким образом, который не стоит того, чтобы пускаться в разъяснения. Отсюда любовь экономистов к латинской поговорке “De gustibus non est disputandum” («О вкусах не спорят»)⁸⁵. Спорить о вкусах смысла нет. Именно это, как мы подметили, и заставило Парето в частности и экономистов в целом не обращать внимания на то, что скрывается за «голым фактом» потребления. Тем не менее изменения в предпочтениях все же *происходят*,

85. Gary Becker and George Stigler. “De Gustibus non est Disputandum”, *American Economic Review* 67 (1977): 76–90.

и они, по словам Альберта Хиршмана, небеспричинны. Есть такие изменения, о которых мы *спорим* друг с другом и с самими собой. Это вкусы, которые становятся ценностями, выражающими нашу индивидуальность⁸⁶. И именно эти ценности (выражаемые вопросом: «Как нам следует жить?») стоят на кону, когда рассматриваются абстрактные движения, иллюстрируемые рис. 1.1с.

Подводя итог сказанному на настоящий момент, необходимо отметить следующее: потребление товаров людьми осуществляется прежде всего в рамках домохозяйств; домохозяйства, во многом уподобляясь предприятиям, сочетают разнообразные ресурсы для производства товаров согласно производственной функции, сочетают приобретенные товары и труд домохозяйства для производства потребляемых в конечном счете предметов «З» в соответствии с доступными технологиями потребления. Каким образом домохозяйства решают, что именно будут потреблять их члены? В отличие от предприятий они не руководствуются принципами прибыли, однако это вовсе не означает, что их поведение в плане потребления недоступно пониманию и нелогично. Не означает это и того, что оно определяется исключительно силами вне рамок домохозяйства или экономики в целом. Потребительский опыт порождает «потребительский капитал», зависящий и от принимаемых домохозяйством решений, поскольку производственная специализация домохозяйства расширяет потребительский выбор. Решения, нацеленные на изменение производственной деятельности домохозяйства, могут быть реакцией как на новые благоприятные возможности, предоставляемые рынком, так и на новые устремления описанного выше активного, находящегося в постоянном поиске потребителя, чье знакомство с новыми товарами имеет определенные последствия, когда абстрактные элементы потребления, будучи взяты отдельно, могут быть всего лишь глупым подражанием или рутинным ответом на кратковременные рыночные

86. Albert Hirschman. *Rival Views of Market Society and Other Recent Essays* (New York: Viking, 1986): 145; James. *Consumption and Development*, p. 1.

феномены, но в действительности кодифицируются в кластеры потребления с целью переформулирования стиля жизни.

Приложение: пять потребительских революций

О потребительской революции в эпоху Ренессанса см. Lisa Jardine. *Worldly Goods. A New History of the Renaissance* (London: Macmillan, 1996); Evelyn Welsh. *Shopping in the Renaissance* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2005); Chandra Mukerji. *From Graven Images. Patterns of Modern Materialism* (New York: Columbia University Press, 1983). Мукерджи определяет начало «гедонистического потребительства» XV и XVI столетиями. «[Оно] развилось в качестве признака расширения торговли, когда с появлением на европейских рынках новых товаров определение значимости и ценности товаров стало затруднительным» (стр. 256). Ею также подчеркивается роль книгопечатания в формировании широко распространенных, вышедших за рамки отдельной страны вкусов, что способствовало развитию широкомаштабных производств (стр. 77–78).

«Эра барокко» (XVI–XVIII вв.) — это тот период, которому отдает предпочтение в качестве времени зарождения потребительского общества Роман Зандгрубер. Roman Sandgruber. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft* (Vienna: Verlag für Geschichte und Politik, 1982); “Leben und Lebensstandard im Zeitalter des Barock — Quellen und Ergebnisse”, in Othmar Pickl and Helmuth Feigl, eds. *Methoden und Probleme der Alltagsforschung im Zeitalter des Barock* (Vienna, Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1992): 171–189. Зандгрубер приходит к следующему заключению: «Общество потребления возникает в эпоху барокко. Изменение потребительских привычек, как и всей бытовой культуры и цивилизации в XVI–XVIII вв., связано в первую очередь с общественным устройством, тон в котором задавали потребительские слои, и со стойким стремлением приличного общества создавать новые нормы цивилизованности и формы показного потребления. Технология потребления со времен ба-

рокок не претерпела существенных изменений: изменились же в ходе индустриализации прежде всего технологии производства» (стр. 187).

О потребительской революции в XVIII в. см. Neil McKendrick, John Brewer, and J. H. Plumb. *The Birth of a Consumer Society. The Commercialization of Eighteenth-Century England* (Bloomington: Indiana University Press, 1982); Colin Campbell. *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumerism* (Oxford: Basil Blackwell, 1987); Carole Shammas. *The Pre-Industrial Consumer in England and America* (Oxford: Oxford University Press, 1990); T. H. Breen. *The Marketplace of Revolution. How Consumer Politics Shaped American Independence* (Oxford: Oxford University Press, 2004); Daniel Roche. *A History of Everyday Things. The Birth of Consumption in France, 1600–1800* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000); Maxine Berg. *Luxury and Pleasure in Eighteenth-Century Britain* (Oxford: Oxford University Press, 2005).

О потребительской революции конца XIX и начала XX вв. см. Michael Miller. *The Bon Marché. Bourgeois Culture and the Department Store, 1869–1920* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981); Rosalind Williams. *Dream Worlds. Mass Consumption in Late Nineteenth Century France* (Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1982); John Benson. *The Rise of Consumer Society in Britain, 1880–1980* (New York: Longman, 1994); Richard Wightman Fox and Jackson Lears, eds. *The Culture of Consumption. Critical Essays in American History, 1880–1980* (New York: Pantheon Books, 1983); Daniel Horowitz. *The Morality of Spending. Attitudes Toward the Consumer Society in America, 1875–1940* (Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1985). Фокс указывает на то, что «1920–1930-е годы оказались главными десятилетиями укрепления современного американского потребительского общества» (стр. 103), в то время как Лирс рассматривает потребительство как силу, которую эволюция протестантизма выпустила в мирскую «слабохарактерную алчность, бессильную, безвольную, лишенную моральных основ». Горовиц утверждает, что зарождение потребительского общества произошло в тот момент, когда религиозные, этические и общинные ценности и институты (традиционного общества), сдерживавшие индивидуализм и материализм, ослабли в конце XIX в.

и «начался сдвиг от самоконтроля к самоосознанию, от работы производителя, основанной на ценностях самоотрицания и достижения задуманного, к культуре потребления, где во главу угла были поставлены немедленное удовлетворение своих потребностей и самореализация посредством ублажения своих желаний и потакания им» (р. ххi, ххvii).

О потребительской революции XX в. см. S. Strasser, C. McGovern, and M. Judd, eds. *Getting and Spending. European and American Consumer Societies in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998); Lizbeth Cohen. "Citizens and Consumers in the United States in the Century of Mass Consumption", in Martin Daunt and Matthew Hilton, eds. *The Politics of Consumption* (Oxford and New York: Berg, 2001): 203–221; Gary Cross. *Time and Money. The Making of Consumer Culture* (London: Routledge, 1993); Roland Marchand. *Advertising the American Dream. Making Way for Modernity, 1920–1940* (Berkeley: University of California Press, 1985).

Среди предпринятых в XX в. исследований потребительского общества особое значение имеют и работы представителей франкфуртской школы критической теории. См. Jurgen Habermas. "Konsumkritik", *Frankfurter Hefte* 12 (1957): 641–645; Max Horkheimer and Theodor Adorno. *Dialectic of Enlightenment* ([1944] London: Allen Lane, 1973), esp. "The Culture Industry. Enlightenment as Mass Deception", p. 120–167; Herbert Marcuse. *One-Dimensional Man* (Boston: Beacon Press, 1964); Herbert Marcuse. *Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud* ([1955] New York: Vintage Books, 1962). Введение в данную литературу—см. Martin Jay. *The Dialectical Imagination. A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923–1950* (Boston: Little, Brown and Co., 1973). Данные ученые видели в потребительском обществе продукт отчужденности, положение, делающее человека неспособным отличать ценность использования от ценности обмена и объективные потребности от субъективных желаний.

Истоки революции трудолюбия

ТЕПЕРЬ я перейду от теоретического представления изменений потребительского спроса к краткому и схематичному экскурсу в историю зарождения революции трудолюбия в обществе, в котором для большей части проявлений потребительского спроса долгое время существовали социальные ограничения и моральные запреты.

От расточительности и роскоши к обществу потребления

Общество, характеризующееся изобилием досуга. Идеалом большинства цивилизаций, начиная с греческих республик и заканчивая аристократическими культурами раннего нового времени, было изобилие времени на досуг. «Досуг» — весьма непростое понятие, имеющее, по крайней мере, три значения: 1) «время потребления» — время, необходимое для фактического пользования приобретенными товарами и услугами; 2) «культурное времяпрепровождение» — время, посвящаемое развитию умственных способностей и духовных качеств, воспитанию и благотворительности; 3) «свободное время» — пассивное времяпрепровождение, направленное на восстановление сил организма, требующихся для активной трудовой деятельности, и досугом как таковым не является¹. Современный досуг в значительной мере сконцентрирован на первой своей составляющей, «времени потребления», однако в прошлом обществах с изобилием

1. Linder. *The Harried Leisure Class*.

досуга это было несвойственно. Согласно домохозяйственной модели потребления (представленной в главе 1), получение желаемых предметов потребления «Z» в характеризовавшемся изобилием досуга обществе осуществлялось при использовании сравнительно небольшого числа товаров (x) и значительных объемов времени, главным образом категории «культурное времяпрепровождение». Идеалом была свобода от ручного труда, являвшаяся необходимым условием для самостоятельности действий, дававшей человеку возможность заниматься развитием своих добродетелей. Проблема такого идеала заключалась в том, что требовалось подчинение больших групп населения — рабов, крепостных крестьян и почти всех женщин (все это категории людей, которые, как полагалось, неспособны извлекать пользу из культурного времяпрепровождения), — с тем чтобы искомый досуг был обеспечен небольшому кругу людей². У подчиненных групп населения тоже могло быть значительное количество досугового времени, однако это было не следствием их благосостояния, а результатом отсутствия побудительных мотивов к труду в условиях принудительной экономики. Замечание Адама Смита — «как гласит пословица: лучше бесплатно играть, чем бесплатно работать» — отлично отражает дилемму, с которой сталкивались трудящиеся в обществе его времени, равно как и остроумное выражение в бывших социалистических обществах европейских стран: «Они делают вид, что платят нам, а мы делаем вид, что работаем»³.

Могли ли общества прошлого с изобилием досуга, но построенные на угнетении, быть модернизированы таким образом, чтобы по мере повышения продуктивности трудящихся они превращались из обществ, поддерживающих элитный класс, который мог посвятить себя качественному досугу, в общества, в которых каждый мог пожить жизнью греческого философа, по крайней мере, несколько часов в день или стать трудя-

2. J. G. A. Pocock. "The Mobility of Property and the Rise of Eighteenth-Century Sociology", in *Ibid.*, *Virtue, Commerce and Society* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985): 103–125.

3. Adam Smith. *The Wealth of Nations*, Book II, Ch. III, p. 356.

щимся-гражданином, а не трудящимся-потребителем? Это, если вкратце, тот вопрос, который не дает покоя критикам культурных аспектов потребительского общества XX в. Как так получается, что трудящиеся предпочитают бóльшие деньги (а следовательно, и бóльшие объемы труда) бóльшему количеству свободного времени, а также большее время для целей потребления — бóльшему культурному времяпрепровождению?

Франкфуртская школа социальной критики, рассматривая пристрасно победоносный послевоенный американский капитализм и материалистическое неистовство процесса восстановления Западной Европы, выдвинула теорию, что бессмысленная работа в условиях промышленного капитализма ведет к отчужденности — положению, когда массы оказывались неспособны отличать ценность использования от ценности обмена и объективные потребности от субъективных желаний. Корпоративная экономика массового производства использовала данный недостаток для удовлетворения своей собственной потребности в обществе массового потребления. В подобных условиях реклама ускорила рождение того, чьего появления так боялся Макс Вебер, — *Genussmensch ohne Herz* (бессердечного гедониста). И на кого Герберт Маркузе, один из представителей франкфуртской школы, навесил ярлык «одномерный человек». Отчужденный трудящийся, будучи вырванным капитализмом из традиционной культуры, полностью теряет самообладание, в нем развиваются прожорливость в отношении товаров и неудовлетворимая потребность в фантазиях, развлечениях или показушности.

Возможно, еще более влиятельной, чем критическая теория франкфуртской школы, оказалась политическая экономика Джона Кеннета Гелбрейта, чья публикация «Общество изобилия» (*«Affluent Society»*) в 1958 г. поставила американскому обществу следующий диагноз: чрезмерное внимание вопросу производства частного потребления, и как вероятный результат — малые расходы на государственные товары и услуги и слабость досуга⁴. Как утверждает Гелбрейт, рост изобилия

4. John Kenneth Galbraith. *The Affluent Society* (Boston: Houghton Mifflin, 1958).

должен вести к снижению привлекательности частного потребления (при условии снижения предельной полезности потребляемых товаров и услуг). Более того, Гелбрейт указывает, что по состоянию на 1958 г. США достигли этапа, предсказанного Джоном Мейнардом Кейнсом для Великобритании XXI в. в опубликованном им в 1930 г. эссе «Экономические возможности для наших внуков» («Economic Possibilities for Our Grandchildren»). В своем эссе Кейнс попытался заглянуть на столетие вперед, во время, когда, как он полагал, средний прирост экономики в 2% в год приведет к восьмикратному увеличению реального дохода на душу населения. Столь невероятное повышение материального достатка должно было бы привести к большему вниманию со стороны людей к деятельности, не связанной с зарабатыванием денег, к расширению досуга, снижению стресса и конкуренции⁵. Однако Соединенным Штатам Гелбрейта подобная тенденция оказалась несвойственна. Ситуация оказалась диаметрально противоположной: желания потребителя росли, по крайней мере, столь же быстро, что и возможности по их удовлетворению. Гелбрейт, как и многие до и после него, был уверен, что знает виновного в том, что естественная тенденция развития в сторону ожидаемого не материализовалась, — это реклама, состоящая на службе капиталистических производителей.

Идет ли речь об отчужденном «Genussmench» или манипуляторских способностях рекламы, поведение современного потребителя видится данным критикам как отклонение от исторического развития и разрушение как самой личности, так и культуры. Всего каких-то сто лет назад, как полагает Джулиет Скор, здоровый спрос на досуг подпитывал собой бьющую ключом общественную культуру, сегодня же избыток работы при-

5. John Maynard Keynes. "Economic Possibilities for Our Grandchildren", in *Essays in Persuasion* ([1931] New York: W. W. Norton, 1961): 358–373. Согласно Кейнсу, снижение роли экономического вопроса (недостатка товаров) как доминирующей силы в обществе приведет и к падению особой значимости экономистов. Их деятельность станет «узкоспециализированной — подобно деятельности зубных врачей» (p. 373).

вел к атрофии наших «навыков досуга», и единственное, что доступно нашему воображению, — это еще больше работать и еще больше потреблять. Скор призывает к государственному вмешательству с целью изменения направления, в котором развивается общество — с тем чтобы вырваться из «беличьего колеса капитализма», — за счет обеспечения граждан «недорогим, не связанным с предметами потребления досугом»⁶. Уже в 1930 г. Кейнс выразил обеспокоенность тем, что слишком малое число его современников достаточным образом культивируют в себе искусство жизни, чтобы эффективно воспользоваться грядущим изобилием досуга. Сегодня проблема хронического потребления — истощающего силы, не служащего каким-либо просветительским и назидательным целям, не способного принести удовлетворение — предстает безнадежной.

Согласно концепции революции трудолюбия, основания для подобных стенаний ошибочны. Во-первых, фатальный уход от основанного на досуге общества (досуга в классическом его понимании) начался гораздо раньше, еще в XVII в. К тому времени как франкфуртская школа и разочаровавшиеся интеллектуалы второй половины XX в. обратили свои наполнившиеся ужасом взоры на потребительский выбор обычного человека, игральные кости уже давно были брошены. Человек в качестве «желающего субъекта», чья субъективность определяется «желанием» как фундаментальным аспектом его сущности, вовсе не является продуктом современного промышленного капитализма; его истоки стоит искать в предыдущих эпохах, что я и попытаюсь продемонстрировать⁷. Во-вторых, существует фундаментальное противоречие между целью

6. Juliet Schor. *The Overworked American* (New York: Basic Books, 1992).

Еще один подобный призыв к действию содержится в следующей публикации: Gary Cross. *Time and Money. The Making of Consumer Culture* (London: Routledge, 1993).

7. Для ознакомления с социологической критикой «желающего субъекта» как продукта «потребностей» современного капитализма см. John Levi Martin. "The Myth of the Consumption-Oriented Economy and the Rise of the Desiring Subject", *Theory and Society* 28 (1999): 425.

универсального культурного досуга и высокопроизводительной экономикой. Характеризующееся изобилием досуга общество, которому Платон дал определение «простое общество», было основано на самостоятельности человеческой личности; при этом достижение подобного положения потребовало наличия значительной автократии в вопросах материального характера⁸. Цена автократии — низкая производительность и, как следствие, наличие подчиненной части населения, чей труд направлен на обеспечение досуга избранных, которые могут использовать его для развития самостоятельного интеллекта. Альтернатива этому — обеспечение более высокого уровня материального достатка посредством специализации и разделения труда. Однако любое движение в данном направлении — имеющем первостепенную важность для повышения производительности труда — одновременно ведет к подтачиванию самостоятельной, неотчужденной личности в пользу чего-то нового. Подобная двойственная уступка, или дилемма, далеко не тривиальна: она лежит в сердце концепции свободного и добродетельного человека, разработанной классической республиканской философией⁹. Отсюда

8. Ronald Fletcher. *The Shaking of the Foundations. Family and Society* (London: Routledge, 1988): 204–205.

9. Я говорю про «свободного и добродетельного человека», поскольку республиканская философская школа находила слабость человека в его желаниях: зависти, тщеславии и сладострастии, толкающих на неосмотрительные поступки. Эти слабости приписывались ею прежде всего женщинам, молодежи, рабам и слугам. Согласно данной школе мысли, ограничение свободы указанных категорий населения в пользу самостоятельности представителей мужского пола одновременно решало проблему материального обеспечения самостоятельности в рамках республики для тех, кто являлся в достаточной мере мыслящим человеком, и проблему морального порядка, заключающуюся в ограничении устремлений слабохарактерной части человечества заполучить товары, которые им не нужны. Для ознакомления с позицией республиканской философской школы, вышедшей из учения Аристотеля, см. следующие публикации: John Sekora. *Luxury. The Concept in Western Thought, Eden to Smollet* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977); J. G. A. Pocock. *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975).

серьезный вопрос: может ли это «нечто новое», эта замена неотчужденного свободного и добродетельного человека оказаться чем-то лучшим? Не произошел ли разворот в сторону потребительского общества, столь осуждаемый критиками, подходящими к данному вопросу с позиций защиты культуры, гораздо раньше, чем они полагают, да и следует ли его осуждать?

Старая роскошь и новая роскошь. Нет никаких сомнений в том, что обществу с изобилием досуга было известно потребление: оно было известно ему под именем «роскошь» (*luxury*). Когда желания вытеснили идеалы, а аппетиты подменили собой чувства, «простое общество» Платона преобразовалось в «воспаленное общество»¹⁰. Обусловленное подобным развитием ситуации потребление, экстравагантное и безудержное, ассоциировалось в христианской традиции чуть ли не со всеми семью смертными грехами. Физические товары, служившие воплощением высокой культуры и утонченности, а также права властвовать в системе аристократического общества могли быть запросто обращены на цели личной неумеренности, не только дозволяя здоровой личности броситься в омут разгула, но и подрывая стабильность общества в целом. Томас Ман выразил свою озабоченность судьбой отдавшейся роскоши Англии эпохи Реставрации следующим образом:

Всё, за что мы ни беремся, поражено недугом: наше увлечение курением и фарфором, пиры, мода, наша трата времени на лень и удовольствия... привели к тому, что мы стали женственны в телах наших, слабы в знаниях, бедны в богатстве, утратили мужество, удачу в начинаниях и оказались презираемы врагами¹¹.

Данная критика роскоши, исходящая из принципов христианской и классической традиций, была долговечной и почитаемой и продолжила доминировать в западной мысли и в XVIII в. Более того, в своей светской форме она продолжает влиять на нас и поныне.

10. Fletcher. *Shaking of the Foundations*, pp. 204–205.

11. Thomas Mun. *England's Treasure by Forraign Trade or the Balance of Our Forraign Trade in the Rule of our Treasure* (London: n. p., 1664): 180–181.

Если выражаться простым языком, то суть ее в следующем: роскошь — враг добродетели.

В XVII в. произошло зарождение «новой роскоши», достаточно развитой силы, способной бросить вызов «старой роскоши», которая на протяжении столетий в симбиотической напряженности сосуществовала бок о бок с обществом, изобиловавшим досугом. «Новая роскошь» диктовалась уже не королевскими дворами, а городским обществом. Она не отличалась последовательностью стиля и главенствующей культурной идеей, ей было характерно многообразие элементов. Любые уподобления «старой роскоши», стремившейся к величественности и изысканной утонченности, могли быть лишь слабым ее подобием. Новая же роскошь, стремившаяся к большему комфорту и новым удовольствиям, безболезненно следовала во множестве направлений. «Старой роскоши» были свойственны чувственность и снисходительность к своим природным инстинктам, что делало ее достоянием элит, в достаточной мере привилегированных, чтобы претендовать на свободу от моральных устоев, которыми должны были руководствоваться все остальные.

В противоположность всему этому концепция «вкуса», которой придерживалась «новая роскошь», «подразумевала вкус, представляющий собой утонченность чувственного восприятия... то есть того, на что был способен практически любой человек. С теоретической точки зрения демонстрация своего вкуса была доступна каждому, независимо от его социального положения...» Вкус не избегает роскоши, а приручает ее, налагая на роскошь эстетические ограничения. «Правила вкуса, — пишет Вудруф Смит, — накладывают на изобилие и чувственность ряд ограничений»¹².

Там, где «старая роскошь» выполняла прежде всего роль ориентира, способа разграничения людей, времени и места, «новая роскошь» была направлена в большей мере на передачу культурного посыла, что способствовало установлению взаимоотношений (подобию социальных связей) между участниками потре-

12. Smith. *Consumption*, p. 81–82.

ния. Потребительское общество, которому были свойственны формирующие вкус воспитание и практика (накопление потребительского капитала по Беккеру), составило основу «доброжелательного общества», которое, в свою очередь, способствовало открытому и цивилизованному общению между гражданами. Вовсе не являясь врагом добродетели, подобное потребление — «новая роскошь» — могло претендовать на установление в обществе самого фундамента добродетели.

Наконец, в то время как «старая роскошь» лишь высасывала соки из экономики и таила в себе опасность для материального достатка тех, кто отдавался ей, «новая роскошь» сочетала то, что Дэвид Юм называл «утонченностью в ублажении чувств», со стимулами развития коммерции:

Если мы заглянем в историю, то обнаружим, что в большинстве стран коммерция предшествовала какой бы то ни было утонченности в предметах обихода, и именно она породила домашнюю роскошь... Таким образом люди и знакомятся с *удовольствиями* роскоши и *прибыльностью* коммерции; и как только в них пробуждаются *изысканность* и *трудолюбие*, они принимают за совершенствовать их в каждой области внутренней и внешней торговли; и это, возможно, главная польза от коммерческих отношений с чужестранцами¹³.

Теперь потребление предметов роскоши и экономическое развитие могли быть совмещены, а не противопоставлены друг другу. Таким образом, в течение двух-трех поколений — начиная со второй половины XVII в. — роскошь пережила преобразование поначалу в физической реальности, затем и в теории, когда в ее новых формах увидели не смертельного врага добродетели, а ее самое что ни на есть основание¹⁴.

13. David Hume. *Essays, Moral, Political and Literary* ([1752] London: Longmans, 1989), Part II. "Of Commerce", p. 259–275; "Of Refinement in the Arts", p. 275–289; quotation, p. 270.

14. Вполне возможно, что заключительный этап развития подобного подхода к вопросу нашел отражение во втором издании «Опыта о законе народонаселения» Томаса Мальтуса (T. R. Malthus. *Essay on the Principles of Population* (London, 1803). Именно во втором издании, после значительной переработки первоначального

Подражание против нововведений. Иногда применительно к роскоши употребляется эпитет «вне времени», что наводит на мысли о стабильных социальных и политических иерархиях, на высших ступенях которых располагались немногочисленные элиты, являвшиеся единственными потребителями роскоши. Когда роскоши придается движение, она начинает руководствоваться модой. Подобное движение зачастую рассматривается как продукт подражательного поведения. Теория моды Георга Зиммеля начинается с предположения о том, что люди во всем подражают друг другу. Сочетание социального неравенства с возможностями подъема по социальной лестнице, свойственными капиталистическому обществу, заставляет группы не входящего в элиту населения стремиться к заимствованию части ее статуса за счет перенимания ее материальной культуры. Подобное подражание вынуждает элиты к постоянному поиску нового в целях обновления способности потребляемых ими физических товаров служить в качестве публичных символов их статуса и поддерживать социальные отличия. Именно так мода и становится неотъемлемой частью современного общества: «Однажды тронувшись с места, колесо моды уже не останавливается, как будто оно толкает себя само»¹⁵.

текста, опубликованного в 1798 г., Мальтус проводит четкую взаимосвязь между «моральной сдержанностью» и благотворным влиянием желания потреблять. «[С]тремление к комфорту и удобству оказалось определяющим для “моральной сдержанности”, сделавшей возможной достаточный контроль за народонаселением в целях поддержания в обществе довольства: «Бесспорный вкус к жизненным удобствам и комфорту, мощное желание улучшить свое положение — это главная пружина общественного благосостояния — и, как следствие, достойный высшей похвалы дух трудолюбия и предусмотрительности — всё это главенствует в огромных массах населения [Великобритании]». Данная точка зрения послужила основой последующих теорий о переходе к обществу изобилия. Цит. по: John Crowley. “From Luxury to Comfort and Back Again. Landscape Architecture and the Cottage in Britain and America”, in Berg and Eger, eds. *Luxury of the Eighteenth Century*, p. 146.

15. Georg Simmel. “Fashion”, *International Quarterly* 10 (1904): 130–155. Теории подражания и моды, разработанные Зиммелем и другими мыслителями, представлены в следующем издании: Alan

Против подражательного поведения существуют определенные меры защиты. Подражание можно ограничить законодательно, что неоднократно и происходило с помощью налога на роскошь, или же его можно сделать крайне сложным, когда конструкция и материалы роскошных вещей будут очень дорогими и их будет сложно симитировать. «Старая роскошь» весьма охотно прибегала к подобным защитным мерам¹⁶. А вот «новой роскоши», как мы уже подметили, была свойственна способность быть адаптированной к финансовой ситуации гораздо более широких слоев населения (включая низы). Посредством установления материальных культур, которые могли быть приняты более широкими слоями населения (однородность), и развития рынка модных изделий (коммерциализация) «новая роскошь» способствовала распространению новых товаров. При этом и старой и новой роскоши свойственна одна и та же фундаментальная проблема: откуда берутся новые устремления потребителей? Порождаются ли они элитами — единственными созидательными потребителями — и затем переходят посредством подражания в более широкие социальные слои или же потребительская практика является порождением самостоятельных инициатив многочисленных социальных групп, каждая из которых преследует свои собственные цели?

Концепция подражания лежит в основе большинства исторических исследований потребительских революций. В ее центре — предположение о том, что созидательные потребители — это только элиты. Касательно

Hunt. *Governance of the Consuming Passions. A History of Sumptuary Law* (New York: St. Martin's Press, 1996). Приведенная цитата — из работы Ханта, р. 49.

16. Hunt. *Governance of the Consuming Passions*. Хант исследует направленные на ограничение личных расходов законы ряда европейских стран. Согласно его выводам, пик данного законодательства пришелся на XVI в. К 1604 г. Англия данные законы отменяет, а в Голландии они и вовсе никогда не принимались. В ряде других стран их применение продолжается и даже усиливается в целях контроля за неподобающим распространением моды вплоть до XVIII в., когда происходит их повсеместная отмена.

же общества в целом вопрос можно сформулировать так: каким образом и почему более низкие слои подражают примеру элит?

Этот вопрос имеет несколько ответов. Согласно первому, все дело во влиянии королевских и княжеских дворов, чье развитие в эпоху раннего нового времени наделило их престижной ролью — вести остальных в «цивилизующее наступление». В дворцовых кругах новый тип поведения, характеризовавшийся галантностью и независимостью, был призван направить энергию придворных на занятия искусствами и науками, переориентировав потребление с людей (то есть с непрерывного оказания услуг, обеспечивающих роскошь чувственного характера и одномоментное наслаждение) на вещи (то есть на предметы культуры, обещающие длительное и постоянное наслаждение). Норберт Элиас видел в «цивилизующем наступлении» феномен, чье влияние распространялось не только на материальную культуру. Среди функций придворного общества он выделял его роль в качестве наставника в вопросах «желаний разума» — то есть наставника в вопросах развития вкусов¹⁷.

В то время как Элиас не дает каких-либо указаний на то, кто именно выступал в роли данных наставников, в более ранней работе Вернера Зомбарта «Роскошь и капитализм» (*"Luxury and Capitalism"*) содержится указание на «власть женщин», представляющих элиты, в качестве активных субъектов потребления роскоши¹⁸. Разумеется, Зомбарт не был первым, кто пришел к подобным выводам. Эдвард Хандерт по этому поводу замечает:

17. Norbert Elias. *The Civilizing Process* (Oxford: Basil Blackwell, 1978); Elias. *The Court Society* (Oxford: Basil Blackwell, 1983).

18. Werner Sombart. *Luxury and Capitalism* ([1913] Ann Arbor: University of Michigan Press, 1967). Возможно, утверждениям Зомбарта и свойственно женоненавистничество, однако свойственна им и определенная степень проницательности. Капитализм, согласно его мнению, нашел свою движущую силу не среди женщин городской европейской буржуазии, а среди любовниц, требовавших от аристократов беспечного поиска чувственных удовольствий. То, что разорило старый класс элиты, оказалось благоприятной возможностью для капиталистического общества.

Попытки связать роскошь с женским непостоянством и социальной силой желаний женщины уходят в далекое прошлое. Подобный подход широко использовался в классической республиканской теории, а также во взглядах августинцев на политическом упадке, в которых «уподобление мужчин женщинам» и вытекавшая из него роскошь, как правило, рассматривались в качестве неотъемлемых черт морального и политического разложения¹⁹.

Однако к XVIII в. тщеславное стремление женщин к потреблению начинает видеться мыслителям в отличном, более положительном свете. Бернард де Мандевиль, всегда отличавшийся шокирующими заявлениями, утверждал, что само процветание Великобритании или, говоря его словами, «все мировые интересы нации» основывались на «обмане и гнусных стратагемах женщин... Число же работников, занятых для удовлетворения женских непостоянства и роскоши, феноменально». Более того, женщинам «никогда бы не удалось [приобретать предметы роскоши] иным путем, кроме как отнимая деньги у собственных семей, совершая неосмотрительные траты, обманывая своих мужей или подворовывая у них»²⁰. Compliment женщинам, сокрытый в этих язвительных словах, наверное, очевиден

19. Edward Hundert. *The Enlightenment's Fable. Bernard Mandeville and the Discovery of Society* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994). Данная тема подробно рассматривается в следующей работе: Hanna Pitkin. *Fortune Is a Woman. Gender and Politics in the Thought of Niccolo Machiavelli* (Berkeley: University of California Press, 1984).

20. Bernard Mandeville. *The Fable of the Bees* ([1723] London: Wishart & Company, 1934), I, 356; Remark T., p. 175–177. Словно предвосхищая появление «Протестантской этики» Макса Вебера, де Мандевиль заявляет, «что заслуга Реформации в том, что принявшие ее Королевства и Государства процветают более других, вряд ли больше заслуги глупого и сделанного по указке каприза изобретения подвешенной на обручах стеганой нижней юбки» (p. 219–220). Де Мандевиль настаивал на том, чтобы общество представало в работах мыслителей таким, каким было в действительности, а не таким, каким его желали видеть теоретики и теологи. При этом он предпочел предварить свои утверждения о переоцененном влиянии Реформации следующим заявлением: «Я протестую против Католицизма столь же сильно, что и Лютер с Кальвином или сама королева Елизавета».

не каждому современному читателю. Однако намерение, которое преследует де Мандевиль, — это проиллюстрировать своим трактатом тот факт, что общественное счастье берет свое начало в порочности отдельных людей.

В том же столетии, но несколько позднее, Монтескье в своих «Персидских письмах» более подробно останавливается на ключевой роли женщин в качестве посредников между старой аристократией и новой коммерческой элитой. Будучи арбитрами «учтливового общества», они двигали вперед «цивилизующий процесс», главным механизмом чего выступало соперничество между мужчинами за их благосклонность. Удовлетворение их «фривольного и утонченного вкуса... [по словам Монтескье] способствовало всеобщей страсти к работе, изобретательности и прилежанию»²¹. Эти предположения интересны прежде всего своей попыткой найти главную движущую силу процесса, который, как уже догадывались современники, представляет собой масштабную экспансию потребления предметов роскоши. Они не претендуют на то, чтобы объяснить изменения, которые коснулись слоев населения, не относящихся к классу элиты, поэтому их не стоит отвергать, видя в них несостоятельные объяснения более крупного феномена, коим является потребительский спрос в целом.

Еще одно объяснение влияния подражания на общество касается городской жизни в раннюю эпоху Нового времени, когда произошло значительное укрупнение городов, особенно столиц. Наблюдения за социальной жизнью в столице подтолкнули Монтескье к выявлению следующей закономерности: «Роскошь... пропорциональна размеру городов, и прежде всего — столиц...» Монтескье утверждает, что проживание в густонаселенных городах способствует подражанию тем, кто занимает более высокие ступени социальной лестницы, и следованию культуре образов в более широком смысле, поскольку «если число жителей столь велико, что большинство их друг с другом незнакомы, то желание

21. Tjitske Akkerman. *Women's Vices, Public Benefits. Women and Commerce in the French Enlightenment* (Amsterdam: Het Spinhuis, 1992): 48.

выделиться удваивается, ведь растет расчет на удачу». Это подвело Монтескье к выделению еще одной социальной закономерности: «Чем больше времени люди проводят вместе, тем больше их тщеславие и тем больше ощущают они в себе желание привлекать к себе внимание посредством незначительных вещей»²².

Очевидно, что в сильно сегментированном обществе никакое преимущество не может быть использовано анонимно, как очевидно и то, что культура образов не может быть успешной в обществе, где информация открыта, а ее получение малозатратно и где продвижение по социальной лестнице зависит от личных достоинств человека. В связи с этим необходимо отметить интересную особенность многих европейских обществ раннего Нового времени: они оказались на промежуточной позиции между двумя указанными в предыдущем предложении. Социальная сегментация в них была недостаточно полной, чтобы исключить продвижение по социальной лестнице, но при этом условия мало способствовали такому продвижению на основе личных достоинств человека или на основе рыночных принципов. Многие из наиболее желанных ценностей были частного порядка и обеспечивались общественным устройством — это почести, брачные союзы, должности и т. п. Именно эти, условно говоря, «товары» распределялись не рынком, а посредством социального взаимодействия, характеризовавшегося недостаточной открытостью информации.

Общества, где придворная жизнь играла особо заметное влияние, процесса интенсивной урбанизации не избежали. Им также были свойственны мощные стимулы к показному потреблению, в роли движущей силы которого выступало подражательное поведение. Задача показного потребления заключалась в передаче определенной информации (зачастую ложной) в целях получения указанных частных ценностей²³. Расширенная

22. Montesquieu, Baron du. *The Spirit of the Laws* ([1748] New York: Hafner Publishing, 1949), Vol. I, p. 95, 97.

23. Giacomina Corneo and Oliver Jeanne. "Segmented Communication and Fashionable Behavior", *Journal of Economic Behavior and Organization*

сфера общественного влияния дворов способствовала развитию феномена, известного как «политес» — отличавшегося утонченностью и элегантностью поведения, стильной подачей себя приятным для окружающих образом, который, казалось, и сам влияет на цивилизованность поведения. Критики политеса видели в его основе циничное подражание, превращавшее общество в театр через свое чрезмерное внимание внешнему виду, зависимость от капризов моды и лицемерие, которым пропитано общение людей друг с другом²⁴.

Было ли подражание характерной особенностью монархических обществ или же «полуосовремененной» социальной обстановки? Очевидец событий того времени Юстус ван Эффен дает следующий ответ на этот вопрос в серии эссе, написанных им в 1730-х гг. В данных эссе он осуждает французский политес, вменяя ему только что перечисленные претензии, и противопоставляет ему голландский “beschaafdheid” («учтивость»). В коммерческих обществах, и прежде всего Голландской Республике, потребители не испытывали давления, которое заставляло бы их с одержимостью стремиться к подражательному поведению и к тому, чтобы производить определенное внешнее впечатление. В таких обществах гораздо большее внимание уделялось внутренним процессам развития вкуса, что способствовало учтивости, основанной на разумности, добродетельности и общительности. Потребителю республиканского общества необходимо было «относиться с недоверием как к авторитету традиции, так и к капризам моды. Добиться этого он мог постоянным “оттачиванием” своего интеллекта через общение»²⁵.

39 (1999): 371–385; “Conformism, Snobbism, and Conspicuous Consumption”, *Journal of Public Economics* 66 (1997): 55–71; “Demonstrative Consumption, Rivalry and Development” (unpublished paper, Jena University Workshop on “Escaping Satiation”, 11–13 Dec. 1997).

24. Подобная характеристика политеса основана на исследовании: Wyger R. E. Velgema. “Ancient and Modern Virtue Compared. De Beaufort and Van Effen on Republican Citizenship”, *Eighteenth-Century Studies* 30 (1997): 437–438.

25. Ibid., p. 437–448.

Рисуемый ван Эффеном портрет потребителя коммерческого/республиканского общества, развивающего свои предпочтения посредством образовательного процесса, а не через следование символам практикуемого элитами образа жизни, особенно интересен вследствие того, что им проводятся различия не только между голландской учтивостью и французским политесом, но и между республикой (какой ее видел ван Эффен) и Англией (какой она представлялась многим современным историкам). По мнению Маргарет Хант, подражание — «центральная объясняющая концепция, использовавшаяся специалистами по истории общества в послевоенный период, по крайней мере, там, где речь шла об исследовании поведения “коммерческих людей”»²⁶. Гарольд Перкинс, являющийся, возможно, самым влиятельным сторонником идеи о центральном месте подражания в истории британского общества, полагает, что этому переходящему на рельсы коммерции обществу истинная коммерческая культура еще не свойственна. Соответственно «торговое сословие» оказалось не в состоянии сформулировать какую-либо иную цель, кроме как дистанцироваться от своих истоков и войти в ряды аристократии. Как следствие, согласно Перкинсу, подражание следует рассматривать в качестве «главного двигателя» социальной и экономической жизни Англии XVIII в.²⁷

То, что мнение Перкинса о доминировании аристократии в жизни английского общества разделяют далеко не все, вовсе не снижает важность приписываемой подражанию роли, поскольку существует целый ряд прочих черт английского общества, которые, как предполагается, превратили подражание в мощную силу

26. Margaret Hunt. *The Middling Sort. Commerce, Gender, and the Family in England, 1680–1780* (Berkeley: University of California Press, 1996): 2.

27. Harold Perkins. *The origins of Modern English Society* (London: Routledge & Kegan Paul, 1969). Полутонов Перкинс не признавал: «Потребительский спрос явился главным экономическим ключом к промышленной революции...» (р. 91). «Если потребительский спрос был ключом к промышленной революции, то социальное подражание, в свою очередь, явилось ключом к потребительскому спросу» (р. 96).

экономического развития, ведомого потребителем. Наиболее полные и сильные аргументы в пользу подобного утверждения приводятся Нилом Маккендриком. Согласно его мнению, «рынок массовых потребительских товаров достиг более низких, [чем просто средние классы], слоев общества, дойдя до квалифицированного фабричного рабочего и домашней прислуги...», и это стало возможным благодаря тому, что «британское общество оказалось идеальной плодородной почвой для тех, кто был настроен обратить новые потребительские желания в коммерческую выгоду». Что именно сделало Англию в этом плане идеальной? Маккендрик выделяет три причины: структура английского общества, под которой им понимается «социальная конкуренция между его близко прилегающими друг к другу [статусными] слоями»; огромные размеры и характер столицы, подававшей пример стиля жизни для всей страны; и, наконец, приведение в действие следующих благоприятствующих подражательному потреблению факторов — класса домашней прислуги, обширной армии женщин, «выступавших в качестве крайне важного канала связи, посредством которого передавалась информация о последних модных новинках и распространялось желание в приобретении новых предметов потребления — от их работодателей к их собственным социальным кругам»²⁸. Маккендрик признает, что данные составляющие не были проявлениями исключительно XVIII в., а наблюдались и ранее, однако он показывает, что они сформировали собою зажигательную смесь потребительства, которая накапливалась и наконец вспыхнула в XVIII в. с приходом предпринимателей, обладавших соответствующими навыками маркетинга, способными привести в действие и расширить масштабы подражательного потребления.

Данное Маккендриком толкование поведения потребителя на основе подражания сводит вместе многие из признанных фактов истории английского общества,

28. Neil McKendrick. "The Consumer Revolution in Eighteenth-Century England", in McKendrick, Brewer, and Plumb, eds. *Birth of a Consumer Society* (Bloomington: Indiana University Press, 1982): 20–22.

позволяя говорить о том, что потребительская революция была самым что ни на есть английским феноменом. При этом, как мы смогли убедиться, взгляд историков на подражательное поведение позволил им подогнать его под историографические потребности Центральной Европы (культура двора) и Франции (политес), а также Англии (продвижение по социальной лестнице). Для установления точной роли подражательного поведения в потребительском поведении к вопросу стоило бы подходить с позиций, уделяющих меньшее внимание национальной исключительности.

Еще одна слабость данной концепции заключается в утверждении о том, что потребительская культура представляет собой цельный феномен, охватывающий общество от верха до самых его низов. В целом утверждения, во главе угла которых стоит подражательное поведение, придерживаются позиции, согласно которой в обществе предшествующего этапа утонченная потребительская культура свойственна немногочисленному, стабильному по своему составу кругу людей, а затем внезапно распространяется, подобно случайно вырвавшемуся на свободу лабораторному вирусу, в новой среде городских «выскачков» и прислуги женского пола, от которых происходит поэтапная передача вируса более низким слоям общества, что в итоге навсегда меняет его поведение. Подобная модель отрицает роль большей части общества в потребительской революции и почти полностью исключает какие-либо экономические факторы. На ней стоит клеймо: «Deus ex machina» (то есть счастливое вмешательство высших сил). Даже там, где такая модель дает точные описания потребительского поведения, она предрасположена к тому, чтобы уклоняться от ответа на вопрос: *почему* люди подражают (или создают впечатление, что подражают) тем, кто выше их по социальному статусу?

У революции трудолюбия были гораздо более глубокие корни, чем собственно подражание. Новое потребительское поведение требовало значительных изменений в повседневной жизни — в том, как именно люди жили и работали в рамках семьи, — и это дает основания предполагать, что более важной движущей силой

перемен выступило новаторство, а не подражание. В данном контексте роль новаторства лучше всего может быть осознана посредством связывания моды и вкуса не с высшими слоями общества, а с — за неимением лучшего слова — новыми веяниями. Стремление к новым товарам и новой моде является частью того, что Герберт Блумер называл «коллективным нащупыванием ближайшего будущего»²⁹. Иными словами, общественные группы смотрят не вверх, а вперед.

Первые потребители-новаторы? Можем ли мы обратиться к мыслителям-современникам исследуемых событий для поиска подсказок относительно форм потребительского новаторства в рассматриваемый период? Среди экономических историков бытует мнение, что даже самые проницательные из современников промышленной революции, разворачивающейся у них прямо перед глазами, были не в состоянии составить достаточно точную картину происходящих производственных изменений³⁰. Сказать то же о потребительских изменениях революции трудолюбия нельзя. Наоборот, потребление стало объектом огромного числа моралистических размышлений, философских предположений и политико-экономических теорий.

Где новаторское поведение потребителя проявилось впервые? Было бы неверно считать, что на данный вопрос можно дать точный и единственно верный ответ. Однако Голландская Республика XVII в., без сомнений, заслуживает рассмотрения в качестве общества, где произошло широкое распространение новых форм материальной культуры, изменивших практику и опыт потребления. Здесь мы впервые в подобных масштабах

29. Herbert Blumer. «Fashion. From Class Differentiation to Social Selection», *Sociological Quarterly* 10 (1969): 281.

30. Douglass North. *Structure and Change in Economic History* (New York: W. W. Norton, 1981): 160–162; Joel Mokyr. «Editor's Introduction», in Joel Mokyr, ed. *The British Industrial Revolution. An Economic Perspective* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1998): 1–127. Есть и те, кто полагает, что промышленный прогресс тех лет не заслуживает звания «промышленная революция», например, Рондо Кэмерона считал этот термин ошибочным: Rondo Cameron. *A Concise Economic History of the World* (Oxford: Oxford University Press, 1989): 163–165.

и с подобной степенью постоянства наблюдаем общество, где приобретение предметов роскоши и новинок стало возможным не только для малочисленной традиционной элиты, где приобретаемые товары способствовали формированию материальной культуры, понять которую лишь с точки зрения теории подражания не представляется возможным.

Теперь значительная часть общества была в состоянии практиковать *выбор*. Выбор несет свободу, а свобода ставит перед человеком моральные дилеммы. В Голландской Республике перед подобными дилеммами оказались многие, у кого ранее, а в других обществах — и на тот момент, вопрос потребительского выбора не стоял в силу ограниченности предложения и следования обычаям, чья расточительность касалась исключительно устоявшегося в традициях излишнего потребления еды и напитков.

В своей знаменитой книге «Обуза богатства» («Embarrassment of Riches») Саймон Шама с явным удовольствием обращается к доводам маститых мыслителей о моральных ловушках, окружающих потребление предметов роскоши. Создается картина общества, оказавшегося воздетым на рогах дилеммы: уникальные общественные добродетели, сделавшие возможным экономическое процветание, ввергли его в грех роскоши. В своих утверждениях Шама периодически обращается к наставлениям проповедников-кальвинистов³¹ и в значительной мере полагается на предметы живописи и прочие визуальные изображения, восходящие к старинным представлениям об опасностях, которые таит в себе стремление к роскоши³².

31. Шама пишет об «адском огне» неприятия кальвинистским духовенством роскоши и задается вопросом: «Неужели, несмотря на громкость слов, осуждение кальвинистской церковью порочности денег не нашло отклика в людских сердцах — если не считать отдельных искупительных жестов благотворительности?» Simon Schama. *The Embarrassment of Riches* (New York: Knopf, 1985): 335.

32. Исходя из бытующего представления, что кальвинизм требует от своих приверженцев исключительного аскетизма (так называемую пуританскую воздержанность), может показаться, что

Солидарно с позицией Саймона Шамы и мнение многих историков предыдущих поколений, согласно которому последовавший после 1670-х гг. упадок республики был если не вызван, то, по крайней мере, самым тесным образом связан с натиском культурной перзрелости, свойственной испорченному поколению голландцев, привыкших к роскоши, а потому утратив-

любое общество, сформированное кальвинистским учением, вряд ли может быть кандидатом для новаторского поведения потребителей. Кальвинисты, как и приверженцы прочих христианских учений, на протяжении столетий самым разнообразным образом реагировали на изменения в своей материальной жизни. Однако учение самого Жана Кальвина дает немного оснований связать его наставления с практикой самоотречения. Взгляды Кальвина на материальный мир, который он рассматривает лишь отрывочно, в действительности не слишком отличаются от взглядов, проповедуемых гуманистами XVI в. Наряду с Эразмом Роттердамским и следуя за Аристотелем, он скорее рекомендует *"via media"* («срединный путь») — умеренность в пользовании дарами господними, — а не воздержание. В своем пояснении к молитве «Отче наш», в которой христиане просят Господа: «...хлеб наш насущный дай нам на сей день» Кальвин пишет, что данное обращение касается не только «того, что необходимо нашим телам», то есть пищи и одежды, «но и всего, что Господь видит как полезное нам...» Позднее, в своих рассуждениях о христианской свободе, Кальвин представляет свидетельства того, что тот ряд предметов, которые «Господь видит как [полезные] нам», может быть достаточно широким: «Пусть каждый человек живет согласно своему положению, будь то скудно, умеренно или богато, чтобы помнил он, что Господь питает их, чтобы они жили, а не предавались излишествам». Кальвин не требовал упования на загробную жизнь; его концепция христианской свободы рекомендует скорее нечто другое, касающееся индивидуальных решений: умеренность — в соответствии с положением или доходом человека — в пользовании тем, что «Господь видит как полезное нам». John Calvin. *Institutes of the Christian Religion* (Atlanta, 1973; 1536 edition): 109–110, 246.

Обращаясь к таким же вопросам, швейцарский религиозный реформатор Ульрих Цвингли выступал против традиционных запретов Церкви на определенную еду. В своих утверждениях о том, что подобные запреты противоречат принципам христианской свободы, он ссылаясь на Священное Писание. Huldreich Zwingli. "Von Erkeisen und Freiheit der Speisen. 16 April 1522", in Emil Egli and Georg Finsler, eds. *Huldreich Zwinglis sämtliche Werke*, Vol 1. Corpus reformationum (Berlin, 1904): 74–136.

ших благородство характера и силу духа своих праотцов. В период их «дозора» французская мода одолевает кальвинистскую простоту, классицизм засоряет весеннюю свежесть голландского художественного гения, а процветающие семьи бюргеров уступают «увещеваниям» аристократического стиля жизни.

Подобные утверждения, в гораздо большей степени подходящие для описания упадка Рима, чем реалий голландского общества XVII в., одно время принимались без лишних вопросов историками, стремившимися к упрощенным объяснениям сложного сюжета. Слабость данных утверждений в том, что они полагаются на устаревшую доктрину, более не годящуюся для новых тенденций реальности. Вместо того чтобы поддаться соблазнительной картине республиканского общества, увязшего в «старой роскоши», нам следует отложить это почтенное, но вводящее в заблуждение представление дел в сторону. Важно попытаться увидеть, что новая потребительская культура в действительности строится на безграничном выборе, предоставленном возросшей доле населения, у которой с недавних пор появилась возможность по-новому распоряжаться своим доходом. Влияние старой доктрины во взглядах на вопрос этого выбора объясняется тем, что долгое время она оставалась единственным «словарем», с помощью которого обсуждался данный вопрос. Однако реалии поведения рассматриваемых потребителей породили специфическую материальную культуру, в рамках которой предметы роскоши приобретались скорее для убранства дома, чем самого человека, и служили украшением внутреннего пространства — как жилища, так и тела — в большей степени, чем украшением внешним. Голландцам того периода комфорт давался легче, чем утонченность³³.

Именно это более всего и поражало оказывавшихся в республике чужеземцев. Путешествующий по миру англичанин Питер Манди после часто цитировавшихся замечаний об обилии художественных полотен даже

33. Для ознакомления с интереснейшим исследованием истоков идеи домашнего уюта см. Witold Rybczynski. *Home. A Short History of an Idea* (New York: Viking Press, 1986): 77.

в домах мясников, пекарей, кузнецов и башмачников пишет в 1640 г.:

Таковы общее представление, склонность и упоение тем, что жители этих мест в дополнение к полотнам также имеют у себя дома мебель и предметы декора, весьма дорогие и любопытные, дарующие довольство и домашний уют, такие как богатые буфеты, шкафы и т. д. Статуэтки, фарфор, дорогие и изящные клетки с птицами и т. п. — все это часто встречается в любом доме любого сословия, отличающемся чудесной чистотой. И чистота эта наблюдается и в самом доме, и в мебели, и в услугах и т. п., как внутри, так и на улице³⁴.

Широко распространившийся домашний уют произвел впечатление и на папского посланника в Кельне нунция Паллавичино. Его поездка в 1676 г. в Амстердам пришлась на момент окончания работ по строительству радиальных каналов вокруг старинного средневекового центра города. Он отмечает, что «лишь нация, не растрачивающая свое богатство на одежды и слуг, способна была бы добиться всего этого без лишней суеты»³⁵. «Всего этого» — разумеется, это ни много ни мало, а возведение тысяч комфортабельных городских домов, ограниченных в нарочитой демонстрации богатства своих обитателей лишь 30–40 футами фасада, однако насчитывающих 190 футов в глубину, позволяющих добиться новой формы частного домашнего комфорта.

Путь в эти дома нашли экзотические предметы роскоши из всех уголков мира. В домах этих были и дорогостоящие изделия искусной работы, такие как gobelены и предметы мебели. Эти изделия зачастую завозились из Южных Нидерландов, где долгая ремесленная традиция поддерживалась местным и испанским правящими дворами.

Сами же города Голландии предлагали предметы «новой роскоши». Изготовление данных изделий требовало высочайшего ремесленного мастерства, но при

34. R. C. Temple, ed. *The Travels of Peter Mundy in Europe and Asia, 1608–1667*, Vol. IV (1639–47) (Cambridge: Hakluyt Society, 1925): 70–71.

35. Цит. по: Johan Huizinga. *Dutch Civilization in the Seventeenth Century* ([1941] London: Collins, 1968): 62.

этом и должно было отвечать целям массового производства. Предметы «новой роскоши» могли быть воспроизведены в большом количестве или предложены в вариациях как качества, так и цены. Дома вдоль каналов, как и более скромные жилища, были выложены делфтской плиткой разного качества, а кухни и письменные столы были уставлены вдохновленным восточными мотивами делфтским фаянсом³⁶. Схожим образом дома вдоль каналов были уставлены столярными изделиями — платяными шкафами, платяными сундуками и многими другими предметами мебели. И здесь высокая цена снова стала отражением высшего выражения традиций мебельного производства, способного удовлетворить и скромный бюджет. Даже земледельцы могли себе позволить пусть и более дешевые версии, но все же версии тех же изделий, что приобретали и зажиточные горожане.

Перейдем теперь к изделиям живописи. Как хорошо известно, в период после Реформации происходит адаптация нидерландского искусства к потребностям «новой роскоши», по мере того как частные заказы элиты уступают место масштабному рынку произведений искусства. Благодаря развитию новых изделий (новых мотивов художественных полотен) и новых процессов (новых видов техники живописи) голландские художники создают новые рынки. К середине века производством полотен одновременно занимаются от 700 до 800 мастеров, а всего за столетие создается несколько миллионов картин: от дорогих, цена на которые составляет сотни гульденов, до так называемых “dozijnwerk” — «серийных работ», насчитывающих десятки ко-

36. В связи с огромным успехом голландского фаянса следует рассмотреть неудачу Голландии в развитии собственной фарфоровой промышленности. Фарфоровых производств, способных соперничать с Мейсеном, Веной, Копенгагеном, Севром и Вустером, там не возникло. Недостатка в технических навыках не было; чего, скорее всего, не хватило — так это связей с правящим двором, необходимых для разработки соответствующих форм изделий и успешной конкуренции на рынке, который в данном случае был главным образом рынком новых изделий «старой роскоши».

пий, за которые можно выручить на ярмарке один-два гульдена. Если ситуация с художественными полотнами, находящимися в руках жителей Делфта, может быть соотнесена с ситуацией по всей Голландии — в ее провинциях, — то можно говорить о том, что к 1660-м гг. на стенах в домах голландцев висело около трех миллионов художественных полотен, и почти все они были произведены в текущем столетии³⁷.

То же можно сказать и о производстве часовых изделий, приборов, книг, таких популярных изделий роскоши, как табачные трубки и изделия из серебра декоративного или практического назначения. В отличие от экзотических изделий, ввозимых в Европу из других уголков света, или большинства изысканных предметов обихода, которые можно было встретить в домах Брабанта и в более отдаленных частях Европы, новые изделия роскоши, приобретаемые голландцами, производились большей частью в местных городах. Некоторые из этих изделий были имитацией или адаптацией иностранных предметов роскоши, такие как делфтский фаянс, ставший ответом на китайский фарфор, некоторые — более дешевыми версиями европейских товаров, такие как гобелены, производимые в Делфте и Гауде, или амстердамский и утрехтский шелк.

В Европе производство товаров повсеместно зависело от наличия особых навыков, которые могли быть

37. Jan de Vries. "Art History", in de Vries and Freedberg, eds. *Art in History, History in Art*, pp. 249–282; Ad van der Woude. "The Volume and Value of Paintings in Holland at the Time of the Dutch Republic", in de Vries and Freedberg, eds. *Art in History, History in Art*, pp. 285–330. Голландские полотна XVII в. отличались не только превосходным художественным качеством, но и невероятным количеством. Такой показатель, как число активно работающих профессиональных художников на душу населения, был удивительно высоким по сравнению как с более ранними, так и более поздними периодами в истории Голландии, равно как и в сравнении с любыми периодами истории других европейских стран. Согласно оценкам ван дер Вуде, ежегодная стоимость производимых в Голландии XVII в. картин составляла половину стоимости всего сыра, поставляемого ежегодно на рынки Северной Голландии, являвшейся центром коммерческого сырного производства (p. 302).

успешно освоены лишь с приездом соответствующих мастеров. Именно поэтому у истоков новых ремесел и отраслей промышленности Голландской Республики стояли мастера, прибывавшие из-за рубежа. Однако в своем новом доме эти ремесла и отрасли принимали особую форму, продиктованную природой спроса голландского потребителя — многочисленных горожан, «burgerlijk» («мещан») — и доминирующими культурными императивами.

На императивы эти можно было бы поставить клеймо кальвинизма, однако, думаю, более уместно говорить о так называемой «конфессионализации»³⁸. В эпоху голландского «золотого века» кальвинисты, лютеране, католики — представители всех христианских конфессий — были озабочены реализацией проектов религиозного возрождения, пытаясь заручиться вниманием широких слоев общества посредством образовательных программ, создания соответствующих институтов и, разумеется, обращения душ в свою веру. Хотя проснувшееся стремление к милости божьей не могло сочетаться со вновь возникшим устремлением к более утонченному образу жизни, или «светской милости», то, как именно происходило формирование этих двух устремлений, позволяет говорить о взаимосвязи процессов их формирования. Религиозные проекты внутреннего потребления взяли на вооружение вполне материальные формы (церковная архитектура, распространение Библии, книги, а в антиреформационном католицизме и объекты поклонения для домашних условий), в то время как внешние проявления возвышенной и утонченной повседневной жизни зависели от развития соответствующей материальной культуры³⁹.

38. Для ознакомления с концепцией конфессионализации см. Heinz Schilling. *"Confessionalization in the Empire"*, in Heinz Schilling, ed. *Religion, Political Culture, and the Emergence of Early Modern Society* (Leiden: E. J. Brill, 1992): 205–246; Philip S. Gorski. *The Disciplinary Revolution. Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe* (Chicago: University of Chicago Press, 2003).

39. Подобные же выводы делаются, правда, применительно к пуританской Новой Англии, в следующем издании: Mark A. Peterson. *"Puritanism and Refinement in Early New England. Reflections on*

Проекты конфессионализации оказали глубокое влияние на внешний вид предметов повседневного пользования, доступных изделий роскоши, внутреннего декора и одежды. Рассматриваемый феномен наблюдался не только в Голландии, но и в других странах Европы и в Северной Америке, однако именно на социальные и экономические структуры Голландии им было оказано наиболее глубокое и созидательное воздействие, в результате чего производимые в Голландии фаянс, художественные полотна, литографии, карты, книги, мебель, текстиль, изделия из серебра и стекла оказались более всего соответствующими настроениям и целям эпохи конфессионализации⁴⁰. Скорее объединяющее, чем разграничивающее влияние данных предметов «новой роскоши» — речь идет об их скорее обобществляющей, а не подчеркивающей статус роли — ста-

Communion Silver", *William and Mary Quarterly* 58 (2001): 307–346. Рассматривая возросший спрос со стороны пуритан на серебряные чаши для причащения, Петерсон старается не смешивать воедино пуританство и стремление к изысканности, однако заключает: «[Е]сли мы попробуем рассматривать пуританство в качестве культуры, самовоспроизводящейся посредством культивирования в верующих спроса на определенные ощущения, спроса, который мог быть удовлетворен единственно (и то лишь частично и временно) посредством доступа к сложным культурным продуктам, одним из которых были используемые при причащении изделия из серебра, то нам приоткроется то, каким именно образом пуританству удалось сформировать образ мыслей и чувств, который воплощался в мирских формах культуры потребления столь же легко, что и в нормах бережливости и дисциплины, свойственных "духу капитализма"» (р. 343–344).

40. Для ознакомления с мнением о том, что новая экономика XVII и XVIII столетий, предложившая потребителю недорогие и качественные товары, наполнившие его дом комфортом, помогла создать условия для современного технологического прогресса, см. John U. Nef. *Cultural Foundations of Industrial Civilization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1958). «При содействии нового, художественного подхода к ремеслам по Европе распространился новый стиль жизни, благодаря которому все европейцы возжелали быть участниками этой *douceur de vivre* ["сладости жить"], сопровождаемой высокими *стандартами* добродетели в реальной жизни, в соответствии с которыми столь большие массы должны были жить впервые в истории» (р. 138).

новится очевидным при более широком исследовании материальной культуры. К концу XVII в. разительной чертой голландской материальной культуры было ее единообразие. Основные способы подчеркивания своего статуса и уровня домашней обстановки у жителей города и сельской местности, богачей и бедняков оказались до удивительного схожи. Разнились скорее цена и качество приобретаемых предметов, а не их виды или внешний вид⁴¹.

На взгляд стороннего наблюдателя казалось, что голландское общество полностью избегало роскоши, поскольку «старая роскошь» была представлена слабо и в глаза не бросалась. Зато активным образом шло формирование «новой роскоши», которую мы можем называть современной или прототипом современной, однако для человека иной культуры понять, что речь шла именно о предметах роскоши, было затруднительно. Да и сами голландцы сторонним наблюдателям в этом вопросе не помогали. Голландская республиканская теория конца XVII в., о которой более подробно будет сказано ниже, послужила толчком к тому, что стало впоследствии важным аргументом в переосмыслении поведения потребителя. Однако это не привело к немедленному и широкому обсуждению, которое способствовало бы познанию новой реальности. Вполне возможно, что новое, коммерческое общество просто-напросто было слишком очевидным фактом, а противники, против которых можно было бы воевать, оказались слишком слабыми: здесь не было ни наделенной политической властью земельной аристократии, которая могла бы отгородиться от ввозимых предметов роскоши, ни влиятельного двора, с которым можно было бы бороться в определении направлений моды, ни епископальной власти, которая была бы в состоянии усилить голос выступавшей против роскоши реформаторской церкви.

Мои утверждения сводятся к тому, что новая роскошь и новая модель поведения потребителя поначалу

41. Van Koolbergen. "De materiële cultuur van Weesp en Weesperkarspel", pp. 45–50; Jan de Vries. "Peasant demand patterns and economic development", pp. 234–236.

возникли в Голландии XVII в., хотя даже практика нового потребительства виделась чаще в ошибочном, чем в правильном свете и современникам, и историкам более позднего периода, понимавших ее исключительно как кальвинистскую бережливость, находившуюся в напряженных отношениях с традициями старой роскоши⁴². Только в конце XVII в., а именно после 1688 г., в Англии появились теории, дающие должное толкование «новой роскоши», а философы, поборники морали, постепенно пришли к тому, чтобы принять потребительское общество в качестве основ, подходящих для строительства стабильного социального порядка. Однако и здесь, как и во многих других вещах, теория лишь следовала за практикой. «Коммерчески настроенные люди нового времени перебрались — практически незаметно для самих себя — через непроходимую пропасть, безвозвратно отделившую их от античной или христианской этики личного самоограничения»⁴³. При этом задача объяснить, что именно произошло, своей актуальности не утратила. И, можно добавить, не утратила и по сей день, поскольку значительная часть современной социальной критики остается под влиянием секулятивных версий идеологии «старой роскоши», устаревших еще во времена «Славной революции».

Желание, умеренное торговлей: теоретизация «новой роскоши»

Появление нового, более позитивного толкования потребительского спроса и определение его места в стабильном, добродетельном обществе привели к совершенно новому пониманию того, каким образом социальные условия формируют личность человека. Интеллектуальные истоки данного понимания следует искать там, где

42. Jan de Vries. "Luxury in the Dutch Republic in Theory and Practice", in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, pp. 41–56.

43. Edward Hundert. "Mandeville, Rousseau and the Political Economy of Fantasy", in Berg and Egar, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, p. 33. В отличие от настоящей книги работа Хандерта не содержит указаний на то, что под этими «коммерчески настроенными людьми нового времени» понимаются голландцы.

встретить их вряд ли представляется возможным: в теологии кальвинистов и в особенности их августинских собратьев, янсенистов. Оба учения разделяют мнение о том, что человеком движут страсти (такие как алчность, гордыня, зависть и похоть), отражающие его глубокую греховность, которая стала наследием грехопадения. Янсенисты пор-рояльской школы XVII в. (такие как Блез Паскаль и Пьер Николь, к ним же можно причислить и гугенота Пьера Бейля) утверждали, что, несмотря на страсти подобной природы, промысел Божий сделал возможным возникновение плодотворных социальных отношений на основе заведомо антисоциальных страстей своекорыстной и себялюбивой природы, или *amour-propre* — «себялюбие» (фр.). Возможным это стало благодаря тому, что *себялюбие* свойственно стремление к признанию, или *regard* — «признание, уважение» (фр.), другими людьми. Люди, испытывающие острую необходимость в *признании*, учатся «смотреть на [собственные] потребности через глаза других людей, в результате чего возникает бесконечная спираль потребностей»⁴⁴. Таким образом характеризовались именно коммерческие общества, в которых *себялюбие* непосредственным образом связывалось с Божьим промыслом, т. к. *признание* играло особо важную роль в служении человека своим интересам. Согласно этой точке зрения, себялюбие более не презиралось «как дообщественная страсть естественной природы человека», которую требовалось подавлять моральными предписаниями. Теперь себялюбие впервые могло рассматриваться в историческом и социальном контексте в качестве срасти, у которой есть полезное и конструктивное свойство, «возникшее на определенном этапе развития общества»⁴⁵.

Вполне возможно, что впервые подобные моральные рассуждения нашли свое применение в голландской республиканской теории XVII в., особенно в работах Йохана и Питера де ля Кур. Ими проводится различие

44. Akkerman. *Women's Vices, Public Benefits*, p. 23.

45. Akkerman. *Women's Vices, Public Benefits*, pp. 15–16. Для ознакомления с влиянием пор-рояльской школы см. также Hundert. *The Enlightenment's Fable*.

между тем, что было ими названо монархической и республиканской роскошью⁴⁶. Все люди, полагают они, преследуют свои собственные интересы, руководствуясь такой страстью, как *себялюбие*. Однако в монархических обществах данная страсть не сдерживается, не изучается, ей не противятся, что неминуемо ведет к излишествам и декадентской природе «старой роскоши». В республиках же (братья де ля Кур настаивали, что *исключительно* в республиках) страсти подвергаются человеком самоанализу и социальному анализу, поэтому они устремляются к добродетельному, умеренному потреблению и бережливости⁴⁷. Вследствие чего в республиканском коммерческом обществе такой страсти, как себялюбию, противостоят компенсирующие силы, направляющие ее на цели общественного блага.

Достигла ли Голландская Республика, а в более широком плане и Северо-Западная Европа «стадии развития», которую предвидели братья де ля Кур, Пьер Бейль и мыслители порт-рояльской школы во второй половине XVII в.? Начиная с 1690-х гг. длинная вереница наблюдателей и философов предпринимала попытки объяснить социальные и экономические преобразования, происходившие у них перед глазами, но для которых не имелось ни теоретической базы, ни хотя бы устоявшейся терминологии. Несмотря на это, возник-

46. Johan and Pieter de la Court. *Politieke Discoursen*, 2 vols. (Amsterdam, 1662); автор следующей работы неизвестен, однако она приписывается перу братьев де ля Кур: *Zinryken Fabulen* (Amsterdam, 1685). На английский она переведена под названием *Fables Moral and Political, With Large Explications*, 2 vols. (London: 1703) и рассматривается в: Hundert. *The Enlightenment's Fable*, pp. 24–27.

47. H. W. Blom. "Political Science in the Golden Age. Criticism, History and Theory in Dutch Seventeenth-Century Political Thought", *The Netherlands Journal of Sociology* 15 (1979): 47–71. Питер де ля Кур полагает, что страсти гораздо сильнее разума; из этого он делает вывод о том, что лучшее государство — не то, что стремится навязать свой «разум» страстям граждан, а то, при котором благо и зло государства идут рука об руку с благом и злом подданных. В качестве такого государства выступает республика, где каждый сам заботится о себе, где заботятся о каждом и ничьи интересы не игнорируются. Это естественная свобода, которой правители никогда не должны лишать своих подданных» (*Welfare of the City of Leiden*, p. 44).

ло целое направление экономических трудов, отсылающее читателя к любопытному феномену силы, которой обладало желание. Одним из первых таких трудов стал трактат «Очерк о торговле» (“Discourse of Trade”) Николаса Барбона от 1690 г., в котором автор различает две категории человеческих желаний — желания тела (под которыми им понимаются основные потребности) и желания разума:

Товарами, которые имеют ценность потому, что удовлетворяют потребности духа, являются все те вещи, которые удовлетворяют желания. Желание предполагает потребность. Это аппетит души... Потребности духа бесконечны. Человек естественным образом стремится вперед, и, по мере того как дух его возвышается, его чувства все более утончаются...⁴⁸

Барбон признает, что по природе своей человек испытывает желания, но при этом полагает, что направление, в котором двигаются желания, зависит от соответствующей подготовки разума — здесь приходит на ум роль «потребительского капитала» из теории Гэри Беккера. То есть, утверждая, что «потребности духа бесконечны», Барбон вовсе не имеет намерения оправдать чревоугодие и бесконечное потакание чувственным удовольствиям. В пару к желанию он впрягает «возвышение духа». Это ведет нас, как когда-то вело европейцев XVII в., к концепции вкуса. Мы уже останавливались на значимости данной концепции, подводящей под потребление в качестве основы знания и информацию, а не состоятельность и власть⁴⁹.

48. Nicholas Barbon. *Discourse on Trade* (London, 1690): 14.

49. Один из примеров того, что именно здесь имеется в виду, предлагается в следующей работе: Jennifer M. Jones. “Repackaging Rousseau. Femininity, and Fashion in Old Regime France”, *French Historical Studies* 18 (1994): 947. Джонс «демонстрирует, каким именно образом парижские торговцы, прибегнув к помощи прессы, способствовали развитию коммерции, отказываясь от роскоши и принимая вкус в качестве фундаментального критерия моды. Они превратили моду в одну из функций знания, а не состоятельности, дав власть тем, чей вкус имел авторитет». См. также Dena Goodman. “Furnishing Discourses. Readings of a Writing Desk in Eighteenth-Century France”, in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, p. 77.

Моральное оправдание коммерческого общества в целом и потребительской культуры в частности стало возможно благодаря доводам, опирающимся на янсенистскую концепцию себялюбия и умеряющую силу коммерческого общества, позволяющую обуздать *себялюбие признанием*. Это обнадеживающее, если и вовсе не самодовольное, направление мысли было подкреплено Монтескье, который в 1750-х гг. выступил в защиту стремления к зажиточности, настаивая на том, что оно вело не к *la dolce vita* — «сладкая жизнь» (*ит.*) — развращающему, слабавольному и порочному потворствованию желаниям, а к *deux commerce* — «мягкая коммерция» (*фр.*) — мощной, цивилизующей силе, полирующей и смягчающей манеры, поскольку в коммерческом обществе возросла значимость такого понятия, как репутация⁵⁰.

Однако еще задолго до выводов Монтескье с подобным направлением континентальной мысли (в ее светской и сенсуалистической форме) Англию ознакомил Бернард де Мандевиль, голландец, приобщившийся к данной традиции до своего переезда в Англию в возрасте двадцати с небольшим лет⁵¹. Однако под его пе-

50. Montesquieu. *The Spirit of the Laws*. «Коммерция — это лекарство от самых разрушительных предубеждений, поскольку стало почти общим правилом, что там, где обнаруживаются приятные манеры, процветает коммерция, а там, где есть коммерция, обнаруживаются приятные манеры» (I: 316). Для ознакомления с рассмотрением предшествующей Адаму Смиту экономической литературы с позиций духовности см. Albert Hirschman. *The Passions and the Interests* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977).

51. Бернард де Мандевиль родился в Роттердаме, получив при рождении имя Баренд. Его учеба в Академической гимназии города совпала с преподаванием в ней Пьера Бейля. Джон Робертсон полагает, что, «принимая во внимание радикальный, бейлианский характер эссе де Мандевила, можно предполагать, что Бейль был его преподавателем в Роттердаме». John Robertson. *The Case for Enlightenment* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005): 261. Де Мандевиль покинул Нидерланды вскоре после того, как закончил обучение на медицинском отделении Лейденского университета в 1691 г. Он и его семья оказались замешаны в Костерманском мятеже 1690 г. — выступлении против налогообложения в Роттердаме. Судя по всему, де Мандевиль были авторами и распространителями сатирической поэмы, направленной против schout —

ром обнадеживающие заверения в том, что между желанием потребления и принципами морали могут быть найдены точки соприкосновения, оказываются грубым образом отменены в сторону. В предисловии к своему скандально известному труду «Басня о пчелах» («The Fable of the Bees») он без обиняков заявляет о своей цели:

Главный замысел «Басни...» заключается в том, чтобы показать невозможность наслаждаться всеми самыми изысканными жизненными удобствами, которыми располагает трудолюбивая, богатая и могущественная нация, и одновременно обладать всеми благословенными добродетелями и невинностью, пожелать которых можно разве что в золотом веке⁵².

Перед обществами стоял выбор — житейские радости или добродетель, и для де Мандевилля не было никаких сомнений в том, что «цивилизованные общества», о которых он имел прекрасное представление, уже сделали свой твердый выбор. Свою задачу он видел в том, чтобы сорвать покров рассуждений о нравственности, скрывавших реалии этих обществ от взгляда его современников.

Точкой отсчета для его «Басни о пчелах», судя по всему, послужили “Fables, Moral and Political” («Басни, нравственные и политические») братьев де ля Кур. Оригинал «Басен...» был издан на голландском языке в 1685 г., их английский перевод — в 1703 г., за два года до того, как де Мандевиль сочинил и опубликовал скверно сочиненную поэму, появившуюся поначалу под названием

«бургомистр» (голл.) Роттердама, вызвавшего крайнее недовольство населения тем, что настаивал на смертном приговоре члену городского ополчения Корнелису Костерману. Его обвинили в убийстве сборщика налогов, по приказу которого были арестованы несколько граждан, уличенных во владении флягой вина, за которую не был уплачен акцизный сбор. Не только карьера Бернарда де Мандевилля, но и сама его свобода оказались под угрозой, поэтому он решил оставить страну, поселившись в итоге в Англии. Для ознакомления с этим интересным периодом жизни автора «Басни о пчелах» см. Rudolf Dekker. “‘Private Vices, Public Virtues’ Revisited. The Dutch Background of Bernard Mandeville”, *History of European Ideas* 14 (1992): 481–498.

52. Mandeville. *The Fable of the Bees*, p. 24.

«Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными» (“The Grumbling Hive”) и послужившую в итоге основой для будущей «Басни о пчелах»⁵³. В своем произведении братья де ля Кур использовали в качестве персонажей различных насекомых — муравьев, мух, пчел — для пояснения своей мысли о том, что в «должным образом устроенных и свободных республиках» в людях разовьется «себялюбие на прочных основах»⁵⁴. Братья де ля Кур критикуют пчел за фатальное отсутствие в них самоконтроля. Де Мандевиль идеализацию республики отвергал⁵⁵, а образ пчелиного роя заимствовал в качестве метафоры для описания человеческого общества таким, каким оно действительно было, а не таким, каким представлялось сквозь туманные картины идеального человечества, рисуемые рассуждающими о морали философами и теологами. Пчелиный рой, долгое время служивший символом приписываемого абсолютным монархиям порядка, превратился под пером де Мандевилья в «символ не связанной моралью экономической деятельности»⁵⁶. В «Басне...» пчелы наделены всеми человеческими пороками. Однако их алчность, мотовство, любовь к роскоши, зависть, тщеславие и чревоугодие ведут не к социальному гниению и беспорядку, а к процветанию. Де Мандевиль суммирует свои умозаключения следующими ставшими скандально известными строками:

53. Знаменитая поэма де Мандевилья вышла в 1705 г. под первоначальным названием «Ропщущий улей». В 1714 г. она была издана повторно, но сопровождаясь комментариями и рядом новых эссе, и уже под названием «Басня о пчелах». Однако широкую известность «Басня...» получила лишь после выхода своего повторного, дополненного издания в 1723 г.

54. «Басни, нравственные и политические» цит. по: Hundert. *Enlightenment's Fable*, p. 24.

55. Бегство де Мандевилья из Голландской Республики дало ему основания быть скептиком в отношении благодушных утверждений братьев де ля Кур о добродетели республиканского государственного устройства.

56. Hundert. *Enlightenment Fable*, p. 28–29. Любопытно, имели ли в виду де Мандевилья основатели ведущей голландской сети супермаркетов, этих величественных храмов потребления, когда дали своему концерну название “De Bijenkorf” («Пчелиный рой»)?

Пусть всяк его часть и пылала пороком,
Однако же в целом то был улей-рай.

Хотя каждым человеком в отдельности и движут тщеславие и алчность, но все вместе люди служат общественному благу. Социальная польза от них увеличивается не за счет реформ, ограничений и умеренности. До определенного момента в тексте прослеживается схожесть с произведением братьев де ля Кур. Однако, говоря о *себялюбии*, они утверждали, что взаимоотношения в обществе оказывают умеряющее воздействие на поведение человека, а де Мандевиль полагал, что несдерживаемое преследование собственных интересов ведет к благоприятным результатам. Экономическое процветание зависело от подражания другим и постоянного стремления их превзойти. Де Мандевиль настаивал, что провести сколько-нибудь значимое различие между хорошим и плохим или умеренным и чрезмерным потреблением нельзя: «Транжира несет пользу всему обществу, а если кому и вредит, то лишь себе»⁵⁷. Или, говоря словами поэмы:

Таким уж было государство это:
Их преступленья были ему впрок.

Читателей, наивно полагавших, что их личности характеризовались прежде всего их моральными и политическими взглядами, а не плотскими желаниями, подобный посыл автора мог лишь шокировать и возмутить. После того как протестантство на протяжении нескольких поколений стремилось наполнить повседневную жизнь сакральностью, выясняется, что, согласно де Мандевиллю, нечестивая коммерция — это все, что есть в жизни. Он вполне мог сформулировать свою мысль гораздо проще: «Теперь мы все — [лишь] потребители»⁵⁸.

57. *Fable*, I, p. 116.

58. Со словами президента Ричарда Никсона (произнесенными перед самым упадком кейнсианской экономической мысли): «Теперь мы все — кейнсианцы» перекликается вывод Эдварда Хандерта о том, что, несмотря на скандальность утверждений де Мандевилля, «Теперь мы все — мандевильцы». Hundert. "Mandeville, Rousseau and the Political Economy of Fantasy", p. 37.

Несмотря на то что именно де Мандевиль ввел концепцию *себялюбия* в британскую научную мысль, занятую вопросом роскоши, он приравнивал ее к эгоизму, который готов потворствовать любому пороку и который де Мандевиль принял в качестве обнаженной правды коммерческого общества и основ экономического процветания. Как замечает Джон Робертсон, «де Мандевиль не верил, что учет интересов общества — это естественное состояние человека». Скорее он разделял с Бейлем убеждение, что люди проживают жизнь вопреки своим моральным принципам, а с янсенистами, что «способность человека к ханжеству, если это путь к удовлетворению целей себялюбия, разными путями позволяет людям жить вместе в рамках общества»⁵⁹.

Умеряющее же влияние *признания*, то есть мнения окружающих, было для де Мандевилья ничем иным, как еще одним пороком — циничным использованием социальных взаимоотношений для удовлетворения своекорыстия посредством обмана⁶⁰. Иными словами, взаимоотношения были всего лишь «процессом постепенного приобретения знаний, в рамках которого человек рассуждает, исходя из опыта, а *posteriori* — “исходя из опыта”» (*лат.*)... Подобное постепенное приобретение знаний отличается наибольшей медлительностью

59. Robertson, p. 270.

60. Довольно интересно сравнить два разных толкования того, каким образом признание оказывает умеряющее воздействие на такую страсть, как своекорыстие. Нить рассуждений, которую мы проследили от братьев де ля Кур до Монтескье, делает упор на учтивость (осмысленное поведение, подразумевающее взаимодействие между людьми), которая имела потенциал для развития именно в публичной сфере, создаваемой коммерческим, ориентирующимся на потребителя обществом. Согласно же нити рассуждений, тянущейся от де Мандевилья до Руссо, индивидуальное своекорыстие превращает взаимодействие между людьми в еще одно орудие в арсенале общественного своекорыстия. Вместо учтивости мы имеем политес (умение элегантно подать себя таким образом, чтобы понравиться другим). Данное различие было предложено Юстусом ван Эффеном для противопоставления благоразумного потребителя и гражданина республики с пребывающим в путях заблуждений потребителем монархических и аристократических обществ. Velgema. “Ancient and Modern Virtue Compared”, p. 437–448.

в среде тех, кто проживает в отдаленных уголках, ближе к природному состоянию, и наибольшим размахом среди тех, кто проживает «в городах крупных или значительных размеров или вблизи таких городов»⁶¹.

Позднее в том же столетии Жан-Жак Руссо принял обнаженное де Мандевилем определение *себялюбия*, однако использовал он его для критики коммерческого общества и его спутника, потребительства. Руссо возражал посылу де Мандевилля, видя в нем «бесстыжее озвучивание безнравственного голоса современности», заявляющего, что роскошь есть «столь достойный нашего времени парадокс», согласно которому «мера значимости человека для государства—это его домашнее потребление»⁶².

Исповедуемый Руссо физиократический подход к пониманию экономической жизни отрицает любую возможность экономического роста. Процветание богачей только углубляет бедность неимущих; потребительский спрос, оживляющий производство, лишь усугубляет положение дел в сельском хозяйстве и т. п. Вглядываясь в суть вещей, Руссо видит, что дело не заканчивается использованием предметов роскоши для формирования человеком своего внешнего, публичного «я»; для него данные роскошества «обладают и символической силой, которая определяет самопознание частного лица, скрывающегося за публичной маской»⁶³. Таким образом, в отличие от де Мандевилля какой-либо общественной пользы от следования человеком своим частным порокам он не находил; сам Руссо носил простой наряд корсиканского крестьянина (что быстро стало модой в Париже) и выступал за государственное регулирование потребительского поведения там, где добровольного отказа от мира предметов роскоши было недостаточно⁶⁴.

61. Robertson, pp. 272–273. Цитата в цитате — из *Fable*, part II, pp. 189–190.

62. Hundert. “Mandeville, Rousseau and the Political Economy of Fantasy”, p. 34. Цитаты в цитате — из Rousseau. *Discourse on the Arts and Sciences*.

63. Ibid., p. 37.

64. Donald Winch. *Riches and Poverty. An Intellectual History of Political Economy in Britain, 1750–1834* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996): 62–77.

Более последовательные аргументы в пользу потребления появились уже после де Мандевиля и как прямой ответ на брошенную им перчатку. Особо следует отметить Дэвида Юма, предложившего более детализированную концепцию *себялюбия*, согласно которой человеческие существа представляли в качестве сложных субъектов, стремящихся удовлетворить противоречивые импульсы, или страсти. Коммерческое общество, движимое стремлением к богатству и потреблению, являло собой, по мнению Юма, оптимальную ситуацию, позволяющую направлять эти страсти в сторону от войны, насилия и скверных злоупотреблений посредством связывания их через соперничество (основанное, в свою очередь, на взаимозависимости и взаимодействии людей) и желания материального характера. Он признавал несовершенство такого общества, однако это не мешало ему рекомендовать его, по взвешенному размышлению, в качестве предпочтительного по сравнению с альтернативными вариантами общественного устройства, которым были свойственны собственные недостатки. Так, «роскошь, будучи в избытке, являет собой источник многих бед; однако обычно оно предпочтительно по сравнению с праздностью и бездельем, которые зачастую занимают его место»⁶⁵. Он проводит сравнение между, с одной стороны, трудолюбивым обществом, приводимым в движение естественными аппетитами, подстегивающими промышленность, и, с другой стороны, обществами, которым свойственны праздность и непринужденность, где процветают аппетиты неестественной природы. И здесь вновь в поле зрения оказывается наше разделение роскоши на «старую» и «новую». Понимание Юмом данного различия позволило ему пойти дальше де Мандевиля, просто связывающего любую добродетель с самоотречением, а все пороки — со снисходительным отношением к страстям благодаря более глубокому их пониманию: «Роскошь не вредила манерам, а утончала их, она способствовала знанию и взаимодействию»⁶⁶. Иными

65. Hume. "On Commerce", *Essays*, p. 287–299.

66. Robertson, p. 294.

словами, соглашаясь с де Мандевилем в том, что роскошь представляла собой благотворную черту коммерческого общества, Юм отрицал, что благотворность эта зиждилась на пороке. Согласно Юму, желания, зарождающиеся в активных, трудолюбивых людях, не только служат их собственным страстям, но и, что важнее, определяют будущее производства посредством совершенствования технологий и техники, что, в свою очередь, стимулирует искусства и науку. «Трудолюбие, знания и человечность, — заключает он, — соединены друг с другом неразрывной цепью»⁶⁷.

Трудам всех указанных мыслителей свойственно указание на внутреннее пробуждение желания, которое проявляется по мере того, как в коммерческих обществах происходит накопление «потребительского капитала». Это накопление, жизнь в городе и знакомство с зарубежными товарами ведут к тому, что люди «чувствуют зарождение в них желания привлекать к себе внимание с помощью незначительных вещей» (Монтескье), «способствуют расширению их желаний» (Барбон), «[порождают] в них желание к более великолепному образу жизни» (Юм). Утончение и облагораживание вкусов, о которых говорят эти авторы, зачастую истолковываются историками с эстетических позиций, однако мне представляется, что главное намерение заключается здесь в том, чтобы связать их с чем-то более фундаментальным — противостоянием «новой» и «старой» роскоши, оказавшим влияние на формирование потребительского поведения, по крайней мере, с середины XVII в.

К третьей четверти XVIII в. сформировалось полноценное теоретическое объяснение поведения нового потребителя. Сэр Джеймс Стюарт описал новое место потребления в обществе, различив бессистемную «старинную роскошь» и систематическую «современной роскошью». Первая неограниченна, опирается на разграбление и угнетение и не заинтересована в развитии производства. «Роскошью былых времен были пьянство и множество ненужных слуг». Существование же

67. Hume. "On Refinement in the Arts", *Essays*, pp. 299–309.

«новой роскоши» обусловлено наличием упорядоченного, должным образом управляемого общества, где она способствует экономическому процветанию⁶⁸. В «Персидских письмах» Монтескье проводится различие между бессистемным, опустошающим потреблением предметов роскоши в Персии и тем, что нам не без иронии приходится называть «персидской роскошью»: роскошь, способствующая развитию рабочей этики, поскольку ею осуществляется стимулирование инновационных производственных процессов.

Замечания Монтескье указывают нам на тот факт, что многие участники «дебатов о роскоши», развернувшихся в XVIII в., также проводили связь между потреблением и производством. Потребление предметов роскоши пошло новым, более благотворным путем — как мы в этом только что убедились — и породило такие устремления, как повышение личного дохода и, соответственно, повышение производительности. Сэр Дадли Норт в своем труде, изданном в 1691 г., вслед за Барбоном проводит различие между предметами первой необходимости и товарами, что удовлетворяют лишь «непомерные людские аппетиты». При этом Дадли подчеркивает, что не относимые к категории первой необходимости товары, направленные на удовлетворение подобных аппетитов, являют собой «главный стимул для торговли или, скорее, для промышленности и изобретательности». Перспектива приобретения данных товаров «предрасполагает [людей] к работе, когда более ничего не в состоянии склонить их к ней; поскольку, если бы люди удовлетворялись лишь товарами первой необходимости, мир был бы беден»⁶⁹.

Де Мандевиль, певший скандальные дифирамбы движимому пороком потребительству, выступавшему гарантом общественного благосостояния, сомневался, что работники ручного труда обладали «непомерными аппетитами», необходимыми для участия в новом социальном порядке. Несмотря на борьбу с традиционными

68. Sir James Steuart. *An Inquiry into the Principles of Political Economy* (London, 1767), Ch. 22, p. 325; Ch. 17, p. 281.

69. Sir Dudley North. *Discourses upon Trade* (1691): 27.

ми предрассудками, сам он оказался неспособен избавиться от бытовавших экономических взглядов, согласно которым низкая оплата труда — надежный способ побудить к трудолюбию простолюдинов, которым тщеславие и алчность свойственны в недостаточной мере. В этом своем утверждении он вскоре встретил оппонентами Даниеля Дефо и значительное число приверженцев высокой оплаты труда, предполагавших, что рассматриваемые страсти свойственны всем людям⁷⁰.

Приверженцы высокой оплаты труда были в состоянии опровергнуть несостоятельность заявлений де Мандевилья (и почти всех его современников) в этом вопросе, поскольку более четким образом, чем де Мандевиль, проводили различие между, с одной стороны, «старой роскошью» богачей и невоздержанностью бедняков, а с другой — благотворным пробуждением трудолюбия, которого можно было бы ожидать от всех классов, когда у подготовленного, или пробужденного, потребителя есть средства, позволяющие ему стремиться к приобретению более широкого круга товаров. Дэвид Юм был солидарен с позицией Дефо, когда заявлял, что «всё на свете приобретается трудом; а наши страсти — лишь побудительные причины труда». То есть мотивацией производительного труда является удовлетворение страстей — получение желаемых потребительских товаров. В отсутствие «желающего субъекта»

70. Даниель Дефо в своем эссе «Законченный английский торговец» (Daniel Defoe, *Compleat English Tradesman*, 2 vols. (London, 1726–177)) вторит де Мандевилью в его оценке положительного эффекта порока: «Если бы наряду с расчетами тяжелого ручного труда, производства и ремесел были проведены соответствующие расчеты и всех остальных занятий, поддерживаемых у нас в стране лишь людскими пороками, которые я хочу назвать расходными занятиями, — любовь к лентам, парфюмерии, шелкам, батисту, муслину и бесконечным радостям одеяний, а также чревоугодие, пьянство и прочие злоупотребления, — то еще неизвестно, что именно важнее для торговли — товары первой необходимости либо прочие, и не разорило бы страну избавление нас от пороков» (Vol. II, p. 101). Оценки де Мандевилья и Дефо разнятся главным образом в следующем: де Мандевиль сосредоточился на неумеренности состоятельных граждан, а Дефо уже тогда прославлял неумеренность бедняков и средних сословий.

работодатели могут прибегать к принуждению. Однако, продолжает Юм, «заставлять работника надрывать-ся, чтобы добиваться от земли больше того, что необходимо для него и его семьи, есть насильственный, а в большинстве случаев и непрактичный метод. Обеспечьте его промышленными изделиями и предметами потребления, и он будет усиленно трудиться сам по себе»⁷¹. Таким образом, Юм проводит различие между старым, докоммерческим миром, в котором правила боль и отвращение, и новым, определяемым удовольствиями и желаниями. Отсюда вытекает идея о само-рождающемся в человеке напряжении сил, направленных на удовлетворение желаний⁷². Стюарт, которого также впечатляла мощная способность «малых объектов амбиций» мотивировать простого человека⁷³, представил этот контраст менее позитивными словами: в прежние времена «людей... принуждали к труду, поскольку они были рабами других людей; теперь люди принуждаемы к труду в силу того, что они рабы собственных желаний»⁷⁴.

Люди были рабами, но лишь некоторых желаний, которые вели не к личному или общественному краху, а напротив — к высшему благу. Размышления епископа Джорджа Беркли о бедности Ирландии в период его

71. Hume. "On Commerce", *Essays*, p. 294.

72. В 1771 г. это мнение было выражено анонимным автором следующей краткой формулировкой: «Более трудолюбивым человека заставляет быть скорее изменение менталитета, чем увеличение товаров первой необходимости, и добиться этого изменения легче поощрением, чем принуждением» (в оригинальном тексте выделение курсивом отсутствует). Anon. *Considerations on Policy, Commerce and Circumstances of the Kingdom* (London, 1771).

73. Steuart. *Inquiry*, Book II, Ch. 21, p. 315. «Я полагаю разницу между высшим и низшим классами не слишком великой. Небольшое количество, добавленное к тому, чего едва достает, обеспечивает достаточность. Однако именно это небольшое количество труднее всего найти и именно оно самый мощный стимул для трудолюбия. Как только человек начинает жить трудолюбием, каким бы бедным ни были условия его существования, у него тотчас появляются объектики желания, и он сравнивает свое положение с положением тех, кто находится чуть выше его...»

74. Steuart. *Inquiry*, Book I, Ch. 7, p. 40.

пребывания во главе Клойнской епархии свидетельствуют о понимании им данного вопроса. В своем труде 1735 г. «Задающий вопросы» («Querist») он спрашивает: «А не было бы от ирландских землевладельцев больше пользы для общества, если бы они тратили больше денег на строительство более великолепных домов, чем на более изысканные одежды?»⁷⁵ В целом, как полагает Беркли, «новая роскошь» была бы в большей степени благотворна для общества, чем траты на «старую». Имея в виду ирландского крестьянина, он задается вопросом: «А не было бы рождение желаний самым надежным путем подвигнуть людей на трудолюбие, не были бы наши крестьяне более трудолюбивы, если бы им было привычно питаться говядиной и носить ботинки?»

Беркли заботили не снабжение крестьян едой и обувью, необходимыми для постоянной работы, а роль потребительских товаров в качестве силы, побуждающей их к большему трудовому усилию⁷⁶.

Можно говорить о том, что кульминацией продолжавшегося на протяжении столетия обсуждения вопроса стали работы Адама Смита. До него усилия, направленные на то, чтобы приспособить активного потребителя под господствующие статичные модели экономической жизни, приводили лишь к частичным объяснениям «рециркуляции материальных благ посредством потребления и трудовой занятости»⁷⁷. Может ли движимая потребительским спросом экономика быть по-настоящему стабильной и справедливой? До Смита никто так и не смог дать определенного ответа на утверждения де Мандевилля о том, что в основе коммерческого общества лежат пороки — своекорыстие, гордыня и тщеславие. Что могло уберечь подобное общество от встречи с той же горестной судьбой, что выпала всем предшествующим обществам, отдавшимся роскоши?

75. George Berkeley. *The Querist*, 3 vols. (Dublin, 1735), I: 20.

76. Частые ссылки в трудах XVIII в. на «желания» и «пробуждение» указывают на близость в ту эпоху того, что является сегодня такими дисциплинами, как психология и экономика. Разошлись они позднее, хотя сегодня проблематика изучается такой новой дисциплиной, как поведенческая экономика.

77. Winch. *Riches and Poverty*, p. 89.

Для целей нашего исследования важно отметить, что усилия Смита по «детоксикации устремления к состоятельности» сосредоточились на двух вопросах. Во-первых, на правильном понимании того, что движет человеком (страсти), и, во-вторых, на правильном понимании социальных последствий потребления. Первый вопрос возвращает нас к *себялюбию*, в отношении которого Смит соглашается с де Мандевилем в том, что социальное благо действительно проистекает из человеческого стремления способствовать личным интересам. Строя свои аргументы на основе умозаключений Юма, Смит идет дальше него и выдвигает утверждение о том, что *себялюбию* свойственна способность к взаимному участию в судьбе окружающих, понимаемая как продвижение отдельным человеком интересов других людей. Труд «Теория нравственных чувств» («Theory of Moral Sentiments») Смита начинается с утверждения, противоречащего принципам, выдвигаемым де Мандевилем:

Какую бы степень эгоизма мы ни предположили в человеке, очевидно, что природе его свойственно участие к тому, что случается с другими, участие, вследствие которого счастье их необходимо для него, даже если он получает из него лишь удовольствие быть его свидетелем⁷⁸.

Взаимное участие, о котором говорит Смит, сильнее и шире потребности в признании окружающих, долгое время служившей одним из аргументов защитников коммерческого общества. С тех пор включение фактора полезности окружающих в понятие полезности индивидуума (например, полезность членов семьи, повышающая полезность отца или матери) рассматривает-

78. Smith. *Theory of Moral Sentiments*, p. 9. Вслед за Юмом Смит настаивает на том, что естественным инстинктом человека является участие в судьбе окружающих, а не просто своекорыстное стремление к признанию с их стороны. Хотя Юм и признавал, что «редко встретишь человека, который любил бы кого-то больше, чем себя самого», столь же «редко встретишь человека, в котором привязанность и душевность не могли бы перевесить эгоистическую сторону его природы». *A Treatise of Human Nature*, ed. L. A. Selby-Bigge; second ed. revised by P. H. Niddich (Oxford: Oxford University Press, 1978): 487.

ся в качестве необходимого параметра, несмотря на то что иногда данный фактор не учитывается в силу трудности его моделирования.

Вторая задача, которую преследовал Смит, заключалась в решении крайне важной, однако в XVIII в. обычно игнорируемой проблемы, связанной с исследованием индивидуального поведения — проблемы «межвременности». Экономическим субъектам приходится решать не только вопрос распределения своих ресурсов таким образом, чтобы добиться максимальной полезности *сейчас*, но и вопрос их распределения *во времени* в целях повышения полезности в течение более продолжительного периода времени — в течение своей жизни и жизни потомков. Такие более сложные расчеты с их стороны влияют не только на то, *когда* именно конкретный человек потребляет, но и *что* он потребляет, поскольку отсроченное удовольствие может вести к приобретению отличных от первоначально планируемых к покупке — зачастую более дорогих и более износостойких — товаров. И, разумеется, данные расчеты сказываются на распределении дохода между целями потребления и сбережения, поскольку сбережения, будучи своеобразными инвестициями, влияют на возможности потребления в будущем⁷⁹.

Когда де Мандевиль говорил о том, что «транжира несет пользу всему обществу, а если кому и вредит, то

79. «Современная теория потребления подразумевает, что потребители рационального склада ума... делают выбор с учетом таких факторов, как информированность, перспективы и осторожность... Потребители демонстрируют свои предпочтения посредством выбора представленных на рынке товаров, а сам этот выбор соответствует уровню их благосостояния... Учитывая ожидаемую ценность средств, которых они способны добиться в течение жизни, потребители оптимизируют свое благосостояние посредством равномерного распределения своего потребления в течение жизненного цикла». Avner Offer. *The Challenge of Affluence*, p. 40. При этом Оффер задается вопросом: каковыми будут положения теории, если предположить, что решения потребителей систематически не учитывает такой параметр, как перспектива, что они «близоруки», постоянно недооценивая будущее, связанное с их текущими желаниями? В работе Оффер пытается разобраться в этой дилемме современного общества.

лишь себе», он тем самым как бы отказывал межвременному замещению в значимости⁸⁰. Для него экономика существовала как независимое понятие и лишь в конкретный момент времени. Ученые, размышлявшие над данной проблемой после де Мандевиля, соглашались с точкой зрения Юма: человек естественным образом жертвует своими долгосрочными целями в пользу краткосрочных, а потому требует определенных ограничительных мер, позволяющих добиться соответствующего равновесия⁸¹. Размышления об отсроченном удовольствии были несвойственны потреблению «старой роскоши», однако страсти, связанные с *себялюбием*, необязательно должны были ослаблять склонность к отсроченному удовольствию. Как следствие, де Мандевиль мог видеть в бережливости лишь «скарედную и голодающую добродетель», определенную Дональдом Винчем как «обусловленный обстоятельствами ответ нужде»⁸².

Смит переворачивает утверждения де Мандевиля с ног на голову, заявляя, что «всякий бережливый человек несет пользу обществу»⁸³. В основе его умозаключений лежит вовсе не желание подавить потребление и бесконечные желания разума. Скорее для Смита страсть своекорыстия превращается в желание самосовершенствования, согласно которому «воздержание от сегодняшней радости, а не неумеренности» играет стратегическую роль в удовлетворении потребительских желаний в долгосрочной перспективе. Другими

80. Mandeville. *Fable*, I, p. 116.

81. Hume, *Treatise*, Book III, Part ii, section vii. «Нет никакой другой черты, свойственной человеческой природе, что заставляет нас совершать больше фатальных ошибок, чем наше предположение всего, что мы можем получить сейчас, тому, что является для нас отдаленным».

82. Mandeville. *Fable*, I, p. 104. Winch. *Riches and Poverty*, p. 78. Касательно свойственной голландцам бережливости (то есть значимых объемов откладываемых ими средств) де Мандевиль писал: «Голландцы обычно стремятся поощрять среди своих подданных максимальную бережливость, но не потому что это добродетель, а потому что это, по большому счету, отвечает их интересам». *Fable*. Remark Q, p. 96.

83. Smith. *Wealth of Nations*, Vol. 1, Book II, Ch. iii, p. 351–371.

словами, основой хорошо организованного общества является «осторожность», которую Смит в своей «Теории нравственных чувств» определяет как союз разума, «благодаря которому мы способны различать отдаленные последствия всех наших действий», и самоконтроля — способности «воздерживаться от сегодняшнего удовольствия или терпеть сегодняшние неудобства, чтобы в будущем добиться еще большего удовольствия или избежать еще больших неудобств»⁸⁴. Благодаря осторожности одновременно поддерживаются сбережения и инвестиции — источник будущего экономического роста — и обеспечивается оптимальный уровень потребления на протяжении всей жизни индивидуума и соответствующих поколений. Таким образом, измерение текущего самопожертвования полностью соответствует утверждению Смита в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» (“The Wealth of Nations”) о том, что «единственная цель и задача всего производства — это потребление»⁸⁵. Этим Смит демонстрирует, по словам Винча, «что вопреки утверждениям де Мандевиля в основе коммерческого общества лежало нечто большее, чем простые прихоть и тщеславие», что коммерческое общество, движимое потребительским спросом, было способно избежать цикла потребления роскоши и ослабления и предложить стабильное будущее, зиждущееся на нравственном выборе»⁸⁶.

Итоги: революция трудолюбия, разделение труда и экономический рост

Итоги моего исторического исследования состоят в следующем. В «долгом» XVIII в. рост потребительского спроса и предложения рыночного труда осуществлялся за счет перераспределения производственных ресурсов домохозяйств. Данное перераспределение ресурсов лежит в основе разделения труда, которое Адам

84. Smith. *Theory of Moral Sentiments*, Part IV, Chapter ii, p. 189.

85. Smith. *Wealth of Nations*, Vol. II, Book IV, Chapter viii, p. 179.

86. Winch. *Riches and Poverty*, p. 89, 126.

Смит рассматривал в качестве движущей силы экономического совершенствования. В рассматриваемую эпоху разделение труда не может пониматься просто или прежде всего как вопрос организации труда на уровне предприятия (например, на уровне булавочной фабрики Адама Смита) или как макроэкономический феномен, расширивший набор промежуточных производственных факторов. В гораздо большей степени разделение труда было достигнуто на уровне домохозяйства, где оно проявляется в качестве *одновременного* роста процентной доли продукции домохозяйства, продаваемой другим домохозяйствам, и процентной доли предметов потребления, приобретаемых у других домохозяйств.

Домохозяйства, стремившиеся в указанный период к большей ориентированности на рынок, могли добиться этого следующими путями: 1) сельскохозяйственная специализация, 2) протопромышленное производство, 3) наемный труд и 4) коммерческие услуги — все из них мы рассмотрим в следующей главе. По мере того как труд некоторых или всех членов домохозяйства оказывался ориентированным на рынок, его экономика становилась все более специализированной, а домохозяйство полагалось в получении дохода на более узкий ряд видов деятельности. Благодаря специализации и совершенствованию трудовых навыков в процессе работы домохозяйство могло рассчитывать на более высокий уровень производительности в выбранной сфере деятельности. Одновременно с этим увеличивалась его зависимость от рыночных товаров и услуг, необходимых для реализации его потребительских целей. То есть теперь технологии потребления домохозяйства в большей степени зависели от приобретаемых товаров и в меньшей — от производимых своими силами. Домохозяйство могло надеяться воспользоваться преимуществами, которые таила в себе большая производительность других специализированных домохозяйств, осуществляющих изготовление приобретаемых товаров. Однако этим будущим преимуществам, на которые домохозяйство пока только рассчитывало, были противопоставлены высокие *текущие* «операци-

онные» издержки, связанные с приобретением пакета разнообразных предметов потребления на рынке⁸⁷.

С этой точки зрения способность экономики к обеспечению «возрастания прибыли от прогрессивного разделения труда»⁸⁸ зависит от разрешения серьезнейшей проблемы координации. Перед огромным числом домохозяйств стоит задача выбора уровня специализации в производстве своей продукции. От данного выбора зависит скорость снижения операционных издержек рыночного потребления. Как заметил Эллин Янг, «не только разделение труда зависит от размеров рынка, но и размеры рынка зависят от разделения труда»⁸⁹.

Преимущества специализации были, разумеется, хорошо известны еще до того, как их увековечил в словах Адам Смит. Однако проблема координации между «всеобщей бедностью», когда «каждый человек сам обеспечивает себя всем необходимым», и «изобилием», когда в результате «совместного труда огромного числа трудящихся» производится «шерстяное пальто... которое носит рабочий», редко когда разрешалась удовлетворительным образом⁹⁰. Большая часть домохозяйств по-прежнему производили предназначенную для рынка продукцию лишь в небольших количествах. В качестве же потребителей им приходилось иметь дело с рынком, который был ограничен, а представленные на нем товары — дорогостоящими.

87. Xiaokai Yang and Jeff Borland. "A Microeconomic Mechanism for Economic Growth", *Journal of Political Economy* 99 (1991): 460–482.

88. Allyn Young. "Increasing Returns and Economic Progress", *The Economic Journal* 38 (1928): 527–542.

89. Проблема, о которой идет речь, схожа с той, с которой столкнулись экономики стран Восточной Европы при переходе от социализма к капитализму. Один из польских экономистов описал ее следующим образом: «Мы собираемся прыгнуть с трамплина в полной уверенности в том, что к тому моменту, как упадем в бассейн, он наполнится водой».

90. Smith. *The Wealth of Nations*, Vol. 1, Book I, Ch. i, p. 15. Этими словами Смит описывает разницу между первым и четвертым (заключительным) этапами экономической жизни — охотой, скотоводством, занятием сельским хозяйством и коммерцией.

Настоящее исследование доказывает, что в «долгом» XVIII в. в значительной части Западной Европы (и колониальной Северной Америки) указанную проблему координации преодолеть в основном удалось. Мы наблюдаем данный процесс как решения, принятые на уровне домохозяйства и касающиеся одновременно и производства, и потребления. Однако именно потреблением — посредством опыта, общего для постоянно возрастающего числа людей — были предложены видимые сигналы, благодаря которым необходимая координация и произошла. Потребительский спрос оказался в состоянии сыграть эту экономическую роль благодаря преобразованию его социальной и культурной ролей. Современные наблюдатели в качестве объяснений появления новых моделей потребительского поведения указывали на религиозные ограничения природных страстей человека, на городскую среду обитания, на торговлю и на социальную власть женщин — более подробно данные модели будут рассмотрены в главе 4. Данный комплекс изменений в поведении домохозяйств вызвал к жизни идею «революции трудолюбия», движимый потреблением коммерческий феномен, который предшествовал промышленной революции и подготовил для нее почву. Двигателями же промышленной революции стали технологии и изменения в производственной организации.

Революция трудолюбия: предложение труда

МОЖНО ли собрать достаточное количество исторических свидетельств, чтобы говорить о состоятельности предположения о том, что в период, известный как «долгий» XVIII в., домохозяйства трудились больше и напряженнее, чем раньше? Кроме того, возможно ли продемонстрировать эмпирически, что трудолюбие членов этих домохозяйств, находящихся на переходном этапе от общества, для которого было характерно изобилие досуга, к обществу, приученному к постоянному труду, мотивировалось в большей мере новыми потребительскими желаниями, чем суровой необходимостью? То есть может ли быть продемонстрировано, что домохозяйства работали больше, чтобы потреблять больше или потреблять иначе, чем раньше? Это вопросы, на которые мы и постараемся ответить в настоящей главе.

Предыстория революции трудолюбия

Как крестьянин остался без досуга. В исследованиях преимущественно сельскохозяйственных обществ производство обычно рассматривается как результат взаимодействия труда, земли и технологий. Если технологии меняются медленно, а количество используемой под сельскохозяйственные работы земли остается неизменным, прогрессивное увеличение числа занятых в сельском хозяйстве ведет к быстрому снижению прибыльности. Для общества появляется угроза недостатка продовольственных товаров при росте населения. Томас Роберт Мальтус объяснял это свойственной человеку от

природы способностью размножаться быстрее, чем может увеличиваться производство продовольствия. Население, полагал он, имеет склонность к экспоненциальному росту, в то время как производство продовольствия способно в лучшем случае к линейному росту, что при отсутствии прочих способов сдерживания роста населения неизбежно ведет к периодическому возникновению продовольственных кризисов. Эта мальтузианская модель оказалась весьма привлекательной для многих историков, занимавшихся вопросами Европы периода Средневековья и начала Нового времени и считавших, что в силу ограниченности потолка производства сельскохозяйственные общества обречены на повторение циклов роста и падения народонаселения, перемежающиеся продовольственными кризисами¹.

Подобное видение доиндустриального мира приводит к предположению, что решительные изменения могли бы произойти только с помощью внешних факторов, предоставляющих экономике новые технологические возможности. Как результат, исследователи истории экономики обычно объясняли промышленную революцию и современный экономический рост с позиций изобретательности (технологии) и роста предложения капитала (включая новые технологии), а не с позиций повышения предложения труда, который мог бы только затормозить процесс экономического роста, зависевший от возрастания соотношения капитал/труд.

В этих экономических моделях, основанных на учениях Мальтуса (препятствия к росту населения) и Рикардо (состояние неизменности), технологические изменения представляют собой экзогенный фактор, соотносящийся со взаимодействием между земельными и трудовыми ре-

1. Одна из наиболее выразительных отсылок к мальтузианской модели содержится в следующем труде: Emmanuel Le Roy Ladurie. "L'histoire immobile", *Annales. Economies, Sociétés, Civilisations*. 29 (1974): 673-692 (English trans. "Motionless History", *Social Science History* 1 (1977): 115-136. Классические работы данной традиции включают в себя следующие публикации: Wilhelm Abel. *Agricultural Fluctuations in Europe* ([1935, 1966] London: Methuen, 1980); B. H. Slicher van Bath. *The Agrarian History of Western Europe, 500-1850* (London: Edward Arnold, 1963).

сурсами. Вкладом Эстер Бозеруп в развитие данного направления в 1960-е гг. стало то, что она предложила учесть в одной модели взаимосвязи между технологиями, населением и земельными ресурсами. Образно говоря, она взгромодилась на головы Мальтуса и в особенности Рикардо: вместо того чтобы полагать, что рост населения ведет вследствие снижения прибыльности к такому реальному препятствию к росту населения, как голод, или к состоянию неизменности, Бозеруп описывает долгосрочный рост населения как катализатор внедрения новых сельскохозяйственных технологий, сделавших возможным интенсивное землепользование².

Эмпирические наблюдения за развитием сельского хозяйства в странах Азии в середине XX в. привели Бозеруп, специалиста по вопросам экономического развития, к выводу о том, что, как правило, крестьяне могут пользоваться разнообразнейшими технологиями. Целесообразность же применения определенного их набора зависела главным образом от масштабности доминирующих факторов, и, по мнению Бозеруп, в значительной мере именно это, а не знания, изобретения, культура или традиции обуславливало выбор крестьян. То есть обычно крестьяне не были ограничены узким набором знаний, а имели представление о множестве технологий, из которых и выбирали те, что соответствовали текущей ситуации.

В верхней части рис. 3.1 графически выражены основные функции модели Бозеруп. Данная модель исходит из предположения о неизменности сельскохозяйственных угодий (T), наличествующих у определенного общества, переживающего долгосрочный рост населения. По мере его роста земледельцы пытаются увеличить производство продукции, чтобы сохранить показатели ее объема на душу населения на прежнем уровне. Рост производства требует пропорционального увеличения средств производства (труда и сельскохозяйственных угодий) при использовании определенного набора технологий (P_1 , P_2 и т. д.). Как только вся

2. Ester Boserup. *The Conditions of Agricultural Growth* (Chicago: University of Chicago Press, 1965).

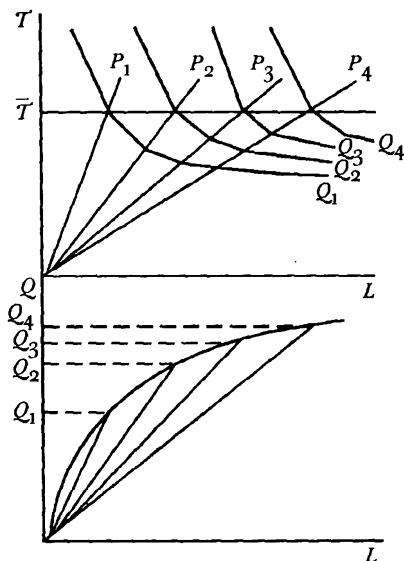

Рис. 3.1. Модель сельскохозяйственного производства и роста населения Эстер Бозеруп

земля оказывается отданной под сельскохозяйственные угодья (\bar{T}), дальнейший рост общего объема производства останавливается. Однако в модели Бозеруп это ограничение заставляет, при продолжающемся росте населения, переходить от одной технологии сельскохозяйственного производства к другой (например, от P_1 к P_2). Со временем может быть осуществлено несколько таких переходов от одной технологии к другой, позволяющих обществу с неизменной площадью сельскохозяйственных угодий добиваться более высоких объемов общего производства, отображаемых изоквантными кривыми производства (Q_1 , Q_2 и т. д.)³.

3. Например, население может перейти от подсечно-огневого земледелия к двухпольному, а затем и трехпольному хозяйству. Каждый подобный переход требует наличия новых инструментов (плуга вместо мотыги) и большего числа сельскохозяйственных животных в качестве тягловой силы и источника удобрений. Поскольку земля теперь используется под пашню более интенсивно (вместо одного раза в десять лет — через год или, как в последнем случае, два года из трех в трехгодичном цикле), общие объемы производства возрастают.

В нижней части рис. 3.1 представлена вторая особенность данных технологических изменений: рост продуктивности угодий (объема сельскохозяйственного производства на единицу земли), описанный в верхней части рисунка, требует более высокой интенсивности труда, что ведет к снижению приростной производительности труда, выражаемой графиком кривой общего объема производства. По мере возрастания общего объема производства (Q) приростная производительность снижается. Производительность труда резко падает в том случае, когда растущее население продолжает пользоваться одной и той же производственной технологией. Снижение производительности способно смягчить переход к более трудоемкой производственной деятельности. При этом эффект лишь смягчающий, не способный полностью остановить снижение производительности, не говоря уже о том, чтобы создать условия для роста производительности в расчете на час рабочего времени⁴.

По мнению Бозеруп, именно данная «цена» увеличения объемов производства — более долгое время монотонной работы — и объясняет медленную по историческим меркам скорость интенсификации сельского хозяйства. Только необходимость, вызванная растущей скученностью населения, была способна заставить крестьян посвящать больше времени — за счет своего досуга — сельскохозяйственному производству. Подобное сокращение досуга, к которому были вынуждены прибегать переживающие рост населения общества, не вело

4. «Органическое сельское хозяйство» может быть определено как любая сельскохозяйственная система, в которой (почти) все ресурсы производятся в рамках самого хозяйства, а не приобретаются в виде несельскохозяйственных ресурсов (энергия, искусственные удобрения). В условиях такой системы любой рост производительности угодий, скорее всего, будет сопровождаться снижением производительности труда. Причина этого в том, что рост интенсивности обычно достигается за счет сокращения паровых полей. Сокращение паровых полей требует использования другого метода сохранения плодородности почв. Это, в свою очередь, почти неизменно ведет к увеличению затрат труда на единицу обрабатываемой земли, а также на единицу продукции.

к экономическому росту в современном смысле (повышению дохода на душу населения), однако *определенное* экономическое развитие им действительно обеспечивалось. Рост объемов производства на единицу обрабатываемой земли вел к росту *общих* излишков, доступных для нужд политической и религиозной элит, городских центров, объектов культурного назначения и физической инфраструктуры. В дополнение к этому большая продолжительность рабочего дня и большее число рабочих дней имели своим непредвиденным эффектом появление более дисциплинированной и квалифицированной в техническом плане рабочей силы. По мнению Бозеруп, сочетание более сложной цивилизации и населения, приученного к постоянному труду, привело к формированию предпосылок для современной формы экономического развития.

Картину мира допромышленной эпохи, в котором крестьянские общества в силу роста населения расстаются с простой, неторопливой жизнью, чтобы погрузиться в беспощадную пучину всепоглощающего труда, можно назвать моделью экономического развития «Бытие 3:19»⁵. Читатели, которым претит «теологическая экономика», могут обратиться к экономической антропологии, согласно которой общества охотников-собирателей являются «подлинным богатым обществом» — богатым досугом, — а общества оседлых земледельцев движутся в сторону все большего напряжения сил в трудовой деятельности — своеобразной самоэксплуатации — в целях сохранения «крестьянского уклада жизни»⁶.

С точки зрения широкой исторической перспективы несколько многочисленных, сложных крестьянских цивилизаций мира оказались заложниками порочного за-

5. Изгоняя Адама и Еву из рая, Бог проклинает землю, обращаясь к Адаму: «Проклята земля за тебя; со скорбью будешь питаться от неё во все дни жизни твоей; терния и волчцы произрастит она тебе; и будешь питаться полевой травой; в поте лица твоего будешь есть хлеб...». Библия, «Бытие», глава 3: 17–19.

6. Marshall Sahlins. *Stone Age Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1972), в особенности глава “The Original Affluent Society”, pp. 1–39; Eric Wolf. *Peasants* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1966).

бега. Чем больше они «отставали» (чем меньше была плотность их населения), тем выше была производительность их сельского хозяйства, однако это лишь значило, что они запаздывают с подготовкой фундамента, на основе которого может быть осуществлен определенный прорыв — промышленная революция, — способный освободить их от безжалостной логики «органической экономики»⁷. Согласно классическому толкованию Британской промышленной революции, явившегося событием, положившим конец этому процессу длиною в тысячелетия, внезапный расцвет происходит при наличии технологических изменений — «волны изделий-новинок», — которые и представляют собой решительный прорыв. Согласно другому авторитетному мнению, ключом, открывшим дверь в современный мир, явились случайные события — счастливое историческое сочетание наличия у Британии доступа к углю и появления у нее колоний. Ни один из этих подходов не может пояснить наличия связи между продолжительным процессом интенсификации труда в крестьянском сельском хозяйстве и указанными поворотными событиями. Модель Бозеруп описывает процессы, подготовившие почву для современного экономического роста, однако она не объясняет, по какой именно причине такой поворот случился в истории цивилизации.

Критическая оценка. Прежде чем принять или отвергнуть взгляды Бозеруп, ознакомимся с представленной моделью немного подробнее, поскольку у нее есть два явных недочета. Хотя она и придает определенный уровень сложности (и реализма) классическому мальтузианскому подходу, она не учитывает наличие рынков. Импульс на более интенсивное использование земли

7. Подробное описание органической экономики дано в следующем издании: E. A. Wrigley. *Continuity, Chance and Change. The Character of the Industrial Revolution in England* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988). Понятие общей экологической судьбы, которой «случайным образом» удалось избежать Западной Европе, наиболее провокационным образом представлено в следующей публикации: Kenneth Pomeranz. *The Great Divergence. China, Europe and the Making of the Modern World Economy* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000).

обусловлен ростом населения, при этом давление роста населения, судя по всему, самодостаточные земледельцы испытывают самым *непосредственным* образом. За исключением технологий, каких-либо промежуточных звеньев между землей и трудом нет. Что изменилось бы, если бы земледельцы не только имели доступ к разным технологиям ведения сельского хозяйства, но и стали специализированными участниками рыночных отношений?

Второй недочет модели Бозеруп — это утверждение о том, что обеспечение необходимых объемов труда экономического назначения не имеет прямой связи с размерами населения; моделью признается лишь дилемма «труд — досуг». Однако, кроме того, что в модели не учитываются рынки, ею учитывается лишь один сектор экономики — сельское хозяйство. Единственная предусмотренная моделью альтернатива досугу — это работа в сельском хозяйстве. Что изменилось бы, если бы у земледельцев был более сложный выбор в распоряжении своим временем при наличии не связанной с сельским хозяйством работы?⁸

Рассмотрение этих двух «расширений» модели привело меня к предположению о том, что уход от железной логики интенсификации сельскохозяйственного производства (схематично см. рис. 3.1) был осуществлен благодаря взаимодействию домохозяйств с рынками, а не, как полагала Бозеруп, благодаря простому взаимодействию труда с землей. Существенное повышение объемов производства на душу населения в отсутствие какой бы то ни было промышленной революции могло бы быть достигнуто посредством более полного использования труда домохозяйств, зачастую в не связанных с сельским хозяйством областях, посредством более высокой эффективности производственного труда, обеспечиваемой специализацией, и посредством рыночных стимулов интенсификации труда.

Разумеется, трудоемкое производство на основе домохозяйства было свойственно не только Северо-Западной Европе или «долгому» XVIII в. Концепция ре-

8. Jan de Vries. "Boserup as Economics and History", *Peasant Studies Newsletter* 1 (1972): 45-50.

волюции трудолюбия, выдвигаемая в настоящем исследовании, касается не только более интенсивного труда. Большой ясности концепции можно добиться, если рассмотреть, в каком именно контексте понятие «революция трудолюбия» используется применительно к экономическому развитию стран Восточной Азии.

Революция трудолюбия на Востоке и Западе

Термин «революция трудолюбия» был придуман Акирой Хаями, использовавшим его (в публикации 1967 г. на японском языке) для противопоставления трудоемких технологий Японии периода Эдо (1603–1868 гг.) капиталоемким технологиям Британии периода промышленной революции. По мнению Хаями, технологии эти явили собой два пути к индустриализации⁹. В своем первом использовании данного термина в англоязычной публикации Хаями применяет его для объяснения роста сельскохозяйственного производства в последние десятилетия периода Эдо, который был достигнут благодаря введению новых методов земледелия, когда все более возрастающий в объемах труд человека был заменен тягловым рабочим скотом: «В сельской Японии, вероятно, произошел переход от использования “человеческой силы” к “конной силе”. И применительно к данным изменениям уместно использование термина “революция трудолюбия”...»¹⁰

В дальнейшем Каору Сугихара, Осаму Саито и прочие специалисты использовали данный термин в более общем смысле для обозначения процесса трудоемкой индустриализации как альтернативы капиталоемкому и ресурсоемкому пути, по которому в целях достижения

9. Akira Hayami. “Keizai Shakai no Seiritsu to sono Tokushitsu (The Emergence of the Economic Society and Its Characteristics)”, in Shakai Keizaishi Gakkai, ed. *Atarashii Edo Jidaizo o Motomete* (Tokyo: Toyo Keizai Shinposha, 1967), as discussed in Kaoru Sugihara, “Labour-intensive Industrialisation in Global History”, 13th International Economic History Congress, Buenos Aires, 2002.

10. Akira Hayami. “A Great Transformation. Social and Economic Change in Sixteenth and Seventeenth Century Japan”, *Bonner Zeitschrift für Japanologie* 8 (1986): 6.

современного экономического роста пошли страны Запада¹¹. Макроэкономический контекст, в котором данный термин применяется в Японии (и в других странах Восточной Азии), в целом согласуется с представленной выше моделью Бозеруп. Снабжение продовольствием возрастающего населения обеспечивается переходом на трудоемкие технологии. Возделывание риса и ирригационное производство позволили добиться гораздо большей интенсификации по сравнению со смешанным сельским хозяйством Европы, благодаря чему крестьянские общества Азии отличались значительно более высокой плотностью населения и, соответственно, более высокими объемами производства на единицу обрабатываемой земли¹².

-
11. Kaoru Sugihara. «The East Asian Path of Economic Development. A Long-Term Perspective», in Giovanni Arrighi, Takeshi Hamashita, and Amark Selden, eds. *The Resurgence of East Asia. 500, 150, and 50 Year Perspectives* (London: Routledge, 2003): 78–123; Kaoru Sugihara. «The State and the Industrious Revolution in Tokugawa Japan», London School of Economics, Working paper No. 02/04 (February 2004); см. также Osamu Saito. «Work, Leisure and the Concept of Planning in the Japanese Past» (unpublished, 1996); Osamu Saito. «Gender, Workload and Agricultural Progress. Japan's Historical Experience in Perspective», in René Leboutte, ed. *Protoindustrialisation. Recherches récentes et nouvelles perspectives. Mélanges en souvenir de Franklin Mendels* (Geneva: Librairie Droz, 1996): 129–151.
 12. Причинные механизмы, стоящие за этим процессом, вызывают жаркие споры. Здесь можно принять либо позицию Марка Элвина и Эрика Джонса, согласно которой Азия пошла путем экологического производства, позволившего поддерживать крайне высокую численность населения при крайне низком уровне жизни («ловушка равновесия высокого уровня»), либо позицию, выработанную позднее Джеймсом Ли, Вангом Фенгом и Кеннетом Померанцем, считавшими, что Китай — по крайней мере до 1800 г. — являл собой образец успешного с точки зрения решения демографических проблем общества, которому удавалось поддерживать для больших масс населения уровень жизни, вполне сравнимый с уровнем жизни в странах Европы. James Z. Lee and Wang Feng. *One Quarter of Humanity. Malthusian Mythology and Chinese Realities* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999); Pomeranz. *The Great Divergence*; Eric L. Jones. *The European Miracle. Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981); Mark Elvin. *The Pattern of the Chinese Past* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1973).

На микроэкономическом уровне «трудоемкой индустриализации» домохозяйство видится как «усваивающий» труд институт, которым осуществляется старательное развитие трудоемких технологий, способствующее задаче поддержания его экономической целесообразности. Однако крестьянское домохозяйство не рассматривается концепцией азиатской революции трудолюбия лишь как единица, занятая «самоэксплуатацией» в целях обеспечения скромного уровня жизни для своих членов. Скорее трудолюбие готовит крестьянское домохозяйство к решению задач обеспечения современного экономического роста посредством совершенствования качества труда. Саито описывает японское домохозяйство, которое отличается строгой дисциплиной своих членов и тщательно планирует не только применение семейных трудовых ресурсов, но и состав семьи (число детей, интервалы между их рождением и порядок рождения мальчиков и девочек) для координации потребления, производства и воспроизводства в целях обеспечения преемственности между поколениями, защиты от кратковременных периодов кризиса и достаточности ресурсов потребления в течение жизненного цикла меняющейся индивидуальной производственной единицы. На протяжении поколений подобного сложного и «рационального планирования» крестьянской семье удавалось приобрести человеческий капитал, способный служить ответом на новые угрозы и возможности, которые несла в себе современная индустриализация.

Сугихарой подчеркивается свойственная японским домохозяйствам тенденция «усваивать» семейный труд как в производстве сельскохозяйственной продукции, так и в других промыслах. Сугихара приводит для сравнения Англию, отличавшуюся специализацией домохозяйств: они были, как правило, заняты либо в сельскохозяйственном производстве, либо в сельских ремеслах. Японским домохозяйствам специализация была свойственна в меньшей степени, однако благодаря объединению различных видов деятельности в единое «предприятие» они становились своеобразными учебными центрами для выработки различных форм

поведения управленческого характера, которое оказалось полезным для поддержания многочисленных и трудоемких, пусть и незначительных по масштабам, видов производственной деятельности, свойственных для основанной на использовании больших объемов труда при малых объемах ресурсов экономике. Схожим образом, как считает Сугихара, большая доля самозанятых лиц в населении послужила основой для образования многочисленных малых и средних предприятий, оказавшихся столь характерными для переживавшей период индустриализации Японии. Такой вывод он делает из своих наблюдений:

Поскольку трудоемкой индустриализации было свойственно постепенное повышение качества труда, это оказалось главным путем, которым человечество избежало мальтузианской ловушки перенаселения и рикардовской ловушки растущих цен на продовольствие. Именно этот «добродетельный» круг, а не внезапная доступность огромных ресурсов Нового Света или трудосберегающих технологий и помог распространению индустриализации по всему свету в течение двух последних столетий¹³.

В восточноазиатской революции трудолюбия важную роль сыграла ограниченность ресурсов, а именно роль в развитии отличающихся находчивостью, усердием и дисциплиной крестьянских домохозяйств, которые оказались способны в нужный момент передать эти потом и кровью приобретенные свойства новому индустриальному миру. При этом роль специализации и рыночных отношений оказалась менее значимой. Тщательное планирование и продолжительные дни дисциплинированного труда *взяли на себя* роль отсутствующего рынка. Например, существование рынка наемных сельских работников снизило бы острую необходимость жесткого семейного планирования, а выплата налогов деньгами, а не рисом способствовала бы развитию большей сельскохозяйственной специализации.

Наконец, восточноазиатская революция трудолюбия — феномен, в значительно большей мере оказавший-

13. Sugihara. "Labour-intensive Industrialisation in Global History", p. 15.

ся основанным на предложении, чем на спросе. Трудоемкость деятельности заставила людей быть более продуктивными работниками, но не более активными или изобретательными потребителями. Общий рост продукции осуществлялся в ущерб производительности труда, что ограничивало покупательную способность жителей сельской местности. Позднее, когда эта низкопродуктивная сельская рабочая сила перекочевала в промышленный сектор, невысокая производительность труда мешала росту заработной платы и там, препятствуя тем самым расширению домашнего рынка¹⁴.

Трудоемкая индустриализация оказалась характерной чертой развития стран Восточной Азии. В странах же Запада экономический рост отличался капиталоемкостью. Семейные предприятия с крестьянскими корнями, отличавшиеся трудолюбием и гибкостью, были главной движущей силой индустриализации на Востоке, в то время как на Западе эту роль выполняли крупные фирмы и предприятия. Данное определение, пусть и не лишенное некоторой правды, все же преувеличивает разницу между странами Востока и Запада в ранние периоды индустриализации, поскольку авторы определения принимают известное всем развитие ряда «ведущих направлений» Британской промышленной революции за более широкие процессы экономического роста стран Запада, который, подобно происходившему на Востоке, долгое время зависел от производств в отличавшихся трудолюбием домохозяйствах.

Между революциями трудолюбия Востока и Запада есть тем не менее и существенные различия. Они далеко не одно и то же, и главное различие между ними кроется в большей роли рынков и большей специализации, характерных для Западной Европы. Это как раз те условия, в которых потребительские желания могли начать играть самостоятельную роль в содействии дальнейшему росту предложения труда. Иными словами,

14. Kaoru Sugihara. "The East Asian Path of Economic Development. A Long-term Perspective", in Giovanni Arrighi, Takeshi Hamashita, and Amark Selden, eds. *The Resurgence of East Asia. 500, 150, and 50 Year Perspectives* (London: Routledge, 2003): 90, 102.

детерминанты интенсификации труда в этих двух вариантах революции трудолюбия разнились на самом что ни на есть фундаментальном уровне.

Производительность труда в европейском сельском хозяйстве столкнулась с теми же неустраняемыми факторами сдерживания, что и в Азии, однако в Европе она оставалась существенно выше. Обычно в качестве объяснения данному феномену приводится сочетание ограничения численности семьи и применяемых сельскохозяйственных технологий. Население Европы подстраивалось под наличествующие ресурсы путем ограничения рождаемости в рамках так называемой «западноевропейской модели брака», которая была представлена читателю в главе 1. В данном объяснении одна из главных ролей отведена и рынку, поскольку возможность вступления в брак (если таковая и существовала для определенного лица, то вопрос заключался в том, в каком возрасте он мог ее реализовать) подчинялась экономическим условиям, зависевшим от уровня заработной платы, земельной ренты и цен на потребительские товары¹⁵.

Более того, смешанные сельскохозяйственные системы, доминировавшие на большей территории Европы (особенно в северной части Средиземноморского бассейна), позволяли дополнить труд человека, направленный на поддержание плодородия почв, обеднявшихся вследствие более интенсивного земледелия, соответствующими агрономическими технологиями. Ротационное использование земли под пастбища, бобовые и корнеплоды, известное как плодосменное и конверсионное хозяйство, привело к увеличению продукции животноводства (благодаря увеличению пастбищ и заготавливаемых кормов), отказу от необходимости периодически оставлять часть земли под пар и улучшению плодородия почв¹⁶. Разумеется, что для увеличения объемов фи-

15. С наиболее полным изложением данной теории можно ознакомиться в следующем издании: E. A. Wrigley and Roger Schofield. *The Population History of England, 1541–1871. A Reconstruction* (London: Edward Arnold, 1981), esp. Chapters 11–12.

16. Плодосменное хозяйство представляет собой ротационную систему без использования паров, в которой производится попере-

зической продукции данные системы требуют дополнительных расходов труда на единицу земли, однако при наличии благоприятного режима относительных цен они способны в еще большей мере повысить ценность производимой в их рамках продукции. Опять же, время и место внедрения этих более интенсивных систем ведения сельского хозяйства определялись в большей степени требованиями рынка, а не демографии¹⁷.

Ключевым фактором в достижении общего роста производительности в период до XIX в. стали не демография и не технологии, а организация домохозяйства в качестве самостоятельной экономической единицы. В Европе перераспределение производственных ресурсов домохозяйств явилось ответом на благоприятные возможности рынка. Домохозяйства перепрофилировались с *контакта* с рынком (продажа производимой продукции в целях увеличения разнообразия потребляемых товаров) на *ориентацию* на рынок (продажа производимой продукции и труда как основа экономики домохозяйств). Данное перепрофилирование произошло прежде всего как ответ на сложившиеся на рынке условия, а не вследствие демографических причин или принуждения со стороны соответствующих институтов (хотя и они время от времени играли достаточно важную роль). Полномасштабная ориентация на рынок или зависимость от него, в свою очередь, потребовали изменений в потребительском поведении домохозяйств.

менный засев одного участка земли то зерновыми культурами, то бобовыми растениями и корнеплодами; принцип конверсионного хозяйства состоит в выращивании на определенном участке земли сельскохозяйственных культур на протяжении 7–9 лет, после чего производится «конверсия» участка — его искусственное засеивание травами и использование на протяжении нескольких лет не под пашню, а под пастбище. См. Bruce Campbell and Mark Overton. "Productivity Change in European Agricultural Development", in Bruce Campbell and Mark Overton, eds. *Land, Labour and Livestock. Historical Studies in European Agricultural Productivity* (Manchester: Manchester University Press, 1991): 1–50.

17. Для более подробного ознакомления с этим сложным вопросом см. Eric Jones. *Agriculture and Economic Growth in England, 1650–1815* (London: Methuen, 1967); Slicher van Bath. *Agrarian History of Western Europe*; Campbell and Overton, eds. *Land, Labour and Livestock*.

Доход домохозяйств

Существует несколько форм дохода домохозяйств от рыночной деятельности, однако даже в XVII в. наемный труд был главным из источников денежного дохода на значительной части территории Северо-Западной Европы. Доход значительного и все возрастающего числа рабочих, не имевших земельных наделов или других производственных ресурсов, зависел от заработной платы, и свидетельства об уровне реальных зарплат в период «долгого» XVIII в. не позволяют говорить о том, что он сильно способствовал новаторскому потребительскому поведению или распространению материальной культуры. Оценка покупательной способности заработной платы довольно сложна даже при полноте данных. Имеющиеся же показатели по доиндустриальной эре крайне ограничены. Однако последние исследования единодушны в наличии крайне слабого долгосрочного роста реальной заработной платы в первые столетия нового времени, за исключением нескольких периодов и регионов.

Таблица 3.1. Реальная зарплата неквалифицированных строительных рабочих: Западная, Южная, Центральная и Восточная Европа, 1500–1849 гг.
(100% = Лондон, 1500–1549 гг.)

	1500– 1549	1650– 1699	1700– 1749	1750– 1799	1800– 1849
Западная Европа					
Лондон	100	96	110	99	98
Амстердам	97	98	107	98	79
Антверпен	98	88	92	88	82
Париж	62	60	56	51	65
Южная Европа	71	[52]	61	42	[30]
Центральная и Восточная Европа	74	66	58	55	48

Данные в квадратных скобках основаны на малом количестве наблюдений.

Источник: Robert Allen. "The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War", *Explorations in Economic History* 38 (2001): 428; Steven Broadberry and Bishupriya Gupta. "The Early Modern Great Divergence: Wages, Prices and Economic Development in Europe and Asia, 1500–1800", *Journal of Economic History* 59 (2006): 7.

В табл. 3.1 дан общий обзор реальных зарплат в городах Северо-Западной, Южной, Центральной и Восточной Европы. Показатели стоимости жизни по каждому из городов представлены таким образом, что возможно их сравнение не только по временным отрезкам, но и с показателями прочих городов. Наличие эталонного показателя, в роли которого выступает уровень реальной заработной платы в Лондоне в 1500–1549 гг., дает возможность обратить внимание на следующее: 1) реальная заработная плата в крупнейших городах Северо-Западной Европы была в рассматриваемый период выше, чем в крупнейших городах Южной, Центральной и Восточной Европы; 2) на протяжении «долгого» XVIII в. этот разрыв между Северо-Западной Европой и прочими регионами лишь возрастал; 3) возрастающее относительное преимущество Северо-Западной Европы не было воплощено в виде абсолютного повышения реальной заработной платы. Успех Северо-Западной Европы оказался достаточно ограниченным. Северо-Западной Европе удалось избежать существенного снижения покупательной способности, наблюдаемой повсеместно в прочих из указанных регионов.

Таблица 3.2. Индекс реальной заработной платы:
Великобритания, 1770–1879 гг.

Десятилетие	Индекс
1770–1779	100
1780–1789	105,5
1790–1799	113,1
1800–1809	112,2
1810–1819	107,8
1820–1829	117,9
1830–1839	124,2
1840–1849	130,3
1850–1859	140,4
1860–1869	147,0
1870–1879	170,4

Источник: Charles Feinstein. "Pessimism Perpetuated: Real Wages and the Standard of Living in Britain during and after the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 58 (1998): 652–653.

Это едва ли можно назвать благоприятной основой для потребительской революции. Возможно, нам стоит сконцентрировать внимание на самой динамичной с экономической точки зрения стране в период максимальной экспансии ее экономики. Показатели реальной заработной платы в Великобритании периода промышленной революции уже долгое время являются объектом самого пристального внимания. «Оптимисты» были уверены, что столь значительные достижения в производстве и производительности не могли не улучшить уровень жизни современников, в то время как пессимисты были в неменьшей мере уверены в том, что в условиях эксплуатации такой интенсивности, что ей удалось породить промышленную революцию, уровень жизни трудящихся должен был упасть¹⁸.

Этот «спор об уровне жизни» продолжается и в XXI в., хотя теперь уже с меньшим политическим накалом и при большей методологической изыскности. Последняя всесторонняя оценка покупательной способности британцев рассматриваемого периода, проведенная Чарльзом Файнстайном и представленная в кратком виде в табл. 3.2, подкрепляет собой позиции пессимистов:

С 1780-х гг. и до окончания Наполеоновских войн средний номинальный доход в целом не отставал от уровня стоимости жизни, а повышения среднего реального дохода почти не наблюдалось. После 1815 г. наступает период пусть медленного, но прогресса, однако к середине 1850-х гг. показатель индекса опережал показатель начала 1780-х гг. менее чем на 30%. Согласно новым дан-

18. У истоков данного спора стоят Эрик Хобсбаум и Роберт Хартвелл: Eric J. Hobsbawm. "The British Standard of Living, 1790-1850", *Economic History Review* 10 (1957): 46-68; Robert M. Hartwell. «The Rising Standard of Living in England, 1800-1850», *Economic History Review* 13 (1961): 397-416; Eric J. Hobsbawm. "The Standard of Living During the Industrial Revolution. A Discussion", *Economic History Review* 16 (1963): 119-134; Robert M. Hartwell. "The Standard of Living. An Answer to the Pessimists", *Economic History Review* 16 (1963): 135-146. Указанные статьи определили течение спора. Среди прочих специалистов, сделавших значимый вклад, необходимо отметить Т. С. Эштона (сторонник оптимистического взгляда) и Э. П. Томпсона (сторонник пессимистической трактовки).

ным, существенный и стабильный рост реальной заработной платы среднестатистического британского трудящегося отмечается лишь с конца 1850-х гг.¹⁹

За пределами переживающей индустриализацию Великобритании дела шли еще хуже. Обширные сведения, собранные Йоханом Содербергом, Ульфом Йонссоном и Кристером Перссоном, описывают мрачную картину ухудшения ситуации в период с 1730 по 1789 г. За это время происходило почти повсеместное падение покупательной способности заработной платы, выраженной в стоимости зерновых/хлеба, иногда более чем на 1% в год. И это на протяжении более полувека, притом что худшее было еще впереди: резкие взлеты цен на продовольственные товары в эпоху Французской революции и правления Наполеона привели к почти повсеместному падению реальной заработной платы до исторического минимума²⁰.

Победа в споре, судя по всему, остается за пессимистами, хотя и благодаря вовсе не тем доводам, которые выдвигались ими первоначально. Растущее число свидетельств о продолжительной стагнации, а то и вовсе снижении реальной заработной платы было дополнено фундаментальной переоценкой уровня макроэкономического роста британской экономики в первые десятилетия промышленной революции. Новый подход не отрицает долгосрочной значимости новых технологических и организационных достижений этой эпохи,

19. Charles Feinstein. "Pessimism Perpetuated. Real Wages and the Standard of Living in Britain During and After the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 58 (1998): 642. См. также Gregory Clark. "Farm Wages and Living Standards in England, 1670–1869", *Economic History Review* 54 (2001): 477–505.

20. Johan Söderberg, Ulf Jonsson, and Christer Persson. *A Stagnating Metropolis. The Economy and Demography of Stockholm, 1750–1850* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991): 65–86. Авторами проводится сравнение данных по реальным зарплатам (обычно выраженных в ценах на хлеб) в 18 европейских городах в период 1730–1789 гг. По 14 из этих городов наблюдается тенденция к ежегодному снижению реальных зарплат по меньшей мере на 0,5%. Положительная тенденция прослеживается лишь в одном городе, Копенгагене (+0,05%). В большинстве городов продолжительные положительные тенденции наблюдаются лишь после 1850 г.

однако оценивает их вес для экономики в целом гораздо меньшим, чем принято было считать ранее, — по крайней мере, для периода до второй половины XIX в. Таблица 3.3 позволяет отследить масштабы снижения роста дохода на душу населения в Великобритании в период 1700–1830 гг. на основе оценок Филлис Дин и Уильяма Коула, представляющих традиционную точку зрения, а также Ника Крафтса и Ника Харли, сторонников нового подхода.

Таблица 3.3. Оценки роста дохода на душу населения в Великобритании (ежегодный средний прирост)

Период	Дин и Коул	Крафтс и Харли
1700–1760	0,44	0,30
1760–1800	0,52	0,17
1800–1830	1,61	0,52
1830–1870	1,98	1,98

ОБЩЕИЕ УКАЗАННЫХ ОЦЕНОК ПО: Joel Mokyr. "Accounting for the Industrial Revolution", in Roderick Floud and Paul Johnson, eds. *The Cambridge Economic History of Modern Britain* Vol. 1, *Industrialisation, 1700–1860* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004): 4–10.

Согласно новому подходу, значительного роста в общей производительности труда не было, несмотря на то что по Англии пронеслась «волна товаров-новинок»²¹. Подход этот очищает оценки реальной заработной платы, произведенные «пессимистами», от значительной доли нелогичности. С другой стороны, согласно новому подходу, у доиндустриальной Англии оказывается гораздо более сильная экономика, чем было принято считать, по той простой причине, что меньший уровень экономического роста в 1760–1830 гг. означает, что экономика в период до 1760 г. должна была обеспечивать доход на душу населения, сравни-

21. N. F. R. Crafts and C. K. Harley. "Output Growth and the Industrial Revolution. A Restatement of the Crafts-Harley View", *Economic History Review* 45 (1992): 703–730.

мый с показателями для периода после 1830 г.²² Чем меньше у нас сведений по увеличению производительности в указанный период, осуществленному благодаря технологическим изменениям, тем больше нам следует сосредоточиться на росте производства, обеспечиваемом бóльшим вкладом труда.

Согласно концепции революции трудолюбия, в центре нашего внимания должен быть не *ежедневный доход отдельных граждан*, а *ежегодный доход домохозяйств*. Как следствие, ключевыми показателями становятся не уровень заработной платы, а: 1) количество дней оплачиваемой трудовой деятельности в течение года; 2) участие жен и детей в ориентированной на рынок трудовой деятельности; 3) интенсивность труда. Различные сочетания бóльших объемов постоянной трудовой занятости, большей интенсивности труда и бóльших объемов оплачиваемого труда — более гибкое обеспечение востребованных рынком объемов труда — были способны помочь домохозяйствам преодолеть недостаточность уровня заработной платы, дав им орудие, с помощью которого они были в состоянии удовлетворять свои новые потребительские желания.

Существуют значительные свидетельства, как прямые, так и косвенные, подтверждающие изменения во всех трех указанных составляющих трудовой деятельности. Более того, многие из наиболее радикально настроенных «пессимистов» сами предложили свидетельства в пользу возросшего числа рабочих часов, расширения использования детского труда и снижения числа праздничных дней и непостоянной занятости. При этом сами эти свидетельства были выдвинуты с целью подкрепить предположение о том, что индустриализация в рамках капиталистической системы принесла с собой жесткую, неоправданную и неестественную интенсификацию труда. По их мнению, тяжелой ценой за любые последующие повышения реального дохода

22. Экономисты могут рассчитывать на то, что их суммарные знания обеспечат *потомкам* более высокий уровень жизни, однако лишь специалисты по истории экономики способны позволить нашим *предкам* жить богаче, чем они жили в действительности.

стало существенное сокращение времени досуга. Я еще вернусь к данным утверждениям ближе к концу настоящей главы.

Труд в течение календарного года

В Европе периода средневековья и раннего Нового времени дни работы определялись христианским календарем, который не допускал труд по воскресеньям, а также в дни поклонения в зависимости от региона тем или иным святым²³. Некоторые из праздничных дней поминовения святых приходились на ежегодные фестивали и карнавалы, когда большая часть работы прекращалась на несколько дней подряд. В раннее Новое время к церковным праздникам в ряде стран добавлялись светские и политические праздники — дни рождения королевских особ или празднования значимых событий. Число нерабочих дней варьировалось как в зависимости от региона, так и определенного периода истории. Судя по всему, после эпидемии чумы, известной как «черная смерть», и в течение XV в. число праздничных дней поминовения святых выросло, в результате чего обычаи, долгое время принимаемые как должное, стали представлять собой проблему. Кристофер Дайер в связи с этим замечает:

Неодобрение «развлекавшихся на улицах» наемных рабочих, попытка внедрения практики ежегодных трудовых договоров, кампания по сокращению числа религиозных праздников и растущее недовольство отнимающими много времени играми и спортивными соревнованиями усиливают впечатление того, что работодатели изо всех сил пытаются бороться со стремлением со стороны работников к праздному времяпрепровождению²⁴.

Большинство оценок сходятся в том, что к концу XV в. число официальных рабочих дней в году состав-

23. При этом некоторые праздничные дни были неофициальными, так как были основаны на местных народных культах.

24. Christopher Dyer. *Standards of Living in the Later Middle Ages. Social Change in England c. 1200–1520* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989): 224.

ляло 250–260²⁵. Борьба со столь большим числом дней, проводимых в праздности, начинается в XVI в., прежде всего и наиболее яростно — протестантской Реформацией. В наши дни число нерабочих дней вновь достигло доиндустриального уровня в большинстве стран Запада после 1950–1960 гг. с введением 5-дневной рабочей недели. Реформированная Церковь пыталась внедрить рационализированный литургический календарь, который не предусматривал дней поминовения святых, а в кальвинистском варианте почти не оставлял места для Великого и Рождественского постов и даже самого Рождества. В Англии король и его Церковь осуществили данную реформу календаря — в теории — посредством указа от 1536 г., которым отменялось 49 церковных праздников²⁶. Нидерландская реформированная Церковь в 1574 г. отменила все церковные праздники, настаивая на том, чтобы свободными от труда были только воскресные дни. Почти тотчас недовольство со стороны населения заставило синод смягчить свое решение, снова сделав праздничными Рождество и следующий за ним день, 1 января, пасхальный понедельник, Вознесение Господне и Духов день — восстановив в общей сложности шесть дней²⁷. Земли, оставшиеся лояльными Римской католической церкви, подобной внезапной «зачистки» избежали, однако отмена праздничных дней поминовения святых со временем произошла и там. Так, в Париже первые значимые

25. K. G. Persson. "Consumption, Labour and Leisure in the Late Middle Ages", in D. Menjot, ed. *Manger et boire au Moyen Age* (Nice: Centre d'Etudes Médiévales de Nice, 1984): 219–220; Abel. *Agricultural Fluctuations in Europe*, p. 59. Мишлин Болан приводит следующие данные по парижским строителям: 250 рабочих дней в году. При этом она замечает, что только 190 из них были полными рабочими днями. Остальные были наполовину рабочими, а наполовину праздничными. Micheline Baulant. "Le salaire des ouvriers du bâtiment à Paris de 1400 à 1726", *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 26 (1971): 470.

26. Hans-Joachim Voth. "Seasonality of Baptisms as a Source for Historical Time-Budget Analysis. Tracing the Disappearance of Holy Days in Early Modern England", *Historical Methods* 27 (1994): 127–128.

27. Leo Noordegraaf. *Hollands welvaaren? Levensstandaard in Holland 1450–1650* (Bergen: Octavo, 1985): 58–60.

изменения, имевшие последствия для рабочих-строителей, произошли в 1666 г., когда были упразднены от 15 до 20 таких праздничных дней, в результате чего их осталось порядка 30²⁸. Чем дальше на юг и восток Европы, тем позже происходят подобные изменения. В Австрии первые шаги были предприняты в период правления Марии Терезии, упразднившей в 1754 г. одним указом — вызвавшим сильное неприятие — целых 24 праздничных дня²⁹.

Несмотря на свою регламентирующую природу, указы синодов, архиепископов и монархов имели для рынка труда скорее рекомендательный (будучи противопоставленными соблюдению религиозных норм), чем обязательный характер. Они *способствовали* увеличению числа рабочих дней в календарном году на более чем 20% — с 250–260 до (максимум) 307, — однако сделать стремление к труду чем-то обязательным не смогли. В действительности еще в большей степени, чем Церковь, на сокращение числа рабочих дней мог повлиять общепринятый уклад жизни. Хотя сокращение числа праздничных дней поминаения святых и позволило земледельцам уделять полевым работам больше времени тогда, когда это было необходимо (например, при неблагоприятных погодных условиях), однако это

28. Baulant. "Les salaires des ouvriers du bâtiment", pp. 470–471. В период с 1549 г. и до второй трети XVII в. в календарном году насчитывалось примерно 272–277 потенциально рабочих дней. После 1666 г. их число увеличилось до 286–287, хотя, судя по всему, к 1673 г. вновь упало, на этот раз до 280–282. Робер Мюшембле утверждает, что для Франции в целом число церковных праздников в XVII в. было «беспощадно сокращено» с 60 до менее чем 30. Robert Muchembled. *Société et mentalités dans la France XVIe-XVIIIe siècles* (Paris: A. Colin, 1990): 89.

29. Hans-Joachim Voth. *Time and Work in England, 1750–1830* (Oxford: Oxford University Press, 2001): 274п. Фот подчеркивает важность, которую правительство придавало данной реформе, указывая, что протесты священнослужителей и беспорядки в Вене заставили власти в дни «бывших» церковных праздников расставлять патрули конной полиции на улицах и запрещать открытие магазинов раньше 11:00. Тем не менее обязательное присутствие на церковной службе для прихожан в «бывшие» церковные праздники было отменено лишь в 1771 г. Sandgruber. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft*, p. 377–378.

еще не значит, что оно способствовало увеличению общего объема трудовых усилий. «Активировать» высвободившееся для труда время могло лишь решение об интенсификации своей земледельческой деятельности и/или участия в других формах труда производственного характера. Соответственно лишь эмпирические данные способны помочь определить действительное число рабочих дней в году и то, когда и в какой степени был на самом деле реализован новый потенциал работоспособности.

Записи о заработной плате нидерландских государственных служащих (работников, занятых на осушении прибрежных участков, портовых сооружениях и канатных заводах, служащих муниципалитетов) указывают на то, что прирост «трудового потенциала», образовавшийся благодаря росчерку пера церковного главы в 1574 г., нашел регулярное применение не позднее второй половины XVII в. Если в XVI в. рабочее время (включая примерно два часа в день на перерыв для приема пищи) лиц, занятых физическим трудом, не могло составлять более 3100 часов в год, то после 1650 г. оно достигло уже 3700 рабочих часов (опять же включая два часа в день на прием пищи). Дальнейшее увеличение рабочего времени в годовом исчислении произошло в начале XIX в., когда все большее распространение получила работа (в помещениях) в темное время суток³⁰.

30. Jan de Vries. "The Labour Market", in Karel Davids and Leo Noordegraaf, eds. *Economic and Social History in the Netherlands* (Amsterdam: NEHA, 1993): 62. Данные по продолжительности рабочего дня и общего количества рабочих часов в календарном году взяты из: Jan de Vries. "An Employer's Guide to Wages and Working Conditions in the Netherlands, 1450–1850", in Carol Leonard and Boris Mironov, eds. *Hours of Work and Means of Payment. The Evolution of Conventions in Pre-industrial Europe* (Milan: XI International Economic History Congress, 1994): 47–63. В период с 1600 по 1850 г. рабочий день работников физического труда составлял не более 14 (минус 2 часа на перерывы = 12 часов работы) и 13 часов (минус 2,5 часа на перерывы = 10,5 часа работы). Продолжительность рабочего дня снижалась в зимние месяцы в связи с сокращением светлого времени суток. До 1574 г. максимальное количество рабочих часов в год составляло примерно 2600 (плюс 550 часов на перерывы = 3100 часов); впоследствии максимальное количество рабочих часов увеличилось примерно до 3100 (плюс 600 часов

Ситуация с Англией несколько сложнее, поскольку единого мнения относительно того, насколько быстро там происходила отмена праздничных дней поклонения святым, нет. Ханс-Йоахим Фот проливает свет на этот вопрос, изучая данные по еженедельному числу обрядов крещения в городке Ладлоу, графство Шропшир, для того чтобы выявить «отсроченные» свидетельства видов досуга, случившихся девятью месяцами ранее. Его регрессивный анализ для двадцатилетних периодов (в промежутке с 1558 по 1700 г.) позволяет сделать вывод о том, что «старые католические праздники имели сильное, хотя и постепенно снижающееся, влияние на время зачатия в период до Гражданской войны. После Реставрации [для периода с 1646 по 1668 г. соответствующих данных нет] какой-либо связи между сезонностью зачатий и старыми праздничными днями не наблюдается»³¹. Хотя примененный Фотом метод оценки и имеет явные недостатки, а один городок в Шропшире — это еще не вся Англия, прочие свидетельства также говорят в пользу версии о происходившем в XVII в. в сельской Англии увеличении числа рабочих дней.

Второй подход, направленный на выявление долгосрочных изменений в структуре труда, сосредоточен на свидетельствах, касающихся долгосрочных тенденций уровня реальной заработной платы. Часто используемые специалистами данные по заработной плате работников строительной отрасли за семь столетий, собранные Генри Фелпс-Брауном и Шилой Хопкинс, позволяют говорить о том, что уровень реальной заработной платы в XV в. намного превышает показатели последующих столетий — вплоть до второй половины XIX в.³²

на перерывы = 3700 часов). Общее количество часов светлого времени суток в год (за исключением воскресных дней) на 50-й северной широте составляет 4270 часов, что оставляет совсем немного свободных часов в светлое время суток и то только в месяцы с максимальной продолжительностью дня.

31. Voth. "Seasonality of Conceptions", p. 131.

32. E. H. Phelps Brown and Sheila V. Hopkins. "Seven Centuries of Builders' Wage-rates", *Economica* 22 (1955): 195–206; "Seven Centuries of the Price of Consumables, Compared with Builders' Wage-rates", *Economica* 23 (1956): 296–314.

Хотя оснований трактовать эти данные буквально и не существует, общие выявленные тенденции надежны, будучи подкреплены данными по смежным странам и более подробными местными исследованиями. Грегори Кларк и Эшбранд ван дер Верф использовали данную модель реальной заработной платы для определения меры трудолюбия. Они ссылаются на применимость закона Энгеля к данным за XIX в., что было в полной мере подтверждено современными исследованиями. Согласно этому хорошо известному поведенческому закону, с увеличением дохода его доля, расходуемая на продовольственные товары, уменьшается. Поскольку уровень заработной платы в конце XIX в. был таким, что примерно 30% ее уходило на приобретение продовольственных товаров, а доля рабочей силы, занятой в сельском хозяйстве, не превышала 25% от общего числа трудящихся, Кларк и ван дер Верф приходят к выводу, что раз реальная заработная плата в XV в. схожа с зарплатой в сравниваемом периоде, то схожими должны быть и модели потребления. При этом в количественном выражении рабочая сила, необходимая для производства продовольственных товаров, в XV в. должна быть несколько выше, поскольку в долгосрочной ретроспективе происходит рост производительности труда в сельском хозяйстве. Согласно по конкретному приросту производительности за указанный период нет, однако по даже самым великодушным оценкам доля рабочей силы, необходимой для занятости в сельском хозяйстве XV в., не могла составлять менее 40% от общего ее показателя.

В связи с этим структура труда в XV в. должна была бы оказаться в значительной мере схожей со структурой труда в середине XIX в., однако, разумеется, это не так. Если исходить из низкого уровня урбанизации и прочих фактов, то следует говорить о том, что в сельском хозяйстве была занята большая часть рабочей силы: по крайней мере 60%. Кларк и ван дер Верф задаются вопросом: «Каким образом средневековое английское общество могло тратить лишь треть своего дохода на продовольственные товары, если ему требовалось, чтобы в сельском хозяйстве была занята большая часть его населения?»

Решением данной головоломки может быть лишь следующий вывод: *годовой доход домохозяйства* в XV в. был в действительности значительно ниже того, что предполагается на основе высокой *поденной заработной платы* отдельного работника. И это действительно было так, поскольку большинство людей того периода «потребляли» свой высокий доход на цели досуга — работали они меньшее число дней, и рабочие дни эти были короче. Вследствие «потребления» значительных объемов досуга ежегодный денежный доход домохозяйства XV в. был небольшим, и большая его часть тратилась на продовольственные товары. Это вновь приводит уровень и структуру потребительского спроса в соответствие со структурой труда³³. Если пользоваться языком модели распределения времени, представленной в главе 1, то можно говорить о том, что в XV в. предметы потребления «Z» были досугоемкими.

Ханс-Йоахим Фот предлагает и третий, более прямой подход к вопросу ежегодной продолжительности труда. Им применяется оригинальная методология восстановления подробной информации по использованию гражданами своего времени на основе показаний

33. Gregory Clark and Ysbrand van der Werf. "The Industrious Revolution or Calvinist Middle Ages?" *Journal of Economic History* 58 (1998): 830–843. Кларк и ван дер Верф данное заключение отвергают, поскольку полагают, что в Средневековье производительность в сельском хозяйстве — как из расчета на человека, так и на рабочую задачу — была почти столь же высока, что и в XIX в. Ими выдвигается вызывающее сомнения утверждение о том, что картина средневековой Англии отвечает их толкованию исторических свидетельств, а потому она была почти столь же промышленно развитой страной, что и в середине XIX в. Джон Хэтчер анализирует свидетельства об изобилии досуга в Англии в период после эпидемии «черной смерти» и приходит к выводу, что после эпидемии жители работали меньше, чем до нее. «Вполне возможно, что в последующем периоде они работали меньше, чем могли бы, однако излишек работы в предшествующий период означает, что многие не были в состоянии посвящать труду столько времени, сколько хотели были». Каких-либо сравнений объемов труда в этих двух периодах с показателями XVIII или XIX веков Хэтчер не производит. John Hatcher. "England in the Aftermath of the Black Death", *Past and Present* 144 (1994): 27–28.

очевидцев в центральном уголовном суде Лондона, известном как Олд-Бейли. Его источник (показания очевидцев, описывавших свои действия в момент совершения преступлений) предпочтителен по сравнению с современными исследованиями использования времени, которые обычно опираются на сведения респондентов опросов³⁴. Этот впечатляющий массив данных позволяет говорить о том, что в период 1750–1830 гг. число часов, которые лондонцы ежегодно уделяли работе, увеличилось на 40%, главным образом во второй половине XVIII в. Отдельные расчеты Фота по трудовой занятости, не относящейся к сельскохозяйственным работам, на севере Англии указывают на меньший, но все же заметный 18%-ный прирост ежегодного объема рабочих часов. После учета более стабильной схемы организации работ в сельском хозяйстве (где более длинные рабочие дни наблюдались и ранее) Фот делает вывод о приросте ежегодного объема рабочих часов для английских трудящихся в целом на 20–23% или приблизительно с 2700 до 3300. Только в Лондоне их объем вырос с 2300/2400 до 3300/3400³⁵.

Данный прирост произошел не вследствие увеличения продолжительности рабочего дня, а за счет сокращения церковных праздников и «святых понедельников»³⁶. Так, судебные показания лондонцев в 1750-х гг. указывают на то, что традиции нерабочих дней, свойственные предшествующему Реформации периоду, никуда не исчезли: ремесленники, торговцы и наемные рабочие, свидетельствовавшие в центральном лондонском суде, все так же соблюдали в 1750-е гг. многочисленные дни святых, а зачастую брали выходной и по

34. Современные исследования такого вопроса, как использование времени, обсуждаются в главе 6. Методология исследований представлена в работе: F. Thomas Juster. "The Validity and Quality of Time Use Estimates Obtained from Recall Diaries", in F. Thomas Juster and Frank Stafford, eds. *Time, Goods, and Well-Being* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1985): 63–91.

35. Voth. *Time and Work in England, 1750–1830*, p. 130.

36. Hans-Joachim Voth. "Time and Work in Eighteenth-Century London", *Journal of Economic History* 58 (1998): 29–58. Voth. *Time and Work in England*.

понедельникам³⁷. Однако те же судебные показания позволяют говорить о том, что к 1800 г. бывшие праздники поклонения святым, а главным образом понедельники, стали для лондонцев обычными рабочими днями. Наконец, воздержание от употребления алкоголя, предписанное реформаторами-протестантами несколькими столетиями ранее, достигло и Лондона — вернее сказать, лондонских гильдий ремесленников и «торговый класс». Неприсутственные дни для служащих Банка Англии (так называемые «банковские праздники») данный график собой подтверждают: в 1761 г. таких дней было 47, к 1834 г. их осталось только 4. Переход к насыщенному трудом календарному году продолжительностью 3300–3400 часов, произошедший в Лондоне за пятьдесят лет, за его пределами начался еще раньше (согласно найденным Фотом свидетельствам, за пределами Лондона в 1750-х гг. соблюдалось множество церковных праздников, но мало дней поклонения святым), а еще ранее — в сельской местности, где, как это ни странно, традиции оказались менее живучими, чем в городе.

Исследование Фота касается рабочего времени индивидуума (взрослого, мужского пола), зарабатывающего себе на жизнь наемным трудом. Однако значительная часть населения по-прежнему участвовала в рыночной деятельности не столько работой за зарплату, сколько — полностью или частично — посредством производства сельскохозяйственной продукции, рыночных товаров и услуг. И здесь трудолюбие принимает форму не просто сокращения досугового времени, но и прежде всего переориентации производственного времени домохозяйства с видов деятельности, осуществляемых для нужд домохозяйства, на производство товаров для рынка. В свою очередь, подобная переориентация времени, как правило, ведет к усилению специализации.

37. Данная традиция практиковалась не только в Англии. В германских землях ремесленники обычно соблюдали "blauwe Montag". Схожего выражения («святой понедельник») в голландском языке нет, а в зарплатных ведомостях документальные подтверждения о понедельнике как выходном дне отсутствуют.

Сельскохозяйственная специализация

Сельскохозяйственная специализация и обеспеченный ею новый уровень производительности в «долгом» XVIII в. уже сами по себе являются большой темой, однако ее можно представить и в кратком виде, опираясь на недавние исследования сельского хозяйства Северной Франции (Филип Хоффман и Джордж Грэнтам), Англии (Марк Овертон, Грегори Кларк и Роберт Аллан) и исторических Нидерландов (Фландрия — Гай Дейонг и Эрик Тьун; Нидерланды — Бас ван Бавель и Ян-Льютен ван Занден). Во всех этих регионах был отмечен значительный рост производительности без соответствующего этому росту усовершенствования технологий. Грэнтам приходит к следующему выводу:

Главным фактором увеличения сельскохозяйственного производства в 1840-е гг., когда появление коммерческих удобрений и разработка уборочной техники начали существенным образом влиять на производственные методы, были вовсе не новые технологии. До этого момента объемы производства зависели в большей степени от интенсивного использования известных технологий, а не перехода на новые методы³⁸.

Картина, выявленная Грэнтамом для Северной Франции периода 1740–1840 гг., соответствует тому, что Грегори Кларк выявил для Англии периода 1640–1840 гг.: объемы производства в расчете на одного трудящегося выросли на 50%, и только 15% из них пришлось на технический прогресс. Остальные 35% Кларк объясняет сокращением нерабочего времени и возросшей интенсивностью труда³⁹. В исторических Нидерландах вследствие региональных различий картина неоднородна, однако почти везде рост объемов производства (производительности земли) был весьма

38. George Grantham. "Agricultural Supply during the Industrial Revolution. French Evidence and European Implications", *Journal of Economic History* 49 (1989): 44–45.

39. Gregory Clark. "Productivity Growth without Technological Change in European Agriculture before 1850", *Journal of Economic History* 47 (1987): 432. Более поздние работы Кларка этим его выводам соответствуют не всегда.

существенным и обычно сопровождался значительной интенсификацией труда⁴⁰. В целом можно говорить о том, что к 1800 г. обширным территориям Северной Европы удалось снизить объемы труда, требующиеся для производства одного гектолитра зерна, с 6–8 человеко-дней (что являлось нормой в XVI в.) до 4–5, в то время как собираемость урожая с одного гектара увеличилась с 8–10 гектолитров до 12–15⁴¹.

На настоящий момент по-прежнему широко бытует мнение о том, что уровень урбанизации является хорошим показателем производительности сельского хозяйства: чем выше производительность сельскохозяйственного труда, тем выше доля общего населения, которое может мигрировать в города⁴². Если бы это было так, то Европа пережила бы мощную урбанизацию, на деле в раннее Новое время значительных изменений не произошло: население городов с числом жителей не менее 5 тыс. человек выросло крайне незначительно, увеличившись с 1500 по 1800 г. с 10 до 13% от общего числа населения⁴³. Показатель по Европе за 1800 г. почти в три раза превышает аналогичный показатель по

40. Судя по всему, во Фландрии раннего Нового времени производительность труда оставалась неизменной, притом что производительность земли заметно выросла. G. Dejongh and E. Thoen. "Arable Productivity in Flanders and the Former Territory of Belgium in a Long Term Perspective", in Van Bavel and Thoen, eds. *Land Productivity and Agro-Systems in the North Sea Area* (Turnhout: Brepols, 1999): 30–65. В Голландии поддержанный инвестициями капитала процесс роста производительности, наблюдавшийся до 1660 г., сменился в XVIII в. процессом диверсификации посевов и интенсификации труда. De Vries and van der Woude. *The First Modern Economy*, pp. 229–234; B. J. P. van Bavel. "Arable Yields and Total Arable Output in the Netherlands from the late Middle Ages to the end of the Ancien Régime", in Van Bavel and Thoen. *Land Productivity and Agro-Systems*, pp. 85–113.

41. George Grantham. "Division of Labour. Agricultural Productivity and Occupational Specialization in Pre-industrial France", *Economic History Review* 46 (1993), table 4.

42. Пол Байрок делает данное утверждение центральным элементом своего масштабного анализа мировой урбанизации. Paul Bairoch. *Cities and Economic Development* (Chicago: University of Chicago Press, 1988).

43. Jan de Vries. *European Urbanization, 1500–1800* (London: Methuen, 1984).

Китаю, хотя почти и совпадает с данными для 1800 г. по Японии⁴⁴.

То, что население Европы оставалось в подавляющем большинстве сельским вплоть до XIX в., правда. Однако оно не было в большинстве своем занято в сельском хозяйстве, во всяком случае — если определять трудовую занятость реальным распределением рабочих дней, а не все еще бытовавшей минимальной, но привязанностью к земле.

Доля городского населения является слабым показателем трудовой диверсификации населения Европы. По мере организации сельского населения в более эффективные рыночные структуры его профессиональный состав усложняется. Еще раз повторяю, что в общих чертах произошло следующее: с начала XVI в. (в выращивании зерновых культур занято 50% населения) и до 1800 г. (в производстве зерна занято уже 30% населения) происходит снижение рабочего времени, уделяемого сельскому хозяйству, с 75% до примерно 50%, поскольку растет число ремесленников, промышленных и транспортных рабочих, трудящихся прочих категорий — они заполняют собой промежуточные звенья сельской экономической жизни, используют возможности, предоставляемые набирающей зрелость рыночной системой, и закладывают основы для промышленной революции, события, которое скорее *продолжило* собою процесс экономического роста Северо-Восточной Европы, а не *инициировало* его (см. рис. 3.2)⁴⁵.

44. Данные оценки основываются на следующей публикации: Gilbert Rozman. *Urban Networks in Ch'ing China and Tokugawa Japan* (Princeton, N. J.: Princeton University Press, 1973).

45. Четыре категории населения на рис. 3.2 дают условное представление долгосрочных изменений в Западной и Восточной Европе. Данные по «крупным городам» (более 10 000 жителей) и «малым городам» (5000–10 000) взяты из работы: de Vries. *European Urbanization*. Измерить сельское население, занятое и не занятое в сельском хозяйстве, является, разумеется, делом более трудным. Основу оценки составляют данные из статей: E. A. Wrigley. "Urban Growth and Agricultural Change. England and the Continent in the Early Modern Period", *Journal of Interdisciplinary History* 15 (1985): 683–728; Robert Allen. "Economic Structure and Agricultural Productivity in Europe, 1300–1800", *European Review of Economic History* 3 (2000): 1–25.

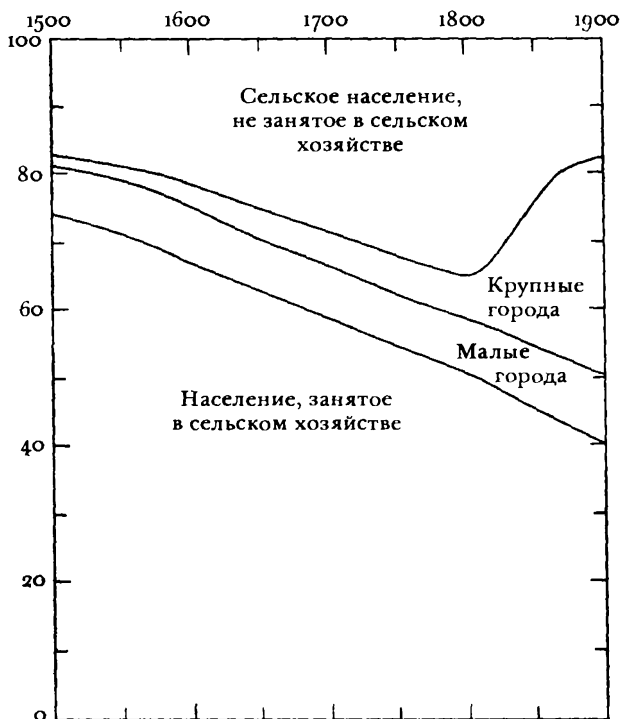

Рис. 3.2. Четыре категории населения Европы в 1500–1800 гг.

Рост сельскохозяйственного производства в «долгом» XVIII в. явился эндогенным ответом на те рыночные возможности, что, как показал Хоффман, были тесным образом связаны с развитием городов. Ответ реализовался в виде больших объемов напряженного труда и переориентации производимой продукции на рынок. Как указывает Грэнтам, «рост производительности сельскохозяйственного труда в «органической экономике позднего периода» объясняется скорее историей рынков, а не историей технологий»⁴⁶.

По другую сторону Атлантики, в Северной Америке, наблюдалось развитие общества, которое философы могли бы назвать «аркадским» обществом самодостаточных фермеров, настроенным взрастить классические

46. George Grantham. "Division of Labour", p. 2–3.

республиканские ценности в богатом землей рае. Это всего лишь иллюзия, соответствующий учению Томаса Джефферсона миф, однако многие американские историки остаются ему на удивление верными, полагая, что американские колонисты отвергали коммерческое мировоззрение и что «рыночная революция», подобно змею в райских кущах, привела к уходу американцев из их рая лишь в эпоху президентства Эндрю Джексона — около 1830 г.⁴⁷ Однако же те, кто жил в XVIII в., знали ситуацию лучше, часто подмечая удивительное проникновение британской материальной культуры и, соответственно, ее коммерческой составляющей даже в самые отдаленные уголки Северной Америки. Как пишет в 1768 г. автор опубликованного в нью-йоркской газете памфлета, колонисты разорили «моря и леса Америки... чтобы оплатить [импортируемые потребительские товары], и пущенная под паши земля обрабатывается главным образом для тех же целей»⁴⁸. Уже с самого начала колонисты британских владений в Северной Америке видели в этом богатом землей крае не платформу для своей самодостаточности, а ресурс, с помощью которого они могли принимать участие в потребительском предложении атлантической экономики, наводнив рынок своим табаком, рисом, индиго, пшеницей, рыбой, лесом и дегтем.

Протопромышленность

Сельскохозяйственная специализация была далеко не единственным способом ориентации труда сельских домохозяйств на рынок. Сельские домохозяйства все

47. Для ознакомления с преобладающим вот уже долгое время толкованием колониального периода как «высокого республиканизма» см. Т. Н. Breen. "Narrative of Commercial Life. Consumption, Ideology, and Community on the Eve of the American Revolution", *William and Mary Quarterly* 50 (1993): 478–480, а также указанные в издании труды других авторов. Для информации по так называемой «рыночной революции» см. Charles Sellers. *The Market Revolution. Jacksonian America, 1815–1846* (Oxford: Oxford University Press, 1991).

48. Цит. по: Т. Н. Breen. "Narrative of Commercial Life", p. 474.

в большей степени разворачивались в сторону так называемой протопромышленности, а происходило это либо в качестве альтернативы сельскохозяйственной специализации (в регионах с неплодородными почвами, недостаточными размерами наделов или их отдаленностью данный вариант исключен) или же дополнения к ней (внутреннее разделение труда).

Под протопромышленностью обычно понимается организуемое в рамках сельского домохозяйства производство непродовольственных товаров, предназначенных не для использования в самом домохозяйстве или продажи в той же местности, где они и произведены, а для реализации на более отдаленных рынках. Протопромышленность стала значимым явлением во многих районах Европы и прежде всего в северо-западной части континента, где высокая концентрация промышленной деятельности в сельских местностях была свойственна Северной Франции, Фландрии, восточным регионам Нидерландов и ряду регионов Британии. Хотя само протопромышленное производство, как правило, организовывалось и финансировалось городскими торговцами, его базой служили технологии мелко-массового производства в рамках домохозяйств. Оно было сосредоточено прежде всего на изготовлении текстильных товаров (кручение льна, шерсти, хлопка и производство соответствующих тканей), в несколько меньшей степени — изготовлении металлических, кожаных, деревянных и фаянсовых изделий⁴⁹.

Протопромышленность имела особое значение для рыночной ориентации труда женщин и детей, а также для эффективного применения труда, который вследствие сезонного характера сельского хозяйства не использовался в полной мере. Джоан Ферск, одна из первых занявшаяся данной проблематикой, подчеркивает, что масштабное применение труда домохозяйств имен-

49. Для ознакомления с обзором трудов, посвященных протопромышленности, см. Sheilagh Ogilvie and Markus Cerman, eds. *European Proto-Industrialization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996); René Leboutte, ed. *Protoindustrialisation. Recherches récentes et nouvelles perspectives. Mélanges en souvenir de Franklin Mendels* (Geneva: Librairie Droz, 1996).

но в этих целях пришлось в Англии на XVII в. Ею также подчеркивается одновременный рост потребительского спроса на мириады красивых изделий, производимых именно таким образом. Возможно, поначалу бедность заставляла многих сельских жителей пойти данным путем, однако Ферск указывает на одновременное повышение спроса:

Мы можем привести в пример множество коммун по всему королевству, особенно в городах и сельско-промышленных районах, где трудящиеся классы изыскивали различные средства для приобретения в 1700 г. тех потребительских товаров, которые в 1550 г. они приобрести не могли, — латунных кастрюль, железных сковородок, фаянсовых тарелок, тканых чулок, даже кружевной оборки для чепцов и передников⁵⁰.

Короче говоря, покупательная способность и возможности производства подкрепляли друг друга⁵¹. Это означает, что «проблема координации» (описанная в главе 1) была преодолена. Ферск же обращает особое внимание на роль, которую играли женщины как в протопромышленном производстве, так и в энергичном потреблении товаров, прозаичность природы которых привела к тому, что историки из числа мужчин не обращали на них внимания по той простой причине, что данные товары приобретались прежде всего женщинами⁵².

Мне следует задержаться на теме протопромышленности, чтобы прояснить ее место в рамках «трудолюбивого» домохозяйства. То, что было известно под такими названиями, как кустарное производство, верлагская система или попросту сельская промышленность, в течение «долгого» XVIII в. превратилось в характерную черту

50. Joan Thirsk. *Economic Policies and Projects. The Development of a Consumer Society in Early Modern England* (Oxford: Oxford University Press, 1978): 175.

51. Ibid., p. 174.

52. «Крахмал, иголки, булавки, кастрюли, чайники, сковородки, кружева, мыло, уксус, чулки в перечне приобретаемых [нашими мужчинами] товаров не фигурируют, но они фигурируют в моем. Мужчины могут не думать о них, но могут ли без них обойтись их семьи?» Ibid., p. 22–23.

многих регионов Европы, хотя и резко сократившуюся в XIX в. под напором фабрично-заводской промышленности. Начиная с 1970-х гг. историки и экономисты применяют для обозначения данного феномена термин «протопромышленность». Пытаясь тем самым выстроить теоретическую основу взаимосвязи данного явления с капитализмом, современной промышленностью, пролетаризацией населения, отношениями между полями, образованием, структурой семьи и демографическим ростом⁵³. Бесспорно, теорий здесь было выдвинуто слишком много⁵⁴, однако бросается в глаза отсутствие в столь огромном массиве работ (за исключением уже приведенных наблюдений Джоан Ферск) подхода к протопромышленности как способу адаптации к разрастающейся коммерческой экономике и обеспечиваемым ею новым потребительским возможностям⁵⁵.

Концепция «семейной экономики», легшая в основу многих теорий и имеющая значительный вес в истории семьи и шире — в истории феминизма, рассматривает семью как единство совместного проживания и работы. Члены семьи принимали в «семейной экономике» совместное участие, трудясь бок о бок как единое пред-

53. Среди главных работ по данному направлению следует выделить следующие: Franklin Mendels. "Proto-Industrialization, the First Phase of the Industrialization Process", *Journal of Economic History* 32 (1972): 241–261; Leboutte, ed. *Protoindustrialisation; Recherches récentes*; Peter Kriedte, Hans Medick, and Jürgen Schumbohm. *Industrialization Before Industrialization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).

54. Donald C. Coleman. "Proto-industrialization. A Concept Too Many?" *Economic History Review* 36 (1983): 435–448.

55. Здесь необходимо остановиться на предложенном Глорией Мейн объяснении возникновения сельской промышленности там, где ожидать ее следовало менее всего, — в богатой землей Новой Англии. В первой половине XVIII в. семьи в сельской местности «реорганизовали производство в рамках домохозяйства» таким образом, что к 1770-м гг. ткачество и прочие виды деятельности, в которых были заняты члены домохозяйств женского пола, «были не проявлениями бедности в сельской местности и не ответом на суровость жизни вновь заселяемых территорий. То было адаптацией со стороны колонистов к разрастающейся коммерческой экономике, гендерным вариантом интенсификации труда...» Gloria Main. "Gender, Work and Wages in Colonial New England". *William and Mary Quarterly* 51 (1994): 66.

приятие, руководствующееся экономическими задачами, которые были нацелены скорее на то, чтобы довольствоваться малым, а не стремиться к возможному максимуму⁵⁶. Домохозяйства типа «семейная экономика» представляют собой предшествующую капитализму социальную формацию, которая стремится прежде всего к сохранению и увековечиванию самостоятельности и цельности домохозяйств или, иными словами, их самодостаточности. Крестьянские и ремесленные домохозяйства являются «идеальными видами» семейной экономики⁵⁷. Наконец, семейная экономика видится историкам, занимающимся вопросами труда женщин, неким «золотым веком» женской трудовой занятости. Будучи частью трудовой общины, в центре которой стояла семья, женщины принимали соразмерное своим возможностям участие в мире труда⁵⁸.

56. Tilly and Scott. *Women, Work and the Family*, pp. 15, 21; Bridget Hill. *Women, Work and Sexual Politics in Eighteenth Century England* (Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 1989): 24.

57. Концепция семейной экономики черпает свое вдохновение в авторитетной работе А. В. Чаянова «Организация крестьянского хозяйства» (автор пользовался следующим англоязычным изданием: A. V. Chayanov. *The Theory of Peasant Economy* (Homewood, Ill.: R. D. Irwin, 1966). Чаянов анализирует экономику крестьянской семьи, которая, по его мнению, руководствуется не прибылью или стремлением добиться максимальных объемов производства, а необходимостью поддержания «баланса труд — потребление» на протяжении жизненного цикла семьи. Концепция эта опирается и на центрально-европейскую концепцию "Das ganze Haus" — «весь дом» (нем.), предложенную Отто Бруннером. См. Otto Brunner. "Das 'Ganze Haus' und die alt-europäische Ökonomik" (1958), in *Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte* (2nd ed. Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1968): 103–127.

58. Среди соответствующих работ следует выделить следующие: Alice Clark. *Working Life of Women in the Seventeenth Century* ([1919] New York: A. M. Kelly, 1968); Ivy Pinchbeck. *Women Workers and the Industrial Revolution* (London: George Routledge & Sons, 1930); Lawrence Stone. *The Family, Sex and Marriage in England 1500–1800* (New York: Harper & Row, 1977); Hill. *Women, Work and Sexual Politics*; Martha Howell. *Women, Production and Patriarchy in late Medieval Cities* (Chicago: University of Chicago Press, 1987); Claudia Goldin. "The U-Shaped Female Labor Force Function in Economic Development and Economic History", in T. Paul Schultz, ed. *Investment in Women's Human Capital* (Chicago: University of Chicago Press, 1995): 61–90.

Что же происходит с этой семейной экономикой тогда, когда силы капиталистического рынка набирают мощь, угрожая самостоятельности крестьянских и ремесленных домохозяйств? Посредством какого процесса прежняя семейная экономика преобразуется в «семейную потребительскую экономику» современного промышленного общества, в котором домохозяйство лишается своих производственных функций и ему остаются только функции организации потребления? Расслоение общества сказывается на семейной экономике, что проявляется самым очевидным образом в разделении и росте в среде крестьян стран Западной Европы отдельных социальных слоев. Ганс Медик и прочие специалисты, пытающиеся определить механизмы, посредством которых традиционное сельскохозяйственное общество совершило переход к капитализму, полагают, что эти безземельные или малоземельные семьи (*unterbauerliche Schichten*) обратились к протопромышленной деятельности в рамках стратегии по максимально возможному сохранению прежнего уклада жизни и особенно принципов семейной экономики. Перед лицом такой опасности, как распад традиционного крестьянского общества, семьи обратились к ремесленному труду, в рамках которого они, будучи носителями старого менталитета, оказавшимися в новых экономических условиях, проявили то, что Макс Вебер определил как «чрезвычайно упрямое противодействие этой главной черты докапиталистического труда» полной пролетаризации⁵⁹. Такой новаторский подход, движущей силой которого являлись анахронизмы (*gleichzeitige Ungleichzeitigkeit*), привел эти семьи к «самоэксплуатации» своего труда вследствие «инертности [идеи] традиционной семейной экономики в качестве саморегулирующейся трудовой, потребительской и репродуктивной единицы...»⁶⁰ Однако в итоге данная

59. Max Weber. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* ([1903/04] New York: Harper & Row, 1930): 60.

60. Medick. "The Proto-Industrial Family Economy", p. 297–298. Лучше всего «синхронный анахронизм» понимать в качестве некоего отставания от потребностей момента, заставляющего семью придерживаться старых идеалов и форм поведения в новом, враж-

стратегия должна была закончиться крахом. Франклин Мендельс и Дэвид Ливайн полагают, что семья протопромышленного типа руководствовалась целями семейной экономики, однако непреднамеренно, но при этом неумолимо разрушала себя, ускоряя процесс полной пролетаризации вследствие отсутствия самоконтроля за численностью своего состава⁶¹. Протопромышленность снабдила революцию трудолюбия трудовыми ресурсами, но не потребителями.

Медик пошел на шаг дальше, рассматривая семью протопромышленного типа в качестве семьи с обособленным «способом производства», поскольку ее интересы разнились с интересами крестьянства, из которого она вышла и в среде которого существовала. Подобный способ производства подразумевал достаточно равное трудовое участие всех членов семьи в общем для них предприятии. По мнению Медика, протопромышленность «вернула мужчину в домохозяйство». В поддержку своего мнения он приводит слова обувщика из Нортгемптона:

Без помощников мужчине не выжить; у него вся семья должна работать, потому что работающий в одиночку зарабатывает так мало, что ему едва хватает денег на самое необходимое... Как только дети достаточно подрастают, чтобы обращаться с шилом, они вынуждены спускаться в мастерскую и работать⁶².

Вся эта трудовая семья жила в материальных условиях, которые привели к развитию самобытной культуры. «Кофе, чай и алкоголь стали необходимыми стимулами, поскольку условия производства ухудшались, а необходимость работать все в большей степени унижала человеческое достоинство», в то время как «чувственность и сексуальность могли развиваться более

дебном окружении. Медик придерживался мнения, что подобный гибрид являет собой особый «способ производства», занимающий промежуточное звено между выделенными Марксом феодальным и капиталистическим способами производства.

61. Franklin Mendels. "Niveau des salaires et âge au mariage en Flandre, XVIIe-XVIIIe siècles", *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations* 39 (1984): 939–956; David Levine. *Family Formation in an Age of Nascent Capitalism* (New York: Academic Publishers, 1977).

62. Цит. по: Medick. "The Proto-Industrial Family Economy", p. 305.

свободно в среде сельских ремесленников, чем крестьян-собственников»⁶³. Со временем данные семьи утрачивали любые материальные связи (наследство), позволявшие заручиться преданностью выросших детей, которые могли теперь свободно покинуть дом, жениться и создать свою собственную семейную единицу — нуклеарную семью⁶⁴. И вот, шаг за шагом, эти грубые, вынужденные много трудиться семьи — где муж и жена работали бок о бок, эксплуатируя труд собственных детей, постепенно отдалялись от устоев традиционного общества крестьян и ремесленников, формируя свое собственное общество пролетариата. И здесь опять же протопромышленность дает капитализму рабочих, но не потребителей⁶⁵.

На основе исторических исследований, в особенности авторитетной работы Луизы Тилли и Джоан Скотт, можно сделать следующие выводы: 1) протопромышленность была ответом на бедность, обычно ответом, усиливавшим и углублявшим в долгосрочном плане пауперизацию (что смягчило переход к пролетаризации, одного из предварительных условий индустриализации); 2) семья протопромышленного типа представляла собой единицу, объединяющую труд членов семьи и пытающуюся во что бы то ни стало сохранить традиционную семейную экономику (гибридная культура такой семьи стала промежуточным способом производства); 3) супруги и даже больше — все члены семьи работали совместно без четкого или ущемляющего чьи-либо права разделения труда. Протопромышлен-

63. Hans Medick. "The Proto-industrial Family Economy", in Peter Kriedte, Hans Medick, and Jürgen Schlumbohm. *Industrialization Before Industrialization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981): 69, 70.

64. Medick. "Proto-Industrial Family Economy", p. 303.

65. Гораздо хуже то, что эти рабочие, приверженные атавистической культуре и идеалам семейной экономики, не были в состоянии быстро стать потребителями, соответствующими требованиям момента. Пытаясь сохранить традиционный жизненный уклад, они ошибочно приняли высокие цены за сигнал к «пирушкам, играм, пьянству именно в тех обстоятельствах потенциально-го роста, в которых капиталистический производитель мог бы добиться максимальной прибыли». Ibid., p. 301.

ность была последним проявлением доброжелательности докапиталистического мира по отношению к женскому труду. После нее происходит формирование «раздельных сфер деятельности».

Исторические свидетельства о протопромышленности в Северо-Западной Европе заставляют нас усомниться во всех трех приведенных утверждениях. Главная проблема каждого из них заключается в предположении, что домохозяйство протоиндустриального типа, будучи приверженным идеалу семейной экономики, функционировало в качестве производственно-трудовой кооперативной единицы. В действительности же в деятельности протопромышленного характера обычно принимали участие отдельные члены семьи, а не целые семейные единицы. Социальные слои крестьянства зарабатывали себе на жизнь весьма разнообразными видами рыночной деятельности, и виды этой деятельности редко когда подразумевали совместный труд мужей и жен, и во многих случаях усилия по адаптации к требованиям момента скорее уводили их от — а не вели к — пролетаризации⁶⁶. Памела Шарп показала, что большинство прядильщиц гарусной пряжи в Йоркшире и плетельщиц кружев в Девоне никоим образом не дополняли своей работой работу мужей. Исследование Питера Эрла о женщинах-рабочих в Лондоне, основывающееся на судебных показаниях, позволило сделать вывод, что в 1695–1725 гг. лишь каждая десятая женщина была занята в той же сфере деятельности, что

66. Ad Knotter. "Problemen van de 'family economy'. Gezinsarbeid en arbeidsmarkt in preindustriële Europa", in Michiel Baud and Theo Engelen, eds. *Samen wonen, samen werken? Vijf essays over de geschiedenis van arbeid en gezin* (Hilversum: Verloren, 1994): 35–71. Для информации по приспособляемости семейной экономики см. Richard Wall. "Some Implications of the Earnings, Income and Expenditure Patterns of Married Women in Populations in the Past", in Henderson and Wall, eds. *Poor Women and Children in the European Past* (London: Routledge, 1994): 312–335. Для информации по разнообразию видов экономической деятельности см. Michael Mitterauer. "Geschlechtsspezifische Arbeitsteilung und Geschlechterrollen in ländlichen Gesellschaften Mitteleuropas", in *Familie und Arbeitsteilung. Historischvergleichende Studien* (Wien/Köln: Böhlau, 1992): 58–148.

и ее супруг⁶⁷. В исследовании Лианы Варди о прото-промышленности в Северной Франции XVIII в. подчеркиваются предпринимательские способности сельских жителей⁶⁸. Ульрих Пфистер, изучавший историю кантона Цюрих, указывает на большое разнообразие видов сельской промышленности, в которой совместный семейный труд был лишь одним и отнюдь не самым главным видом⁶⁹. Сосредоточившись в своей работе прежде всего на крестьянских домохозяйствах, Мартин Сегален выделила 69 разных задач, выполняемых крестьянскими семьями во Франции XIX в. Подавляющее их большинство выполнялось мужем или женой раздельно, даже в случаях, когда эти задачи являлись вкладом в совместное предприятие семейной экономики⁷⁰. Схожие результаты получил и Фредерик Ле Плей, исследовавший бюджет 36 семей середины XIX в.: в 80% семей жены, по крайней мере, часть календарного года работали по найму на лиц, не являющихся членами семьи⁷¹. Более общее исследование истории британской семьи привело Майкла Андерсона к выводу, что «на значительной части Англии уже давным-давно не было такого, чтобы большинство родителей и детей были за-

67. Pam Sharpe. "Literally Spinsters. A New Interpretation of Local Economy and Demography in Colyton in the Seventeenth and Eighteenth Centuries", *Economic History Review*, 44 (1991): 46–65; Peter Earle. "The Female Labour Market in London in the Late Seventeenth and Early Eighteenth Centuries", *Economic History Review* 42 (1989): 328–353.

68. Liana Vardi. *The Land and the Loom. Peasants and Profit in Northern France, 1680–1800* (Durham, N. C.: Duke University Press, 1993).

69. Ulrich Pfister. "The Proto-Industrial Household Economy. Toward a Formal Analysis", *Journal of Family History* 17 (1992): 201–232; Ulrich Pfister, *Die Züricher Fariques. Protoindustrielles Wachstum vom 16. zum 18. Jahrhundert* (Zürich: Chronos, 1992): 264–280.

70. Martine Segalen. *Love and Power in the Peasant Family. Rural France in the Nineteenth Century* (Chicago: University of Chicago Press, 1983).

71. Frederic Le Play. *Les ouvriers Européens* (Tours: Alfred Mame et fils, 1877–89), cited in Wall, "Some Implications", pp. 312–325. Ле Плей определил, что жены, представляющие 36 фигурирующих в его исследовании семей, работали в среднем 311 дней в году, из которых 83 дня — по найму вне домохозяйства, 87 дней — без оплаты труда в рамках производственной деятельности семейного предприятия и 141 — выполняя работу по дому и уходу за детьми.

няты вместе в единой домохозяйственной экономике, основой которой служил бы их собственный дом»⁷².

Эти семейные единицы далеко не всегда представляли собой единые трудовые образования, обладавшие чертами мировоззрения, приписываемыми им без достаточных для того оснований авторами концепции семейной экономики. Ахиллесова пята данной концепции — не соответствующее историческим свидетельствам утверждение, что социальная дифференциация и наемный труд были для сельской местности чем-то новым, распространявшимся вместе с протопромышленными видами деятельности, а потому несущими резкий и болезненный отход от традиционного жизненного уклада. В действительности наемный труд, безземельные семьи и одновременное занятие несколькими видами деятельности были характерны для большей части Западной Европы задолго до этого, а в рассматриваемый период гораздо большее распространение получил индивидуальный, а не совместный труд членов семьи. Наконец, говорить о «золотом веке» женской занятости в рамках этого существующего лишь в теории способа производства не представляется возможным. В своем всестороннем критическом обзоре концепции семейной экономики Эд Кноттер замечает по этому поводу: «В ранний период современной промышленной эпохи женский труд был столь же ограничен малоквалифицированными видами деятельности, для которых были характерны низкие статус и оплата, что и в Средние века»⁷³. Вывод, сделанный Кноттером для Западной Европы в целом, получил подтверждение и для Англии, где долгое время считалось, что преждевременный капитализм и промышленная революция подорвали положение английских женщин на

72. Michael Anderson. "New Insights into the History of the Family in Britain", in Anne Digby, Charles Feinstein, and David Jenkins, eds. *New Directions in Economic and Social History*, Vol. 2 (London: Macmillan, 1992): 131. См. также Peter Laslett. "Family and Household as Work Group and Kin Group. Areas of Traditional Europe Compared", in Richard Wall, Jean Robin, and Peter Laslett, eds. *Family Forms in Historic Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983): 513–563.

73. Ad Knottter. "Problemen van de 'Family Economy'", p. 69.

рынке труда, ограничив их «сферу деятельности» домом раньше, чем это произошло в других регионах⁷⁴.

Я потратил на данную проблему немало времени, прорубаясь сквозь чащи протопромышленных и феминистских теорий. И в итоге мне открылся ясный образ домохозяйства как приспособляющегося к меняющимся обстоятельствам, стратегически мыслящего образования, которое способно отвечать на благоприятные возможности и угрозы рынка, а не быть жертвой отсталости и культурных атавизмов. «Долгий» XVIII в. трудолюбивого домохозяйства продемонстрировал значительную целостность, несмотря на, без всякого сомнения, огромные изменения, происходившие в экономической, политической и культурной жизни Европы. Традиционная периодизация, столь привычная специалистам, занимающимся историей Европы, применима далеко не ко всем сторонам исторического опыта⁷⁵. Здесь важно подтвердить, что ни «зарождающийся капитализм» в целом, ни британская промышленная революция в частности базовых принципов женского рыночного труда не изменили. Со временем возможности для трудовой занятости женщин возникали в одних отраслях и исчезали в других, при этом попытки измерить степень трудовой занятости женщин указывают на то, что она была выше степени трудовой занятости женщин еще несколько десятилетий назад и выше аналогичного показателя по XX в. для развивающихся стран⁷⁶.

74. Amanda Vickery. "Golden Age to Separate Spheres? A Review of the Categories and Chronology of English Women's History", *Historical Journal* 36 (1993): 383–414; Judith Bennett. "History That Stands Still. Women's Work in the European Past", *Feminist Studies* 14 (1988): 269–283.

75. Robert B. Shoemaker. *Gender in English Society, 1650–1850. The Emergence of Separate Spheres?* (London: Longman, 1998): 308–318.

76. Обстоятельный анализ существующих данных по трудовой занятости женщин, проведенный Сарой Хоррелл и Джейн Хамфриз, позволил им сделать вывод о том, что ранний период индустриализации сопровождался повышением степени трудовой занятости замужних женщин: согласно их оценкам, к 1787–1815 гг. две трети замужних женщин вносили денежный вклад в бюджет домохозяйства. Однако к середине XIX в. дан-

Что бы еще ни представляла собой протопромышленность, прежде всего то была одна из форм интенсификации труда, стратегия трудолюбивого домохозяйства. Она способствовала вовлечению в рыночную экономику «маргинальной» рабочей силы, зачастую в «низкий» сезон и в отдаленных регионах. Как правило, работники, занятые в протопромышленности, в прямом контакте с потребителями не находились и зависели в организации производства и поиске рынков сбыта от торговых посредников. Однако в «долгом» XVIII в. произошло возникновение других форм «трудолюбия», которые уже зависели от тесного и непосредственного контакта с потребителем. Многие виды специализации, например, производство предметов одежды, оказались в состоянии предложить новые возможности по реализации своего труда в первую очередь — женщинам.

Производство одежды и розничная торговля

С середины XVII в. в производстве одежды происходят важные преобразования. Независимо от пола заказчика портными в основном всегда были мужчины. Однако ситуация изменилась, когда в моду вошла мантия — свободно висящее женское платье с отделкой, изготовлявшееся из легких льняных или хлопчатобумажных тканей. Подобное платье было отходом от бытовавших ранее облегающих тяжелых шерстяных одежд. С самого начала изготовлением таких платьев занимались женщины. Выйдя победительницами из судебных процессов, инициированных против них гильдиями Лондона

ный показатель упал немногим ниже 50%. В своем исследовании трудовой занятости женщин в Южной Германии Шила Огилви замечает: «Даже самые консервативные допущения, [использованные ею для толкования имеющихся данных], указывают на то, что трудовая занятость женщин того времени почти аналогична показателю 1999 г. по Германии (42%) и значительно превышает показатели по Латинской Америке и странам Карибского бассейна (35%), Южной Азии (33%) или Ближнего Востока и Северной Африки (27%) [для 2000–2001 гг.]». Sheilagh Ogilvie. "Women and Labour Markets in Early Modern Germany", *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* 2004/2 (2004): 36.

и Парижа (где они были признаны в 1675 г.), шившие мантуи портнихи, работавшие напрямую с занимавшимися изготовлением дамских шляпок и платьев ателье, основывают в крупных городах женскую модную индустрию для аристократии. К XVIII в. данная мода достигает и более низкие слои общества, изготовлением платьев для которых снова занимаются мастера женского пола⁷⁷. Схожий процесс наблюдается и в Нидерландах. С конца XVII в., по мере того как распространение новой моды, тканей и производственных технологий повышает спрос на женскую одежду, не состоящие в гильдиях швеи (*naaisters*) завоевывают свою собственную территорию в противостоянии с гильдиями, объединяющими портных мужского пола. В XVIII в. они становятся частью системы гильдий во многих городах, доминируя в изготовлении женского платья⁷⁸.

Беве́рли Леми́р идет в своем исследовании дальше — до цехов, занимавшихся изготовлением военной формы, недорогого готового платья и прочих стандартных изделий из ткани. Хотя изготовление платьев-мантуй даже в сельской местности представляло собой престижное занятие для «дочерей граждан среднего достатка», Лемир отмечает, что:

представительницы низших слоев орудовали иголками, занимаясь пошивом готовых изделий в крупных цехах, задних комнатах торговых лавок, чердачных помещениях и в комнатах пансионеров, составлявших в недостаточной мере учтенную, но при этом обширную часть женской производственной инфраструктуры⁷⁹.

Эта «обширная инфраструктура» представляла собой отрасль производства готового платья, хотя ранее историки полагали, что она возникла лишь в XIX в. Теперь же «нет никаких сомнений в том, что произ-

77. John Styles. "Clothing the North. The Supply of Non-Elite Clothing in the Eighteenth-Century North of England", *Textile History* 25 (1994): 152.

78. Bibi Panhuysen. *Maatwerk. Kleermakers, naaisters, oudkleerkopers en de gilden (1500–1800)* (Amsterdam: IISG, 2000): 326–327.

79. Beverly Lemire. *Dress, Culture, and Commerce. The English Clothing Trade Before the Factory, 1660–1800* (New York: St. Martin's Press, 1997): 4.

водство готового платья возникло и, возможно, получило широкое распространение еще в XVII в.»⁸⁰.

Одновременно с этим теряет свою значимость шитье одежды для нужд семьи, осуществляемое в рамках самого домохозяйства. В 1797 г. сэр Фредерик Мортон Эден с неудовольствием замечает о семьях трудящихся низов Южной Англии: «Их жены редко когда сами изготавливают какую-нибудь одежду, разве что сошьют или переделают что-нибудь для детей»⁸¹.

Когда к неофициальному производству и продаже готового платья добавляется торговля поношенной одежды — в том числе и краденой, — возникает ситуация, о которой Лемир, рассуждая о трудовой предприимчивости английских женщин, замечает:

На улицах городов и деревень, в рабочих районах Англии — повсюду были магазины, лавки и выходящие на улицу комнаты, где женщины со скудным капиталом покупали и продавали одежду и всевозможные товары для дома⁸².

Однако в более широком контексте история текстильных изделий и одежды заключается в том, что

80. Margaret Spufford. "The Cost of Apparel in Seventeenth-Century England, and the Accuracy of Gregory King", *Economic History Review* 53 (2000): 701.

81. Sir Frederick Morton Eden. *The State of the Poor. A History of the Labouring Classes in England, with Parochial Reports*, abridged ed. (London: George Routledge and Sons, 1928): 108–109.

82. Lemire. *Dress, Culture, and Commerce*, p. 115. Лемир утверждает, что в других регионах новые, связанные с текстильными изделиями возможности по независимому участию женщин в рыночной экономике явили собой «трансформацию практики работы», которая «внесла существенный вклад в функционирование семейной экономики и, соответственно, в развитие спроса на потребительские товары». При этом Лемир усматривает главное отличие в следующем: раньше женщины и дети тоже работали, однако их труд оплачивался далеко не всегда. Зависимость их финансового положения не давала им настоящей возможности делать свой потребительский выбор...» Таким образом, в качестве важнейшего нововведения «долгого» XVIII в. Лемир видит индивидуальный заработок, подкрепивший потребительские устремления отдельных членов домохозяйства. Beverly Lemire. *Fashion's Favorite. The Cotton Trade and the Consumer in Britain, 1660–1800* (Oxford: Oxford University Press, 1991): 51.

значительное повышение спроса (см. гл. 4) привело к смене прежних, как правило, контролируемых гильдиями ремесел новыми производственными методами и системами распространения товаров. Во многих частях Северо-Западной Европы портные, торговцы текстилем, швеи и продавцы поношенной одежды вторгались в сферу деятельности друг друга, что в итоге обеспечило достижение новой степени гибкости в обеспечении изделиями динамичного и разнообразного рынка одежды, обретшего второе дыхание.

Неофициальность и нерегулярность данных видов трудовой деятельности, связанных с производством и распространением товаров — на чем Лемир делает упор, — могут быть соотнесены с более широким миром розничной торговли XVIII и начала XIX в. Развивающиеся сети розничной торговли (подробнее в гл. 4) были расширены за счет предпринимателей — выходцев из рабочего класса, занимавшихся торговлей вразнос, уличной и лавочной торговлей, а также содержанием трактиров. Историк, изучающий этих «грошовых капиталистов» Англии начала XIX в., отмечает следующее:

Выяснить истинное число тех, кому удалось осуществить свою мечту и стать владельцами собственных трактиров и торговых лавок, столь же тяжело, как и подсчитать число грошовых капиталистов, занимавшихся уличной торговлей. Многие или даже большинство торговых лавок и питейных заведений, владельцами которых были представители рабочего класса, управлялись женщинами, но не полный рабочий день. Результатом чего явилось то, что они редко фигурировали в качестве управляющих в данных переписях населения⁸³.

Подобного мнения придерживался и руководитель переписи населения 1846 г. в Бельгии Адольф-Ламбер Кетеле, считавший, что независимые данные говорят о существовании огромного числа так называемых «кабаре» — неофициальных питейных заведений, расплодившихся в предыдущее столетие как во Франции, так

83. John Benson. *The Penny Capitalists. A Study of Nineteenth-Century Working-Class Entrepreneurs* (New Brunswick, N. J.: Rutgers University Press, 1983): 118–119.

и в Бельгии настолько, что, по его мнению, на каждые 15–20 домохозяйств приходилось одно из таких заведений⁸⁴.

Подобное распространение розничной торговли указывает нам на особую форму, которую в «долгом» XVIII в. приняло разделение труда. Эдвард Антони Ригли отмечает, что «большинство тех, кто жил в сельской местности, но был не в состоянии найти работу, связанную с землей, ушли не в промышленность, а в сферу традиционных торговли и услуг... [Не позднее 1831 г.] среди взрослых, занятых на промышленном производстве, лишь 10% были мужчинами, в то время как в розничной торговле и ремеслах их число составляло 32%»⁸⁵. Хотя количество работавших женщин и сложно отследить, женская занятость росла значительно быстрее: женщины управляли питейными заведениями, многочисленными ателье по изготовлению одежды, описанными Беве́рли Лемир, а также многими магазинами модного платья. Здесь уместно говорить о постепенной феминизации розничной торговли⁸⁶.

Исследования бюджета трудолюбивого домохозяйства

Рассмотрение концепции протопромышленной деятельности в контексте домохозяйства позволяет увидеть рост объемов ориентированного на рынок труда, особенно женского и детского, в более привлекательном для революции трудолюбия свете. Вряд ли существует

84. Цит. по: George Alter. "Work and Income in the Family Economy. Belgium, 1853 and 1891", *Journal of Interdisciplinary History* 15 (1984): 268.

85. E. A. Wrigley. "Men on the Land and Men in the Countryside", in L. Bonfield et al., eds. *The World We Have Gained* (Oxford: Basil Blackwell, 1986): 296, 297.

86. Число женщин, входивших в гильдию продавцов текстиля в Антверпене (что требовалось для всех лиц, занимавшихся в городе розничной торговлей текстилем), составляло в 1515–1585 гг. лишь 7% от общего числа членов, однако постепенно увеличилось до 25% (сюда не входили женщины, работавшие от имени своего супруга) ко второй половине XVIII в. Laura Van Aert. "To Thrive or Survive? Retailers in Antwerp (ca. 1648–ca. 1748)", (Unpublished paper, University of Antwerpen, 2005).

лучшее свидетельство того времени, чем работы Даниэля Дефо, которого вполне можно назвать летописцем революции трудолюбия. Он описывает это явление следующими словами:

Бедный работяга оставляет дом ради своего дневного заработка, земледелия, строительства изгородей, рытья траншей, перевозки груза и т. п. и приносит домой свою зарплату за неделю — скажем, из расчета восемь-двенадцать пенсов в день... Если у него есть жена и три-четыре ребенка, которых надо кормить и которые сами мало или вовсе ничего не зарабатывают, ему приходится работать изо всех сил, а жить в бедности.

Однако если жена и дети этого работяги тоже имеют работу — скажем, в той или соседней деревне живет портной, или производитель изделий из кожи, или ткач, производящий грубые ткани или драгет, — то ей присылают на дом гребенную шерсть или шерстяную пряжу, из которой она прядет волокно за восемь-девять пенсов в день, ткач призывает ее двух младших детей, и они работают у ткацкого станка, крутя валы, вправляя нить в шпульки и т. д., а две старшие девочки прядут волокно дома вместе с матерью, получая 3–4 пенса в день каждая; и вся вместе семья зарабатывает столько же, сколько отец за пределами дома, а обычно и больше... Отец обеспечивает их пропитанием, а мать — одеждой...⁸⁷

Уже самые ранние исследования бюджета семей английских сельскохозяйственных рабочих подтверждают, что женщины и дети обычно вносили существенный вклад в доход домохозяйства. Однако заработок женщин и детей был скромнее, чем приводимые Дефо суммы: вместо половины всего заработка домохозяйства речь идет о сумме примерно в 25%⁸⁸. В своем развернутом анализе известных исследований бюджета домохозяйств английских трудящихся в период 1787–1865 гг. Сара Хоррелл и Джейн Хамфриз показывают, что Дефо был излишне оптимистичен в своих оценках,

87. Daniel Defoe. *A Plan of the English Commerce*, 2 vols. (London, 1726–1727): 89–91.

88. Thomas Sokoll. "Early Attempts at Accounting the Unaccountable. Davies and Eden's Budgets of Agricultural Labouring Families in Late-Eighteenth-Century England", in Pierenkemper, ed. *Zur Ökonomik des Privaten Haushalts*, p. 34–60.

однако он достаточно точно передал в своем описании соответствующий период жизненного цикла семьи. В своем исследовании бюджета 1990 домохозяйств (полных семей, в которых находились и муж, и жена) Хоррелл и Хамфриз обнаруживают, что до 1830-х гг. происходит постепенное увеличение доли денежных заработков жен и детей в общем доходе домохозяйств (с примерно 25% до более чем 40%), за которым следуют снижение доли заработка женщин и детей в трудные 1840-е гг. и еще одно ее уменьшение в 1860-е гг., отмеченные доминированием заработка взрослых мужчин в общем бюджете домохозяйства (более подробно данный вопрос будет рассмотрен в главе 5)⁸⁹.

Данные Хоррелл и Хамфриз за весь указанный период позволяют также провести анализ состава общего дохода домохозяйства на протяжении жизненного цикла семьи. Данный анализ указывает на то, что по мере старения главы домохозяйства (мужчины) заработки жены и детей уже совсем не второстепенны. Хотя их заработки и относительно невелики, когда семья еще молода, а ее главе нет еще сорока лет, их уровень достаточно близко подходит к упоминаемым Дефо 50% в тот момент, когда возраст главы семьи переваливает за сорок пять и когда, по крайней мере, некоторые из его детей уже способны вносить в общий заработок домохозяйства довольно существенный вклад. В домохозяйствах рабочего класса заработок детей вполне мог сравниться с заработком матери, а по мере старения главы семьи имел тенденцию к росту в общем вкладе в доход домохозяйства среди его членов, не являющихся главным кормильцем семьи. Однако ни заработок матери, ни заработок детей не могли заменить собой заработок отца до того момента, как его собственный заработок с возрастом не начинал падать. До этого момента ориентированный на рынок прилежный труд

89. Sara Horrell and Jane Humphries. "Women's Labour Force Participation and the Transition to the Male-Breadwinner Family, 1790–1865", *Economic History Review* 48 (1995): 89–117; Sara Horrell and Jane Humphries. "The origins and Expansion of the Male Breadwinner Family. The Case of Nineteenth-Century Britain", in Janssens, ed. *Rise and Decline*, p. 25–65.

членов семьи в значительной мере служил целям повышения общего дохода домохозяйства⁹⁰.

Хоррелл и Хамфриз рассмотрели еще одну форму возможного замещения. Играли ли заработки жен и детей стратегическую роль прежде всего в домохозяйствах, возглавляемых самыми бедными и наименее квалифицированными трудящимися мужского пола? То есть компенсировали ли эти «дополнительные» заработки недостаточные заработки наиболее слабых с экономической точки зрения взрослых мужчин, обеспечивая некоторое выравнивание долей работающих членов домохозяйств в общий доход? Имеющиеся в их распоряжении данные по бюджетам домохозяйств оснований так считать не дают. В проведенном ими анализе тенденции, свойственные заработкам мужчин всех рассматриваемых групп, для каждого конкретного периода оказались одинаковыми, как оказались одинаковыми и тенденции общего семейного дохода. В целом имеющиеся данные позволяли говорить о том, что чем выше был заработок отца, тем выше был заработок и остальных членов семьи, и на раннем этапе индустриализации в Англии эта тенденция только усилилась⁹¹. Совокупным результатом

90. Взгляд Сары Хоррелл и Джейн Хамфриз на рассматриваемую проблему значительно менее «оптимистичен», чем приведенный здесь. Такое различие частично объясняется их первоисточником: вниманием десятилетиям, предшествующим 1830 г., то есть классическому периоду промышленной революции. Тенденции, о которых говорю я, становятся очевидными тогда, когда во внимание принимаются и данные до 1860-х гг.

91. Хоррелл и Хамфриз выделяют для данной общей тенденции всего одно исключение: средние заработки мужчин из числа прядельщиков чулок и ткачей, работавших на ручных ткацких станках, были крайне низкими, в то время как заработки других членов их семей были в относительном выражении выше, что позволяло смягчить низкий уровень дохода отцов семейств и, возможно, объясняет долгое существование ткачей, занятых работой на ручных ткацких станках, при наличии конкуренции со стороны ткацких фабрик. Исследование данной категории ткачей Джоном Лайонсом указывает на то, что в 1820-е гг., по мере того как фабричные заработки детей и молодежи превышали заработок, который могла бы им обеспечить работа за ткацким станком, семьи предпочитали отправлять детей на фабрику, в то время как сами родители оставались работать за станком на дому даже в случаях, когда заня-

данной тенденции стало усиление неравенства заработка среди домохозяйств работников ручного труда.

Период, охваченный исследованиями Сары Хоррелл и Джейн Хамфриз, является одновременно и «кульминационным» этапом революции трудолюбия, и классическим периодом британской промышленной революции. Несомненно, что на структуру домохозяйства, разделение труда между представителями двух полов и положение детей в семье и экономике оказывало влияние множество факторов. Более того, заработки зависели от конкретной профессии. Свое влияние на них оказывали и экономические циклы. Хотя обобщения и рискованны, несколько замечаний вполне обоснованны:

1. Замужние женщины были активнейшим образом вовлечены в рыночный труд. На ранних этапах индустриализации их вовлечение усиливается, хотя занятость женщин по-прежнему сосредоточена лишь в определенных сферах деятельности. В период после середины XIX в. заработок женщин снижается, и это снижение продолжается и в XX в.
2. С точки зрения семейной экономики дети и женщины выступают в роли альтернативы главе семьи, и эта роль выполняется детьми до момента, когда детский наемный труд сходит на нет с введением в конце XIX в. обязательного школьного образования.
3. Заработки жизненного цикла домохозяйств трудящихся увеличиваются по мере роста числа выросших детей на протяжении того времени, что они остаются членами домохозяйства. Как следствие, благосостояние семьи в целом зависит от характера расходов внутренних перераспределений, подкрепляемых заработком многочисленных членов. Потребительское поведение «трудолюбивого» домохозяйства — то, каким образом им осуществляется удовлетворение потребностей и желаний своих членов, или то, каким

тость детей на фабрике требовала переезда семьи в город. John Lyons. Family Response to Economic Decline. Handloom Weavers in Early Nineteenth Century Lancashire, *Research in Economic History* 12 (1989): 45–91.

образом оно позволяет своим индивидуальным членам удовлетворять свои потребности и желания — становится крайне важным при любой оценке домохозяйства как экономической единицы.

Интенсивность труда

Интенсивность труда — составляющая революции трудолюбия, которая поддается измерению труднее остальных. Это тема, которую даже работающие с современными данными экономисты обычно предпочитают обходить стороной. Большая часть работ историков, посвященных данной тематике, относится к области сельского хозяйства, где сдельная оплата позволяет отследить интенсификацию труда и изменения в объемах производства в условиях неизменности применяемых технологий. Принимая во внимание свойственную данному рынку труда конкуренцию, можно сделать вывод об изменениях в интенсивности работы занятых на нем лиц. Я уже упоминал некоторые из посвященных данной тематике исследований. Свидетельства недвусмысленно указывают на то, что к концу XVIII в. интенсификация труда достигла достаточно высокого уровня как в сельском хозяйстве, так и в промышленности. Менее ясным остается то, когда именно данный уровень был достигнут⁹². Касательно этого вопроса очень многое остается неизвестным.

То же самое можно сказать и об исследованиях, которые стремятся связать интенсивность труда с такими тенденциями, как неожиданное обеднение, наблюдавшееся на ранних стадиях индустриализации. Можно ли объяснить падение среднего уровня интенсивности труда, зафиксированное для лиц взрослого возраста

92. Грегори Кларк неоднократно высказывал предположение о том, что крупнейший сдвиг в сторону более интенсивного труда в английском сельском хозяйстве произошел еще в XIV в. Gregory Clark. "Labour Productivity in English Agriculture, 1300–1800", in Campbell and Overton, eds. *Land, Labour and Livestock*, pp. 211–235. См. также Gregory Clark. "Too Much Revolution. Agriculture and the Industrial Revolution, 1700–1860", in Mokyr. *The British Industrial Revolution*, p. 226–229.

в 1780–1840 гг., повышенным расходом энергии, а не снижением потребления пищи⁹³? Некоторые обобщения, которые можно смело сделать в настоящий момент, заключаются в следующем: 1) в начале XIX в. сельскому хозяйству северо-запада Европы были свойственны самые высокие темпы работы в мире; 2) указанные темпы работы были выше показателей, зафиксированных гораздо позднее в менее развитых странах в периоды, когда ими был достигнут схожий уровень жизни. По поводу точных временных рамок данной интенсификации по-прежнему ведутся споры, однако имеющиеся свидетельства согласуются с мнением о том, что именно трудолюбие, а не обнищание населения привело к снижению уровня интенсивности труда в указанный период.

Время, которым располагало домохозяйство, могло быть переориентировано на рыночный труд за счет многих резервов. Труд или досуг были не единственной дилеммой. Другими дилеммами были прежде всего труд в домохозяйстве или труд на рынок, равно как и дилемма — работа или образование. Возможности по повышению объемов рыночного труда были реализованы за счет сокращения колебаний в ритме ежедневной, еженедельной и сезонной работы, равно как и путем перераспределения трудового времени на детей, взрослых и прикованных к дому членов семьи, а также с помощью интенсификации ритма труда. Не все типы домохозяйств пользовались данными резервами, однако в течение «долгого» XVIII в. «объемы труда в расчете на одно домохозяйство» выросли существенным образом, и, как следствие, годовой денежный заработок

93. Между Фотом и Комлосом по данному вопросу развернулась целая заочная дискуссия, проследить которую можно, ознакомившись с их работами: Hans-Joachim Voth. "Height, Nutrition, and Labor. Recasting the 'Austrian Model'", *Journal of Interdisciplinary History* 25 (1995): 627–636; "Physical Exertion and Stature in the Habsburg Monarchy, 1730–1800", *Journal of Interdisciplinary History* 27 (1996): 263–275; John Komlos and Albert Ritschl. "Holy Days, Work Days, and the Standard of Living in the Habsburg Monarchy", *Journal of Interdisciplinary History* 26 (1995): 57–66; John Komlos. "Shrinking in a Growing Economy? The Mystery of Physical Stature During the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 58 (1998): 779–802.

домохозяйства «расходился» с ежедневной зарплатой взрослого мужчины. Пределы роста объемов труда точным образом определены быть не могут. Однако можно провести такой мыслительный эксперимент: если в течение «долгого» XVIII в. среднее число рабочих дней в году выросло на 20%, число ориентированных на рынок работников домохозяйств выросло на 20%, а интенсивность труда увеличилась на 10%, то общее повышение объемов рыночного труда из расчета на одно домохозяйство должно было бы составить 58%. Принимая во внимание данный факт, нам следовало бы предполагать уменьшение объемов труда домохозяйства для внутренних целей и, соответственно, изменение технологий потребления. Если говорить языком Гэри Беккера, то к концу революции трудолюбия денежные заработки более чем когда-либо раньше приблизились к тому, чтобы выражать собой «полный доход» домохозяйства⁹⁴.

Концепция революции трудолюбия вовсе не претендует на то, чтобы «объяснить» промышленную революцию. Наша задача заключается скорее в том, чтобы дополнить картину мира, в котором рождались новые технологии и происходили организационные изменения, свойственные промышленной революции. Собственно трудового усердия, свойственного рассматриваемой эпохе, было еще недостаточно для запуска промышленной революции, поскольку подобное трудовое усердие можно было наблюдать и далеко за пределами британских регионов, в которых происходил быстрый промышленный рост. И, как будет рассмотрено в следующей главе, новые потребительские модели «трудолюбивых» домохозяйств рабочего класса не в состоянии сами по себе стать объяснением для значительной части роста новых объемов промышленного произ-

94. В это время заработная плата взрослого мужчины, как правило, являющегося главным объектом исследований покупательной способности населения, перестала быть надежным показателем для подобных исследований. В последние десятилетия также можно наблюдать, что характер реальных заработков отдельных людей более не совпадает с характером реальных заработков семьи.

водства. Вместо этого данное исследование показывает, что условия, потребовавшие от населения дополнительного трудового усердия, придали ранним этапам индустриализации в Британии особые черты, которые оказались несвойственны процессу поздней индустриализации в других странах.

То, что я имею в виду, может быть проиллюстрировано изящным изречением Дейдры Макклоски касательно сути промышленной революции: «Движущей силой промышленной революции была скорее изобретательность, а не воздержание». Написанная еще в тот период, когда промышленная революция воплощала собой ускорение производства, обеспечиваемое новыми технологиями и формами промышленной организации, фраза Макклоски означает, что изобретения, благодаря их влиянию на рост производительности, оказались гораздо более значимыми, чем воздержание от текущего потребления, необходимое для обеспечения более высоких сбережений и денежных инвестиций. Согласно бытующему сегодня пониманию макроэкономических тенденций британской индустриализации, свойственный ей уровень повышения производительности (т. е. «изобретательность») был гораздо ниже, чем было принято считать до сих пор, а рассматриваемые в настоящей работе свидетельства существенного роста затрат производственных факторов указывают на то, что данный уровень был в действительности еще более низким. Медленный рост ВВП на душу населения ведет к еще более медленному росту ВВП из расчета на один рабочий час. Фот, указывающий на то, что Лондон конца XVIII в. был буквально «наводнен» пришлой рабочей силой, переворачивает фразу Макклоски с ног на голову: «Воздержание оказалось более важным, чем изобретательность для... промышленной революции». Однако теперь речь идет о воздержании от досуга, и воздержание это — ради обеспечения большего потребления⁹⁵. При этом, продолжает Фот, воздержание до такой степени,

95. Voth. "Time and Work", p. 56. См. также M. A. Bienefeld. *Working Hours in British Industry. An Economic History* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1972): 15–19.

что доход на душу населения вырос, и это «стало результатом дополнительного напряженного труда, а не повышающейся производительности: первую промышленную революцию двигал пот, а не вдохновение»⁹⁶.

Экономисты склонны отвергать рост, обеспечиваемый факторами производства, как нечто отличное от реального роста и им не являющееся. Вывод Фота о том, что именно пот, а не вдохновение обеспечил значительную часть роста британской экономики XVIII в., заставил его увидеть сходство между британской историей и экономикой «азиатских тигров» конца XX в., рост которых Пол Кругман пренебрежительно назвал «ростом по-сталински»: в большей степени обеспеченный дополнительными затратами производственных факторов, а не совершенствованием производительности⁹⁷. Мое видение ситуации другое. Рост обычно *начинается* за счет производственных факторов, идет ли речь о Европе раннего нового времени, Японии XIX в. или Восточной и Юго-Восточной Азии XX в. Для его *продолжения* требуется переход к повышению производительности, и успешность подобного шага зависит не только от инвестиционных решений фирм и предпринимателей, но и от потребительских и инвестиционных решений домохозяйств.

Альтернативные объяснения

Прежде чем продолжить построение модели революции трудолюбия, мне следует остановиться на взглядах на эти же явления других специалистов, пришедших к совершенно другим выводам. Революция трудолюбия представляется им «оптимистическим» подходом в том смысле, что ею дается толкование поведения обычных трудящихся в контексте их устремлений и возможностей выбора. При этом тот факт, что возможности выбора зачастую крайне ограничены, вовсе не отвергается. Отвергаются предположения об их отсутствии.

96. Voth. *Time and Work*, pp. 271–272.

97. Paul Krugman. “The Myth of Asia’s Miracle”, *Foreign Affairs* 73 (1994): 62–78.

Угнетенные трудящиеся. Наиболее распространенным и фундаментальным возражением против моего подхода является мнение, будто бы те, кого я называю амбициозными потребителями, в действительности были всего лишь угнетенными трудящимися. Возражение это не ново, поскольку основано на стандартной версии формирования рабочего класса ради создания индустриально-капиталистического порядка: оно возникло во многом вопреки воле сырого человеческого материала. Создание данного порядка, возведение железной клетки, в которой мы все оказались узниками, потребовали разрушения старого уклада жизни, который руководствовался догмами «нравственной» экономики. Людей, привыкших чередовать работу и отдых в зависимости от продолжительности светлого времени дня, ритма сезонных работ и следующих друг за другом периодов интенсивного труда и праздности, необходимо было приучить к дисциплине систематического труда⁹⁸, и

людей, не имевших привычки что-то накапливать и что-то приобретать, работая ради выживания, а не ради получения максимального дохода, пришлось принуждать посредством такого стимула, как деньги...⁹⁹

С точки зрения Эдварда Палмера Томпсона, английский рабочий XVIII в., сторонник коллективизма и враг индивидуализма, активно сопротивлялся нововведениям потребительского характера, усматривая в них угрозу своему образу жизни: «Между капиталистическими процессами и потребительским поведением неэкономического характера развязался активный, сознательный конфликт. В штыки приняты и новые модели

98. С классическим объяснением интенсификации труда в ранний период индустриализации можно ознакомиться в следующей работе: E. P. Thompson. "Time, Work-Discipline, and Industrial Capitalism", *Past and Present* 38 (1967): 56-97; см. также Keith Hopkins. "Work and Leisure in Pre-Industrial Society", *Past and Present* 29 (1964): 50-62; Asa Briggs. "Work and Leisure in Industrial Society", *Past and Present* 30 (1965): 96-102.

99. Sidney Pollard. *The Genesis of Modern Management* ([1965] Harmondsworth: Penguin, 1969): 106.

потребления»¹⁰⁰. Иными словами, зарождающийся капитализм столкнулся с двойной задачей: необходимостью создать собственный ресурс отличающихся трудовым усердием рабочих и необходимостью создать своих собственных потребителей.

Объяснением этого неумолимого натиска, направленного на регулирование трудовой занятости и удлинение рабочего дня и рабочего года, служили «потребности капитала», и данное объяснение нашло поддержку среди как промарксистски настроенных, так и классических экономистов. Как предполагалось, индустриальный капитализм развивается с ростом соотношения капитал/труд. По мере того как происходит увеличение числа и стоимости машин из расчета на одного рабочего, прибыль начинает зависеть от постоянства использования данных капитальных активов. В связи с этим трудовые обычаи требуют изменений, с тем чтобы соответствовать насущным потребностям машины¹⁰¹. Подобный взгляд на принципы работы капиталистической экономики оказал значительное влияние на Карла Маркса. Олицетворяющие капитал технологии, которые при социализме способны были бы освободить рабочих от тяжелой и монотонной работы, при капитализме навязали лишь дополнительные часы работы, поскольку работа является источником прибавочной стоимости, прибыли капиталиста¹⁰².

Ничего удивительного в том, что при наличии подобной «родословной» вера в то, что индустриализация навязывала — и продолжает навязывать — дополнительные рабочие часы, принималась в качестве об-

100. E. P. Thompson. *Custom in Common* (New York: New Press, 1993): 12, 14. Томпсон признает, что позднее, когда на дворе уже давно было XIX столетие, потребности трудящихся «оказались переформированы, порог их материальных ожиданий повышен, традиционные радости культурного характера обесценены, а авторитет привычных ожиданий разрушен. John Styles. "Custom or Consumption? Plebian Fashion in Eighteenth-Century England", in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, p. 103.

101. John Rule. *The Experience of Labour in Eighteenth-Century Industry* (London: Croom Helm, 1981): 59.

102. Karl Marx. *Capital* (Moscow: International Publishers, 1961), Vol. I, Part III, "The Production of Absolute Surplus Value", p. 177–311.

щего мнения. Специалисты, занимающиеся исследованием промышленной революции, обычно сходятся в том, что в течение классического периода революции — 1760–1830 гг. — число рабочих дней увеличилось на 20–25%¹⁰³. В чем согласия *нет*, так это в том, что именно послужило тому причиной. Оказались ли люди, ценившие досуг и самостоятельность, вынуждены уделять работе больше сил и времени, а также отказаться от прежней материальной культуры причем отказаться с сожалением? Или же они самым активным образом со свойственными им беспорядочностью и неэффективностью преследовали свои собственные цели, поспособствовавшие зарождению того, чего мало кто ожидал, — нового типа экономики и общества? Рассматривая данный вопрос, нам не следует исключать возможности того, что в преследовании «своих собственных» целей человеку может потребоваться содействие. Несмотря на свое недовольство, рабочие могли добровольно принять более регулярный и интенсивный труд, обеспечиваемый дисциплиной фабричной системы, для повышения своего дохода, которого, и они это осознавали, полагаясь лишь на самодисциплину, им было не добиться. Подобно Одиссею, потребовавшему, чтобы его привязали к мачте при встрече его корабля с сиренами, производственная дисциплина заставила рабочих поступать так, как они и сами желали, но были не в состоянии поступать без стороннего содействия¹⁰⁴.

103. Nick Tranter. "The Labour Supply, 1780–1860", in Roderick Floud and Donald McCloskey, eds. *The Economic History of Britain Since 1700*, first edition (Cambridge: Cambridge University Press, 1981): 204–226; Sidney Pollard. "Labour in Great Britain", in Peter Mathias and M. M. Poston, eds. *Cambridge Economic History of Europe*, vol. 7 (Cambridge: Cambridge University Press, 1978): 55–59.

104. В своем исследовании, посвященном проблематике рабочего времени, Гари Кросс выражает свое разочарование утверждениями Томпсона, поскольку ими создается впечатление, что рабочие, вместо того чтобы сохранить самостоятельность своей культуры в вопросах часов и ритма работы, добровольно отказались от своей склонности доиндустриального периода к нерегулярному труду, подчиняющемуся обратной кривой предложения труда, ради более высоких заработков. Gary Cross. "Worktime and Industrialization. An Introduction", *Worktime and Industrialization. An International History* (Philadelphia: Temple

На этом этапе рассмотрения вопроса можно сделать два замечания. Во-первых, вполне возможно и даже вероятно, что активизации рынка труда способствовали и необходимость, и вновь открывшиеся возможности, причем оба фактора применительно к одним и тем же людям, пусть и в разное время. Когда «вновь открывшиеся возможности» ведут к развитию в большей степени ориентированного на рынок труда и более высоким доходам, снижение заработной платы или цен необязательно вызывает уход с рынка труда. Оно может вести к пониманию «необходимости» повысить интенсивность своего труда ради защиты достигнутого за последнее время уровня жизни. Рассматривая обратную кривую предложения труда, которая, как предполагалось, характеризует многих трудящихся доиндустриальной эпохи, Кристер Перссон замечает: «Движение вдоль кривой по мере роста заработной платы может включать в себя формирование опыта и привычек, способных придать нисходящую жесткость достигнутому уровню потребления». Так, предложение труда рабочих, столкнувшихся со снижением доходов, вместо того чтобы вернуться по кривой предложения труда вниз, может «сорваться» со своей траектории за счет предложения значительно больших объемов своего труда, чем когда-либо раньше при любых прежних уровнях заработной платы. Таким образом, накопление потребительского капитала — капитала типа «обучение на собственном опыте» в вопросах потребления — может привести экономику, посредством прерывисто-поступательного движения, к революции трудолюбия¹⁰⁵.

University Press, 1988): 3–20. Для информации по вопросам личного самоконтроля см. также Gregory Clark. “Factory Discipline”, *Journal of Economic History* 54 (1994): 128–163. Кларк высказывает мнение, что производственная дисциплина является решением не технической проблемы («логики» машины), а решением проблемы самоконтроля и аналогична принудительным мерам, направленным на то, чтобы побудить человека делать сбережения или определенным образом питаться. Производственная дисциплина искусственно повышает краткосрочные издержки «отлынивания» от работы.

105. Persson. “Consumption, Labour and Leisure”. Кароль Шаммас подразумевает прерывисто-поступательную модель развития,

Во-вторых, очевидная слабость пессимистического толкования мотивации трудящихся заключается в его зависимости от мнений современников рассматриваемых событий, свидетельства которых изобилуют живописующими, эмоциональными осуждениями лености, нерадивости и безответственности трудового люда. Осуждения эти почти никогда не основывались на наблюдениях за реальным поведением объекта изучения. Скорее они представляли собой часть идеологии, настаивавшей на особенностях рабочего класса и его неспособности к самостоятельности¹⁰⁶. Культивирование подобного

когда после критики разорительных привычек питания в семьях низших слоев общества конца XVIII в., она замечает, что данные привычки — зависимость от розничных торговцев, предпочтение свежему пшеничному хлебу — были достаточно разумны, когда укоренились в начале XVIII в., однако «в конце того же столетия с ростом цен и при перебоях в снабжении молочными продуктами... люди оказались в ловушке». Carole Shammas. «The Eighteenth-Century. English Diet and Economic Change», *Explorations in Economic History* 21 (1984): 267 (в оригинальном тексте выделение курсивом отсутствует). Фактически то же самое было высказано ранее и Дэвидом Эверсли, объясняющим рост внутреннего рынка в период после 1750 г. (связанный с повышением цен на продовольственные товары) следующим образом: «... как следствие опыта предыдущих десятилетий, [которым были свойственны низкие цены на продовольствие], значительная часть населения пыталась поддерживать в усложнившихся условиях уровень жизни, которого она когда-то достигла посредством различных сочетаний, большего напряжения усилий, а если надо — и ограничения числа детей. И тем не менее нельзя исключать того, что им все равно пришлось обходиться без вещей, которые мы рассматриваем в качестве необходимых для поддержания "благопристойности"». D.E. C. Eversley. «The Home Market and Economic Growth in England, 1750–1780», in E. L. Jones and G. E. Mingay, eds. *Land, Labour, and Population in the Industrial Revolution* (London: Edward Arnold, 1967): 218. См. также Eric L. Jones. *Agriculture and the Industrial Revolution* (Oxford: Blackwell, 1974).

106. Джозеф Таунсенд, английский священнослужитель, формулирует это следующим образом: «Беднякам мало что известно о мотивах, побуждающих к действию более высокие слои общества, — гордости, чести и амбициях. Обычно подстегнуть их к работе может лишь голод. Даже самые мудрые законодатели никогда не смогут придумать более объективное, более действенное и в любом случае более подходящее наказание, чем то, что представляет собой голод для непокорного работника».

взгляда имело свою практическую пользу, служа опорой «доктрины о бедности», оправдывавшей низкую оплату работы трудящихся¹⁰⁷. Забавно здесь то, что историки, полагаящие себя защитниками маленького человека, охотно под подобными утверждениями подписываются. То, что послужило для основоположников данной доктрины обоснованием подчинения низших классов — вследствие недостатка у них самоконтроля и стремления к самосовершенствованию, — стало использоваться приверженцами «нравственной экономики» в качестве свидетельства природной невинности маленького человека в докапиталистическую эпоху. И первые, и вторые оказывают трудящимся доиндустриальной Европы дурную услугу.

Жизнь впроголодь

Второе возражение против революции трудолюбия избегает вопроса о том, делали ли трудящиеся выбор между возможностью приобретения большего числа товаров и большим временем досуга в пользу первого. Пока трудящиеся испытывают слишком серьезные трудности с тем, чтобы зарабатывать себе на пропитание, им не до проблемы подобного выбора, такие вопросы рассматриваются сторонниками второго возражения как чисто теоретические.

Роберт Фогель рисует такую картину Британии и Франции XVIII в., в которой места для трудолюбия бедняков остается немного: доступное им пропитание не могло поддерживать ни продолжительный, ни требующий напряжения сил труд. Люди давно приспособились к подобному хроническому положению дел посредством соответствующей адаптации своей «биомас-

(Joseph Townsend. *Dissertation on the Poor Laws* (London, 1786))
 Цит. по: Peter Mathias. "Leisure and Wages in Theory and Practice", in Peter Mathias. *The Transformation of England* (London: Methuen, 1979): 158.

107. Для ознакомления со всесторонним обзором мнений современников данной доктрины см. E. A. Furness. *The Position of the Laborer in a System of Nationalism* (New York: Houghton Mifflin, 1920), Ch. 6.

сы» (они отличались небольшим ростом и весом), умеренного темпа работы и частого отдыха от труда. То есть досуг, которым они якобы «наслаждались», был в действительности насущной необходимостью¹⁰⁸.

По мнению Фогеля, единственное потребление, на которое британские и французские низы могли объективно рассчитывать в 1800 г., — это достаточно калорийное питание, необходимое для поддержания продуктивности работы. То были бедные общества, которым удалось избавиться от повсеместного голода и преждевременных смертей вследствие недоедания лишь в XIX в. Фогель утверждает, что объемы продовольственных товаров на душу населения были таковыми, что при некоторых допущениях относительно распределения данных товаров среди общественных классов с разным уровнем дохода и относительно потребностей базового метаболизма и функций организма в калориях можно говорить о том, что Англия не располагала достаточным пропитанием для поддержания продолжительного труда, по крайней мере для трудящихся, относимых к нижнему квантилю работающего населения. Во Франции дела обстояли еще хуже. Фогель описывает ситуацию следующим образом:

К концу XVIII столетия 20% хуже всего питающегося населения Франции и Англии для постоянного труда не хватало энергии, поэтому фактически из рабочей силы они были исключены. Более того, даже те, кто был ее частью, могли рассчитывать лишь на относительно небольшие объемы энергии¹⁰⁹.

Согласно расчетам Фогеля, «30% британского экономического роста с 1790 г. объясняются» тем, что этот

108. Robert William Fogel. *The Escape from Hunger and Premature Death 1700–2100. Europe, America and the Third World* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004). До Фогеля объяснения экономической и демографической истории на основе проблемы питания были предложены Херманном Фреуденбергером и Гейлордом Камминзом: Hermann Freudenberger and Gaylord Cummins. "Health, Work and Leisure Before the Industrial Revolution", *Explorations in Economic History* 13 (1976): 1–12; and Thomas McKeown. *The Modern Rise of Population* (New York: Academic Press, 1976).

109. Fogel, *Escape from Hunger*, p. 33.

ужасающе низкий уровень питания населения удалось поднять. В качестве обоснования своего утверждения он говорит следующее:

Повышение объемов доступной для труда энергии имело двойной эффект. Во-первых, было увеличено число работающих за счет включения в трудовые ресурсы низших 20% «потребительских единиц» (по состоянию на 1790 г.), которым ранее потребляемой ими с пищей энергии хватало лишь на несколько часов неспешной ходьбы. Кроме того, в отношении тех, кто уже работал, было зафиксировано увеличение интенсивности почасового труда вследствие того, что ежедневное число потребляемых ими калорий увеличилось на 50%... Судя по всему, на совокупный эффект повышения пищевой энергии, используемой для труда, и повышения эффективности, с которой люди преобразовывали пищевую энергию в производительность труда, приходится 50% британского экономического роста в период после 1790 г.¹¹⁰

Иными словами, для Фогеля революция трудолюбия — событие, пришедшееся на XIX и XX вв. И является оно результатом ликвидации ограничения предложения продовольственных товаров, достаточных для поддержания регулярного, требующего значительных усилий труда. До 1800 г. амбициозных потребителей у нас нет; вместо них есть живущие впроголодь рабочие, спасение которым от их «ужасающих, грубых и коротких» жизней, наполненных медленным, прерывистым, малопродуктивным трудом, приходит от случившегося в XIX в., ничем необъяснимого экзогенного роста производительности в сельском хозяйстве.

Почему утверждение Фогеля об ограничительном эффекте недостатка пищи неверно? Этому есть три основные причины: экономическая, техническая и историческая. Во-первых, если бы недостаток питания выводил из числа эффективной рабочей силы значительное ее число, следовало бы ожидать, что подходящая эластичность спроса на продовольственные товары была бы высокой и спрос был бы направлен прежде всего на самые дешевые источники пищевой энергии.

по. Fogel, *op. cit.*, p. 33–34.

Однако исследования тенденций потребления в Великобритании говорят о том, что эластичность спроса на продовольственные товары в Англии XVIII в. варьировалась в промежутке между 0,63 и 0,70%¹¹¹. (Иными словами, при 1%-ном повышении дохода расходы на продовольственные товары повышались на 0,63–0,70%.) Наиболее высокие показатели подоходной эластичности спроса были на следующие товары в порядке убывания: пиво, молочные продукты, мясо, сахар¹¹². Это указывает на довольно сильный интерес к приобретению продовольственных товаров, хотя и необязательно сильный интерес к потреблению дополнительных калорий.

Потребительское поведение XVIII—начала XIX в. не стыкуется с банальным недоеданием, поскольку эластичность спроса на *калории* (в отличие от *еды*) даже в худшие с экономической точки зрения периоды не превышала 0,45%. На значительный интерес к более привлекательной, в большей степени переработанной, готовой и подходящей еде в данный период указывает значительное повышение «мультипликатора ценности еды» (ценность потребляемых продовольственных товаров и напитков относительно ценности лежащих в их основе пищевых продуктов) с 1,26 в 1695 г. до 1,43 в 1800 г. и 1,57 в 1850 г.¹¹³

111. Более высокая из приведенных оценок (статистически слабая: нельзя исключать, что в действительности показатель эластичности составлял лишь 0,46%) предлагается Ником Крафтсом: N. F. R. Crafts. "Income Elasticities of Demand and the Release of Labour by Agriculture During the British Industrial Revolution", *Journal of European Economic History* 9 (1980): 156–159. Более низкая оценка (касающаяся сельских бедняков в период высоких цен — 1787–1796 гг.) взята из следующей публикации: Gregory Clark, Michael Huberman, and Peter Lindert. "A British Food Puzzle, 1770–1850", *Economic History Review* 48 (1995): 215–237. Фот обращает внимание на тот факт, что эластичность спроса на продовольственные товары в современных странах третьего мира упала до 0,7–0,9%.

112. Из перечисленных товаров лишь пиво относится к группе, обозначаемой экономистами как «товары высшей категории»: при 1-процентном повышении дохода расходы на такие товары возрастают более чем на 1%. Clark, Huberman, and Lindert. "A British Food Puzzle", p. 224.

113. Ibid., p. 220.

Имеющиеся свидетельства доказывают, что качество питания в Британии в XVIII в. было обратно пропорционально росту дохода, то есть повышение дохода использовалось для приобретения менее качественных в пищевом плане продовольственных товаров. Более подробно причины подобного нелогичного выбора рассматриваются в главе 4, здесь же следует сказать, что именно выбор, а не недостаток еды как таковой и лежит в основе свойственного для начала XIX в. плохого питания рассматриваемой категории населения¹¹⁴.

Вторая слабость утверждения Фогеля заключается в методологии, на которую он опирался, делая вывод о том, что потребление калорий беднейшими слоями населения было недостаточным для поддержания возможности трудиться. Фогель начал с оценки доступных для потребления на душу населения объемов калорий в Британии и Франции в целом, после чего распределил объемы наличного продовольствия между разными слоями населения (согласно децилям шкалы доходов). Очевидно, что продовольствие распределяется между различными слоями населения с меньшей степенью неравенства, чем доходы. Фогель рассматривал целый ряд коэффициентов Джини (показателей неравенства), согласующихся с потребностью оставить децили, соответствующей самым бедным слоям населения, достаточное для выживания количество продовольствия, и выбрал наиболее убедительный из них¹¹⁵.

114. Поведение потребителей в странах, относимых сегодня к бедным, также не дает много оснований полагать, что трудящиеся попали в «пищевую ловушку». В своей рецензии на книгу Фогеля Энгус Дитон замечает, что проверки его теории «постоянно проваливались. В экономике современных стран, даже самых бедных, пищевая ловушка не является определяющим фактором; 2000 или около того калорий, способных помочь вырваться из данной ловушки, можно приобрести всего лишь на часть дневного заработка». Angus Deaton. "The Great Escape. A Review of Robert Fogel's *The Great Escape from Hunger and Premature Death, 1700-2100*", *Journal of Economic Literature* 44 (2006): 110.

115. Robert William Fogel. "New Sources and New Techniques for the Study of Secular Trends in Nutritional Status, Mortality, and the Process of Aging", *Historical Methods* 26 (1993): 5-43.

Подобная методология позволяет прийти к интересным выводам, однако она ненадежна. То есть малейшее изменение в любых допущениях ведет к значительной разнице результатов. Данные вопросы были достаточно подробно изучены Хансом-Йоахимом Фотом¹¹⁶. Начать уже с того, что точных данных по общим объемам наличествующего продовольствия во Франции и Британии в 1800 г. не существует. Более того, есть сомнения в предположении Фогеля о симметричном распределении продовольствия между децилями. По Фогелю, потребление калорий децилем, представляющим самые состоятельные слои населения, настолько же выше среднего общенационального показателя, насколько ниже у дециля, представляющего беднейших граждан. Вызывает сомнения и его предположение о наличии «жесткой границы» между пищевыми потребностями базового метаболизма, противопоставленными энергией, необходимой для работы, и утверждением о том, что потребление калорий для поддержания труда необходимо ежедневно, независимо от дня недели. Наши знания в любой из этих областей просто не позволяют делать достаточно точные для получения полноценных результатов оценки. Фот заключает, что «даже незначительные изменения в допущениях Фогеля ведут к опровержению одного из главных его выводов, а именно вывода о том, что значительная часть беднейших классов Британии потребляли количество еды, достаточное лишь для весьма ограниченных объемов работы»¹¹⁷.

Наконец, необходимо отметить, что объяснение, данное Фогелем относительно «избавления от голода», во многом зиждется на мистическом экзогенном историческом событии — резком росте производства пищевых продуктов питания после 1790 г. То, что нам известно об истории производства пищевых продуктов, несомненно подтверждает сложные обстоятельства, в которых оказались Британия и Европа в конце XVIII и начале XIX столетий. Это время было отмечено быстрым ростом населения, а беспокойная международная обстановка

116. Voth. *Time and Work*, pp. 161–172.

117. Ibid., p. 170.

способствовала росту цен на продукты питания. Однако бóльшая часть XVIII в. была отмечена низкими ценами на продукты питания и ростом их производства. В этой главе уже обсуждалась тенденция к стабильному росту сельского хозяйства, свойственная большей части Северо-Западной Европы. В наблюдениях Фогеля данный факт не учитывается. Вместо этого она основывается на прерывании данной положительной тенденции и обращает внимание лишь на ускоренный рост производства продуктов питания сразу после 1800 г. При этом каких-либо свидетельств того, что данная тенденция оказалась прервана, не существует.

Несмотря на все эти недочеты, очевидно, что Фогель пытается разрешить вопрос, который является центральным и для настоящего исследования: как именно экономический рост преобразуется в улучшение благосостояния человека? Его «избавление от голода», которому он приписывает 50% экономического роста Британии в период после 1790 г., равнозначно феномену «*deus ex machina*»¹¹⁸. При этом он сам же отмечает, что экономическим ростом после 1790 г. были обеспечены лишь умеренные и неравномерные улучшения в здоровье, питании и продолжительности жизни низших слоев общества в период до 1890 г.¹¹⁹ *Производство* больших объемов металла, волокон и даже еды *само по себе* в более длинную и качественную жизнь не преобразуется. Чтобы выяснить, каким образом эти желаемые результаты *могут* быть достигнуты, Фогель направляет наше внимание на взаимоотношения между телом отдельного человека и экономикой. Согласно предложенному им подходу, связующим звеном между питанием и работой является масса тела. Данное же исследование делает упор на другом: на семье, представляющей собой производственно-потребительскую единицу, выступающую в роли связующего звена между рыночной экономикой и благополучием своих отдельных членов.

118. Лат. «бог из машины»: в театральных постановках античности — неожиданное спасение благодаря счастливому вмешательству судьбы.

119. Fogel. *Escape from Hunger*, p. 8.

Повышение производительности труда за счет новых технологий и организационных форм, известное нам как промышленная революция, потребовало многих десятилетий «дозревания», прежде чем оно превратилось в мощный фактор, способный влиять на общий экономический рост. На протяжении большей части раннего нового времени реальная заработная плата работников наемного труда демонстрировала тенденцию к снижению. Положение работников в странах Северо-Западной Европы было относительно лучше, чем где-либо еще, однако рост их реальной зарплаты происходил лишь в исключительных случаях. Несмотря на эти явные препятствия для роста дохода, «долгий» XVIII в. был отмечен существенным ростом производства и торговли, а вместе с ними и значительным улучшением материального благосостояния. Простых объяснений экономического роста не существует: это всегда результат действия множества сил. В то же время одну из главных ролей в экономическом росте в указанный период следует закрепить за повышением предложения, ориентированного на рынок труда, обеспечиваемого домохозяйствами Северо-Западной Европы. Разумеется, что временами и местами подобный труд был вынужденным, однако главным фактором оказалось перераспределение домохозяйствами своих производственных ресурсов для обеспечения своих потребительских целей. До промышленной революции имела место революция трудолюбия.

Революция трудолюбия: потребительский спрос

В ПРЕДЫДУЩЕЙ главе было рассмотрено, какими путями в течение «долгого» XVIII в. домохозяйства шли к большему трудолюбию, направив значительную часть своего труда на рыночную деятельность. Согласно лежащей в центре настоящего исследования концепции, это вновь обретенное трудолюбие было обусловлено новыми устремлениями потребительского характера. Согласуется ли исследуемое потребительское поведение с гипотезой революции трудолюбия?

Для начала следует пояснить, что именно нас *не* интересует. Новый потребительский спрос не был «потребительской революцией», явившей собой взрывной рост объемом покупаемых товаров, который привел к повышению производства в отраслях, ставших «ведущими» в эпоху промышленной революции. Действительно, весьма удивляет то, сколь незначительно *прямое* соприкосновение роста промышленного производства и развития потребительского спроса в период до XX в. Основной движущей силой нового потребительского спроса выступает вовсе не подражание, когда повышение доходов позволяет более низким социально-экономическим слоям общества постепенно перенимать материальный мир более высоких слоев или быть включенными в него.

Скорее потребительский спрос рассматриваемой эпохи был связан с расширившимся выбором «технологий потребления», посредством которых осуществлялось производство потребляемых и искомых разными социально-экономическими группами предметов

потребления «Z». Возросшая взаимозамещаемость между товарами и временными затратами в потреблении сделала возможным значительное перераспределение производственных ресурсов домохозяйства при одновременном пересмотре распределения внутри домохозяйства ресурсов потребления. То есть развитие потребительского спроса осуществлялось посредством взаимодействия производственных систем рынка и домохозяйства. В дополнение к этому появление так называемых «побудительных товаров» — товаров, отвечавших потребностям определенных групп населения — выполняло роль «фокусирующего устройства», поддерживая расширение системы торговли перед лицом высоких операционных издержек. Взаимодействие членов домохозяйства с расширяющимся набором товаров и все более многочисленными точками продаж и потребления привело к участвовавшей практике реализации индивидуального выбора. Опыт потребления вел к накоплению потребительского капитала, претворяясь со временем в практику потребления, знакомую нам и сегодня.

Таково вкратце мое представление о трансформации потребительского спроса, связанного с революцией трудолюбия, свойственной Северо-Западной Европе и прибрежным частям Северной Америки в «долгом» XVIII в. На какие свидетельства опирается моя точка зрения?

Поиски раннего типа современного потребителя

Описи имущества в завещаниях. Описи имущества, представленные в завещаниях, — отправная точка поиска не только потому, что они представляют собой богатый исторический источник о материальной культуре, но и потому, что именно рассмотрение данных свидетельств о стабильно более богатых, разнообразных и утонченных материальных условиях жизни и навело меня на мысль о необходимости найти объяснение тому, как именно данный феномен согласовывается с гораздо более мрачной картиной экономической жизни

ни XVIII столетия, представленной задокументированными тенденциями заработной платы и цен на товары¹. Как мы уже убедились в главе 3, данные по заработной плате независимо от источника — будь то документы, касающиеся районов, где зародилась промышленная революция, или отсталых провинций — не дают никаких оснований полагать, что рядовые трудящиеся лишь выживали и что на рубеже XVIII и XIX вв. их жизнь идет под откос. Однако историк, который переходит от данных по зарплатам и ценам к отличающимся меньшей агрегированностью и большей разнородностью историческим данным по материальным условиям жизни обитателей Северо-Западной Европы того же периода, не может не быть удивлен и озадачен оптимистическими картинами улучшения условий жизни, повышения их разнообразия и изысканности в долгосрочном плане, которые эти данные представляют².

На настоящий момент было проведено уже немало число подробных региональных исследований колониальной Америки (Новой Англии и области Чисапик), Англии, Шотландии, Нидерландов, Бельгии, Германии и Франции³. Вопросы, ответы на которые специалисты

1. De Vries. "Between Purchasing Power and the World of Goods", p. 89–107.
2. Так, Питер Кинг, проанализировавший датированные XVIII в. описи имущества бедняков графства Эссекс, отмечает, что «в описаниях многих историков, включая тех, кто занимался изучением Эссекса, указанный период предстает как время ухудшающихся или не изменяющихся условий жизни низших слоев». Однако, заключает Кинг, описи имущества говорят о другом: «Более зажиточный земледelec конца XVII в. владел меньшим числом предметов, чем бедняки конца XVIII столетия». Peter King, "Pauper Inventories and the Material Lives of the Poor in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries", in Tim Hitchcock, et al., eds. *Chronicling Poverty. The Voices and Strategies of the English Poor, 1640–1840* (New York: St. Martin's Press, 1997): 179–180, 183.
3. Среди наиболее значимых работ следует выделить: Lois Green Carr and Lorena S. Walsh. "The Standard of Living in the Colonial Chesapeake", *The William and Mary Quarterly* 45, third series (1988): 135–159; Hester Dibbits. *Vertrouwd bezit. Materiële cultuur in Doesburg en Maassluis, 1650–1800* (Amsterdam: SUN Memoria, 2000); Peter Earle. *The Making of the English Middle Class* (London: Methuen, 1989); Mark Overton, Jane Whittle, et al. *Production and Consumption in English Households, 1600–1750* (London: Routledge, 2004);

пытались найти в своих исследованиях, варьируются в зависимости от страны, как варьируются преимущества и недостатки собственно имущественных описей. Более того, само богатство содержания имущественных описей, включающих множество (зачастую сотни) наименований, вызывает проблемы методологического характера, которые каждый исследователь решает по-своему. При этом все те исследования, которыми охвачен период с конца XVII до середины или конца XVIII в., указывают на стабильный рост — поколение за поколением — количества, состава и качества материального имущества. Указанный рост оказался свойственным как вновь заселяемым районам Северной Америки, так и переживающим упадок провинциальным городам Голландии (Делфт) и Франции (Шартр) или крупным центрам, утратившим живость экономической деятельности (Антверпен).

В своем исследовании Кримпенерварда, одного из сельских районов Голландии, Йохан Камерманс делает подсчеты этого растущего материального изобилия: в среднем в имущественной описи 1630–1670 гг. были перечислены 47 наименований предметов и 241 отдель-

Benoît Garnot. *Un déclin. Chartres au XVIIIe siècle* (Paris: Editions de L.T.H.S., 1991); Benoît Garnot. *La culture matérielle en France aux XVIe, XVIIe et XVIIIe siècles* (Paris: Ophrys, 1995); Johan A. Kamermans. *Materiële cultuur in de Krimpenerwaard in de zeventiende en achttiende eeuw* (Wageningen: A.A.G. Bijdragen 39, 1999); Gloria L. Main and Jackson T. Main. "Economic Growth and the Standard of Living in Southern New England, 1640–1774", *Journal of Economic History* 48 (1988): 27–46; Ruth-E. Mohrmann. *Alltagswelt im Land Braunschweig* (Münster: Waxman, 1990); Stana Nenadic. "Middle-Rank Consumers and Domestic Culture in Edinburgh and Glasgow, 1720–1840", *Past and Present* 145 (1994): 122–156; Annik Pardailhé-Galabrun. *The Birth of Intimacy. Private and Domestic Life in Early Modern Paris* (Cambridge: Polity Press, 1991); Daniel Roche. *Le peuple de Paris. Essai sur la culture populaire au XVIIIe siècle* (Paris: Aubier Montaigne, 1981); C. Schelstraete, H. Kintaert, and D. de Ruyck. *Het einde van de onveranderlijkheid. Arbeid, bezit en woonomstandigheden in het land van Nevel tijdens de 17e en 18e eeuw* (Nevele: Heemkundig Kring. "Het Land van Nevele", 1986); Anton Schuurman. *Materiële cultuur en levensstijl* (Wageningen: AAG Bijdragen 30, 1989); Lorna Weatherill. *Consumer Behavior and Material Culture in Britain, 1660–1760* (London: Routledge, 1988); Thera Wijsenbeek-Olthuis. *Achter de gevels van Delft* (Hilversum: Verloren, 1987).

ный предмет; в 1700–1795 (рассматривались всё те же социально-экономические категории населения) — в среднем уже 71 наименование предметов и 538 отдельных предметов. «Рост числа предметов, — заключает Камерманс, — осуществляется главным образом за счет экзотических товаров, предметов домашнего уюта и внутренней обстановки, столовых приборов, занимающих в домохозяйстве все более важное место»⁴. Описываемый им район представлял исключительно сельскую местность, и большая часть данных преобразований была осуществлена в течение продолжительного периода снижающихся цен на сельскохозяйственную продукцию.

Та же тенденция к «multiplication des objets»⁵ описывается и в исследовании Мишлин Булан, изучившей 1200 имущественных описей, прилагаемых к завещаниям жителей севера Франции. Так, на протяжении XVII и XVIII вв. число отдельных предметов, перечисляемых в описях, возросло, в зависимости от социальной категории, на 47–82%⁶. Лорна Уэзерилл, рассматривавшая 20 главных наименований предметов обихода (в своем исследовании ей удалось охватить около 3000 имущественных описей в завещаниях граждан среднего достатка), также приходит к выводу, что в период 1670–1730 гг., «зачастую описываемый как экономически пассивный», наблюдаются «выдающиеся примеры увеличения количества предметов и изменений [во владении ими]»⁷. Согласно собранным ею данным по имущественным описям, в указанный период происходит не менее чем двукратное увеличение количества находящихся в собственности завещателя кастрюль, фаянсовых блюд, часов, картин, зеркал, оконных штор и, разумеется, чайных и кофейных предметов. Питер Эрл, исследовавший более зажиточный средний класс Лондона того же периода, отмечает «почти революционные изменения в одежде

4. Kamermans. *Materiële cultuur in de Krimpenerwaard*, pp. 137–138, 284.

5. «Приумножение предметов» (фр.).

6. Micheline Baulant. «L'appréciation du niveau de vie. Un problème, une solution», *Histoire et Mesure* 4 (1989): 290.

7. Lorna Weatherill. «The Meaning of Consumer Behavior in Late Seventeenth- and Early Eighteenth-Century England», in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, p. 209.

обоих полов» (Уэзерилл предметы одежды во внимание не принимала) и значительное обновление мебели и внутреннего убранства⁸. Описи имущества из графства Кент, к юго-востоку от Лондона, также свидетельствуют о «значительном обновлении» мебели и внутреннего убранства. Марком Овертоном и Джейн Уиттл были определены пять новых типов мебели: буфет в дворцовом стиле и большой буфет, комод, шкаф и новые типы столов и стульев. Согласно рассмотренным описям имущества, если в первые десятилетия XVII в. примерно 30% домохозяйств владели какими-нибудь из указанных предметов мебели, то к середине XVIII в. — это уже 80% домохозяйств, а среднее число предметов мебели за тот же период удвоилось — с 12 до 24 единиц⁹. Имущественные описи завещаний из области Чисапик и Новой Англии также свидетельствуют о тенденции постоянного обновления предметов обихода. Эти наблюдения позволяют говорить об отсутствии каких-либо сомнений в том, что даже жители американской глубинки, которым посвящено исследование Глории и Джексона Мейн, «принимали участие в том, что превратилось в трансатлантическую революцию потребительских вкусов»¹⁰.

Из этих разнородных исследований вырисовываются две тенденции. Все исследования указывают на упорные изменения в сторону большего материального изобилия, и каждое из них выявляет — пусть и по-своему — быстро происходящие сдвиги, замещения и приобретения, вызвавшие к жизни в некоторых районах

8. Earle. *English Middle Class*, pp. 281, 300. Для целей своего исследования Эрлом была определена граница включения в средний класс, равная ежегодному доходу в 50 фунтов.

9. Overton, Whittle, et al., *Production and Consumption*, p. 90–91.

10. Main and Main. "Economic Growth", p. 44. Приграничный характер Новой Англии середины XVII в. ведет к ускорению данной трансформации, и тем не менее удивительно узнать из имущественных описей местечка Уэтерсфилд, штат Коннектикут, о том, что в 1640-х гг. в домах городка не было стульев (только табуретки и лавки), а в 1790-х гг. среднее количество стульев в доме составляло уже шестнадцать. Kevin M. Sweeney. "Furniture and Domestic Environment in Wethersfield, Connecticut, 1639–1800", *The Connecticut Antiquarian* 36 (1984): 10–39.

и социальных слоях новую практику потребления, новые стили и моду. Данные нововведения потребительской природы не остались местным явлением, а распространились по всему Североатлантическому региону. При этом то, как именно такие нововведения принимались или отвергались разными социальными группами, способствовало становлению сложных и динамичных тенденций культурного значения, социального расслоения и участия в рыночной деятельности.

Имущественные описи завещаний, безусловно, представляют собой богатый источник информации, и все же для целей нашего исследования они имеют свои недостатки и ограничения. Во-первых, их число для некоторых из рассматриваемых периодов достаточно ограничено. Так, никакого недостатка в описях для Франции и некоторых регионов Нидерландов XVIII в. нет, однако для XVII в. их совсем немного; в Англии их количество значительно уже с конца XVII в., однако быстро сходит на нет в 1730–1740-е гг.

Хотя недостаток числа описей и вызывает досаду, вторая связанная с ними проблема мешает в гораздо большей степени. Включаемые в завещания описи составлялись только для завещателей, оставляющих достаточное движимое имущество, которое стоило того, чтобы его перечислять. Охват описями социальных слоев в каждом регионе свой, однако настоящих «пролетариев» среди завещателей немного. Как следствие, увидеть в документах, что в среде трудящегося населения имела место революция трудолюбия, с помощью имущественных описей, редко охватывающих слои ниже среднего достатка, представляется затруднительным. Однако их *можно* использовать для иллюстрации двух важных тенденций, касающихся наличия товаров длительного пользования и товаров с ограниченным сроком использования в среде граждан среднего достатка. С одной стороны, это повышение уровня комфорта, уединенности и изящности домашней обстановки и, с другой стороны, это смещение в сторону недолговечных товаров, то есть переход к приобретению товаров с более коротким сроком службы как следствие недостаточной прочности материалов, из которых они

изготовлены, или по причине того, что они быстро выходят из моды.

Домашний уют. Первая из данных тенденций подразумевала расходы, которые были в значительной мере не по карману менее состоятельной половине населения практически до середины XIX в. Из нижеследующих разделов станет ясно, что потребительские расходы малоимущего населения способствовали развитию в его среде жизненного уклада, который коренным образом отличался от домашнего уюта и респектабельности средних классов. При этом необходимо подчеркнуть, что в домах среднего достатка, понимаемого в более широком смысле, реорганизация пространства происходила в течение столетнего периода после 1650-х гг. Новые формы домашнего уюта, которые, возможно, сформировались в домах голландских горожан середины XVII в., быстро распространились на Англию и Францию¹¹. На смену деревянным и каменным домам пришли кирпичные. А с появлением гостиных, столовых и спальных комнат пространства функционального назначения внутри домов граждан среднего достатка стали более выраженными¹². Все эти нововведения требовали, разумеется, наличия соответствующих площадей и были не по карману большей части населения. Однако изменения затронули и тех, кто не обладал достаточными пространствами и финансовыми средствами. Так, Анник Парделе-Галабрён отмечает, что кровати в домах парижской бедноты стали менее «населенными», чем раньше: к 1770-м гг. у большинства парижан появились отдельные кровати¹³. Жилые площади

11. Witwold Rybczynski. *Home. A Short History of an Idea* (New York: Viking Press, 1986): 77 and Ch. 3; Peter Thornton. *Seventeenth-Century Interior Decoration in England, France, and Holland* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1978). Торнтон полагает, что «настоящий уют, каким мы его понимаем», зародился во Франции XVII в.

12. E. L. Jones and M. E. Falkus. "Urban Improvement and the English Economy in the Seventeenth and Eighteenth Centuries", *Research in Economic History* 4 (1979): 193–233; C. W. Fock. "Wonen aan het Leidse Rapenburg door de eeuwen heen", in P. M. M. Klep, et al., *Wonen in het verleden* (Amsterdam: NEHA, 1987): 189–205.

13. Annik Pardailhé-Galabrun. *The Birth of Intimacy* (Cambridge: Polity Press, 1991): 81–82.

стали заполняться мебелью все более и более узкого назначения. Парделе-Галабрён указывает на переход парижан в период 1720–1760 гг. от сундуков и кофров к шкафам и комодам, то есть тем же сундукам, только вертикальным, повторяя собой переход, уже состоявшийся в Голландии столетием ранее¹⁴. Антон Шуурман и Лорена Уолш, объектом исследования которых стали сельские районы, подчеркивают произошедшее в XVIII в. распространение новых предметов, используемых для производства тепла и света, а также наборов столовой мебели и соответствующих предметов, способствующих социальному общению¹⁵.

Принимая во внимание технологии той эпохи, домашний комфорт требовал определенного трудового вклада. Рынок был еще не в состоянии предложить альтернативы товарам, требующим значительных объемов домохозяйственного труда, необходимого для обеспечения дома водой, светом, теплом и соответствующими условиями гигиены¹⁶. Как следствие, данная область

14. Там же, стр. 110. Для сведений по использованию сундуков в Голландии см. Jan de Vries. "Peasant Demand Patterns and Economic Development", pp. 220–221; Hester C. Dibbits. "Between Society and Family Values. The Linen Cupboard in Early-Modern Households", in Schuurman and Spierenburg, eds. *Private Domain, Public Inquiry. Families and Life-Styles in the Netherlands and Europe 1550 to the Present* (Hilversum: Verloren, 1996): 125–145.

15. Anton Schuurman and Lorena Walsh. "Introduction", in Anton Schuurman and Lorena Walsh, eds. *Material Culture. Consumption, Life Style, Standard of Living, 1500–1900* (Milan: XI International Economic History Congress, 1994): 7–20. В исследовании, объектом которого стал Ланд ван Невеле, город и одноименный сельский район во Фландрии, также указывается, что «на всех уровнях сельского общества [второй половины XVIII в.] дает себя знать *потребность в уюте*. Мебель и организация домашнего пространства подчинялись уже не только вопросам необходимости; люди желали чего-то большего, чего-то более приятного, чего-то более декоративного». C. Schelstraete, et al., *Ha einde van de onveranderlijkheid*, p. 203 (выделение курсивом присутствует и в оригинальном тексте). Стана Ненадич приводит конкретный пример, иллюстрирующий новое положение предназначенных для (мужского) общения предметов мебелировки в Глазго XVIII в. См. Stana Nenadic. "Household Possessions and the Modernizing City. Scotland, c. 1720–1840", in Schuurman and Walsh, eds. *Material Culture*, p. 147–160.

16. Все указанные составляющие комфорта рассматриваются в следующем издании: Daniel Roche. *Histoire des choses banales. Naissance de la consommation XVIIe–XIXe siècle* (Paris: Fayard, 1997): 95–182.

потребительского спроса осталась резко разграниченной на домохозяйства с прислугой и на домохозяйства, которым приходилось обходиться без нее, а также домохозяйства, предлагающие собственных детей в услужение другим. До XX в. потребительский спрос состоял не только из спроса на товары, но и из спроса на услуги, которые могли выполняться лишь домашней прислугой. Вместо того чтобы превратиться в пережиток былых времен, домашняя прислуга была объектом все увеличивающегося спроса¹⁷.

Необходимо отметить, что стремление к комфорту привело к новым формам спроса, а в целом к развитию существующих видов потребления, которые теперь стали общими для большего числа социальных слоев. Отличным примером здесь служит повышенный интерес к освещению или, как остроумно выразился Даниель Рош¹⁸, к «le combat contre l'obscurité»¹⁹. Люди в раннее новое время обитали в темноте. Вплоть до XIX в. технологии, направленные на борьбу с темнотой, прогрессировали довольно медленно. Однако в XVII столетии потребительский спрос на оконное стекло, зеркала, свечи и масляные лампы значительно увеличился. Достаточно правдоподобно выглядит гипотеза о том, что урбанизация данной эпохи, реализуемая главным образом за счет роста небольшого числа очень крупных городов. А развитие городских развлечений, потребовавших создания общественных пространств, вновь поставили вопрос о необходимости ночного освещения²⁰.

17. Более подробно спрос на домашнюю прислугу рассматривается в главе 5.

18. Roche. *Histoire des choses banales*, p. 138.

19. «Борьба с темнотой» (фр.).

20. Jan de Vries. *European Urbanization*, p. 136–142. Исследование Ханса-Йоахима Фота, как именно жители Лондона использовали свое время, недвусмысленно указывает на то, что жизнь лондонцев (и прочих горожан XVIII в.) вовсе не зависела от восхода и заката солнца. Их судебные показания позволяют говорить о том, что чаще всего лондонцы укладывались спать в 11 часов вечера, а продолжительность сна составляла в среднем значительно менее семи часов. Вследствие подобного образа жизни лондонцам приходилось бодрствовать многие часы в темноте. Voith. *Time and Work*, p. 67–68.

Усовершенствованная масляная уличная лампа, разработанная в 1663 г. художником и изобретателем Яном ван дер Хейденом, и — что, возможно, более важно — его детальное предложение по организации эффективной городской службы уличного освещения привели к быстрому обустройству света на улицах в Амстердаме, Париже (первые уличные лампы были установлены в 1667 г., к 1740 г. их насчитывалось уже 6400), Лондоне (где в 1684 г. начала функционирование осветительная компания «Convex») и многих других городах²¹.

Спрос на освещение, частное и публичное, принял форму повышенного использования для этих целей сала, масла и, разумеется, свечей и фонарей. Главными источниками горючего для осветительных приборов были растительные масла (рапсовое, льняное) и китовый жир. Быстрый рост китового промысла в XVII в. был обусловлен главным образом спросом на китовый жир (китовая кость имела второстепенное значение, а мясо не использовалось вовсе). Строительство новых мельниц, на которых осуществлялся отжим семян, и расширение китового промысла (до 1640 г. европейские китобойцы добывали менее 300 китов в год, после 1670 г. число ежегодно добытых животных намного превышало 1000) привели к производству масла и жира, объемы которых значительно превышали потребности населения, несмотря на его рост, и использование которых в кулинарии, изготовлении мыла и освещении возглавлялось именно «борьбой с темнотой»²².

Технологические прорывы XIX в. в вопросах освещения (использование каменноугольного газа в уличном

21. Auke van der Woud. *Het lege land. De ruimtelijke ordre van Nederland, 1798–1848* (Amsterdam: Meulenhoff, 1987): 414; Roche. *Histoire des choses banales*, p. 135; Voth. *Time and Work*, p. 67. По утверждению Фота, уличное освещение Лондона долгое время считалось худшим среди крупнейших городов Европы. Улучшения удалось добиться после принятия указов об уличном освещении от 1736 и 1738 гг. Указы о содержании улиц, принятые в 1760–1770-е гг., позволили добиться еще большего, и теперь «яркие огни» Лондона производили на приезжих незабываемое впечатление.

22. De Vries and van der Woude. *First Modern Economy*, p. 257–259.

освещении примерно с 1800 г., керосина — после 1850 г., электричества — с 1882 г.) столь радикально сократили себестоимость освещения, что все, что происходило в данной области ранее, выглядело тривиальным, частью как бы «неподвижной истории»²³. При этом та готовность, с которой принимались усовершенствования в освещении в XIX в., свидетельствует о значительно усилившемся с середины XVII в. социальном спросе на обеспечение такой составляющей домашнего уюта, как освещение.

Недолговечность. Вторая тенденция — «недолговечность», касается масштабной и сложной трансформации европейской материальной культуры. Имущественные описи в завещаниях указывают на существование гораздо более широкой области потребительского поведения, затрагивавшего как средний класс, так и более низкие слои населения. Речь идет о постепенном замещении дорогих и прочных изделий, имеющих высокую стоимость при перепродаже на вторичном рынке, более дешевыми и менее прочными, в большей степени подверженными влиянию моды товарами²⁴. На первый взгляд может показаться, что это противоречит только что рассмотренному развитию более утонченной, разнообразной и специализированной материальной культуры. Однако же в действительности обе тенденции — усовершенствование и удешевление — шли в это время рука об руку. Су-

23. Именно так это и выглядит в талантливо и информативно написанной публикации Уильяма Нордхауса: William Nordhaus. "Do Real Output and Real Wage Measures Capture Reality? The History of Lighting Suggests Not", in Tim Breshnahan and Robert Gordon, eds. *The Economics of New Goods* (Chicago: University of Chicago Press, 1997): 29–66. Приведенные Нордхаусом данные указывают на незначительные изменения в себестоимости освещения с доисторических времен и до 1800 г., после чего происходит его резкое снижение. Как экономический материал статья Нордхауса крайне значима, однако его историческое исследование периода между изобретением лампы в древнем Вавилоне и газовым освещением довольно поверхностно и требует дополнительных исследований вопроса.

24. Четкое представление данной позиции дано в работе: Bruno Blondé. "The Birth of a Consumer Society? Consumption and Material Culture in Antwerp, 17th and 18th Centuries" (unpublished paper, University of Antwerpen, 1997).

ществует множество показательных примеров: оловянные и деревянные тарелки оказались заменены фарфоровыми и фаянсовыми, металлические сосуды для питья — стеклянными и фарфоровыми; в Нидерландах «испанский стул» (долговечный, поддающийся ремонту и годный для перепродажи) заменен менее прочным, но более комфортным стулом с плетеным сиденьем; стены теперь были украшены не картинами и гобеленами, а бумажными обоями. Наконец, самое известное из данных преобразований — это изменения, произошедшие в гардеробе: переход на одежду из более легкой шерсти, льна, хлопка и смешанного волокна, а также появление модных изделий с более коротким жизненным циклом. Рассмотрим, к примеру, вновь возникший спрос на классическое недолговечное изделие — фаянсовую посуду. Вследствие того, что изделия из керамики применяются повсеместно и известны еще с незапамятных времен, может возникнуть вопрос: почему керамическая промышленность вдруг стала предметом нового и все возрастающего внимания со стороны потребительского спроса? Дело в том, что гончары долгое время занимались изготовлением прежде всего товаров утилитарного назначения — таких, например, как сосуды для хранения продуктов питания. К XVI в. они уже смогли предложить керамические изделия с глазурью на основе оксида олова и средиземноморскую майолику. Однако нельзя сказать, что характеристики данных изделий выделяли их в заметно лучшую по сравнению с альтернативными товарами сторону. При этом большая часть столовой утвари по-прежнему изготавливалась из металла, обычно из оловянных сплавов, а еще чаще — дерева. Производство блюд, тарелок, чашек и блюдец, обладающих необходимой прочностью и внешним видом, требовало соответствующих технологий обжига и глазирования, развитие которых произошло лишь в ответ на азиатский фарфор. Необходимости пересказывать на этих страницах историю появления в Европе китайского, а затем японского фарфора нет, однако следует упомянуть сильнейший интерес европейцев к этим новым для них керамическим изделиям. Импортирование азиатского фарфора голландской Ост-Индской компанией,

ставшей его первым крупным импортером, началась с 50–100 тыс. единиц изделий в год, увеличившись после 1630 г. до 200 тыс. Падение династии Мин привело к нарушению поставок, заставив Ост-Индскую компанию обратить свои взоры на Японию, однако вскоре импорт китайского фарфора возобновился, причем объемы его в XVIII в. выросли еще больше. К концу XVIII в. общее число ввезенных Ост-Индской компанией в Европу изделий из фарфора достигло примерно 43 млн единиц, в то время как конкурирующие компании поставили еще около 30 млн единиц. Большая часть этих 70 с лишним миллионов изделий была произведена крупным промышленным комплексом, располагавшимся в китайском городе Цзиндэчжэнь и его окрестностях²⁵. Основав в 1729 г. постоянное торговое представительство в Гуанчжоу (прежнее название — Кантон), Ост-Индская компания получила доступ к данному промышленному центру, достаточный для того, чтобы снабжать собственными моделями и рисунками изделий производителей, выполнявших заказы на «супницы, блюда, солонки, соусницы, масленки, сосуды для хранения соков и горчицы, которыми должны были наполниться буфеты в Голландии и прочих европейских странах»²⁶.

Для того чтобы научиться изготавливать идентичный китайскому полевошпатный фарфор, понадобились многие годы напряженной работы, однако активный интерес, а то и вовсе одержимость со стороны правящих элит привели к учреждению курфюрстом Саксонии Августом «возможно... первого научно-исследовательского предприятия в истории», принесшего первые плоды в 1709 г., когда недалеко от Дрездена было начато производство мейсенского фарфора²⁷. Вслед за ним были основаны многие другие предприятия, почти все они

25. Peter Wilhelm Meister and Horst Reber. *European Porcelain of the Eighteenth Century* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1983): 18.

26. C. J. A. Jörg. "Porcelain for the Dutch in the Seventeenth Century", in Rosemary E. Scott, ed. *The Porcelain of Jingdezhen* (London: Percival David Foundation of Chinese Art, 1993): 187.

27. Robert Finlay. "The Pilgrim Art. The Culture of Porcelain in World History", *Journal of World History* 9 (1998): 175; Otto Walcha. *Meissen Porcelain* (New York: Putnam, 1981).

были производителями изделий роскоши, функционирующими под патронажем правящего дома.

Утонченные европейские изделия из фарфора были намного дороже и изысканнее своих китайских прародителей. Удовлетворить интерес рядового потребителя, пробужденный импортируемыми товарами, они не могли. В основе этого интереса лежала европейская традиция керамических изделий, которая была нацелена на разработку товаров, которые соответствовали бы функциональному характеру китайского фарфора и отличались декоративными элементами, имеющими общую основу с азиатскими изделиями. Наиболее успешным ответом XVII в. на новые благоприятные возможности рынка явился делфтский фаянс, получивший название от города Делфт, в котором и было сосредоточено его производство. В 1650 г. в Делфте насчитывалось четырнадцать цехов, а к 1670 г. их число возросло до тридцати, причем это были гораздо более крупные производства, обеспечивающие своей продукцией международный рынок²⁸.

Производство голландских керамических товаров достигло своего пика в тот момент, когда англичане приступили к созданию собственной промышленности. Она использовала потенциальный спрос на изделия, выполненные в соответствии со стандартами китайского фарфора, при этом оптимальным образом сочетавшие цену и качество. Количество соответствующих гончарных цехов, сконцентрированных в Стафффордшире, выросло в период с 1680-х гг. до 1750-х гг. более чем в три раза, а их производственные мощности, если судить по числу работников, увеличились в 1680–1780 гг. более чем в шесть раз²⁹. Данные тенденции в английском керамическом производстве привели к развитию в период после 1730 г. так называемой кремовой керамики, которая

28. De Vries and van der Woude. *First Modern Economy*, p. 308.

29. Lorna Weatherill. *The Pottery Trade and North Staffordshire, 1660–1760* (Manchester: Manchester University Press, 1971): 1–9; Lorna Weatherill. "The Growth of the Pottery Industry in England, 1660–1815", *Post-Medieval Archaeology* 17 (1983): 15–46; Maxine Berg. *Luxury and Pleasure in Eighteenth-Century Britain* (Oxford: Oxford University Press, 2005): 81–82.

представляла собой глиняные изделия с покрытием из свинцовой глазури и которой во многом удалось воплотить в себе привлекательные черты фарфора. Потенциал данных изделий был в наиболее полной мере использован маркетинговым и организационным гением Джозайи Уэджвуда, организовавшего собственное производство под именем «Этрурия» в городе Бурслем, в котором, по свидетельствам самого Уэджвуда, «было 500 различных гончарных производств, выпускавших изделия из камня и глины. Они дают работу для 7 тыс. человек и направляют свою продукцию в Ливерпуль, Бристоль и Халл, откуда она попадает в Америку и британские колонии в Вест-Индии, а также в каждый европейский порт»³⁰.

Традиция, зародившаяся в Голландии и подхваченная вскоре англичанами, во Франции развилась несколько позднее:

Керамические изделия, даже самые обычные, начали появляться на столах парижан лишь после 1720 г. До этого момента подобные изделия частью повседневной жизни горожан еще не стали, а предметы из глины, такие как горшки, тарелки и чашки, использовались в качестве декоративных элементов пространства вокруг очага³¹.

Во Франции фабрики по производству изделий из керамики начали множиться после 1720-х гг. Продвижение новых столовых традиций вглубь европейского континента происходит еще медленнее, за исключением, разумеется, крупнейших городов. Зандгрубер отмечает, что ускоряющийся рост числа *steingutfabriken*³² в австрийских землях происходит лишь в конце XVIII в.,

30. Цит. по: Berg. *Luxury and Pleasure*, p. 129.

31. Pardailhé-Galabrun. *The Birth of Intimacy*, p. 97. Исследование потребления дорогостоящих товаров в провинциальных городах Англии и Франции — рассматривались по два города с каждой стороны — показало, что китайский фарфор и делфтский фаянс стали достаточно распространены в домах англичан в конце XVII в., и лишь во второй половине XVIII в. — в домах французов из тех же социальных слоев. F.-J. Ruggiu. *Les Élités et les villes moyennes en France et en Angleterre (XVIIe–XVIIIe siècles)* (Paris: L'Harmattan, 1997): 200–201.

32. Фабрики по производству изделий из фаянса (нем.).

а их продукция доходит лишь до состоятельных потребителей³³.

Результаты ряда исследований имущественных описей завещателей указывают на следующую общую тенденцию: если до середины XVII в. столовая утварь состоит в основном из деревянных подносов с выемкой для пищи и тарелок из сплавов олова (в домах же многих бедняков индивидуальной утвари попросту не существовало), то во второй половине столетия происходит резкое увеличение количества глиняной посуды. Имущественные описи голландцев, проживавших в городе Весп (небольшой промышленный и рыночный центр недалеко от Амстердама) и его округе, показывают, что в 1650-х гг. примерно половина горожан владела фарфоровыми изделиями, и примерно половина же обладала к 1680-м гг. изделиями из делфтского фаянса. К 1690-м гг. фарфоровые изделия наличествуют в домах 20% фермеров, а делфтский фаянс — в 75%. Тенденция становится очевидной: горожане предпочитают фарфор, в то время как жители сельской местности — делфтский фаянс, однако во многих домохозяйствах присутствуют изделия обоих видов. После этого главной движущей силой интереса становятся приобретение более изящных изделий и их накопление. К несчастью для производителей делфтского фаянса, к таким изделиям относится появившаяся после 1740 г. английская «кремовая керамика», зачастую в виде столовых, чайных наборов и т. п. К 1780-м гг. среднее число фарфоровых изделий, перечисляемых в завещаниях зажиточных жителей Веспа, составляет 392 единицы, а их менее состоятельных соседей — 163 плюс дополнительно 30 единиц изделий из делфтского фаянса. В состоянии же обитающих в окрестностях Веспа фермеров в среднем входит 64 изделия из фарфора и уже 92 изделия из делфтского фаянса³⁴.

Возможно, что у жителей Веспа и его окрестностей, проживавших поблизости от Амстердама, развился

33. Sandgruber. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft*, p. 382.

34. Van Koolbergen. "De materiële cultuur van Weesp en Weesperkarspel", p. 24–27.

чрезмерный аппетит к керамическим изделиям, однако те же основные тенденции распространения данных изделий прослеживаются по всей территории Северо-Западной Европы³⁵. Новая столовая посуда изготавливалась уже не деревянными горшечниками. Более того, ее производство превращается в промышленность с высокой концентрацией предприятий, причем не в силу технических причин, а как необходимость для эффективного удовлетворения рыночного спроса. Долговечное, утилитарное изделие, определяемое прежде всего материалом, из которого оно было изготовлено, превратилось в «недолговечный» объект моды, выраженной в его форме и отделке.

Спрос на предметы гардероба

Спрос на швейные и обувные изделия — от шляп до ботинок и всех промежуточных предметов гардероба — это отдельная проблема, требующая решения. В имущественных описях завещателей виды одежды зачастую не уточняются, как могут не уточняться и виды текстильных изделий: одежда, шторы, постельное белье указываются вместе без перечисления категорий данных изделий³⁶. Однако, когда в описях имущества дается полное описание гардероба завещателей, возникает другая трудность: исследователь начинает тонуть в чрезмерных массивах информации. В 1695 г. Грегори Кинг предпринял попытку подсчитать расходы англичан на предметы одежды. Им было выделено не менее

35. Bruno Blondé. "Tableware and changing consumer patterns. Dynamics of material culture in Antwerp, 17th–18th centuries", in J. Veeckman, ed. *Majolica and Glass from Italy to Antwerp and Beyond. The Transfer of Technology in the 16th–early 17th Century* (Antwerp, 2002): 295–311; Overton and Whittle, et al., *Production and Consumption*, pp. 103–108; Weatherill. *Consumer Behavior*, p. 88.

36. Лорна Уэзерилл, изучившая тысячи имущественных описей английских завещателей, отмечает, что «примерно в пятой части описей предметы одежды отсутствуют вовсе... Только в половине из них одежда указывается отдельно от наличных денег и прочего личного имущества». Lorna Weatherill. "Consumer Behavior, Textiles, and Dress in the Late Seventeenth and Early Eighteenth Centuries", *Textile History* 22 (1991): 297.

90 соответствующих категорий³⁷. Однако именно в подробностях и оказываются скрыты наиболее важные тенденции развития спроса на предметы одежды.

Именно на этот период приходится значительная часть процесса перехода от норм одежды как соответствия социальному положению человека, диктуемых законодательством о регулировании расходов, к «конкурентоспособной» одежде, определяемой модой. У этого процесса уже были исторические прецеденты, а сам он варьируется по времени и скорости изменений в зависимости от конкретного социального класса и страны, однако в целом по всей территории Западной Европы он отличается схожестью тенденций. Англия и Голландия отказались от жесткого соблюдения законодательства в регулировании расходов в начале XVII в.³⁸ Во Франции привилегия носить модную одежду, дарованная высшим классам, контролировалась в XVII в. с еще большей строгостью, чем раньше. Однако даже там:

К концу XVIII в. ... парижская мода резко преобразуется. Модное платье — более не привилегия элит. Теперь оно доступно мужчинам и женщинам широких общественных слоев...³⁹

Многие участники современной дискуссии о революциях одежды указывают на появление в рассматриваемом периоде набивного ситца, на моду на хлопчатобумажные изделия в целом в качестве источника новой, неодолимой и демократизирующей силы, изменившей поведение общественных классов. В 1697 г., вскоре после появления набивного ситца, политический экономист Джон Поллексфен выдвигает предположение о том, что «его привлекательность распространилась от светских щеголей до

37. N. B. Harte. "The Economics of Clothing in the Late Seventeenth Century", *Textile History* 22 (1991): 277–296.

38. N. B. Harte. "State Control of Dress", in D. C. Coleman and A. H. John, eds. *Trade, Government and Economy in Pre-Industrial England. Essays Presented to F. J. Fisher* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1976): 132–165; Alan Hunt. *Governance of the Consuming Passions. A History of Sumptuary Law* (New York: St. Martin's Press, 1996).

39. Jennifer Jones. "Coquettes and Grisettes. Women Buying and Selling in Ancien Régime Paris", in de Grazia and Furlong, eds. *The Sex of Things*, p. 30.

самых низких кухарок», все из которых полагали, что «ничто... не украсит их лучше, чем ткани из Индии»⁴⁰.

Прославление власти моды — а история хлопка, этого «баловня моды», полна комментариями подобного рода — занимает центральное место в большинстве объяснений нового потребительского поведения в «долгом» XVIII в. Однако роль катализатора сыграл вовсе не хлопок. Он лишь явился мощным ускорителем того, что началось еще до него, — со льна. Думаю, не будет большим преувеличением утверждать, что в цветовой гамме одежды середины XVII в. доминировали черный и коричневый цвета, а также темно-зеленый и синий. Изделиям из грубой шерсти и кожи «не было сносу, и их могли передавать из поколения в поколение»⁴¹. В этом сером и однообразном мире белый льняной ворот и шерстяные ткани дорогой окраски красного или ярко-голубого цвета были редким исключением, подчеркивающим статус их владельцев. Однако всему этому суждено было измениться. «Довольно мрачное иерархическое общество уступило место, — пишет Даниэль Рош, — разноцветному, переливающемуся красками миру»⁴².

В данных условиях возникает новый интерес ко льну — поскольку льняная ткань была вовсе не новинкой, — что ведет к распространению производства на протопромышленные зоны северо-запада Европы и существенному снижению цен⁴³. Разобраться, что именно здесь причина, а что следствие, нелегко, однако известно, что распространение льняного производства в Северной Франции, Фландрии, Вестфалии, Шот-

40. John Pollexfen. *A Discourse on Trade, Coyne, and Paper Credit* (London, 1697): 99.

41. Beverly Lemire. "Second-hand Beaux and 'Red-armed Belles'. Conflict and the Creation of Fashions in England, c. 1660–1800", *Continuity and Change* 15 (2000): 395.

42. Daniel Roche. "Between a 'Moral Economy' and a 'Consumer Economy'. Clothes and Their Function in the 17th and 18th Centuries", in Robert Fox and Anthony Turner, eds. *Luxury Trades and Consumerism in Ancien Régime Paris. Studies in the History of the Skilled Workforce* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 1998): 223.

43. Carole Shammas. "The Decline of Textile Prices in England and British America prior to Industrialization", *Economic History Review* 47 (1994): 492–493.

ландии и Ирландии шло в ногу с развитием новых форм одежды и украшений:

Белые рубашки, белые сорочки, белые чепцы и капоры, белые карманные платки, повязанные вокруг шеи, стали эмблемой респектабельности как для продавца магазина, служанки, зажиточного кузнеца, так и для матери обычного семейства⁴⁴.

Белые льняные изделия были не столько заменой другой одежде, сколько модной новинкой. Рубашки, аксессуары и особенно льняное нижнее белье были предназначены для того, чтобы тем или иным образом, но быть продемонстрированными, чтобы «показать... миру в целом приверженность их хозяев концепциям чистоты и их принадлежность к сообществу респектабельных граждан»⁴⁵. Хотя льняное постельное белье на публике, как правило, не демонстрировалось, оно тоже, будучи аккуратно сложенным в новых бельевых шкафах, обладало схожим символическим значением, что обусловило его накопление в огромных количествах многими домохозяйствами⁴⁶.

Англия, ввозившая с континента в период около 1710 г. около 28 млн ярдов льняной ткани в год и сама производившая льняную ткань, правда, более низкого качества, потребляла к 1756 г. уже около 80 млн ярдов ткани, по большей части за счет ввоза из новых производственных областей в Шотландии и Ольстере. К 1770 г. внутреннее потребление достигает в Англии 103 млн ярдов — от великолепнейшего «голландского льна» до грубой ткани, производимой в Манчестере⁴⁷. Распространение после 1770 г. механизированного

44. Lemire. "Second-hand Beaux", p. 395.

45. Там же, стр. 400. Касательно моды на демонстрацию нижнего белья см.: C. W. Cunnington and Phyllis Cunnington. *The History of Underclothes* (London: M. Joseph, 1951).

46. De Vries. *Dutch Rural Economy*, p. 220–222.

47. Jane Gray. "The Irish, Scottish and Flemish Linen Industries during the Long Eighteenth Century", in Brenda Collins and Phillip Ollerenshaw, eds. *The European Linen Industry in Historical Perspective* (Oxford: Oxford University Press, 2004): 159–186; производство льняной ткани в Ирландии и Шотландии, весьма скромное в 1700 г., возросло к 1750 г. до 19 млн ярдов, а в 1800 г. — и до 60 млн.

производства хлопчатобумажной ткани сильно ударило по производителям ткани льняной. Но даже в подобных обстоятельствах в денежном выражении производство британской льняной ткани продолжало увеличиваться с 1770 по 1830 г. на 1,64% в год (причем происходило это в период быстро падающих цен)⁴⁸.

Для европейцев XVII в. хлопчатобумажная ткань также была далеко не в новинку, а вот набивная хлопчатобумажная ткань, ввозимая из Индии европейскими торговыми компаниями, безусловно, обладала дивным новым отличием — яркими цветами. Это вовсе не означает, что ввозимый набивной ситец моментально покори́л все сердца. Ранний импорт отражал в себе интерес потребителя к культуре страны происхождения, но вскоре оказалось, что «декоративный индийский текстиль привлекает европейцев своей дешевизной и отличными техническими характеристиками (особенно прочностью и яркостью красок), а не узорами»⁴⁹. Преобразование первоначального очарования, вызванного экзотичностью товаров, в постоянный интерес к набивному ситцу потребовало адаптации индийских изделий под вкусы и потребности европейского покупателя. Соответствующие указания управляющих английской и голландской ост-индских компаний относительно стиля производимых товаров, в конце концов, помогли добиться соответствующей «инновации продукта»⁵⁰. С точки зрения британского правительства, компании эти выполняли свою работу даже слишком хорошо, поскольку чрезмерный интерес в товарах из набивного ситца привел к принятию в 1700 г. законодательства, запрещающего его ввоз для продажи внутри Британии, а в 1721 г. — закона о запрете ввоза почти всех хлопчатобумажных изделий⁵¹. Оказавшись под

48. Phyllis Deane and W.A. Cole, *British Economic Growth, 1688–1959* (Cambridge: Cambridge University Press, 1963): 204.

49. John Irwin, цит. по: John Styles. "Product Innovation in Early Modern London", *Past and Present* 168 (2000): 136.

50. Попытки английской компании найти решение данной проблемы описаны в статье: Styles. "Product Innovation", p. 132–140.

51. Англия оказалась не единственной территорией, закрытой для ввоза хлопчатобумажных тканей. В период с 1680-х гг. по 1740-е гг.

запретом в метрополии, импортируемые Британией хлопчатобумажные ткани были перенаправлены на рынки европейского континента, в первую очередь голландский, который в период до 1740-х гг. потреблял две трети всего предназначавшегося первоначально для Англии индийского текстиля, как набивного, так и обычного.

Как хорошо известно, сочетание потребительского интереса к хлопчатобумажным тканям и ограничения на ввоз текстиля способствовали развитию в Британии собственных хлопкопрядильных, хлопкоткацких и ситценабивных производств. Ввоз хлопка-сырца (главным образом из средиземноморских производственных областей), начавшийся около 1700 г. с довольно скромной цифры в 1 млн кг ежегодного импорта в Англию и Францию вместе взятые (примерно в равной пропорции), к 1780 г. вырос до 13 млн кг: 5,0 млн кг во Францию и 8,2 — в Британию. Британия вырвалась вперед благодаря проведенной в 1770-е гг. механизации хлопкопрядения. К 1850-м гг. Британия ввозила уже 360 млн кг хлопка-сырца, в то время как Франция оставалась далеко позади с показателем 76 млн⁵². Данные по производству хлопчатобумажного текстиля в этих двух странах обычно не сводятся вместе вследствие того, что в Британии механизация хлопкопрядения была проведена гораздо раньше. Тем не менее обобщенные данные по двум странам позволяют получить более полное представление об общем росте потребления хлопчатобумажного текстиля на рынках Северо-Западной Европы и Северной Америки:

во Франции было принято более 18 законодательных актов, запрещающих импорт хлопчатобумажных тканей и/или ношение одежды из них. P. Leuillot. "Influence du commerce oriental sur l'économie occidentale", in Michel Mollat. *Sociétés et companies de commerce en Orient et dans l'océan Indien* (Paris: SEVPEN, 1970): 611–629.

52. Данные по Британии взяты из монографии: B. R. Mitchell and Phyllis Deane. *Abstract of British Historical Statistics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1969): 177–183; данные по Франции взяты из книг: Jan Marczewski. "Some Aspects of the Economic Growth of France, 1660–1958", *Economic Development and Cultural Change* 9 (1961), tables 1 and 3; T. J. Markovitch. *L'industrie Française de 1789 à 1964* (Paris: Droz, 1964): 47.

в среднем на 3,2% в год с 1700 г. до середины 1780-х гг. и впоследствии вплоть до 1850-х гг. — на 5,1%.

Растущий спрос на хлопчатобумажные ткани заставляет расчетливых и амбициозных производителей заняться развитием производственных мощностей, в том числе и посредством внедрения новых механизмов, составивших основу промышленной революции. Последовавшие друг за другом изобретения, такие как прядильная машина Джеймса Харгривса (запатентованная в 1766 г.), прядильная машина Ричарда Аркрайта, известная как «Waterframe» (1769 г.), прядильная машина периодического действия Сэмюэла Кромптона (1779 г.), механический ткацкий станок Эдмунда Карптрайта (1786 г.), а также множество усовершенствований данных машин и дополнений к ним привели к преобразованию технических и организационных основ производства хлопчатобумажных тканей.

Благодаря механизации хлопкопрядения в 1770-е гг. и последующей постепенной механизации ткацкого производства хлопчатобумажная ткань, производимая в Англии, а впоследствии повсеместно в Европе и Северной Америке, произвела революцию в текстильной промышленности. Сама же промышленная революция оказалась в состоянии предложить европейскому потребителю хлопчатобумажные ткани в гораздо больших объемах и при более низких ценах, чем раньше. Разумеется, это привело к росту спроса на ткань и одежду. Как мы уже смогли убедиться, рост спроса на льняные и хлопчатобумажные ткани был значительным еще до указанных технологических нововведений, содействуя существенному повышению объемов производства и в более ранний период.

Растущий спрос заставляет заняться соответствующими вопросами не только изобретателей, но и политических экономистов, которые приходят к новым гипотезам о безграничных «желаниях разума» и «непомерных людских аппетитах», что «предрасполагают [людей] к работе, когда более ничего не в состоянии склонить их к ней»⁵³.

53. Указанные цитаты — из работ Николаса Барбона и сэра Дадли Норта. При этом замечания обоих авторов касаются вопросов,

В своем классическом произведении «Раскованный Прометей» («The Unbound Prometheus») Дэвид Лэндис дает следующее объяснение началу британской промышленной революции: «Рождению новых технологий в Британии в значительной мере способствовали требования спроса применительно к способам производства, а массовость и эффективность предложения производственных факторов способствовали их быстрому введению в эксплуатацию и распространению»⁵⁴. Это вовсе не значит, что спрос эквивалентен потребности, а потребность — мать изобретений. Как подчеркивает Джоэл Мокир, большинство обществ в истории человечества большую часть времени своего существования новых технологий не производили. «Условия спроса могли влиять на скорость, с которой рождались идеи, ведущие к технологическим нововведениям, и фокусировать их в определенном направлении, однако они не могли повлиять на то, способно ли будет общество выдвинуть новые технологические идеи»⁵⁵. Тем не менее фокусирующее устройство может оказаться весьма мощным инструментом, а когда фокусировка спроса осуществляется не только преходящим влиянием относительных цен, но и настоящими «желаниями разума», оно в определенной степени независимо от текущего состояния производственной системы.

Центральная роль предметов гардероба в потребительском спросе в период «долгого» XVIII в. связана с их влиянием на общие расходы домохозяйств. Была ли склонность тратиться на предметы гардероба столь велика, что данная категория расходов главенствовала над остальными? В описаниях, к примеру, парижской жизни встречается следующее:

связанных с ввозом в Англию индийского ситца. См. Joyce Appleby. "Ideology and Theory. The Tension between Political and Economic Liberalism in Seventeenth-Century England", *American Historical Review* 81 (1976): 499–515.

54. David Landes. *The Unbound Prometheus. Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present* (Cambridge: Cambridge University Press, 1969): 77.

55. Joel Mokyr. *The Lever of Riches. Technological Creativity and Economic Progress* (Oxford: Oxford University Press, 1990): 152.

Гардеробы парижан практически всех классов и положений значительно выросли в стоимости, размерах и разнообразии [в течение XVIII в.]. Служанки и работницы торговых лавок носят более чистые и светлые блузки, манжеты и чулки, а новый, недорогой, легкий ситец преобразил серо-коричневые гардеробы населения разноцветными брызгами⁵⁶.

Подразумеваемые здесь факты выражены в прямой форме в количественных исследованиях Даниэля Роша, продемонстрировавшего, что стоимость гардеробов парижских завещателей выросла в период между 1700 и 1789 гг. как в абсолютном, так и в относительном выражении. В беднейших домохозяйствах со стоимостью имущества ниже 500 ливров стоимость предметов гардероба выросла с 7,5% до 16,0% от общей стоимости имущества. В целом же относительная стоимость предметов гардероба увеличилась в два раза, отражая в себе процесс приобретения товаров, ведомый женским гардеробом⁵⁷. Французская провинция следовала данным тенденциям с отставанием, причем сельская местность шла здесь позади провинциальных городов, бедняки — позади состоятельных граждан, а мужчины — позади женщин. При этом Рош предлагает следующие оценки по городской Франции в целом: «В период между концом XVII в. и [концом] XVIII наблюдался рост расходов... по всем видам потребления, относящимся к предметам гардероба: повышение на 233% номинальных расходов для дворян и помещиков и 215% — для работников наемного труда. Рост трат на данную категорию потребления превышает расходы по любым другим категориям товаров повседневного спроса»⁵⁸.

Динамика распространения модной одежды отличалась от динамики, свойственной товарам длительного пользования, а ведь предметы домашней обстановки и мебели тоже требовали обновления и аксессуаров. Взаимодополняемость материальных товаров привела

56. Jones. «Coquettes and Grisettes», p. 30.

57. Roche. *Histoire des choses banales*, p. 230.

58. Ibid., p. 232; Roche, "Between a 'Moral Economy' and a 'Consumer Economy'", p. 222.

к сильно разнородной реакции со стороны потребителя. Уже наличествовавшие в их домах предметы препятствовали распространению нововведений. Что же до новых предметов гардероба, то для них требовалось лишь наличие тела, и в условиях отсутствия социального или политического регулирования изменений в моде данные предметы были обречены на стремительное распространение среди разных слоев населения⁵⁹. На скорость изменений в моде повлияла новая свобода действий, обеспечиваемая распространенностью аксессуаров к одежде и декоративной галантереи, дополнявших собой стандартные конструкции мужской и женской одежды. «Играя и варьируясь, данные элементы — рубашки, носовые платки, чулки, а для женщин еще и передники, чепцы и юбки — многое изменили и добавили новизны даже старым предметам гардероба»⁶⁰.

Стратегическое положение предметов гардероба в потребительском спросе вполне может быть связано с их доступностью. Посредством недорогих, периодических приобретений люди скромного достатка были способны оставаться частью широкого общественного взаимодействия с миром моды и ощущать происходящие изменения. Бенуа Гарно удалось сформулировать эту мысль в своем описании потребительского поведения, характерного в XVIII в. для сонного, переживающего экономический упадок провинциального городка Шартр:

59. Cissie Fairchild. "Determinants of Consumption Patterns in 18th-Century France", in Anton Schuurman and Lorena Walsh, eds. *Material Culture. Consumption, Life-Style, Standard of Living, 1500–1900* (Milan: Eleventh International Economic History Congress, 1994): 55–70. «Лишь наличие тела» — словосочетание, которое покажется чрезмерным упрощением для многих читателей, знающих, что одежда, особенно женская, зачастую является объектом регулирования и — даже в отсутствие такового — предметом пристального внимания окружающих. В данном случае речь идет о том, что во временных и территориальных рамках революции трудолюбия социальное пространство, доступное для новаторства в одежде, было шире, чем где-либо еще и когда-либо прежде.

60. Lemire. "Second-hand beaux", p. 394.

В Шартре XVIII столетия повседневная жизнь подвергается многочисленным изменениям. Происходит зарождение мира потребления. В собственности жителей города оказывается все большее число товаров. В том, что касается количества, снижения срока службы [недолговечности], цветовой гаммы и разнообразия товаров, то данные изменения затрагивают прежде всего les objets légers [легкие/сиюминутные предметы] и в гораздо меньшей степени — les infrastructures lourdes [тяжелую/долговечную инфраструктуру]⁶¹.

Еще один переживающий упадок, хотя и гораздо более крупный город, Антверпен, предлагает другую картину проявлений данного феномена. В XVII столетии Антверпен утратил свое положение международного коммерческого центра и пережил отток населения, однако оставшиеся жители оказались способны изыскивать средства на приобретение модных товаров. Магазинов модной женской одежды или «boutiques à la mode» в 1660 г. не существовало, однако к 1700 г. число этих «проводников моды» в городе составило уже 61 торговое заведение. По мере роста количества подобных магазинов, а также заведений, торгующих другими видами одежды, число продавцов поношенной одежды и прочих товаров, известных как «oudekleeerkopers», быстро снижалось, как быстро снижалось и их экономическое значение⁶². В спектре потребительских расходов предметы гардероба занимали новую, более важную позицию.

История развивается с переменной скоростью — эта азбучная истина отлично иллюстрируется потребительским поведением. Более того, при активировании потребительских устремлений отсутствие финансовых средств, блокирующее доступ к «более тяжелым» объектам желания, направляет потребительский интерес к «более легким» объектам.

61. Garnot. *Un Déclin*, p. 226.

62. Harald Deceulaer. "Urban Artisans and Their Countryside Customers. Different Interactions Between Town and Hinterland in Antwerp, Brussels and Ghent (18th Century)", in Bruno Blondé, E. Verhaute, and M. Galand, eds. *Labour and Labour Markets Between Town and Countryside (Middle Ages–19th Century)* (Turnhout: Brepols, 2001): 218–235.

С ростом расходов на одежду и расширением ее ассортимента связана одна из коренных тенденций в среде населения с небольшим достатком, а именно переход к покупке готовой одежды, а не тканей. В Англии второй половины XVII в. «готовое платье становится отличительной и все более важной составляющей местного рынка одежды»⁶³. Одновременно с этим вполне обыденными вещами становятся готовые аксессуары, такие как вязаные чулки: данные товары продаются в городах во множестве торговых лавок, в отдаленных же уголках сельской местности их распространением занимаются коммивояжеры⁶⁴. Как следствие, когда в 1695 г. Грегори Кинг приходит к предположению о том, что расходы на ткани и одежду составляют четверть общих расходов домохозяйств, эта цифра, должно быть, уже включает существенный прирост стоимости за счет расходов на кройку, изготовление и продажу платья.

Значительная часть данной теневой отрасли зарождается на базе того, что еще до недавних пор представляло собой нерыночную производственную деятельность внутри домохозяйств. (Выделение труда домохозяйств на цели этой двойной трансформации рассматривалось в главе 3.) Одновременный сдвиг в сторону приобретения простолюдинами готовой одежды (особенно верхней) и более активного участия женщин в производстве предметов гардероба и торговле ими полностью согласуется с феноменом «трудолюбивого домохозяйства». Возможный стимул к одновременному развертыванию данных процессов кроется во вновь обретенном желании осуществлять личный потребительский выбор в такой новой сфере, как мода. Мы подходим к заключительной особенности потребительского спроса на предметы гардероба в «долгом» XVIII в. — его все большему разделению по половому признаку.

Когда Грегори Кинг в 1695 г. решал задачу определения ежегодных расходов по 90 категориям предметов

63. Lemire. *Dress, Culture and Commerce*, p. 54; Spufford. "The Cost of Apparel", p. 701.

64. Thirsk. *English Policy and Projects*, pp. 6, 8; Margaret Spufford. *The Great Reclotting of Rural England. Petty Chapmen and Their Wares in the Seventeenth Century* (London: Hambleton Press, 1984).

гардероба, в его оценках отсутствовала ярко выраженная склонность к расходам на одежду в зависимости от половой принадлежности потребителя. В представленных им раскладках лишь половина предметов гардероба может быть с уверенностью отнесена к женскому или мужскому платью, причем расходы на них были примерно одинаковыми. Из оставшейся половины товаров несколько основных категорий, такие как шляпы, ботинки, рубашки и чулки, могут быть отнесены главным образом к расходам на мужские предметы гардероба (так, Кинг полагал, что на мужскую обувь — как взрослую, так и детскую — приходится 68% общей стоимости используемой в обувном производстве кожи), однако в целом создается впечатление о равнозначности расходов на мужской и женский гардеробы. В оценках расходов своего собственного домохозяйства Кинг предположил, что ежегодные расходы на его гардероб и гардероб его супруги были равны и что расходы на его служанку равнялись расходам на его лакея⁶⁵.

Крайне сомнительно, чтобы подобные расчеты столетие спустя привели бы к тем же предположениям. Предпринятое Даниэлем Рошем исследование французского платья и моды на основе имущественных описей завещателей эпохи королевского правления начинается с того же периода, который рассматривался и Грегори Кингом, — 1685–1715 гг. Рош отмечает, что в среде работников наемного труда стоимость женского гардероба составляла 88% от мужского, среди же ремесленников и торговцев «изящность женского платья была более выраженной по сравнению с мужским», и что в среде буржуазии и дворянства стоимость женского гардероба превышала стоимость мужского в два раза. В целом же Рош приходит к выводу, что «половой диморфизм платья еще не отличается фундаментальностью», хотя он уже может видеть начало «общих изменений... и что именно женщины определяют их во всех категориях»⁶⁶.

65. Harte. "Economics of Clothing", p. 277–296.

66. Daniel Roche. *The Culture of Clothing. Dress and Fashion in the Ancien Régime Paris* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994): 504.

Рассмотренные им данные по имущественным опиям показывают, что к 1780-м гг. в домохозяйствах работников наемного труда стоимость женского гардероба превышала стоимость мужского в 2,56 раза, в то время как в семьях ремесленников и служащих торговых заведений жены тратили на одежду в два раза больше своих мужей. «Накануне [Великой французской] революции изменения ускорились... Во всех общественных категориях именно женщины были основными проводниками новых товаров и новых ценностей коммерческой моды и обильного потребления»⁶⁷. Я не в состоянии привести количественные свидетельства того, что в Британии расходы на мужское и женское платье следовали той же тенденции, однако оснований полагать, что могло быть иначе, нет. Во всяком случае, это соответствует свидетельствам финансовой отчетности, которую вели с 1720-х по 1760-е гг. Ричард и Нэнси Лейсамы, фермерская семья из Скарисбрика, графство Ланкашир. Их финансовая отчетность указывает на резкий рост расходов на предметы гардероба по мере подрастания детей Лейсамов, особенно дочерей, работавших прядильщицами за пределами домохозяйства. Вот что по этому поводу пишет Джон Стайлз:

Эти новые расходы производились самими незамужними дочерьми, покупавшими предметы роскоши — в понимании, более близком современникам XVIII в.: в дополнение к практичной, повседневной одежде ими приобретались стильные аксессуары и предметы гардероба. При этом необходимо подчеркнуть, что рост семейных расходов, требующихся для приобретения всех этих новых предметов роскоши, был скромным — речь шла о дополнительных 1 шиллинге и 8 пенсах в неделю, что было значительно ниже предполагаемого еженедельного заработка даже одной, имеющей постоянную занятость прядильщицы хлопка той эпохи. Достаточно скромные изменения в уровне семейного дохода могли привести к радикальным преобразованиям в материальной культуре⁶⁸.

Дополнительными свидетельствами в пользу рассматриваемой тенденции являются, например, и расходы

67. Ibidem.

68. John Styles. "Custom or Consumption?", p. 109–110.

женской прислуги Роберта Хитона, йоркширского фермера, жившего во второй половине XVIII в. Он вел учет не только жалованья, выплачиваемого прислуге, но и их расходов. Стайлз пишет об этом следующим образом:

Вся женская прислуга Хитона, за исключением одной служанки, тратила весьма существенную часть своего заработка на покупку одежды. И это еще не всё: большинство женской прислуги тратили больше, чем зарабатывали, за счет того, что брали у Хитона займы⁶⁹.

Данные зарисовки согласуются с ключевым утверждением Нила Маккендрика в предложенном им толковании «потребительской революции» XVIII в. За рассматриваемой тенденцией стоят новые денежные доходы женщин и детей. Касательно женщин отмечается следующее: «Когда заработки женщин начали увеличиваться, первые коммерческие результаты их дохода следовало ожидать в отраслях, занимающихся производством одежды и потребительских товаров для дома»⁷⁰.

Самое любопытное в свойственной XVIII в. тенденции повышения относительных расходов на женский гардероб заключается в том, что это не было необратимым изменением. Развитие в XIX в. новой экономики домохозяйства обращает данную тенденцию вспять, во всяком случае, для социальных слоев, не входящих в элиту общества. Результаты проведенного в 1899 г. опроса среди представителей рабочего класса Йорка указывают на то, что расходы на предметы женского гардероба лишь на 4% превышали расходы на мужской. Согласно более подробному опросу 1937–1938 гг., в среде целого ряда рабочих профессий расходы на мужскую одежду превышали расходы на женскую⁷¹. Новый

69. John Styles. Op. cit., p. 110.

70. Neil McKendrick. "Home Demand and Economic Growth. A New View of the Role of Women and Children in the Industrial Revolution", in Neil McKendrick, ed. *Historical Perspectives. Studies in English Thought and Society in Honour of J. H. Plumb* (London: Europa Publications, 1974): 199–200.

71. Расходы на предметы женского гардероба составляли лишь 61% в среде сельскохозяйственных работников и 87% в среде промышленных рабочих. Richard Wall. "Some Implication of the

рост соотношения расходов на женскую и мужскую одежду в пользу первой произойдет только с новой революцией трудолюбия второй половины XX в. (более подробно данные тенденции освещаются в главе 5).

Состав, стили, себестоимость

В начале XVII в. члены любого общественного слоя жили в том материальном мире, который они наследовали, в окружении потребительских товаров, срок службы которых значительно превышал продолжительность их собственных жизней⁷². Перепродажа предметов длительного пользования поддерживала торговлю поддержанными товарами, в том числе одеждой. Упадок данного направления торговли происходил постепенно⁷³, однако он несомненным образом отразился на имущественных описях, где отмечается снижение стоимостной оценки имущества завещателей. В «долгом» XVIII в. обесценивание вещей ускоряется вследствие того, что они теперь быстрее изнашиваются и выходят из моды. Разумеется, еще одним фактором, влиявшим на стоимостную оценку имущества завещателей, стало снижение первоначальной цены на товары. И Марк Овертон, и Кэрол Шаммас отмечают происходившее на протяжении долгого периода и предшествующее технологическим нововведениям

Earnings, Income and Expenditure Patterns of Married Women in Populations in the Past", in Richard Wall, ed. *Poor Women and Children in the European Past* (London: Routledge, 1994): 312–335.

72. Hester Dibbits. "Between Society and Family Values. The Linen Cupboard in Early-Modern Households", in Anton Schuurman and Pieter Spierenburg, eds. *Private Domain, Public Inquiry. Families and Life-Styles in the Netherlands and Europe, 1550 to the Present* (Hilversum: Verloren, 1996): 125–145.

73. Стана Ненадич отмечает, что после 1800 г. в Шотландии происходит падение объемов торговли поддержанными товарами всех категорий, а исследование Харальда Деселара указывает на снижение значимости торговцев поддержанной одеждой (oudkleerkopers) в XVIII в. в примыкающих к Брюсселю, Антверпену и Генту областях. Nenadic. "Middle-Rank Consumers and Domestic Culture", p. 134; Harald Deceulaer. "Consumptie en distributie van kleding tussen stad en platteland", *Tijdschrift voor sociale geschiedenis* 28 (2002): 439–468.

промышленной революции снижение цен на потребительские товары длительного пользования⁷⁴. Сыграло в этом свою роль и снижение стоимости сырья, поскольку на смену дорогостоящим видам древесины, волокон и металлов пришли более дешевые и менее прочные. Так, Джон Стайлз полагает, что возможной причиной существенного падения цен на деревянную мебель в период между 1660-ми гг. и, по крайней мере, 1720-ми гг. было широкое использование мягких пород дерева, ввозимых из-за рубежа⁷⁵.

Сопутствовало ли этому процессу и масштабное падение качества товаров? Это точно следует признать в отношении товаров, которым Сисси Фэрчайлд дала определение «поп-люксовых» — дешевых копий изделий роскоши, предназначенных для аристократии, таких как веера, зонты, табакерки для нюхательного табака и чулки. Ее исследование завещаний представителей нижнего сегмента граждан среднего достатка и малоимущих в 1725–1785 гг. позволило выявить лишь незначительное повышение стоимостной оценки имущества парижан в период, для которого была характерна довольно высокая инфляция: в среднем с 1286 до 1565 ливров. «При этом, — продолжает Фэрчайлд, — вследствие того что цены на многие полюбившиеся потребителям товары упали, имущественные описи более позднего периода указывают на наличие в домохозяйствах большего числа более разнообразных, чем когда-либо ранее товаров»⁷⁶.

74. Carole Shammas. "The Decline of Textile Prices in England and British America Prior to Industrialization", *Economic History Review* 47 (1994): 483–507; Mark Overton. "Prices from Probate Inventories", in Tom Arkell, Nester Evans, and Nigel Goose, eds. *When Death Do Us Part. Understanding and Interpreting the Probate Records of Early Modern England* (Oxford: Leopard's Head Press, 2000): 140. Используемый Овертоном индекс цен на потребительские товары указывает на 25%-ное падение цен в периоды с 1650 по 1674 г. и с 1725 по 1749 г. В то же время происходит повышение стоимости средств производства на 18%.

75. John Styles. "Manufacturing, Consumption and Design in Eighteenth-Century England", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, p. 538.

76. Fairchild. "The Production and Marketing of Populuxe Goods", p. 229.

Однако было бы ошибочным ставить знак равенства между «недолговечностью» и низким качеством. Переход от питьевых сосудов из сплавов олова к стеклянным, от деревянной столовой посуды к глиняной или от обуви из толстой кожи к ботинкам из тонкой кожи или тканой материи зачастую способствовал повышению функциональности изделия, даже если срок его службы и уменьшался⁷⁷. Кроме того, новые материалы облегчили внедрение в изделия стилистических элементов, отвечающих разным вкусам и направлениям моды. Это привело к сокращению жизненного цикла моды для широкого круга товаров среднесрочного пользования. Обесценивание товаров было ускорено как вследствие их физических, так и стилистических свойств, что делало их владельцев в большей степени потребителями и в меньшей — наследниками.

К этому можно добавить, что приобретение товаров превратилось в большей степени в акт потребления и в меньшей — в акт «инвестирования». Товары длительного пользования, которые можно было с определенной выгодой перепродать или сдать в утиль, частично потреблялись (то есть ими обеспечивалось применение технологий потребления, ведущих в итоге к производству предметов потребления «Z»), а частично хранились в качестве семейного резерва ценных вещей. Важная роль, которую играли на ранних этапах нового времени ломбарды и торговцы подержанными товарами, указывает на зачастую стратегический характер потребительских товаров, используемых в качестве имущественных активов. Необходимость защиты ценности подобных активов приводила к тому, что их владельцы могли быть настроены враждебно по отношению к новым веяниям моды, снижавшим ожидаемую перепродажную стоимость их имущества. Сегодня после жизни, полной безудержного потребления и безумных трат,

77. В частной переписке профессор Брюно Блонде указывает на следующий факт: найденная при археологических раскопках в Антверпене обувь, относящаяся к XVI в., почти всегда отмечена свидетельствами того, что она ремонтировалась, обувь же, относящаяся к XVIII в. — никогда.

многие люди умирают, оставляя после себя имущество, имеющее крайне низкую перепродажную ценность. Настоящую ценность имеют их финансовые активы и недвижимое имущество, но не личные вещи. Потребительское поведение, которое мы увязываем с революцией трудолюбия, требовало от людей способности отличать потребительские функции товаров от ценностных функций; требовалось наличие беспрепятственного доступа к финансовому рынку и прочим рынкам активов⁷⁸.

Это подводит нас к самой сути явления, которое касается не только чашек и блюдец, а определяет новую материальную культуру. За сто лет после 1650 г. центр потребительских приоритетов сместился от материалов, из которых были изготовлены изделия, к их отделке⁷⁹. То есть привлекательность предмета была заключена уже не столько в его фактической ценности — ценности материала в качестве вторсырья, — сколько в его внешнем виде, который был ему придан в процессе производства. Благодаря изобретательности в имитировании различных свойств ремесленники научились придавать новым материалам свойства, позволявшие им, как отмечает Максин Берг, производить товары

из хлопка вместо товаров из шелка, глины, а не фарфора, песчаника и граненого стекла, металлических сплавов и отдельных материалов, таких как позолоченный и посеребренный металл, штампованная медь, лакированная жесть и папье-маше, позолотная бронза и сталь вместо золота и серебра, лаковое покрытие и шпон вместо экзотических пород дерева⁸⁰.

Само собой, развитие навыков обработки и отделки дорогостоящих материалов привело — посредством по-

78. Данное различие служит аргументом в пользу мнения Хелен Клиффорд. См. Helen Clifford. "A Commerce with Things. The Value of Precious Metalwork in Early Modern England", in Berg and Clifford, eds. *Consumers and Luxury*, pp. 147–168. Указанный подход к потребительскому поведению будет более подробно рассмотрен в диссертации Харма Нийбуера, Кронингенский университет.

79. Clifford. "A Commerce with Things", p. 148.

80. Berg. *Luxury and Pleasure*, p. 24.

стоянного совершенствования существующих стилей — к изготовлению шедевров, которые и по сей день являются собой высочайшие стандарты производства изделий из керамики, мебели и любых предметов искусства. Однако развитие данных навыков пошло и в другую сторону — к созданию привлекательных изделий «полуроскоши», которые были «бесконечно разнообразны, индивидуальны, выполнены под требования определенного потребителя, модны и доступны»⁸¹.

То, что начиналось с развития в Голландии XVII в. предметов домашней обстановки, объединивших общество посредством обычных изделий, предназначенных для разных общественных слоев и производимых с разным уровнем качества и стоимости (см. главу 2), в XVIII в. приобрело новое свойство в связи с появлением, в особенности в Британии, всевозможных предметов «полуроскоши», предлагаемых в разнообразном качестве и ценовых границах, а также постоянно изменяющемся модельном и стилевом исполнении.

Малаки Постлсвейт, автор работ по вопросам торговли, проявил удивительно точное понимание маркетинговых тонкостей, предложив следующие замечания в своем труде от 1757 г. «Разъяснение и улучшение британских торговых выгод» («Britain's Commercial Interest Explained and Improved»):

1. «Как правило, покупатели делают свой выбор прежде всего с учетом внешнего вида товара и его дешевизны.
2. Приобретение изысканной, долговечной, прекрасно изготовленной вещи является, если можно так выразиться, экономическим актом со стороны состоятельного человека: как следствие, лишь немногие... в состоянии делать подобные приобретения. Очевидно, что интересы общества заключаются в продаже максимальному числу покупателей по выгодной цене.
3. Покупателей привлекает прежде всего невысокая цена. Супруга механика не станет покупать камчатную ткань по цене пятнадцать шиллингов за ярд, но

81. Ibid., p. 113.

купит камчу ценой в шиллинг и восемь-девять пенсов: качество шелка ее интересует не слишком, однако она будет рада выдать себя за человека более высокого ранга или достатка»⁸².

Постлсвейт не просто высказывался в пользу производства дешевых версий аристократических предметов роскоши. Несмотря на наличие живого интереса к изделиям «полуроскоши», он прежде всего хотел привлечь внимание к стратегиям, необходимым для удовлетворения потребительского спроса, который не мог быть удовлетворен в ценовых рамках традиционной торговли предметами роскоши. Новые материалы и технологии, приведшие к появлению товаров, отличающихся большей «недолговечностью», также способствовали разнообразию товаров, расширению спектра качества исполнения и использованию новых элементов отделки. Это, в свою очередь, привело к ускоренным циклам смены моды, которой оказались подвержены многие товары. Максин Берг предлагает убедительное определение нового, столь характерного для Британии мира потребительских товаров, который характеризуется такими словами, как «удобство», «искусность», «новизна», «вкус» и «стиль»⁸³.

Имущественные описи являют собой далеко не идеальный источник информации в деле исследования потребительского спроса. Они описывают *общее* имущество

82. Malachy Postlethwayt. *Britain's Commercial Interest Explained and Improved*, 2 vols. ([1757] New York: Augustus M. Kelly, 1968), II, p. 402–403.

83. Berg. *Luxury and Pleasure*, p. 86. Подобную модель предложения предметов «роскоши» в разном ценовом и качественном исполнении, предназначенных для продажи самым широким слоям населения, можно сравнить с французской «империей моды» XVIII в., в основе которой, согласно Майклу Соненшеру, лежала быстрая смена циклов моды, когда дорогостоящие престижные товары по мере потери ими своей актуальности могли продаваться по сниженным ценам, замещаясь на рынке элитных изделий более модными. Michael Sonenscher. "Fashion's Empire. Trade and Power in Early 18th Century France", in Robert Fox and Anthony Turner, eds. *Luxury Trades and Consumerism in Ancien Régime Paris. Studies in the History of the Skilled Workforce* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 1998): 231–254.

в определенный и не самый представительный с точки зрения потребительского спроса момент времени, то есть не совсем то, что интересует нас больше всего: процесс приобретений, который и составляет потребительский спрос⁸⁴. Имущественные описи завещателей эпохи «долгого» XVIII в. указывают на наличие потребительских товаров длительного пользования с постепенно возрастающей или вовсе не возрастающей ценностью. При этом сочетание ускоренного обесценивания (снижение перепродажной стоимости) и ускоренного износа (более частые замены) требует использования применительно к данным активам более широких мультипликаторов, позволяющих нам преобразовывать их в показатели, отражающие в себе процесс потребительского спроса. Более того, ценность имущества, в которое входили многие «устаревшие» товары длительного пользования, включала так называемый «компонент достатка» (металлические и прочие пригодные для повторного использования элементы), который впоследствии мог быть преобразован в финансовые активы. Так, вывод Овертона о том, что медианная ценность материальных товаров, перечисляемых в английских имущественных описях, удвоилась (возросла на 202%) в период между 1640-ми и 1740-ми гг. (после чего практика составления имущественных описей завещателей почти прекращается), подразумевает значительное увеличение количества и разнообразия перечисляемых в данных описях товаров⁸⁵. Средние цены на потребительские товары в течение

84. Для ознакомления с данной проблематикой см. Peter Lindert. "Probates, Prices and Preindustrial Living Standards", in M. Baulant, A. J. Schuurman, and P. Servais, eds. *Inventaires après-décès et ventes de meubles* (Louvain-la-Neuve, 1988): 171–180.

85. Mark Overton. "Household Wealth, Indebtedness, and Economic Growth in Early Modern England", *Economic History Review* (в печати). Оценки Овертона основываются на изучении более чем 18 тыс. имущественных описей завещателей в 5 английских графствах в 1550–1750 гг. Медианная ценность представленно-го в описях имущества в период до 1650 г. повышалась незначительно, притом что указанный период был временем быстро растущих цен на потребительские товары. Выбор в пользу медианной, а не средней ценности обусловлен крайне асимметричной природой ценного имущества. Медианное значение

указанного столетия снизились на 25%. Если срок службы (средняя полезная жизнь) приобретаемых товаров упал на 33% (лишь приблизительная оценка), то удваивание медианной ценности должно соответствовать четырехкратному росту ценности приобретаемых на душу населения товаров ($2,02 \cdot 1/0,75 \cdot 1/0,67 = 4,03$).

Изменчивый мир товаров, предстающий перед нами благодаря имущественным описям завещателей, можно связать (хотя и без шанса количественно измерить эту связь) с увеличивающимися объемами приобретений: рост спроса относительно имеющихся в собственности предметов. Повлияли ли изменения в качестве товаров долговременного и среднесрочного пользования на культурную и символическую составляющие материального имущества? Логичным было бы предположить, что укороченность жизненного цикла моды для предметов гардероба и домашней обстановки должна была бы предложить городской элите новые способы использования товаров в качестве показателей превосходства их вкусов, постоянно укрепляя барьеры социальной иерархии⁸⁶. Это то, что можно было предсказать на основе авторитетной концепции Пьера Бурдьё, известной как «габитус». Согласно Бурдьё, для современных рабочих классов культурное наследие индивидуумов (схожее с «потребительским капиталом» Гэри Беккера) — лишь немногим большее, чем опыт их материального положения. А вот рассмотрение более высоких социальных классов предоставляет концепции габитуса гораздо больше простора. Бурдьё полагает, что они не ограничены своим материальным положением и способны развивать свои личные вкусы в качестве самоформирующихся индивидуумов. Так, в их распоряжении культурные ресурсы, позволяющие им

(при котором домохозяйства разделены на две половины в зависимости от ценности имущества) являет собой более точное представление широкой базы домохозяйств, чем средний показатель, который оказывается чрезмерно завышен за счет небольшого числа самых зажиточных домохозяйств.

86. Данное мнение разделяет, например, Робер Мюшамбле. См. Muchembled. *Société et mentalités dans la France moderne*.

всегда выходить победителями в игре под названием «мода»⁸⁷.

Однако та же новая материальная культура предоставила средним, а зачастую и более низким слоям общества ряд возможностей по заимствованию отдельных элементов элитного потребления для собственных целей. Вследствие того, что мир товаров стал таким огромным и разнообразным, заимствованию не было необходимости проявляться в виде подражания. Вместо этого произошло образование множества «групп по вкусам», определяемых кластерами товаров и стилей, которые отменили однообразную привязку уровня дохода к приобретению строго определенных товаров.

Ключом к новому миру товаров стал выбор. В своем исследовании Делфта XVIII в. Тера Вийсенбеек выделяет «группы по вкусам» и дает им определение. Он разделяет в них как новаторские, так и традиционные «импульсы», однако влияние данных сил не было самым непосредственным образом связано с уровнем дохода или профессиональной занятостью. Вийсенбеек отмечает:

Поскольку официальных ограничений (в виде указов о предметах гардероба) в отношении потребительского поведения не существовало и лишь немногие проповедники пытались — хотя это был голос в пустыне — пропагандировать суровый кальвинистский образ жизни, все граждане имели свободу выбирать в соответствии со своими финансовыми возможностями свои собственные показатели статуса и предметы роскоши⁸⁸.

Ее указание на характерные черты голландского общества дает основания предположить, что свобода выбора в потреблении представляла собой «типично голландский» феномен. Однако исследование Франции XVIII в. привело Сисси Фэрчайлд к схожим выводам относительно вновь обретенной значимости выбора.

87. Для ознакомления с критикой концепции Бурдье см.: Frank Trentmann. "Beyond Consumerism. New Historical Perspectives on Consumption", *Journal of Contemporary History* 39 (2004): 374–375; Colin Campbell. "Consumption. The New Wave of Research", p. 63–64.

88. Wijnenbeek. "A Matter of Taste. Lifestyle in Holland in the 17th and 18th Centuries", in Schuurman and Walsch, eds. *Material Culture*, p. 43.

«То, что люди покупали, более не диктовалось их принадлежностью к определенному социальному классу; вместо этого они тратили доступные им средства на товары, выражавшие их социальные устремления»⁸⁹. «Недолговечность» позволила гражданам с достатком отделить потребление от инвестирования и таким образом позволила следовать моде с удвоенной силой, а менее состоятельным гражданам это новое свойство предоставило возможность следовать своим собственным потребительским устремлениям.

Предметы роскоши для бедняков?

«Роскошь» перестала быть тем, чем была раньше. Она переживала модернизацию под влиянием поведения широкого класса потребителей. Дать ответ на вопрос, насколько широким был этот класс, имущественные описи не в состоянии по уже указанным причинам. Однако отсутствие фактов не удерживает историков от предположений о том, что класс этот был не слишком широк. В своем исследовании имущественных описей завещателей из числа граждан среднего достатка Уэзерилл приходит к выводу, что «доступ к рынку домохозяйственных товаров» оказался закрыт еще до того, как определенный индивидуум опускался в социальной иерархии до положения земледельца или батрака⁹⁰. Более того, Уэзерилл утверждает, что, если Британия XVIII в. и была потребительской экономикой, она «не была массовой потребительской экономикой... Она имела свои границы, и доступ к ним был где-то на уровне между ремесленником и мелким фермером»⁹¹.

На взгляд Уэзерилл, стакан был наполовину пуст. На взгляд Кари Карсона, в центре исследования которого

89. Fairchild. "Determinants of Consumption Patterns", p. 60.

90. Weatherill. "The Meaning of Consumer Behavior", p. 211.

91. Weatherill. *Consumer Behavior*, p. 193. Мнение Роберта Малкольмсона еще более категорично: «Ширящаяся культура потребления... была, разумеется, доступна далеко не всем: более того — она была почти полностью недоступна подавляющему большинству населения страны». Robert W. Malcolmson. *Life and Labour in England, 1700–1780* (New York: St. Martin's Press, 1981): 149.

оказались домашняя архитектура и внутреннее убранство жилищ жителей Северной Америки, стакан оказался наполовину полон. Он полагает, что в «долгом» XVIII в. в материальной жизни общества произошла революция, которой оказались охвачены представители почти всех социальных слоев. В качестве одного из аргументов в пользу своего мнения он приводит слова Джона Фэннинга Уотсона, антиквара из Филадельфии, который, оглядываясь назад из 1820-х гг., указывает на то, что новые веяния во внутреннем убранстве жилых домов, проявившиеся после 1750 г., проводили различия не между бедными и богатыми, а между приверженцами старой и новой моды. «Новая мода» представляла собой материальную культуру, способствующую социальному общению и повышению домашнего уюта. Само собой, ей был свойствен налет элитарности, хотя люди с более скромным достатком полностью исключены из нее не были:

Масштабы сильно сократились, великолепие поблекло, линии упростились, материалы подешевели. И все-таки одна идея осталась неизменной — практически любой человек мог позволить себе принимать гостей у себя дома. Для этого требовалось лишь точно соблюдать предписанные правила и соответствующим образом использовать несколько стандартных предметов обстановки. Предметы эти могли быть приобретены по невысокой цене, а манеры — из спектаклей, книг и периодики⁹².

Для простых трудящихся имущественные описи обычно не составлялись, однако были и исключения — это происходило по требованию, например, английских церковных приходов, или некоторых организаций, особенно приютов для сирот, при поступлении к ним новых воспитанников из числа оставшихся сиротами детей, или же в случаях, когда приюты выступали в качестве наследников своих бывших воспитанников. Исследование Питера Кинга посвящено небольшому числу имущественных описей английских бедняков, которые приоткрывают любопытные факты из материального мира земледельцев

92. Cary Carson. "The Consumer Revolution in Colonial British America. Why Demand?" in Cary Carson, Ronald Hoffman, and Peter J. Albert, eds. *Of Consuming Interests. The Style of Life in the Eighteenth Century* (Charlottesville: University Press of Virginia, 1994): 642.

и батраков. Такие данные опровергают мнение о том, что люди низкого положения оказались вне рамок нового потребительского общества. В конце XVII в. немногие из них владели часами, книгами, подсвечниками, лампами, каминами, каминными решетками и прочими предметами, которые в то время были скорее показателями принадлежности к классу среднего достатка графства Эссекс, изучением которого и занимался Кинг. При этом спустя столетие материальный мир бедняков претерпевает изменения: малоимущие слои конца XVIII в. в материальном плане оказываются в лучшем положении, чем зажиточные земледельцы конца предыдущего столетия:

Перечень домохозяйственных товаров, которые трудящийся люд в состоянии приобрести, в XVIII в. довольно быстро расширяется... К концу столетия уровень материального достатка малоимущих в том, что касается владения некоторыми предметами домашнего обихода — такими, как керамические изделия, чайные приборы, воздуходувные мехи и кочерги, — превышает уровень, свойственный ранее гражданам «среднего достатка»⁹³.

Этот более широкий взгляд на пределы расходов потребителя из социальных низов подтверждается исследованием Пола Гленни, который отмечает, что меняющиеся потребительские ожидания сельскохозяйственных батраков привели к середине XVIII в. к изменениям в ассортименте пищи, которой фермеры кормили своих работников. Данная натуральная оплата включала в себя «традиционные составляющие, такие как баранина, морковь и пиво... [однако] больше половины подобной оплаты приходились на чай, сахар, кофе, шоколад, саго, галеты и ром»⁹⁴.

Имущественные описи колониального Мэриленда, изученные Лоизой Грин Карр и Лореной Уолш, являют собой прекрасный пример происходившего в XVIII в. распространения новой роскоши от зажиточных граж-

93. King. "Pauper Inventories and the Material Lives of the Poor", p. 178.

94. Glennie. "Consumption Within Historical Studies", in Miller, ed. *Acknowledging Consumption*, p. 174. Гленни описывает расходы на еду, подававшуюся в 1750-х гг. на ферме, принадлежавшей Вильяму и Томасу Коксам и расположенной рядом с городом Стансборо, графство Хартфордшир.

дан к малоимущим⁹⁵. В 1710–1722 гг. лишь самые зажиточные сельские домохозяйства в трех культивирующих табак графствах области Чисапик (стоимость имущества которых превышала 490 фунтов стерлингов) могли позволить себе чай и чайные приборы. При этом имущественные описи завещателей указывают на то, что лишь половина из них данными товарами владела. К 1768–1777 гг. чай и чайная посуда присутствуют уже почти во всех домах зажиточных фермеров: в 85–89% домохозяйств со стоимостью имущества выше 490 фунтов. Однако в тот же период чай и чайную посуду приобретали уже около половины домохозяйств среднего достатка (50–225 фунтов) и 25–32% беднейших домохозяйств (со стоимостью имущества ниже 50 фунтов). Среди городских жителей Чисапика (проживавших в городках Аннаполис и Уильямсберг) в 1710–1722 гг. наблюдается крайне неоднородное распределение чайных принадлежностей. Чай и чайные приборы встречаются повсеместно в зажиточных домохозяйствах (со стоимостью имущества в 490 фунтов и выше), представлены в ряде домохозяйств среднего достатка и вовсе не встречаются среди бедняков (со стоимостью имущества ниже 50 фунтов). К 1768–1777 гг. они встречаются уже почти во всех домохозяйствах, не относящихся к категории малообеспеченных, однако даже среди завещателей имущества ценностью ниже 50 фунтов две трети оставляли своим наследникам те или иные чайные принадлежности. В течение всего двух поколений чай в колониальной Америке превратился из привилегии городской элиты в предмет повседневной жизни всех общественных слоев как города, так и сельской местности⁹⁶.

95. Lois Green Carr and Lorena S. Walsh. "Changing Lifestyles and Consumer Behavior in the Colonial Chesapeake", in Carson, Hoffman, and Albert, eds. *Of Consuming Interests*, p. 80, 87, 90, 98, 101.

96. Распространение чая и чайных принадлежностей в сельских районах Чисапика можно сформулировать еще и следующим образом. Примерно 40% самых зажиточных завещателей (со стоимостью имущества выше 490 фунтов) владели данными товарами в 1710–1722 гг. К 1733–1744 гг. данные товары присутствуют уже в 36% описей имущества стоимостью от 226 до 490 фунтов стерлингов. Домохозяйства с имуществом стоимостью от 95 до 225 фунтов достигают этого уровня к 1745–

Схожий процесс распространения чая и чайных принадлежностей наблюдается и в имущественных описях Антверпена, для которого различия в состоятельности завещателей устанавливаются исследованием Брюно Блонде по числу комнат в их жилищах. Чай и чайные принадлежности в Антверпене 1680 г. не встречаются вообще, к 1730 г. присутствуют во всех домах зажиточных граждан и 58% беднейших домохозяйств (под которыми подразумеваются домохозяйства, проживающие в одной-единственной комнате), в 1780 г. встречаются повсеместно в домах всех классов. Приведенные Блонде данные указывают на то, что распространение кофе и кофейных принадлежностей от чая несколько отстает: в 1730 г. данные товары задокументированы примерно в 75% зажиточных домохозяйств (не менее 12 комнат), менее чем в половине домохозяйств среднего достатка (4–11 комнат) и весьма небольшом числе домохозяйств малоимущих граждан. К 1780 г. они встречаются повсеместно в домохозяйствах зажиточных граждан, в более чем 70% домохозяйств среднего достатка и 30–50% домохозяйств малоимущих граждан. При этом распространение шоколада происходило совсем по-другому: данный продукт был вхож в дома некоторых состоятельных горожан (не менее 12 комнат) еще в 1680 г., а к 1730 г. его потребляет уже, по крайней мере, половина домохозяйств, занимающих не менее 8 комнат. Однако до 1780 г. дальнейшего прогресса в распространении шоколада не происходит. Более того, если в 1730 г. шоколад был для бедняков нечастым приобретением, то в 1780 г. он встречается в среде малоимущих еще реже. Шоколад определил себя в качестве продукта, предназначенного для элиты и только элиты⁹⁷.

В своем еще продолжающемся исследовании социальных отношений в Амстердаме XVIII в. Энн Маккантс приводит данные по 914 описям имущества, со-

1754 гг., а малоимущие граждане, стоимость имущества которых составляет менее 95 фунтов стерлингов, — к 1768–1777 гг. Carr and Walsh. "Changing Lifestyles".

97. Bruno Blondé. "Toe-eigening en de taal der dingen. Vraag- en uitroepetekens bij een stimulerend cultuurhistorisch concept in het onderzoek naar de materiële cultuur", *Volkskunde* 104 (2003): 159–173.

ставленным после смерти владельцев в период 1740–1782 гг. по указанию городского приюта для сирот. Эти данные касаются имущества как бывших воспитанников приюта, так и жителей города, чья смерть привела к тому, что их дети оказались помещены в данное заведение⁹⁸. Не все домохозяйства, для которых были произведены описи, были бедными, однако большинство из них занимали имущественное положение ниже того порога, при котором, как правило, производится описание имущества завещателей. Эти данные позволяют проанализировать степень распространенности потребительских товаров в среде амстердамской бедноты. Маккантс предложила двойную классификацию товаров согласно процентной доле описей, в которых они упоминаются, и согласно общей медианной стоимости имущества, в описях которого данные товары были задокументированы. Так, самые элементарные предметы собственности — скажем, кровать или шкаф — были столь обычным явлением, что медианная имущественная стоимость домохозяйств, владеющих ими, оказалась крайне низкой. Данный метод также позволяет выявить товары, типичные для бедняков, т. к. они встречаются *только* в описях имущества крайне низкой стоимости. Присутствие некоторых категорий товаров наблюдается и в описях имущества зажиточных граждан, например, научные приборы, золотые украшения или утварь для приготовления шоколада. Данная классификация указывает на удивительный факт: делфтский фаянс, зеркала, картины, кофейные, чайные и табачные принадлежности были *не только* широко распространены (то есть находились во владении большинства домохозяйств), но и оказались задокументированы в имущественных описях бедняков (то есть многие домохозяйства малоимущих граждан также владели ими).

Джон Стайлз подводит итог исследования имущественных описей английских завещателей замечанием,

98. Anne McCants. "Poor Consumers as Global Consumers. The Diffusion of Tea and Coffee Drinking in the Eighteenth Century", *Economic History Review* (готовится к печати). См. также "The Not-so-Merry Widows of Amsterdam", *Journal of Family History* 30 (1999): 441–467.

что в среде домохозяйств со средним достатком наблюдается распространение целого ряда товаров домашнего обихода — напольных и настольных часов, керамических изделий, столовых, чайных и кофейных приборов, оконных штор⁹⁹. Все эти товары оказались широко представлены в описях имущества, выполненных для амстердамского приюта для сирот, большинство из которых были представителями социальных слоев с достатком *ниже* среднего: 82% домохозяйств владели оконными шторами¹⁰⁰, 78% — чайными и кофейными принадлежностями, 72% — делфтским фаянсом, 39% — печатными изданиями и 23% — часами. Каких-либо четко выраженных препятствий, которые помешали бы распространению этих новых форм потребительского спроса из социальных слоев со средним достатком в среду работников ручного труда, судя по всему, не существовало. Более того, авторами всех исследований имущественных описей, относящихся к «испытывающим кризис» городам и социальным классам, подчеркивается, что даже люди с не растущим или снижающимся доходом пересматривают свои потребительские приоритеты в пользу приобретения, по крайней мере, наиболее доступных из новых товаров, модных нововведений и новых предметов домашнего уюта¹⁰¹.

Среди политэкономистов XVIII в. было привычным отмечать, что новые потребительские желания заставляли людей отказывать себе и своим близким в элементарных предметах повседневного спроса. Сэр Джеймс Стюарт дает в 1767 г. следующее описание потребителя из социальных низов:

Желания, рождающиеся из предпочтений его разума, зачастую столь сильны, что он подчиняется им и более

99. John Styles. "Manufacturing", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, p. 537.

100. Любопытное исследование эволюции моды (цвета и ткани) на шторы в среде различных социальных классов в г. Делфт XVIII в. см.: Thera Wijzenbeek-Olthuis. "The Social History of the Curtain", in Baulant, Schuurman, and Servais, eds. *Inventaires après-décès et ventes de meubles* (Louvain-la-Neuve: Academia, 1988): 381–387.

101. Wijzenbeek. *Achter de gevels van Delft*; Garnot, *Un déclin*; Schelstraete et al. *Einde van de onveranderlijkheid*, p. 198–199.

неспособен удовлетворять свою животную экономику [элементарные потребности]¹⁰².

То же мнение вновь выражается и в современных исследованиях потребительского бюджета в развивающихся странах, являясь серьезным аргументом в пользу моего утверждения о том, что революция трудолюбия была феноменом с широкой социальной базой¹⁰³. Можно говорить о том, что товары длительного пользования, задокументированные в имущественных описях завещателей, становятся доминирующей силой в новых моделях потребления граждан со средним достатком, в то время как в среде малоимущих они неизбежно были представлены в меньшей степени, хотя и не отсутствовали полностью. Теперь мы переходим к товарам кратковременного пользования, в отношении которых в имущественных описях завещателей содержатся лишь косвенные свидетельства. Здесь потребитель из социальных низов зачастую играл центральную роль.

Потребительские товары и их распространение

Колониальные продовольственные товары. Поскольку имущественные описи завещателей содержат далеко не полную информацию по рассматриваемой проблематике, возникает желание исследовать потребительское поведение напрямую посредством измерения объемов и стоимости произведенных приобретений. Однако у нас мало оснований полагать, что мы могли бы точно оценить уровень продаж весьма разнообразных наборов домашней мебели и убранства, кухонных и столовых приборов и столь же разнообразных предметов гардероба. И здесь имущественные описи завещателей

102. Steuart. *Principles of Political Economy*, Ch. 21, p. 313–314.

103. В последние десятилетия, когда потребительские предметы длительного пользования, такие как бытовая техника, начали приобретаться малоимущими слоями населения, это негативным образом отразилось на их продовольственном рационе. Данный вопрос был подробнейшим образом исследован в бразильском городе Сан-Пауло в период 1960–1969 гг., см.: James. *Consumption and Development*, p. 29–30.

остаются нашей главной надеждой. При этом, однако, существует возможность измерить объемы продаж, по крайней мере, некоторых товаров кратковременного пользования, не представленных напрямую в имущественных описях, — тех из них, что были импортированы (когда за них были уплачены ввозные пошлины, но не когда они ввозились контрабандой), и с них взимался акцизный сбор. По счастливой случайности ввозимыми оказались самые важные категории потребительских товаров кратковременного пользования XVIII в.: сахар, чай, кофе, какао, хлопок-сырец и импортные изделия из хлопка, а также крепкие спиртные напитки.

Гибкий спрос европейского потребителя на тропические продовольственные товары из Азии и Нового Света — популярная тема исследований по истории раннего нового времени. На первый взгляд история кажется довольно простой: как только европейцы ознакомились с новыми продовольственными товарами, завезенными с Востока, они с энтузиазмом принялись их потреблять, а снижение цен на товары, производство которых могло быть существенно увеличено за счет развития плантаций в Северной и Латинской Америке, стимулировало спрос европейского потребителя в еще большей степени. Сладкие продукты и кофеиносодержащие напитки оказались крайне привлекательны и соблазнительны. Однако бесхитростность подобного подхода совершенно не принимает в расчет кластеры потребления, о которых шла речь в главе 1. Для обеспечения их широкого и постоянного потребления новые товары должны быть «узнаваемыми» потребителем и, как следствие, сочетаться с прочими элементами потребительской практики. Иными словами, широкое потребление новых товаров редко когда «самоочевидно»: у каждого из них есть своя история.

Сахар новым предметом потребления для европейцев не был. Уже долгое время сахар производился в Средиземноморском бассейне, а на атлантических островах с XV в. Мед, близкий заменитель сахара, был широко доступен всюду в Западной Европе, и его местное производство дополнялось медом, ввозимым из России и Восточной Европы. Ранний рост потребе-

ния сахара европейцами не имел характер взрывного и руководствовался относительными ценами. Ускоренный рост и расширение спроса на сахар после примерно 1650 г. были неизбежны. Городское население Китая познакомилось и с сахаром, и с чаем во времена Империи Сун (960–1279 гг.), однако китайцы не употребляли эти два продукта вместе, а рост их потребления в Китае не был столь же стремительным, что и на европейском континенте после 1650 г.¹⁰⁴ Европа в целом, ввозившая в этот период ежегодно около 20 млн кг сахара, к 1770 г. потребляла уже в десять раз больше, а в течение последующих 50 лет эта цифра выросла еще вдвое¹⁰⁵.

Европейцы не были знакомы с чаем вплоть до XVII в. Предполагается, что голландская Ост-Индская компания завезла в Европу первую партию китайского чая в 1610 г. Впервые руководство компании поручило своим торговым представителям закупить чай в 1637 г., однако на тот момент он оставался малозначимым товаром, закупаемым наряду со множеством медицинских и экзотических товаров. Здесь показателен следующий пример. В 1667 г. генерал-губернатор Джакарты был вынужден оправдываться за излишне крупную партию чая, которую он выслал в метрополию,

104. Sucheta Mazumdar. *Sugar and Society in China. Peasants, Technology and the World Market* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998): 29. Ограниченность домашнего рынка для китайского сахара Мазумдар описывает так: «Крестьяне, которые самостоятельно обеспечивали большую часть своих потребностей, производя большую часть своей еды и одежды, не имели доступа к рынку потребительских товаров, за исключением некоторых категорий — соли, соевого соуса, спичек и масла. Рынок для китайского сахара должен был образоваться за пределами Китая» (р. 59). Однако это мнение не разделяет Кеннет Померанц, полагая: производство (и потребление) сахара в XVIII в. составляло от 1,7 до 2,25 кг на душу населения, при более высоком уровне потребления в восточных и южных областях страны. Kenneth Pomeranz. "Political Economy and Ecology on the Eve of Industrialization. Europe, China and the Global Conjuncture", *American Historical Review* 107 (2002), table 1.

105. Оценка объемов сахарного производства приводится по: Robin Blackburn. *The Making of New World Slavery. From the Baroque to the Modern, 1492–1800* (London: Verso, 1997): 109, 172, 403.

приведя следующие смягчающие обстоятельства: «В прошлом году [мы] были вынуждены закупить много чая в Фуцзяне [Южный Китай]. Сбыть подобное количество в Ост-Индии, [то есть на азиатских рынках], мы оказались не в состоянии, и нам пришлось отправить значительную его часть в метрополию»¹⁰⁶. Понадобилось еще четверть века, прежде чем английская Ост-Индская компания начала регулярные поставки чая в Британию¹⁰⁷. Однако, после того как чай стал в Европе социальным явлением и частью меню (см. главу 1), спрос на него пережил взрывной рост — от незначительных объемов потребления в 1700 г. до почти ежегодного объема в миллион килограммов к 1720 г. Затем, благодаря началу прямых поставок из Кантона, происходит увеличение импорта на 3,9% в год — до среднегодовых 14,5 млн кг к 1790-м гг.¹⁰⁸

Кофе попал в Средиземноморье из областей его производства в Йемене, став популярным напитком в период после 1650 г. среди немногочисленных завсегдатаев кофейен в крупнейших городах Европы¹⁰⁹. Еще в 1690-х гг. за пределами Йемена кофе почти не производился: объемы ежегодных поставок Йемена на все международные рынки не превышали 9–10 млн кг¹¹⁰. Западная Европа оставалась далеко не самым значи-

106. *Generale Missive*, 25 January 1667. Цит. по: Zhuang Guotu. "The Impact of the Tea Trade in the Social Economy of Northwest Fujian in the Eighteenth Century", in Leonard Blussé and Femme Gastra, eds. *On the Eighteenth Century as a Category of Asian History. Van Leur in Retrospect* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 1998): 195.

107. Chaudhuri. *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660–1760* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978): 538.

108. Louis Demergny. *La Chine et l'occident. Le commerce à Canton au XVIIIe siècle* 3 Vols. (Paris: SEVPEN, 1964), I: 593.

109. Предполагается, что в Англии первые кофейни появились в 1650 г. К 1663 г. в Лондоне их насчитывалось уже 82, а сосредоточены они были в районе Королевской биржи. К 1673 г. кофейни открылись во многих провинциальных городах, а к 1700 г. в одном только Лондоне их насчитывалось не менее 500. Подробнее см.: Bryant Lillywhite. *London Coffee Houses* (London: George Allen and Unwin, 1963); Aytoun Ellis. *The Penny Universities; A History of the Coffee-Houses* (London, Secker and Warburg, 1956); Norma Aubertin-Potter and Alyx Bennett. *Oxford Coffee Houses, 1651–1800* (Kidlington: Hampden Press, 1987).

110. Julius Norwich. *A History of Venice* (New York: Knopf, 1982): 18.

мым направлением, потребляя, согласно данным за 1720 г., не более одного миллиона килограммов. Однако, после того как голландцы принимаются выращивать кофе на Яве, французы на Реюньоне, а затем и те и другие в своих карибских владениях, падение цен пробудило к напитку живейший интерес. Европейский рынок кофе испытал еще более стремительный рост, чем рынок чая, достигнув накануне Французской революции ежегодных объемов в 50 млн кг¹¹¹.

История потребительского спроса на табак несколько отличается от истории спроса на другие основные товары, ввозимые из тропических стран. Сахару, чаю и кофе понадобилось время, чтобы стать «узнаваемыми» для европейского потребителя и получить доступ к кластерам динамичного потребления. Как только им это удавалось, их производство испытывало быстрый рост в течение весьма продолжительного периода. В отличие от этих товаров табак завоевал признание потребителя гораздо быстрее, и спрос на него почти столь же быстро достиг потолка, оставаясь на этом уровне вплоть до конца XIX в., когда изобретение сигареты вдохнуло, так сказать, новую жизнь в рынок табачных изделий. Культура курения, возможно, вследствие того, что она легко вписывалась в существующие обычаи посетителей питейных заведений, пережила стремительное распространение после появления табака в Европе в начале XVII в. Так, в 1634 г. в Англию и Голландию было ввезено 300 тыс. кг табака. Впоследствии поставки из Нового Света были дополнены производством табака на территории самой Европы,

111. Jürgen Scheider. "The Effects on European Markets of Imported Overseas Agriculture. The Production, Trade, and Consumption of Coffee (15th to late 18th centuries)", in José Casas Pardo, ed. *Economic Effects of the European Expansion* (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992): 283–306. Голландская Ост-Индская компания высадила плантации аравийского кофейного дерева на Яве в 1711 г. В течение нескольких последующих лет французы создали собственные плантации на острове Реюньон в Индийском океане и в своей колонии Сан-Доминго (Гаити) в Вест-Индии. К 1718 г. кофе начинает выращиваться и в Суринаме. В 1789 г. только на Гаити было выращено 60% кофе, поставленного на международные рынки.

что позволило европейскому рынку табака вырасти к 1700 г. до 35 млн кг.

Для облегчения потребления таких объемов табака возникает производство курительных глиняных трубок, сконцентрированное вокруг голландского города Гауда. Эти дешевые, но хрупкие трубки, возможно, стали первой по-настоящему «бросовой вещью» среди потребительских товаров, аналогом зажигалки «Віс» своего времени. Производство курительных трубок достигло своих максимальных мощностей примерно в 1730 г. (сотни миллионов изделий). Осколки данных трубок той эпохи могут быть найдены во всех уголках Европы, целых экземпляров сохранилось совсем немного¹¹². Один из факторов упадка производства глиняных трубок в Гауде мог быть и фактором, снизившим и рост спроса на табак в XVIII столетии, — речь идет об отказе от курительного табака в пользу нюхательного. Это могло привести к снижению объемов потребления табака на душу населения, но необязательно к снижению стоимости потребляемого табака на ту же душу населения. В XVIII в. общий спрос на табак в Европе повышался постепенно, достигнув к 1790 г. отметки примерно в 60 млн кг¹¹³.

Все эти и прочие товары, ввозимые из Ост-Индии и Вест-Индии — фарфор, шелк, хлопчатобумажная ткань, лекарства, пряности, красители, — в итоге нашли своего потребителя в Европе (и Северной Америке) посредством сложной сети экспортеров, переработчиков, оптовых и розничных торговцев. И, за небольшим ис-

112. De Vries and van der Woude. *First Modern Economy*, pp. 309–311.

113. Данные приводятся по: Jacob Price. *France and the Chesapeake. A History of the French Tobacco Monopoly, 1674–1791, and of Its Relationship to the British and American Tobacco Trades*, 2 vols. (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1973): 732; C. Lugar. “The Portuguese Tobacco Trade and Tobacco Growers of Bahia in the Late Colonial Period”, in D. Alden and W. Dean, eds. *Essays Concerning the Socio-Economic History of Brazil and Portuguese India* (Gainesville: University Presses of Florida, 1977): 48; H. K. Roessingh. *Inlandse tabak. Expansie en contractie van een handelsgewas in de 17e en 18e eeuw in Nederland* (Wageningen: A. A. G. Bijdragen 20, 1976): 42–47; Jordan Goodman. *Tobacco in History. The Cultures of Dependence* (London: Routledge, 1994).

ключением, эти товары из тропических стран были скорее товарами потребителя, чем производителя. Как следствие, общая стоимость товаров, ввезенных в Европу из Азии и Западного полушария, способна в общих чертах обозначить процесс потребительских расходов на данные новинки. По мере того как объемы ввоза данных экзотических предметов потребления росли, цены на них падали. Зачастую весьма значительно. Так, в то время как *объемы* ввоза каждой из основных категорий товаров переживали в период расширения спроса (длившийся, по крайней мере, столетие) прирост в диапазоне 2,5–4,0%, стоимость всего колониального импорта повышалась медленнее — в среднем на 1,6% в год в течение 140-летнего периода, закончившегося в 1780-х гг. (см. таблицу 4.1).

Таблица 4.1. Стоимость ввезенных в Европу заморских товаров (в тыс. гульденов)

Период	Азия	Новый Свет	Всего	На душу населения (в гульденах)
1640-е	12 000	[12 000]	24 000	0,32
1750-е	52 000	88 000	140 000	1,50
1780-е	63 000	171 000	234 000	2,03

В скобках — примерные оценки.

Источники: По Азии: Прибыль с продаж всех компаний, торговавших с азиатскими странами, — на основе данных из публикации: Jan de Vries. "Connecting Europe and Asia. A Quantitative Analysis of the Cape-route Trade, 1497–1795", in Flynn, Giráldez, and von Glahn, eds. *Global Connections and Monetary History, 1470–1800* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 2003): 82–93. Новый Свет: для 1640-х гг. — оценки на основе объемов ввезенных табака и сахара; для 1750-х и 1780-х гг. — стоимость товаров (исключая драгоценные металлы), ввезенных в Испанию, Португалию, Британию, Францию и Нидерланды, согласно данным из публикаций: de Vries and van der Woude. *The First Modern Economy*: pp. 478, 499; Michel Morineau. *Incroyables gazettes et fabuleux métaux* (London and Paris: Cambridge University Press, 1985), p. 487.

Однако тенденция, выдержавшая испытание более чем столетием, пусть и при приросте в «какие-то» 1,6%, далеко не маловажна. В 1640-е гг. основными заморскими товарами потребления в Европе были перец, пряности и экзотические изделия, с которыми была знакома,

пусть и поверхностно, большая часть потребителей из числа элиты. К 1780-м гг. стоимость заморских товаров, ежегодно потребляемых среднестатистическим европейским домохозяйством (речь идет о части континента к западу от линии, проходящей через Санкт-Петербург, Вену и Триест), составляла 8 голландских гульденов или 14–15 английских шиллингов (расчеты сделаны на основе оптовых цен в портах ввоза товара). Реальная же розничная цена данных товаров для конечного пользователя была значительно выше, по крайней мере вдвое. Подобные расходы были достаточны — в теории, — чтобы обеспечить 120 млн жителей этой «Европы» следующими годовыми объемами товаров на душу населения: примерно 2,0 кг сахара (5 г в день — что соответствует объему современного пакетика с сахарным песком), 0,12 кг чая (достаточного для употребления одной чашки чая в неделю), 0,42 кг кофе (также достаточного для употребления одной чашки напитка в неделю) и 0,50 кг табака (достаточного для выкуривания небольшой трубки в день половиной населения Европы).

Разумеется, что распространение каждого из указанных товаров по территории Европы отличалось неравномерностью. Товары эти доставлялись в порты атлантического побережья главных колониальных держав, а уже оттуда происходило их продвижение к потребителю довольно сложными путями, на которые оказывали самое непосредственное влияние стоимость перевозки, тарифы и потребительский спрос. Наше знание уровней их потребления по отдельным регионам и общественным классам еще недостаточно полно, однако имеющиеся свидетельства по XVIII в. представлены в кратком виде в приложении к настоящей главе. Основные наблюдения сведены в табл. 4.2, в которой представлены приблизительные объемы потребления для конца XVIII в.

При взгляде на табл. 4.2 прежде всего в глаза бросается крайняя неравномерность распространения сахара и чая, а также относительно широкая распространенность кофе и табака. В конце XVIII в. британцы потребляли почти половину ввозимого в Европу сахара; уровень его потребления в Британии был в десять раз

Таблица 4.2. Общие данные о распространенности сахара, чая, кофе и табака в Европе (потребление на душу населения в 1780-е гг.)

	Европа	Британия	Нидерланды	Остальная Европа	Страны Балтийского бассейна
Сахар	2,00 кг	9,0	4,0–5,0	0,8	1,0
Чай	0,12 кг	0,7	0,5	0,05	—
Кофе	0,42 кг	0,05	2,8	0,4	0,37
Табак	0,50 кг	0,7	2,0–3,0	0,4	0,16–0,48

Данные по Европе в целом представляют собой предложение каждого товара на душу населения на основе общих объемов его ввоза в Европу (плюс объемы табака, произведенного на территории самой Европы). Оценки потребления по Британии и Нидерландам приведены отдельно, с тем чтобы вычислить объемы потребления в остальной части Европы. Данные последнего столбца — по странам Балтийского бассейна — приведены для сравнения.

Источники:

Сахар: Blackburn (1997): 109, 172, 403.

Чай: Lenman (1990): 57; Dermigny (1964), I: 539.

Кофе: Smith (1996): 183–214.

Табак: Goodman (1993): 177–178; Price (1973): 732; Lugar (1977): 48.

выше, чем в среднем по «остальной Европе». Схожая ситуация наблюдалась и с чаем: первоначально на Британию приходилось более 60% всего ввозимого в Европу чая — значительно больше, чем ввозилось в британские порты ее собственной Ост-Индской компаний. Франция, ввозившая значительное количество и сахара, и чая, сама потребляла относительно немного, переправляя большую их часть в Амстердам и Гамбург, где они перерабатывались и поставлялись на рынки Северной Европы. Потребление сахара за пределами Северо-Западной Европы в основном ограничивалось городами. В 1787 г. на Париж приходилась четверть всего потребления сахара в стране, в то время как Вена потребляла в 1780-х гг. половину всего сахара, потребляемого в землях австрийской короны¹¹⁴.

114. Оценка потребления в Париже была выполнена Антуаном Лораном Лавуазье. См. Woodruff D. Smith. *Consumption and the*

Распространение кофе происходило несколько иначе. Его основными поставщиками выступали французы и голландцы. Британия же, ввозя объемы кофе, соответствующие среднеевропейскому показателю на душу населения, почти весь его и реэкспортировала, главным образом в Германию и Нидерланды¹¹⁵. Потребление кофе получило широкое распространение как в городах, так и в сельской местности и севера, и юга Нидерландов, а также в других частях Северной Европы¹¹⁶. Однако в остальной Европе кофе оставался почти сугубо городским напитком: в 1780-е гг. потребление кофе на душу населения в Париже в десять раз превышало среднестатистический показатель по всей

Making of Respectability (London: Routledge, 2002): 100. Бенуастон де Шатонёф оценивал потребление сахара на душу населения в Париже в конце второго десятилетия XIX в. в 7,5 кг. Это составляет лишь 0,6 кг сахара для среднестатистического француза, проживавшего за пределами Парижа. Martin Breugel. "A Bourgeois Good? Sugar, Norms of Consumption and the Labouring Classes in Nineteenth Century France", in Scholliers, ed. *Food, Drink and Identity*, p. 103. Для данных по Вене см. Sandgruber. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft*, pp. 206–208.

115. S. D. Smith. "Accounting for Taste. British Coffee Consumption in Historical Perspective", *Journal of Interdisciplinary History* 27 (1996): 183–214. Смит объясняет кажущееся предпочтение, которое британцы отдавали чаю, а не кофе, «налоговой системой, которая полностью изменяла относительную стоимость этих двух напитков. Британская экономическая политика задушила кофе в самом начале его появления посредством налоговых мер, в которых отразилась сила владельцев сахарных плантаций в Вест-Индии, не уступавшая мощи Ост-Индской компании» (p. 214).

116. В 1740 г. в Голландии был проведен сбор сведений, касающихся потребительского поведения граждан, в целях реформирования системы акцизных сборов, крупнейшего источника государственных доходов республики. Налоговый комиссар Жерар де Норманди в своем отчете пишет: «Совершенно очевидно, что нашествие кофе и чая к нам в страну достигло таких масштабов, что не только мало найдется таких домов, где они не потреблялись бы, но и то, что их чрезмерное потребление наносит серьезный ущерб акцизным сборам с пива. Даже почти во всех домах со скромным достатком кофе и чай потребляются в неумеренных количествах». Государственный архив Нидерландов, Den Haag, Staten van Holland, nr. 4013 Verbaal aan den Gecommitteerde Raden door Mr. Gerard de Normandie, Commis Fiscaal van de Gemeenelands Middelen. Bevingingen van 1740.

Франции, в Вене — было в три раза больше среднестатистического показателя по Австрии¹¹⁷.

Наконец, что касается табака, то его географическое распределение среди рассматриваемых товаров отличалось наибольшей равномерностью. Хотя важными рынками потребления табака стали европейские страны Средиземноморья и Левант, судя по всему, ему удалось заручиться особой благосклонностью потребителя с берегов Северного моря¹¹⁸. Что же касается Франции, то среднестатистический показатель может скрывать значительные региональные различия: дело в том, что десять мануфактур французской табачной монополии располагались на севере страны, неподалеку от Парижа¹¹⁹. В целом же относительная легкость его оптовых поставок и крайне индивидуальный характер его потребления содействовали его быстрому проникновению в среду социальных низов и сельских потребителей.

Эпицентром расходившихся по континенту неравномерных концентрических кругов интенсивности потребления, судя по всему, был бассейн Северного моря, отличавшийся тем, что в Британии потребление колониальных продовольственных товаров в несколько раз превышало среднеевропейские показатели, а в Нидерландах — в 2–4 раза. Потребление в странах бассейна Балтийского моря, пользовавшихся преимуществами интенсивной торговли с портами Северного моря,

117. Данные по потреблению кофе в Париже в период до Французской революции приводятся по: Lavoisier. См. также примечание 408. Для данных по Вене см. Sandgruber. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft*, p. 137. Что касается сельской Австрии, то регулярное потребление кофе, судя по всему, началось там только в период после Второй мировой войны. Н.-G. Haupt. *Konsum und Handel. Europa im 19. und 20. Jahrhundert* (Göttingen, 2002): 25.

118. В Норвегии потребление табака в 1760 г. составило 2,5 фунта на душу населения, снизившись в дальнейшем до 1,5 фунта в 1815 г. Fritz Hodne. "New Evidence on the History of Tobacco Consumption in Norway, 1655–1970", *Economy and History* 21 (1978): 118–120.

119. Price. *France and the Chesapeake*, pp. 411–412. Ввоз, переработка и продажа табака находились в руках монополии с самого основания в 1674 г. и вплоть до ее упразднения революционными властями в 1791 г. Накануне революции ежегодные объемы продаж монополии составляли 7 млн кг, 80% из которых приходились на нюхательный табак.

возможно, соответствовало среднеевропейским показателям. По данным архивов о сборе пошлины, взимаемой Данией за проход иностранных судов через пролив Эресунн (Зунд), наблюдается десятикратный рост веса всех колониальных товаров, ввозимых в страны Балтийского бассейна в период между 1700–1709 и 1770–1779 гг. В 1780-е гг. 8% всего кофе и 5% всего сахара, ввозимых в Европу, поступали на рынки сбыта именно таким путем. В то же время данные архивы указывают на провоз через пролив Эресунн лишь 3% общего объема поставляемого в Европу табака, что почти наверняка является заниженным показателем его потребления в регионе¹²⁰. Емкость же обслуживаемого подобным образом потенциального рынка — включая Германию, Польшу и Россию — выражалась десятками миллионов килограммов. Однако велика вероятность того, что вглубь Восточной Европы поступала лишь небольшая доля ввезенного объема табака. Если это действительно так, то потребление табака населением Швеции, Финляндии, Прибалтики и северных Польши и Германии (возможно, речь идет о 10 млн человек по состоянию на 1780 г.) должно соответствовать данным, приведенным в табл. 4.2¹²¹.

120. 1,9 млн кг табака, ввезенных через Эресунн в 1784–1789 гг., могут указывать на последствия, которые имела Американская революция для поставок товара и его распределения в Англии и Шотландии. Ранее в том же столетии одни только голландские торговцы ежегодно ввозили более 2 млн кг табака в страны Балтийского бассейна, а еще раньше, в 1706 г., ими были поставлено в Скандинавию и страны Балтийского бассейна около 7 млн кг данного товара. Для ознакомления с существующими свидетельствами см.: Roessingh. *Inlandse tabak*, p. 408–455.

121. Hans Chr. Johansen. "How to Pay for Baltic Products?", Fischer, McInnis, and Schneider, eds. *The Emergence of a World Economy 1500–1914* (Wiesbaden: F. Steiner, 1986), Vol. I, pp. 123–142. Указанный здесь товарооборот не включает колониальную торговлю Дании и Швеции. Не включен сюда и объем товаров, ввозимых сухопутным путем из таких центров, как Гамбург и Амстердам. Каких-либо данных по чаю Йохансен не приводит. Судя по всему, ввозимые в страны Балтийского моря объемы чая были слишком незначительны, чтобы быть включенными в его исследование «самых значимых, согласно их весу, колониальных товаров» (p. 129).

Большая часть колониальных товаров имела такое соотношение между стоимостью и весом, которое оправдывало их переправку на дальние расстояния сухопутным путем, однако оснований предполагать, что восточные регионы Европы стали значительными рынками их потребления, существует немного. В действительности же за пределами Северо-Западной Европы потребление чая, кофе и сахара было привилегией городских элит. Что же касается Пиренейского полуострова и Средиземноморского региона, здесь утверждать что-либо с определенной долей уверенности довольно затруднительно. Однако свидетельств того, что этот регион существенно повысил объемы потребления кофе и сахара после того, как их ввоз из Леванта был дополнен производством в атлантических колониях, не существует. В целом можно говорить о том, что, в то время как ввозимые из-за пределов континента товары были весьма незначительной частью повседневной жизни в Восточной и Южной Европе, они постоянно потреблялись большей частью населения Северо-Западной Европы, а в Англии конца XVIII в. на них и вовсе тратилось примерно 10% ежегодного дохода домохозяйств из социальных низов¹²².

Эпицентром рынка колониальных товаров был северо-запад Европы: при продвижении на восток или юг континента уровень спроса на них снижался. Однако колониальные товары потребляли и сами колонии, в особенности быстро растущие поселения Британской Северной Америки. Даже когда американским колониям пришлось столкнуться с тем, что Британия обложила ввозимый к ним чай пошлинами, ежегодный объем приобретаемого ими у британских торговцев чая составил в период 1770–1773 гг. примерно 150 тыс. кг. Уже одни только официальные цифры указывают на употребление среднестатистическим жителем Северной Америки (за исключением коренных народов) 0,08 кг чая¹²³. Однако благодаря ввозу контрабандного чая, особенно

122. На основе данных из книги: Carol Shammas. *The Pre-Industrial Consumer in England and America* (Oxford: Oxford University Press, 1990): 136.

123. Breen. *The Marketplace of Revolution*, p. 300.

голландскими торговцами, его истинное потребление было значительно выше — возможно, уступая лишь вполовину самому высокому уровню потребления, свойственному метрополии¹²⁴. После Американской революции происходит снижение потребления чая в пользу кофе: в течение нескольких десятилетий после 1790 г. среднее потребление кофе составило 0,73 кг на душу населения, что значительно превышало средний показатель по Европе¹²⁵. В потреблении сахара колонисты уступали только метрополии (6,4 кг на душу населения в 1770-е гг.). Потребляли они и значительное количество импортируемого рома. В целом все выглядит так, что фермеры Джефферсона в своих отдаленных владениях закупали на рынке больше сахара, чая и кофе, чем большинство европейцев.

Приток колониальных товаров был далеко не мало-значимым явлением. Он преобразил структуру питания и время принятия пищи¹²⁶; он привлек малоиму-

124. Shammass. *Pre-industrial Consumer*, p. 83–85.

125. William Rorabaugh, *The Alcoholic Republic. An American Tradition* (Oxford: Oxford University Press, 1979): 100–101.

126. В Нидерландах переход от двух приемов пищи в течение дня, столь привычных на значительной территории Европы в раннее новое время, к трем начался раньше, чем в большинстве других частей континента — еще до знакомства с чаем и кофе. Однако эти продукты трансформировали саму концепцию завтрака в Нидерландах и ускорили замену трапез, основу которых составляли каша и блины, сильно нагружавшие желудок, трапезами на основе чая или кофе и хлеба. Jozien Jobse-van Putten. *Eenvoudig maar voedzaam. Cultuurgeschiedenis van de dagelijkse maaltijd in Nederland* (Nijmegen: SUN Memoria, 1995): 260–268.

В издании Jan Luikens. *Het Leerzaam huisraad* (Amsterdam, 1711) иллюстрация, на которой изображена сидящая за столом и пьющая кофе семья, под названием “Het Thee en Koffy-gereedschap” («Чайные и кофейные приборы») сопровождается надписью:

De ouden hielden zich te vreden,
Mits dat zy tweemaal op een dag,
Den t'zaamenvoeg der tafel deeded,
En vierden zo dien ommeslag.
Maar jongertyd, in onze dagen,
Heeft deze maat verdubbeleerd,
En tot een eiders welbehaagen
De viermaal tafeling geleerd.

Старое поколение любило
собираться за столом
дважды в день.
Так они отмечали уходящий день.
Однако теперь, в наши дни,
время ускорилось вдвое,
и, ко всеобщему удовольствию,
мы привыкли собираться за столом
четырежды в день.

См. Hester Dibbits. *Vertrouwd bezit*, p. 162–163 (перевод с голландского на английский автора).

щие и проживающие в отдалении домохозяйства в магазины — единственное место, где эти товары можно было приобрести; он повысил значимость денежного дохода единственного способа данные товары приобрести; он коренным образом преобразовал налоговый режим Англии и в меньшей степени Нидерландов и Франции, научившихся взимать таможенные пошлины и акцизные сборы на предметы потребления, которым свойственна столь высокая эластичность реагирования спроса на повышение доходов¹²⁷. Снижение относительных цен на колониальные товары привлекало много внимания, однако повышение налоговых сборов на их потребление зачастую не давало покупателю почувствовать это. Патрик О'Брайан полагает, что различные налоги и сборы, взимавшиеся с сахара, табака и чая, а также вин, крепких спиртных напитков и пива,

Что касается Германии, то «радикальные перемены в нашем обычае приема пищи были начаты не только урбанизацией и индустриализацией второй половины XIX в. В этом плане гораздо более значимой была роль зародившейся в сельской местности протопромышленности. [Изменения эти оказались] связаны с появлением новых продуктов питания — картофеля, свекольного сахара, кофе из цикория и крепких алкогольных напитков...» Hans J. Teuteberg. "Food Consumption in Germany since the Beginning of Industrialisation. A Quantitative Longitudinal Approach", in Baudet and Van der Meulen. *Consumer Behavior and Economic Growth in the Modern Economy*, p. 235. «Британский ритуал, названный «полдником», стал одним из двух главных трапез, придуманных или коренным образом преобразованных в конце XVII и начале XVIII в., в основе которых лежало потребление ввозимых из-за рубежа товаров и которые имели важное социальное и культурное значение для трапезничающих. Другой такой трапезой стал завтрак...» Smith. *Consumption*, p. 172.

Что же касается Франции, то здесь можно привести слова Колина Джонса: «Потребление сахара, чая, кофе и шоколада значительно выросло, и рост этот не был простым отражением увеличившегося использования данных товаров зажиточными гражданами, поскольку приправленный молоком кофе стал обычным завтраком городской семьи рабочих и, возможно, нашел своего потребителя и в сельской местности». Colin Jones. "Bourgeois Revolution Revivified", in Colin Lucas, ed. *Rewriting the French Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 1991): 90.

127. Carole Shammas. "The Eighteenth-Century English Diet and Economic Change", *Explorations in Economic History* 21 (1984): 258.

давали Британии в период до 1788–1792 гг. примерно 60% государственных доходов¹²⁸. Произошедшие в XVIII столетии перемены в поведении потребителя помогли росту акцизных сборов в Британии: если в 1696–1700 гг. их доля составляла 29% от общей суммы налоговых поступлений, то в 1791–1795 гг. она выросла уже до 51%¹²⁹. Попытки Британии расширить подобный налоговый режим и на свои американские колонии привели к бойкотам со стороны покупателей, демонстративному неповиновению (известное Бостонское чаепитие 1773 г.) и революции¹³⁰.

Старые предметы потребления. Прежде чем перейти к рассмотрению причин, которые побудили обычных людей изменить свою повседневную жизнь столь радикальным образом, следует сказать несколько слов о переменах в отношении к «старым предметам потребления», потому что изменения практики потребления не ограничивались лишь колониальными товарами. Товарам этим необходимо было найти себе место в более широких системах потребления, частью которых были твердо закрепившиеся в меню продукты питания.

Так, в течение «долгого» XVIII в. коренное преобразование пережил рынок алкогольных напитков. Потребление вина повсеместно снижалось, как снижалось почти везде и потребление пива¹³¹. Частично это было

128. Patrick K. O'Brien. "The Political Economy of British Taxation, 1660–1815", *Economic History Review* 41 (1988): 11, Table 5.

129. Martin Daunt. "The Politics of Taxation, 1815–1914", in Donald Winch and Patrick O'Brien, eds. *The Political Economy of British Historical Experience, 1688–1914* (Oxford: Oxford University Press, 2002): 318–350; Robert M. Kozub. "Evolution of Taxation in England, 1700–1815. A Period of War and Industrialization", *Journal of European Economic History* 32 (2003): 363–388.

130. Такова вкратце и без соответствующих разъяснений позиция Т. Брина: Т. Н. Breen. *The Marketplace of Revolution*.

131. Потребление пива в Англии упало с 33 галлонов крепкого пива и 17 галлонов слабоалкогольного на душу населения в 1688 г. до 21 и 11 галлонов соответственно в 1751 г. и до 17,9 галлона любого пива в 1833 г. Peter Mathias. *The Brewing Industry in England, 1700–1830* (Cambridge: Cambridge University Press, 1959): 375. Производство пива в Голландской Республике к 1670-м гг. увеличилось, хотя его потребление на душу населения внутри самой страны особого прироста не показывало. Впоследствии

вызвано возрастающей популярностью чая и кофе, однако даже еще до того, как кофеиносодержащие напитки перестали употребляться лишь в медицинских целях, традиционный алкоголь уже столкнулся с конкуренцией со стороны крепких спиртных напитков, получаемых методом дистилляции. Хотя дистилляция и не была для современников «долгого» XVIII в. чем-то новым, переход от традиционных винных дистиллятов (бренди) к зерновым (джин и виски), а также рому, получаемому путем сбраживания и перегонки из побочных продуктов сахарно-тростникового производства, привел к тому, что дистилляция любых напитков стала в это время отраслью с одними из самых быстрых темпов роста. Революция трудолюбия плыла подобно пробке по глади разливающегося алкогольного озера, и в отличие от вина и пива, которые потреблялись в местах их производства, крепкие алкогольные напитки стали предметом международной торговли точно так же, как сахар, чай и кофе¹³².

его потребление на душу населения, оцениваемое в 200 литров в 1675 г., показало стабильную тенденцию к снижению, упав до 40 литров в 1800 г. Richard Unger. *A History of Brewing in Holland, 900–1900* (Leiden: Brill, 2001): 222–284; de Vries and van der Woude. *First Modern Economy*, p. 320–321.

Потребление вина в Париже снизилось со 120 литров на душу населения в 1711–1714 гг. до 110 литров в 1750-е гг. и 95 литров в 1789 г. Данные по Лиону указывают на схожую тенденцию. См.: Т. Е. Brennan. *Public Drinking and Popular Culture in Eighteenth-Century Paris* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988): 190. Объемы потребления вина в Англии и Нидерландах, всегда уступавшие показателям по Франции, также проявили тенденцию к снижению. Данные по отдельным годам показывают сильную зависимость потребления от международной обстановки и действующих сборов, которые могли препятствовать доступу к крупным винодельческим центрам Франции, однако если в начале XIX в. показатель потребления вина и в Англии, и в Нидерландах составлял примерно 2–3 литра на душу населения, то в конце XVII в. он мог быть в два раза выше. См. также: John V. Nye. “The Myth of Free Trade. Britain and Fortress France”, *Journal of Economic History* 51 (1991): 23–46; de Vries and van der Woude. *First Modern Economy*, p. 584–585.

132. Erik Aerts, et al., eds. *Production, Marketing and Consumption of Alcoholic Beverages Since the Late Middle Ages* (Leuven: Leuven University Press, 1990). Дистилляция крепких спиртных напитков была

Французские производители бренди обеспечивали своим напитком рынки Нидерландов и стран Балтийского бассейна задолго до второй половины XVII в. Именно вызванные войнами нарушения в поставках французского бренди и стимулировали развитие в Голландии второй половины XVIII столетия зерновой дистилляции. Тем не менее в долгосрочном плане потребление бренди выросло существенным образом: между 1684–1696 гг. и 1743–1746 гг. его ввоз в Англию увеличился в четыре раза. После периода, когда поставки бренди за рубеж оказались прерваны, спрос на него со стороны прочих стран с конца 1750-х гг. снова начал расти при одновременном расширении внутреннего французского рынка¹³³. Еще более стремительным оказался рост голландского производства женевера. Если начало его производства в середине XVII в. отличалось скромностью размахов, то к 1700 г. спрос уже поддерживал существование 90 производств, главным образом в городах поблизости от амстердамского и роттердамского портов. В XVIII в. количество и средние размеры дистилляционных производств в Голландии продолжали быстро расти — до 175 в 1736 г., на который пришелся пик «эпохи женевера», и после периода некоторого застоя число производств с 1770 г. вновь стало показывать тенденцию к росту, достигнув 245 к 1816 г. Мощностей голландских дистилляционных производств было достаточно, чтобы снабжать в 1831–1835 гг. внутренний рынок из расчета 15 литров на душу населения. При этом показатели в начале XIX в. были, возможно, ненамного ниже: в это время голландской провинцией Фрисландия осуществлялось налогообложение женевера из расчета 12,5 литра на душу населения. Однако большая его часть вывозилась в Южные Нидерланды (обеспечивая большую долю потребления крепких напитков, составлявшую в 1800 г. 6 литров на душу

известна в Европе еще с XII в., однако лишь во второй половине XVII в. происходит взрывной рост их производства и потребления благодаря технологическим изменениям в производственных процессах, более дешевому сырью и гибкости спроса.

133. L. M. Cullen. *The Brandy Trade under the Ancien Régime* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988): 18, 47.

населения), а также страны Балтийского бассейна, Пиренеи, Северную и Латинскую Америку¹³⁴.

Рост потребления крепких спиртных напитков в Англии представляет собой сложную историю их конкурирующих видов — джина, рома, бренди и виски. Быстрое повышение потребления джина в период до 1730-х гг. явило критикам, изучавшим поведение класса элиты, яркий пример тезиса де Мандевиля о том, что частные пороки несут в себе общественную пользу. В эту эпоху весьма низких цен на зерно повышение спроса на изготовленные из зерна напитки способствовало росту доходов владельцев земельных угодий, обеспечивая четверть всех государственных доходов¹³⁵. Однако для большинства критиков польза от этих необузданных appetitов, достойных лишь плебеев, не могла перевесить очевидное саморазрушение и общественный вред, к которому вели эти новые потребительские желания. В 1736 и 1751 гг. были введены в действие законодательные акты, направленные на ограничение производства джина. Это возымело желаемый эффект, снизив объемы потребления напитка, однако ниша тут же оказалась заполнена импортными бренди и ромом — до момента, когда новая волна производства крепких спиртных напитков в самой Англии не довела их потребление на душу населения после 1780 г. до новых высот. Производство джина внутри страны позволило поддерживать его потребление на душу населения на уровне 0,4 литра в 1680-е гг., 2,0 литра к 1722 г. и более чем 5 литров к 1740-м гг. Ввоз крепких спиртных напитков привел к еще большему росту общего потребления — в итоге к 1751 г. только в Лондоне и его окрестностях насчитывалось не менее 17 тыс. торговых лавок, продающих джин и прочие крепкие спиртные напитки¹³⁶.

134. De Vries and van der Woude. *First Modern Economy*, pp. 322–324, 481; Chris Vandenbroeke, *Agriculture et Alimentation dans les Pays-Bas Autrichiens* (Gent-Leuven, 1975).

135. Jonathan White. "The 'Slow but Sure Poyson'. The Representation of Gin and Its Drinkers, 1736–1751", *Journal of British Studies* 42 (2003): 38.

136. Lee Davidson. "Experiments in the Social Regulation of Industry. Gin Legislation, 1729–1751", in Lee Davidson, et al., eds. *Stilling the Grumbling Hive. The Response to Social and Economic Problems in*

Потребление рома сложно отследить в деталях, однако одно время он был одним из ключевых напитков в потреблении стран Атлантического бассейна. Маккаскер оценивает потребление рома в американских колониях накануне революции в 16 литров на душу населения. После революции его потребление снижается: на смену рому приходит виски. Дистилляция зерновых (и кукурузы) в американских колониях, горах Шотландии и прочих отдаленных уголках представляла для «трудолюбивых» домохозяйств стратегию доступа к рыночной экономике и преобразования своего урожая в коммерчески выгодное предприятие. Согласно Уильяму Рорабау, описывающему развитие данной тенденции в юной американской республике, потребление крепких спиртных напитков увеличилось к 1830 г. до 15 литров (4 галлонов) на душу населения. Как он полагает, чуть раньше, в 1810 г. «американцы тратили на потребление дистиллированных напитков два процента своего личного дохода»¹³⁷.

Потребление алкоголя в Северо-Западной Европе и американских колониях, следовавшее на протяжении «долгого» XVIII в. довольно сложным путем, значительно выросло. Потребление же пива и вина снизились, однако расширение сортов пива и его возрастающее потребление в публичных заведениях, возможно, способствовали увеличению расходов на единицу потребляемого пива¹³⁸. Та же тенденция была характерна

England, 1689–1750 (New York: St. Martin's Press, 1992): 25–48. В 1725 г. на указанной территории насчитывалось 6 тыс. лавок, торгующих «крепкой водой» (территория Лондона для того периода определяется согласно еженедельно публиковавшимся спискам умерших жителей Лондона — так называемым Bills of Mortality). John J. McCusker. "The Business of Distilling in the Old World and the New World during the Seventeenth and Eighteenth Centuries. The Rise of a New Enterprise and Its Connection with Colonial America", in John J. McCusker and Kenneth Morgan, eds. *The Early Modern Atlantic Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000): 202.

137. Rorabaugh. *The Alcoholic Republic*, pp. 64–65, 89; John J. McCusker. "The Business of Distilling in the Old World and the New World", p. 202.

138. Peter Clark. *The English Alehouse. A Social History 1200–1830* (London: Longmans, 1983): 292–293.

и для Парижа, где потребление вина в течение XVIII в. несколько снижается. Однако повышается его потребление в кафе и кабаках, коих к 1750 г. в Париже насчитывается 3 тыс. — или одно подобное заведение на 200 жителей¹³⁹. В «долгом» XVIII в. производство дистиллированных спиртных напитков переживало бурный рост, и почти повсеместно общее потребление алкоголя к началу XIX в. достигло уровня, который если и был впоследствии повторен, то, возможно, лишь в последние десятилетия.

Наконец, мы можем перейти к рассмотрению потребления жизненно важного продукта — хлеба. В XVIII в. и Англия, и Северная Франция пережили кардинальную замену «мелких зерновых» и хлеба из непросеянной пшеничной муки белым хлебом из просеянной пшеничной муки. Крегори Кинг полагает, что в 1688 г. на пшеничный хлеб приходилось лишь 20% от общего потребления хлеба в Англии, а к 1800 г. — уже 66%, в южных же регионах страны и того выше¹⁴⁰. Фернан Бродель полагал, что «революцию белого хлеба» возглавили французы, однако на деле это было гораздо более масштабным событием, которое голландцы уже пережили в XVII в., а жители севера Франции и юга Англии — в XVIII в.¹⁴¹ Хлеб из просеянной муки существенно отличался от других видов хлеба и именно так (как отличный) воспринимался потребителем¹⁴².

139. Brennan. *Public Drinking and Popular Culture*, p. 76.

140. E.J.T. Collins. "Dietary Change and Cereal Consumption in Britain in the Nineteenth Century", *Agricultural History Review* 23 (1975): 105.

141. Fernand Braudel. *Civilization and Capitalism. 15th–18th centuries*, Vol. 1, *The Structures of Everyday Life. The Limits of the Possible* (New York: Harper&Row, 1981): 137. Голландский термин XVII в. "wittebroodskinderen" («дети белого хлеба») в чем-то является аналогом того, что подразумевается под современным понятием «яппи». J.J. Voskuil. "De weg naar Luilekkerland", *Bijdragen en mededelingen van de geschiedenis der Nederlanden* 98 (1983): 476.

142. E.J.T. Collins. "Why Wheat? Choice of Food Grains in Europe in the Nineteenth and Twentieth Centuries", *Journal of European Economic History* 22 (1993): 7–38. Коллинз пишет о свойственной всем европейским странам тенденции: рожь, ячмень, овес, просо, гречиха и кукуруза уступают в рационе потребителя место пшенице. Пшеница заняла доминирующее положение в разных странах в разное время: раньше всего это произошло в Северо-Западной

Количество хлеба данного вида, которое можно было получить из бушеля зерна, было значительно ниже количества хлеба, получаемого из других сортов муки, что делало его значительно более дорогим по сравнению с хлебом из муки грубого помола, и он гораздо чаще покупался в пекарне, чем изготавливался на дому. При этом даже во время роста цен на зерно во второй половине XVIII в. тенденция повышения спроса на самые дорогие сорта хлеба не прерывалась. Такое поведение со стороны потребителей выдержало критику реформаторов и противодействие со стороны властей, которые пытались навязать потребление более грубых сортов хлеба в целях использования всех наличных запасов зерновых¹⁴³. В 1801 г., обратив внимание на то, что половина хлеба, потребляемого в Лондоне, съедалась горячим сразу после его покупки, парламент принял закон о потреблении черствого хлеба, запрещающий продажу свежего (теплого) хлеба. Данная мера «позволила сократить количество съедаемого в городе хлеба на одну шестую»¹⁴⁴. Этот незначительный казус из анналов курьезных законодательных актов указывает нам на одну из особенностей пшеничного хлеба из муки мелкого помола, оказавшейся ключевой для его популярности в XVIII в.: горячий, свежий хлеб был своеобразным «кулинарным полуфабрикатом». Хлеб из других зерновых культур зачастую изготавливался в виде больших буханок и батонов, а покупал его потре-

Европе, позднее всего в Восточной, однако в итоге потребители везде отдавали предпочтение текстуре, цвету, вкусу и более легкой усвояемости пшеницы. «Ее особое преимущество в качестве основы для хлеба в том, что лишь пшеничная мука содержит в себе достаточное для подъема теста количество клейковины» (р. 26). Более того, «до недавнего времени, пока не была вновь открыта питательная ценность прочих зерновых и хлеба из цельного зерна, медицина видела в пшенице идеальную зерновую культуру, а в дрожжевом тесте — самое возможное для человека блюдо из зерновых» (р. 34).

143. Christian Petersen. *Bread and the British Economy, c. 1770–1870* (Aldershot, Hants.: Scolar Press, 1995): 105–106; Steven Kaplan. *The Bakers of Paris and the Bread Question, 1700–1775* (Durham, N.C.: Duke University Press, 1996): 536–539.
144. Roger Wells. *Wretched Faces. Famine in wartime England, 1763–1803* (New York: St. Martin's Press, 1988): 29, 218.

битель раз-два в неделю. Так, типичная буханка ржаного хлеба весила от 3 до 6 килограммов. Белый хлеб из пшеничной муки черствел довольно быстро, поэтому его приобретение на тот момент, когда он еще сохранял свои лучшие свойства, зависело от профессиональности пекарей и разветвленности сети розничной торговли¹⁴⁵.

Розничная торговля. Все эти новые формы потребления имели одну общую черту — выраженную нашей моделью — значительность доли приобретенных товаров (х) в потреблении «Z». Собственно домохозяйственно-го труда для новых форм потребления не требовалось. Более того, существенно доля потребления более не совершалась в пределах самого домохозяйства. Потребители теперь в значительно большей степени, чем когда-либо раньше, зависели от розничной торговли и мест общего потребления. Более того, можно утверждать, что за сто лет с 1650 г. произошла революция розничной торговли. Розничная торговля, как и многие другие сферы обслуживания, не получила того внимания от специалистов, занимающихся вопросами истории экономики, которого заслуживает. Тем не менее те немногочисленные наблюдения, что существуют по этому вопросу, говорят в пользу того, что в период 1650–1750 гг. произошел значительный отход от приобретения товаров на базарах, ярмарках и напрямую у ремесленных гильдий к их покупке в розничных лавках и у торговцев вразнос. Поначалу такие лавки появляются в качестве дополнения к городским ярмаркам и базарам. В своем исследовании территориальных моделей английской розничной торговли Кэрол Шаммас приходит к выводу, что «практически в каждом таком городе к 1700 г. было розничное торговое заведение». После чего, как ей удалось выяснить, происходит распространение розничных торговых заведений от городов, где традиционно проходили ярмарки и базары, к деревням, где они торговали «небольшими объемами всевозможных товаров»¹⁴⁶. Торговцы вразнос могли бы рассматриваться в качестве альтернативы подобному

145. Collins. "Why Wheat?", p. 34–35.

146. Shammass. *The Pre-Industrial Consumer*, p. 248.

росту розничных торговых заведений, однако, скорее всего, они дополняли друг друга, чем соперничали,— возможно, в силу того, что продавали разные товары. С ростом числа мелких торговых лавок росло и число торговцев вразнос.

Подобное уплотнение сети розничной торговли позволило производить покупки гораздо чаще, чем при прежней системе периодического проведения базаров и ярмарок, преобразив сам образ жизни многих домохозяйств. Подобная эволюция рассматривается многими специалистами, прежде всего Хо-Чуном Муи и Лорной Муи, как достижение рыночного «предложения»: технические усовершенствования в перевозке товаров, повышение плотности населения и рост доходов привели к созданию условий, в которых торговые заведения были способны предоставлять услуги розничной торговли дешевле, чем альтернативные формы распространения товаров. Подобное предположение вызывает сомнения, поскольку эпоха, в которую сети розничной торговли уже окончательно сформировались, данными изменениями была затронута лишь в незначительной мере. В период 1650–1750 гг. население Северо-Западной Европы почти не увеличилось, рост доходов был в лучшем случае весьма скромным, а самые значительные инвестиции в транспортную инфраструктуру (каналы, платные дороги) были сделаны позже. Домохозяйства перераспределяли свое потребительское поведение в сторону широкого пользования услугами розничных торговых заведений *вопреки* дороговизне предлагаемых ими товаров, а вовсе не благодаря обеспечиваемому предложением существенному снижению операционной себестоимости розничной торговли.

На вершине розничной торговли происходили следующие изменения: группировка розничных заведений в торговых районах способствовала формированию зон социального и экономического значения, которые служили подспорьем в систематизации моды, распространении информации и соответствующей ориентации потребительских устремлений. Здесь о «естественной» эволюции сферы торговли говорить не приходится. Говоря о лондонских торговых улицах, возникших пона-

чалу в районе собора Святого Павла и в Вестминстере, позднее на Пикадилли и улице Сейнт-Джеймс, Максин Берг утверждает, что они

зародились вследствие слабости корпоративного контроля в Лондоне; ливрейные компании Сити (гильдии) отошли от контроля над производственными методами. Произошло рассредоточение процессов производства, а разделение труда позволило многим мастерам, занятым в производстве предметов роскоши, продавать свои товары в розницу, полагаясь почти полностью на подрядные работы¹⁴⁷.

Избавление от корпоративного контроля, позволившее вывести продажу изделий за пределы места их производства, имело глубокие последствия не только для вопросов организации производства, что является хорошо изученной темой, но и вопросов реорганизации розничной торговли — речь об изменениях, которые мы в излишней мере принимаем за нечто само собой разумеющееся, — в то время как во многих частях Европы живучесть корпоративной власти препятствовала появлению современных торговых заведений розничной торговли¹⁴⁸.

Архивы акцизных сборов приводят Хо-Чуна Муи и Лорну Муи к выводу о том, что в Англии 1759 г. на каждые 52 жителя приходилось одно торговое заведение. Они полагают, что в 1688 г., когда Грегори Кинг проводил свои социальные расчеты, плотность населения была существенно ниже¹⁴⁹. Схожая общенациональная статистика по Нидерландам недоступна, однако региональные

147. Berg. *Luxury and Pleasure*, p. 261.

148. Материальные изменения в провинциальных городах, в результате которых в них создавались подходящие условия для удовлетворения новых потребительских устремлений и практик, представляют собой еще одно направление революции розничной торговли, заслуживающее более подробного рассмотрения. В своей публикации Джон Беккет и Кэтрин Смит описывают, каким образом «городские преобразования и потребительские предпочтения шли рука об руку в Ноттингеме эпохи, последовавшей за реставрацией Стюартов». John Beckett and Catherine Smith. "Urban Renaissance and Consumer Revolution in Nottingham, 1688–1750", *Urban History* 27 (2000): 48.

149. Hoh-Cheung Mui and Lorna H. Mui. *Shops and Shopkeeping in Eighteenth-Century England* (Kingston and Montreal: McGill–Queen's University Press, 1989): 135–147.

данные указывают на схожую «плотность» владельцев торговых заведений в среде населения: 1 на каждые 50 жителей в городах в 1742 г. и 1 на каждые 66 жителей в сельском районе Кримпенервард в 1795 г.¹⁵⁰ В Южных Нидерландах торговля в розничных заведениях контролировалась гильдиями торговцев текстилем. Здесь также происходит увеличение количества и разнообразия заведений розничной торговли, причем показателем тот факт, что в Антверпене, переживавшем коммерческий упадок, в 1690 г. на каждые 26 жителей приходился один торговец текстилем, а в 1773 г. — и вовсе на каждые 16¹⁵¹. Несмотря на то что французы не без удовольствия противопоставляли себе «нации торговцев» с противоположного берега Ла-Манша, сами они двигались в том же направлении, когда быстро растущие объемы внутренней торговли придавали «повседневной жизни более потребительский подход»¹⁵².

В период между смертью Людовика XIV и революцией общие объемы французской торговли увеличились в пять раз. От 75 до 80% этих объемов пришлось на внутренний рынок. Хотя французская розничная торговля и не была развита в той же мере, что и английская, значимость заведений розничной торговли во многих населенных пунктах возросла¹⁵³.

150. De Vries and van der Woude. *First Modern Economy*, p. 581; Kamermans. *Materiële cultuur in de Krimpenerwaard*, p. 33–34.

151. Bruno Blondé and Ilja van Damme. "Consumer and Retail 'Revolutions'. Perspectives from a Declining Urban Economy, Antwerp, 17th–18th Centuries" (Unpublished paper, University of Antwerp, 2005). Далеко не каждый член гильдии торговцев текстилем владел розничной лавкой, хотя, судя по всему, таких было большинство. В прочих городах региона сеть розничных торговых заведений была не такой плотной — о чем можно говорить опять же на основании числа членов гильдий торговцев текстилем. Во второй половине XVIII в. в таких небольших городках, как Лир и Тюрнхаут, один торговец текстилем приходился на каждые 26 жителей, однако в более крупных городах — Лёвене, Мехелене, Брюсселе и Генте — данный показатель составлял один к 35, 96, 128 и 155 жителям соответственно. В этих городах гильдии торговцев текстилем контролировали далеко не всю розничную торговлю.

152. Jones. "Bourgeois Revolution Revivified", p. 95.

153. Там же, стр. 88. Джонс приводит цитату из следующей публикации: Jonathan Dewald. *Point-Saint-Pierre* (Berkeley: University of California Press, 1987): 20–21.

Каких-либо количественных данных по ситуации в Северной Америке у нас нет, однако еще до 1750-х гг. немецкий пастырь, прибывший незадолго до этого на североамериканский континент, выразил свое удивление тем, что «в Пенсильвании можно приобрести все, что продается в Европе, поскольку сюда ежегодно прибывает огромное число торговых судов»¹⁵⁴. Пенсильвания была не единственной колонией, которой был обеспечен приток обширного числа импортных товаров. Начиная с 1740-х гг. торговые дома Глазго начинают открывать на всей территории области Чисапик так называемые «шотландские магазины». Торговлю в них вели проживающие на территории североамериканских колоний британские коммерческие агенты. Магазины эти производили закупку табака, «а в обмен снабжали менее зажиточных плантаторов региона множеством ввозимых товаров... Магазины оказались блестящим нововведением. По свидетельству одного из современников той эпохи, торговые агенты открыли атлантическую экономику для “обычных людей... которые и составляли бóльшую часть плантаторов”»¹⁵⁵.

Удивительная особенность материальной культуры американских колоний периода после середины XVIII в. заключается не в их провинциальной самодостаточности, а в их зависимости от рынка. Практически повсеместно американские колонисты стараются заниматься производством товаров для продажи — чтобы получить возможность приобретать товары, произведенные в Европе, главным образом в Великобритании. В период между 1720 и 1760 гг. число еженедельных газет, издаваемых в колониях, увеличивается с 3 до 22, и спрос на них очень велик, в том числе и по причине

154. T. H. Breen. “‘Baubles of Britain’. The American and Consumer Revolutions of the Eighteenth Century”, *Past and Present* 119 (1988): 73–104; T. H. Breen. “Narrative and Commercial Life. Consumption, Ideology, and Community on the Eve of the American Revolution”, *The William and Mary Quarterly* 50 (1993): 471–501.

155. Breen. *Marketplace of Revolution*, p. 123. Под термином «плантатор» здесь понимаются фактически любые фермеры, а не только владельцы обширных плантаций, на которых заняты многочисленные рабы.

того, что в них публикуется информация о новых товарах, поступивших в развивавшуюся сеть розничной торговли, которая простиралась вдоль всего побережья и уходила далеко вглубь континента, объединяя расширяющуюся и многообразную территорию колоний посредством единых моделей потребления. И потребительская информация, и сами товары доходили до колонистов, в каком бы захолустье те ни жили, несмотря на огромные территории колонизированной на середину XVIII в. Северной Америки. Дошли они и до тех колонистов, чьи религиозные принципы были основаны на бережливости, простоте бытового уклада и благотворительности, оказав на них определенное влияние. К 1740-м гг. квакеры Пенсильвании испытывали столь же сильную потребность в ривайвелизме, что и кальвинисты Новой Англии. При этом вновь обретенная духовность не смогла замедлить совершенствование и расширение материальной культуры ни первых, ни вторых¹⁵⁶.

Официальная статистика по британскому экспорту XVIII в. представляет собой достаточно ненадежный источник информации, однако она безошибочно указывает на одну общую тенденцию. В период между серединой 1740-х и 1760-ми гг. «официальная стоимость» экспорта в континентальную Северную Америку выросла с годовой суммы в 872 тыс. фунтов стерлингов до 2006 тыс. и достигла пика в 4577 тыс. в 1771 г. Американские колонисты, занимавшиеся в основном сельским хозяйством и проживавшие на территории огромной протяженности, тратили, по крайней мере, десятую долю своего ежегодного дохода на приобретение британских товаров¹⁵⁷.

156. Со взглядами квакеров на материальное благосостояние можно ознакомиться в: David E. Shi. *The Simple Life. Plain Living and High Thinking in American Culture* (Oxford: Oxford University Press, 1985): 28–49.

157. Данные по импорту и доходу колонистов представлены по: John McCusker and Russell Menard. *The Economy of British North America, 1607–1789* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1985): 279–280. Оценки потребления на душу населения см.: Carole Shammas. *How Self-Sufficient was Early America? Journal of Interdisciplinary History* 13 (1982): 247–272. См. также Breen. *Marketplace of Revolution*, p. 54–60.

Т. Брин полагает, что эта широко распространенная потребительская практика стала способом выражения политического недовольства. «Поскольку американцы от Саванны до Портсмута покупали одни и те же товары, они обнаружили, что у них есть для обсуждения общие проблемы»¹⁵⁸. Брин исходит из мнения о том, что общение и выражение мнения являются неотъемлемой частью рыночного потребления. Зачастую бытует мнение о том, что потребление — действие сугубо частное и к тому же эгоистичное, однако оно невозможно без таких публичных действий, как приобретение и демонстрация предмета потребления. При этом полезность новых форм потребления рассматриваемой эпохи в значительной мере увеличилась именно благодаря передаваемым ими социальным сигналам, которые, в свою очередь, зависели от общих знаний, передаваемых информационными системами коммерческого общества. Бойкоты потребителей против закона о гербовом сборе (1765 г.), закона об обложении ввозимых товаров (1767 г.) и закона о ввозе чая в североамериканские колонии (1773 г.) стали общей формой политического протеста накануне Американской революции. Брин подчеркивает «абсолютную новизну» данной формы протеста: «Ни одно из предыдущих восстаний не было столь сильно организовано вокруг интересов потребителя»¹⁵⁹. Это стало возможным благодаря тому, что «американские колонисты открыли способ доводить свои устремления и недовольства до сведения друг друга посредством языка общего опыта [опыта потребления]»¹⁶⁰. Масштабы этого «общего опыта» были существенны: доля потребления британского экспорта населением колоний, увеличившимся с 1700 по 1773 г. (когда его численность насчитывала 2,2 млн человек) в восемь раз, выросла в указанный период с 6 до почти 26%¹⁶¹.

К многочисленным розничным магазинам, возникавшим по всей приатлантической территории континента,

158. Breen. *Marketplace of Revolution*, p. 15.

159. Breen. "Narrative of Commercial Life", p. 486.

160. Breen. *Marketplace of Revolution*, p. 14.

161. McCusker and Menard. *Economy of British North America*, p. 279–280.

добавились заведения, предназначенные для общения, развлечения и отдыха на коммерческой основе. На уровне общественных верхов происходит образование комплекса городских собраний, кофеен, концертных залов и театров, которые переводят времяпрепровождение аристократических кругов из частной в общественную и при этом коммерциализированную сферу¹⁶². На уровне низов в центре внимания — петушинные бои, травля зверей собаками, кулачные бои и другие спортивные развлечения. При этом все они также переходят на коммерческую основу¹⁶³. Кроме того, повсеместно возникали таверны, пивные, бары, кабачки и забегаловки. И если новые заведения, где происходили спортивные состязания и принимались ставки, посещались почти исключительно мужчинами, то среди посетителей увеличивающихся питейных заведений, зачастую управляемых женщинами, «было все больше женщин, которых привлекали доступность алкоголя, особенно джина, а также музыка и танцы»¹⁶⁴.

Владельцы этой все увеличивающейся массы заведений зачастую открывали их в целях дополнительного заработка. Посетители предпочитали задерживаться в таких местах, чтобы потратить дополнительные деньги, которые им удалось заработать, на новое занятие потребительского характера. Общий оборот всего этого множества заведений был достаточно скромным. Многие такие заведения были функционирующими лишь на протяжении ограниченного времени предприятиями наших «трудолюбивых» домохозяйств, служившими в буквальном смысле буфетами для потребляющей публики, не способной приобретать товары в больших объемах и/или потребляющей в кредит, который мог быть предоставлен местным жителям лишь местными же розничными торговцами.

Кредит был крайне распространенным явлением, характерным для потребительства эпохи революции

162. Peter Borsay. *The English Urban Renaissance. Culture and Society in the Provincial Town, 1660–1760* (Oxford: Oxford University Press, 1989).

163. Gareth Steadman-Jones. "Working-Class Culture and Working-Class Politics in London, 1870–1900. Notes on the Remaking of a Working Class", *Journal of Social History* 7 (1974): 460–508.

164. Shoemaker. *Gender in English Society*, p. 274–275.

трудолюбия в той же мере, что он свойственен и нашему времени. Более того, вполне возможно, что кредит играл в то время большую роль даже в мелкой розничной торговле по причине нехватки мелких монет (да и были они не такими уж и мелкими!)¹⁶⁵. В дополнение к этому крайне высокая сезонность производства и торговли вела к тому, что урегулирование финансовых обязательств производилось в рамках годовых или полугодовых циклов. Сезон сбора урожая оставался доминирующим фактором в данных циклах урегулирования долгов, в рамках которого наличные деньги переходили из рук в руки только для того, чтобы после погашения всех других сделок за предыдущий период были урегулированы «чистые» обязательства. При этом экономикам разных городов были свойственны многие общие особенности. В Амстердаме и ряде прочих голландских городов первый день мая был традиционным днем заключения договора на аренду домов, а День всех святых, 1 ноября, — днем полугодовой арендной платы. На эти две даты приходилось и начало действия полугодовых рабочих контрактов с прислугой¹⁶⁶. В эти же дни, после того как производилась оплата — или заявлялось о невозможности ее произвести, — происходили «перестановки на людской шахматной доске»: семьи переезжали в более удобные или менее дорогие

165. Для дополнительных сведений по весьма распространенной проблеме нехватки разменной монеты и роли кредита в ранний период современной Англии см. Craig Muldrew. "Hard Food for Midas". *Cash and Its Social Value in Early Modern England*, *Past and Present* 170 (2001): 78–120. Малдрю следующим образом описывает давление, под которым оказалась английская экономика: «Золото и серебро вовсе не были той водой, по которой плыл корабль экономики; они были якорем, который все больше ржавел в течениях экономических перемен» (стр. 89). Для многих городов Британии была типична ситуация, когда один и тот же хлеб можно было приобрести по трем разным ценам (или, чаще, по одной цене, но гораздо более мелкие буханки одного и того же хлеба): речь о продаже хлеба за наличные, в кредит и перепродаже барышниками на улицах. Wells. *Wretched Faces*, p. 21, 28.

166. Clé Lesger. *Huur en conjunctuur. De woningmarkt in Amsterdam, 1550–1850* (Amsterdam: Amsterdamse Historische Reeks No. 10, 1986): 26–29.

квартиры, прислуга уходила к новым работодателям, вступала в брак или просто переходила к независимому существованию.

Само собой, кредит был просто необходим для функционирования испытывающей нехватку наличности экономики. Как следствие, лишь немногие участники современной рыночной экономики раннего периода были *только* должниками или *только* кредиторами. Люди всех уровней финансового достатка были вовлечены в широкую систему ссуживания и заимствования средств, а наряду с ростом их имущества, как правило, росли и их долги¹⁶⁷.

Разумеется, кредит выполнял и другие функции. Он не только поддерживал тех, кто временно оказывался без средств к существованию, но и предоставлял потребителям, чьи желания росли быстрее их дохода, возможность эти желания удовлетворять. А если быть более точным — он выполнял данные функции в отношении кредитоспособных граждан.

Кто был кредитоспособен? Лишь в последние полвека бóльшая часть кредитов вышла за рамки личных отношений. В «долгом» XVIII в. кредиторы брали материальный залог (ломбард) или знали заемщика лично, что вело к установлению отношений, основанных на благодарности и ответном ссуживании своего благодетеля. Некоторые историки, вдохновившись собственным человеку обменом подарками, предположили, что кредит был не столько экономическим договором, сколько культурным актом, в рамках которого кредитоспособность зависела от силы отношений и авторитета заемщика в местной общине в неменьшей степени, чем от его способности вернуть долг¹⁶⁸. Сего-

167. Данная тенденция для Амстердама описывается в работе: Jan de Vries. "The Republic's Money. Money and the Economy", *Leidschrift* 13 (1998): 7–30.

168. Придерживающиеся взглядов Марселя Мосса антропологи уже давно подчеркивают стратегическую роль обмена подарками — рутинного, навязываемого обществом дарения подарков — в поддержании социальных отношений в «традиционных» обществах. Некоторые историки относят Европу раннего нового времени к таким традиционным обществам, где кредит, вместо того чтобы быть жизненным соком капиталистической

дняшним заемщикам, чьи кредиторы почти всегда — это абстрактные институты, возможно, и следует напомнить о социальном характере личных долговых отношений прежних времен, однако из этого вовсе не следует, вопреки утверждениям некоторых историков, что эти сделки не были прежде всего рациональными, коммерческими соглашениями. Зато из этого следует, что определение кредитоспособности очень сильно зависело от знания личных качеств потенциального заемщика и репутации его семьи. В целом же система розничного обслуживания развивалась быстрее монетарного режима. Новые модели потребления зависели от получения кредита, позволявшего преодолеть препятствия, которые в противном случае были способны помешать продвижению новых материальных культур.

Ограниченность информации о кредитоспособности привязывала потребителя к местным заведениям розничной торговли и ломбардам — этим старинным институтам, нашедшим для себя в рассматриваемую эпоху новую рыночную нишу. Энн Маккантс в своем исследовании домохозяйств социальных низов в Амстердаме XVIII в. приходит к выводу о широком пользовании услугами городского банка, ссужавшего граждан под залог, Bank van Lening. Его клиентами были не

экономики, оказывается запятнан подарками и являет собой, по словам Пьера Бурдьё, социальную «атаку на свободу того, кто их получает... Они порождают одолжение. Это способ обладать, поскольку он порождает людей, обязанных к ответным жестам. Кредит, вместо того чтобы выполнять роль инструментального договора, действует в качестве культурной силы, связывающей стороны социальными и символическими отношениями обязательного характера». По мнению Крейга Малдрю, подобная «экономика одолжений» была свойственна Англии Тюдоров и Стюартов. «На тот момент еще не было существенного социального различия между утилитарным миром экономики и более «субъективным» социальным миром чувств и событий». Craig Muldrew. *The Economy of Obligation. The Culture of Credit and Social Relations in Early Modern England* (Basingstoke: Macmillan, 1998): 65. См. также Margot Finn. *The Character of Credit. Personal Debt in English Culture, 1740–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003): 4–11. Финн полагает, что в Англии кредит оставался в большей мере культурным, а не экономическим феноменом вплоть до Первой мировой войны.

только самые бедные семьи. Для того чтобы получить в нем ссуду, требовалось иметь соответствующее имущество. Судя по всему, покупка товаров среднесрочного пользования осуществлялась посредством приобретения их в кредит у местных лавочников, в то время как ссудный банк оперативно предоставлял наличные неспособным оплатить долг по кредиту домохозяйствам¹⁶⁹. Кредит подобных видов подпитывал собой потребительское рвение, которое, как подметил Джон Стайлз, играло свою роль в приобретении объектов вожделения потребителями со скромными возможностями: «Особенно удивительным в потребительских привычках трудящихся низов XVIII в. является их способность реагировать на доступные им нововведения»¹⁷⁰. При упоминании о «доступных нововведениях» на ум приходят джин, хлопчатобумажная одежда и полдник. Благодаря кредиту потребитель со скромным доходом мог рассчитывать на приобретение того, что сэр Джеймс Стюарт назвал «малыми объектами амбиций», которые, по его определению, представляют собой «желания, рождающиеся из предпочтений разума»¹⁷¹. Еще раньше роль кредита привлекла внимание Даниеля Дефо, который — что было для него характерно — раз-

169. McCants. "Goods at Pawn", p. 213–238; Petty Debts and Family Networks, p. 33–50.

170. Styles. "Manufacturing Consumption and Design", p. 538.

171. Steuart. *Principles of Political Economy*, ch. 21, p. 315, 313. Материальные товары выступают в качестве «объектов амбиций» далеко не всегда. Амбиция Карла Маркса, выражавшаяся в его намерении завершить работу над «Капиталом», заставляла его периодически обращаться за ссудой под залог своей мебели, серебра и даже верхней одежды — все это с целью удовлетворить требования кредиторов. При этом попасть в читальный зал Британского музея без верхнего платья он не мог. Получить заложенное платье назад было для него главным приоритетом, возможно, заставившим его проявлять определенное «трудолюбие». Удивительно то, что в центре его знаменитой критики капитализма оказались вопросы производства, и почти ничего им не было сказано о вопросах кредита, столь болезненно пережитых им лично. См. Peter Stallybrass. "Marx's Coat", in Patricia Spyer, ed. *Border Fetishisms. Material Objects in Unstable Spaces* (New York: Routledge, 1998): 183–207; Craig Muldrew. "'Hard Food for Midas'. Cash and Its Social Value in Early Modern England", *Past and Present* 170 (2001): 78–120.

бавил свое морализаторство положительной оценкой экономических плюсов достатка в домах социальных низов:

Сколько тысяч семей снашивают свою одежду до дыр, прежде чем выплачивают ее стоимость и едят ужин в кредит у мясника? Или скажем так: сколько тысяч семей просто не смогли бы купить себе никакой одежды, если бы им пришлось расплачиваться наличными, однако покупают ее в кредит, который берут наудачу и выплачивают его по мере возможности?¹⁷²

Здесь мы сталкиваемся с высокой себестоимостью транзакций, что обычно мешало переходу к специализированному производству и потреблению. Высокие надбавки розничных торговцев стали главным объектом критики сэра Фредерика Мортон Эдена в отношении новой экономики домохозяйств в вышедшем в 1797 г. труде «О положении низших классов» («The State of the Poor»). Его исследование имеет форму сравнения семей трудящихся сельских местностей севера и юга страны: по его мнению, в домохозяйствах севера сохранилась старая система самообеспечения, в то время как жители юга зависели в приобретении еды, одежды и многих других предметов от розничных торговцев¹⁷³. Его передовые исследования семейного бюджета указывают на то, что домохозяйства с низким уровнем дохода тратили более 11% своего заработка на сахар, патоку и чай. Они с готовностью платили большие деньги зачастую за продовольственные товары низкой пищевой ценности, что привело Эдена к выводу о том, что причиной бедности юга Англии была расточительность, а не малый уровень доходов¹⁷⁴. Если бы только

172. Defoe. *The Compleat English Tradesman*, p. 410.

173. Оценке Эдена, данной им относительно рыночной зависимости трудящихся, вторит и Кэрл Шаммас: «К концу раннего периода Нового времени многие семьи английских трудящихся почти всю свою еду — за исключением того, что давал огород — покупали: у пекаря, мясника, бакалейщика и прочих местных торговцев. Чем больше готовность еды к употреблению, тем лучше: это помогало не тратить топливо на ее приготовление». Shammas. *Pre-Industrial Consumer*, p. 145.

174. Eden. *The State of the Poor*.

низы английского общества вернулись к более простому образу жизни своих предков — который еще соблюдался в отдаленных уголках страны, — они жили бы лучше. Однако рецепт Эдена не учитывал взаимозависимость потребления, которое он порицал, с производственной системой, которую, судя по всему, он находил более достойной. Другой высказавшийся еще в середине XVIII в. наблюдатель разобрался в данной взаимосвязи несколько лучше Эдена, подметив, что «почти все жители Великобритании являются друг друга либо потребителями, либо производителями»¹⁷⁵.

Заключение

Начавшаяся в конце XVII в. революция трудолюбия привела к росту потребительского спроса, но не менее важным было то, как именно она изменила составляющие потребления. По моему убеждению, новое потребительское поведение нельзя понимать просто как многочисленные незначительные изменения относительных цен. Никакие колебания заработной платы и цен, произошедшие в рассматриваемых обществах, не указывали на неизбежность нового потребительского режима, наблюдаемого уже в 1750-е гг. Скорее их следовало бы рассматривать в качестве скачка из предыдущего в новое состояние, потребовавшее одновременных изменений в производственной организации домохозяйства и в предпочитаемых им «потребительских наборах». Новый режим скорее привел к формированию условий, в которых протекала промышленная революция, чем сам породил данную цепь событий.

Этот новый потребительский режим в каждом общественном слое проявлялся по-своему. Те два источника, на которые я полагаюсь в демонстрации изменений, помогают разобраться в характере потребления, свойственного двум различным, хотя и соприкасающимся, слоям общества. У тех, кто владел определенным иму-

175. Tucker. *Instructions*, pp. 245–246. Цит. по: Göran Hoppe and John Langton. *Peasantry to Capitalism. Western Ostergötland in the Nineteenth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994): 29.

ществом и/или имел возможность содержать прислугу, новые формы потребления оказались интегрированы в домашнюю обстановку: речь идет о большем комфорте, новых формах социального общения на дому, символах респектабельности и выделении членам домохозяйства частного пространства. Бок о бок с этой «роскошью», характерной для домохозяйств со средним достатком, развивалась, частично пересекаясь с ней, потребительская культура социальных низов, в которой домашняя обстановка играла второстепенную роль. Многие составляющие домашнего комфорта были просто-напросто недоступны для домохозяйств, которые поставляли в другие дома прислугу, а не содержали ее.

Члены домохозяйств предпочитали проводить свободное время за стенами своего дома, пользовались более широким выбором продовольственных товаров и напитков в целях упрощения процесса приготовления пищи и переходили от совместного потребления к индивидуальным его формам. Во всем этом долгосрочные потребности домохозяйства имели относительно низкую значимость. Более того, встревоженным происходящим наблюдателям от Эдена до Энгельса и Ле Пля казалось, что домохозяйства все больше и больше теряют контроль над происходящим: из единиц с общими целями домохозяйства превращались в территорию довольства. Большое число членов домохозяйства, обеспечивающих ему доход, означало большое число лиц, имеющих право голоса в вопросах потребления, что в своей экстремальной форме можно было определить как «борьбу за штаны», — именно так Анна Кларк описывает «безнравственную городскую культуру» Лондона, которой был свойственен высокий спрос населения на публичное потребление в ущерб потребностям своих домохозяйств¹⁷⁶. По мнению Ганса Медика, ситуация за пределами Лондона не слишком разнилась с происходящим в нем самом. Медик описывает сельские дома Западной Европы эпохи протопромышленности как места, где «приоритет долгосрочных денежных потребностей

176. Anna Clark. *Struggle for the Breeches. Gender and the Making of the British Working Class* (Berkeley: University of California Press, 1995): 25–30.

домохозяйства был низким. И это притом что общественное потребление в денежном выражении было чрезвычайно высоким»¹⁷⁷. Более того, потребление все в большей степени становилось *индивидуализированным*. Размышляя о своих посещениях домов прихожан в австрийской провинции Форарльберг, центре сельского хозяйства страны, пастор Франц Вайценеггер пишет в 1839 г. следующие строки:

Когда пастор [Seelsorger] выражает свою озабоченность тщеславием и великолепными одеяниями в домах, где едва найдется постельное белье и какая-то еда, зато повсюду натыкаешься на праздничные наряды, курительные трубки и часы, родители упрямо твердят в ответ, что дети сами заработали на это деньги... И так получается, что у каждого работающего члена семьи есть свой отдельный кошелек [Nebenkassen]¹⁷⁸.

Подобные замечания о царящем в домохозяйствах хаосе ни на кого конкретно не указывали или же вменяли происходящее в вину родителям, однако главным объектом данной критики почти всегда была жена или мать семейства. «Побочным социальным эффектом» революции трудолюбия явилось влияние, которое получила женщина на условия брачного союза¹⁷⁹. Усилившееся влияние женщин в вопросах брака сделало их более уязвимыми, чем когда-либо прежде: вероятность быть брошенными мужчинами значительно возросла. Если увеличившаяся доля беременностей, ведущих к заключению брака, может служить мерой возросшего числа союзов, основанных на «романтической любви», а не материальных благах (эта доля в числе первых беременностей увеличилась в Англии в период между 1670–1680-ми гг. и вторым десятилетием XVIII в. с 15 до почти 40%)¹⁸⁰, то рост числа детей,

177. Medick. "The Structure and Function of Population Development under the Protoindustrial System", in Kriedte, Medick, and Schlumbohm, eds. *Industrialization Before Industrialization*, p. 91.

178. Цит. по: Sandgruber. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft*, p. 375.

179. John Gilles. *For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present* (Oxford: Oxford University Press, 1985): 181–182; Edward Shorter. *Making of the Modern Family* (New York: Basic Books, 1975).

180. P. E. H. Hair. "Bridal Pregnancy in Rural England in Earlier Centuries", *Population Studies* 20 (1966–7): 233–243.

родившихся вне брака, являет собой непосредственный показатель риска быть брошенной мужчиной (данный показатель вырос с 1,0% в общей доле всех рождений детей в 1650-е гг. до 5,3% в 1800-е гг., достигнув пика в 7% в 1850-е гг., после чего резко снизился)¹⁸¹.

После замужества женщины сталкивались с тем, что их взаимоотношениям с трудовой деятельностью и рынком потребительских товаров все в большей степени сопутствовали плохое питание¹⁸², смертность среди младенцев¹⁸³, задержка в физическом развитии детей¹⁸⁴ и беспорядок в доме¹⁸⁵. Кластеры потребления,

181. Peter Laslett. "Introduction", in Peter Laslett, Karla Oosterveen, and Richard M. Smith, eds. *Bastardy and its Comparative History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980): 13–19; см. также Adrian Wilson. "Illegitimacy and Its Implications in Mid-Eighteenth Century London", *Continuity and Change* 4 (1989): 103–164.

182. Clark, Huberman, and Lindert. "A British Food Puzzle", p. 234. Загадка, которую пытаются разрешить Кларк, Хуберман и Линдерт, заключается в разнице между производством продовольственных товаров (и чистым объемом их импорта) и конечным их потреблением. Авторы исследования объясняют разницу ростом потребления продовольственных товаров, которые транспортировались на дальние расстояния и перерабатывались, а стоимость на них возрастала в результате издержек сбыта. См. также Shammas. *Pre-Industrial Consumer*: «Начало ужасающей ситуации с питанием в ранние годы индустриализационного периода XIX века... могло быть положено еще в предыдущем столетии» (p. 145).

183. W. R. Lee. "Women's Work and the Family. Some Demographic Implications of Gender-Specific Rural Work Patterns in Nineteenth-Century Germany", in Hudson and Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy*: «Экономическая активность женщин обычно влечет за собой раннее начало кормления младенцев едой со стола, прекращение кормления грудным молоком и высокие смертность и заболеваемость среди младенцев» (p. 61).

184. Относительная важность каждого из многочисленных составляющих режима питания остается открытым вопросом. См. Hans-Joachim Voth. "Height, Nutrition, and Labor. Recasting the 'Austrian Model'", *Journal of Interdisciplinary History* 25 (1995): 627–636; John Komlos. "Shrinking in a Growing Economy? The Mystery of Physical Stature During the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 58 (1998): 779–802; Richard Steckel. "Stature and Living Standards", *Journal of Economic Literature* 33 (1995): 1903–1940.

185. David Weir. "Parental Consumption Decisions and Child Health During the Early French Fertility Decline", *Journal of Economic*

поддерживаемые потребностями и устремлениями «трудолюбивого» домохозяйства, стимулировали спрос в отраслях, которые, за небольшим исключением, имели мало общего с ведущими отраслями промышленной революции¹⁸⁶. Размышляя об ухудшении телосложения американцев в период до Гражданской войны, Ричард Стекель замечает, что «пусть индустриализация и сопровождалась определенным видом благополучия, однако другие аспекты уровня жизни переменились к худшему». Николас Крафтс, изучавший рост доходов в период индустриализации, также подчеркивает, что этот «особенный вид благополучия» слишком много баллов в Индексе человеческого развития (ИЧР) не заработал бы¹⁸⁷.

Однако среди этих отрицательных характеристик «трудолюбивых» домохозяйств, представляющих среднюю простолудиную, и их потребительского поведения было и положительное достижение — наличие выбора среди расширившегося набора доступных товаров, ведущее к организации кластеров потребления, достаточно привлекательных для интенсификации рыночного производства соответствующих товаров. Посредством повышения предложения труда и специализации данный процесс содействовал масштабному росту экономики, а благодаря концентрации потребительского спроса на ряде «побудительных товаров» он ускорил

History 53 (1993): 259–274. Для сведений о формировании человеческого капитала см. David Mitch. “The Role of Education and Skill in the British Industrial Revolution”, in Joel Mokyr, ed. *The British Industrial Revolution* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1993): 241–279.

186. Sara Horrell. “Home Demand and British Industrialization”, *Journal of Economic History* 56 (1996): 561–604.

187. Richard Steckel. “Stature and Living Standards in the United States”, in Robert Gallman and John Wallis, eds. *American Economic Growth and Standards of Living Before the Civil War* (Chicago: University of Chicago Press, 1992): 294; N. F. R. Crafts. “Some Dimensions of the Quality of Life During the British Industrial Revolution”, *Economic History Review* 50 (1997): 617–639. Индекс человеческого развития представляет собой индикатор социального благополучия стран, включающий в себя такие показатели, как доход на душу населения, ожидаемая продолжительность жизни при рождении и уровень образования.

формирование систем оптовой и розничной торговли, способствовавших усилению разделения труда.

Новые формы потребительского поведения, возникшие в период после середины XVII в. на северо-западе Европы, и сопутствующая им новая организация экономики домохозяйств сыграли важную роль в создании условий для промышленной революции, однако их зарождение на фоне данного феномена не было одномоментным. Старые потребительские модели оказались живучими и в XIX в. Более того, главным последствием ускорившегося экономического роста, вызванного промышленной революцией, вполне могло быть расширение общественных слоев, способных содержать прислугу, — а именно эта возможность иметь прислугу на протяжении долгого времени разделяла общество на две четко выраженные среды материальной культуры. После 1850 г. данная структура была нарушена и претерпела изменения вследствие новой революции в экономике домохозяйства и ее тесных отношений с рыночной экономикой.

Приложение. Потребление ряда товаров из расчета на душу населения

Сахар	Период	Потребление на душу населения
Англия	1670-е гг. 1700-1709 1720-1729 1750-1759 1770-1779	Примерно 1,0 кг 2,6 5,0 7,5 10,5
Великобритания	1784-1786 1804-1806 1834-1836 1844-1846	7,7 9,3 9,2 9,6
Бельгия	Около 1800 1850-1854	1,65 ^a 3,0
Брюссель	1760	1,65
Нидерланды	Около 1750 Около 1820	3,75 ^b 5,5

Сахар	Период	Потребление на душу населения
Франция	1730-1734	0,45
	1784-1787	0,85
	1788-1790	0,95
	1810-1819	0,95
	1830	2,0
Париж	1787	4,9
	1815-1819	7,5
Австрия (земли австрийского правящего дома)	1780	0,15
	1800	0,4
	1830	1,0
Британская Северная Америка (13 колоний)	1770-е гг.	7,6
Балтийское побережье ^c	1784-1789	1,0

^a Плюс 0,90 кг патоки.

^b Плюс патока, объем неизвестен.

^c Сахар, ввозимый через датский пролив Эресунн (Зунд) для потребления в Швеции, Финляндии, Северной Германии, Польше и России и обслуживающий, по моим предположениям, 10 млн потребителей.

Источники:

Англия: Sheridan (1973): 22; Mokyr (1988): 75.

Великобритания: Davis (1979): 45.

Бельгия: Vanderbroeke (1975); Segers, et al. (2002): 100.

Брюссель: De Peuter (1999).

Нидерланды: de Vries and van der Woude (1997): 327; Kooi (2001): 141.

Франция: Toutain (1971): 2016; Breugel (2001): 99-118; Stein (1980): 5-6.

Париж: Stein (1980): 5-6.

Балтийское побережье: Johansen (1986): 123-142, 197.

Британская Северная Америка: Walsh (1992): 238.

Табак	Период	Потребление на душу населения
Англия	1669	0,42 кг
	1698-1702	1,05
	1748-1752	0,88
	1794-1796	0,51
	1814-1836	0,44
Нидерланды	1700-1709	1,96-2,86
Маастрихт	1670-е гг.	0,5
	XVIII в.	1,5

Окончание табл.

Табак	Период	Потребление на душу населения
Франция	1789	0,26
Норвегия	Около 1760 Около 1815	1,14 0,68
Балтийское побережье	1784-1789	0,16-0,48
Австрия (земли австрийского правящего дома)	1780 1800 1850	0,5 0,79 0,88
Британская Северная Америка (13 колоний)	XVIII в.	1,0-2,5

Источники:

Англия: Shammass (1990): 79; Nash (1982): 367.

Нидерланды: Roessingh (1976): 236-248.

Маастрихт: Steegen (1998): 178.

Франция: Price (1973): 411-412.

Норвегия: Hodne (1978): 118-120.

Балтийское побережье: Johansen (1986): 123-142. (See note 99.)

Австрия: Sandgruber (1982): 197.

Британская Северная Америка: Shammass (1990): 78.

Кофе	Период	Потребление на душу населения
Англия	1699-1701 1749-1751 1785-1787 1801 1841	0,05 кг 0,05 0,03 0,03 0,23
Нидерланды	1770-е гг.	2,8
Маастрихт	1728-1730	0,8 ^a
Фрисландия	1711 1786	0,07 2,8
Бельгия	1790 1850-1854	0,5 4,0
Брюссель	1760	0,55
Франция	1781-1789 1815-1824 1825-1835	0,24 0,24 0,29
Париж	1787	1,9

Кофе	Период	Потребление на душу населения
Балтийское побережье	1784–1789	0,37
Австрия (земли австрийского правящего дома)	1780 1800	0,04 0,05
Вена	1783	5,0
Соединенные Штаты	1790–1825	0,73

^aВ 1729–1730 гг. потребление в сельской глубинке было крайне невелико; в 1750 г. потребление в сельской местности сравнялось с показателем по городу Маастрихт.

Источники:

Англия: Smith (1996): 185; Burnett (1989): 15–17.

Нидерланды: Voskuil (1988): 77–83.

Маастрихт: Jansen (1997): 48–55.

Фрисландия: анонимный автор (1786): 28.

Бельгия: Vandenbroeke (1975); Segers, et al., (2002): 101.

Брюссель: De Peuter (1999): 111.

Франция: Toutain (1971): 1975.

Париж: Lavoisier (1988): 141.

Балтийское побережье: Johansen (1986): 123–142.

Австрия: Sandgruber (1982): 197.

Соединенные Штаты: Rogabaugh (1979): 100–101.

Чай	Период	Потребление на душу населения
Англия	1722 1750–1759 1784–1786 1804–1806 1834–1836 1844–1846	0,28 кг 0,5 0,61 0,79 0,86 0,84
Нидерланды	1780-е гг.	0,5–0,9
Фрисландия	1711 1760 1791	0,04 0,40 0,90
Маастрихт	1729–1730 1760	0,2–0,25 0,4–0,5
Бельгия	1720–1729 1850–1854	0,045 0,01
Брюссель	1760	0,10

Окончание табл.

Чай	Период	Потребление на душу населения
Франция	1825-1834 1835-1844	0,03 0,04
Британская Северная Америка (13 колоний)	1773	0,34
Соединенные Штаты	1835-1850	0,36

Источники:

Англия: Davis (1979): 45-46; Mokyr (1988): 75.

Нидерланды: Voskuil (1988): 77-83.

Фрисландия: *Vergelijking van de voornaamste imposten* (Leeuwarden, 1786): 28.

Маастрихт: Jansen (1977): 48-55.

Бельгия: Parmentier (1996): 110.

Брюссель: De Peuter (1999): 111.

Франция: Toutain (1971): 1975.

Соединенные Штаты: Rorabaugh (1979): 99.

Крепкие спиртные напитки	Период	Потребление на душу населения
Англия	1680-е гг. 1710-1719 1722 1740-е гг. 1833	0,35 л 1,5 1,9 Около 6,0 3,5
Нидерланды	1790 1831-1835	7,0 15,0
Утрехт (провинция)	1790-1798	6,0
Фрисландия	1767-1800	7,0 12,5
Гронинген (провинция)	1790	7,0
Бельгия	Около 1800 1850-1854	6,0 8,4
Брюссель	1760	9,0
Франция	1780-1789 1825-1834	0,9 0,9
Париж	1711-1714 1787	3,6 9,0

Крепкие спиртные напитки	Период	Потребление на душу населения
Британская Северная Америка (13 колоний)	1770	13,25
Соединенные Штаты	1830 1850	14,8 3,8

Источники:

Англия: Mathias (1959): 375; Mitchell and Deane (1969): 355-356; Cullen (1988): 18.

Нидерланды: Burema (1953): 177-178.

Фрисландия: *Vergelijking van de voornaamste imposten* (Leeuwarden, 1786).

Бельгия: Vandebroeke (1975); Segers, et al. (2002): 101.

Бельгия: De Peuter (1999): 109-III.

Франция: Toutain (1971): 1974.

Париж: Brennen (1988): 189.

Соединенные Штаты: Rorabaugh (1979): 232-233.

Домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка»

Введение

К СЕРЕДИНЕ XIX в., по мере того как новые промышленные возможности, вызванные к жизни промышленной революцией, заявляют о себе на северо-западе Европы и в Северной Америке, потребительское поведение формирует две четко выраженные формы домохозяйственной экономики. В среде растущего числа домохозяйств, способных содержать прислугу, наблюдается следующее: множество товаров, мало связанных непосредственным образом с собственно промышленной революцией, обеспечивают слоям общества со средним и высоким достатком более высокий уровень домашнего комфорта, доступ к модным изделиям и разнообразие предложения. У слоев населения с достатком ниже среднего ситуация в корне отличная. Свойственные данной среде, насчитывающей наибольшее число по-настоящему «трудолюбивых» домохозяйств, модели потребительского поведения, зародившиеся задолго до промышленной революции, вызывали у наблюдателей из высшего общества озабоченность и даже ужас. Из-за наличия большого числа членов, занятых оплачиваемым трудом, исчезновения домохозяйственного производства и развития индивидуальных потребительских устремлений создавалось впечатление, что семьи рабочих становятся неблагополучными и переживают распад. Основатели семейной социологии Фредерик Ле Плей во Франции, Фридрих Энгельс в Англии и Вильгельм Генрих Риль в Германии пришли к основополагающему диагнозу: промышленный капитализм подрывал устои традиционной «семейной экономики», где все члены семьи работают

совместно в рамках общего предприятия¹. В этой связи весьма красноречивы слова Эдварда Палмера Томпсона, подметившего, что в условиях промышленного капитализма «каждое утро семью грубо разбивал на части фабричный гудок». Центробежные силы толкали членов семьи к эгоистичному поведению, начинавшемуся с достойных сожаления потребительских предпочтений, неповиновения детей, нерадивого отношения к домашним делам со стороны жен и матерей и, наконец, разрыва семейных связей². Согласно большинству теорий, касающихся вопросов семьи, процесс, запущенный неумолимыми силами индустриального общества, характеризовался с тех пор линейностью, а результатом его стали «выхолощенные», рудиментарные семьи сегодняшнего дня.

У данного взгляда на рассматриваемую проблематику есть два существенных недостатка. Первый, подробным образом рассмотренный в предыдущих главах настоящего исследования, заключается в том, что характеристики экономики домохозяйства, столь часто относимые к функциональным потребностям индустриального общества, в действительности предшествовали современной промышленности. «Трудолюбивые» домохозяйства середины XIX в. развивали свои особые черты на протяжении 200 предыдущих лет, и начался этот процесс задолго до того, как первый фабричный гудок принялся призывать первых промышленных рабочих. Бесспорно, у «трудолюбивого» домохозяйства были как свои положительные, так и отрицательные черты, а промышленное общество окрасило их в собственные цвета. Более того, потребительские устремления, развившиеся в XVIII в., столкнулись в первой половине XIX в. со все более сложными экономическими условиями, отличавшимися ростом цен и непредсказуемостью рынка труда. «Трудолюбие»

1. Eric Richards. "Women in the British Economy Since about 1700. An Interpretation", *History* 59 (1974): 343. См. также Katherine Lynch. *Family, Class, and Ideology in Early Industrial France. Social Policy and the Working-Class Family, 1825-1848* (Madison: University of Wisconsin Press, 1988): 56; Janssens. *Family and Social Change*, p. 1-10.

2. Thompson. *Making of the English Working Class*, p. 416.

было в тот момент по большей части защитной реакцией, ухудшение же ситуации со здоровьем младенцев, умственными способностями детей и физическими данными подростков обнажили свойственные «трудолюбивому» домохозяйству патологические изъяны. Однако в целом мысль о том, что промышленная система подрывала единство семейной экономики, является мифом.

Второй недостаток представленного выше взгляда на рассматриваемую проблематику, который подробно исследуется в настоящей главе, заключается в том, что начавшийся процесс распада семьи не был линейным. Опасения, высказанные Ле Плеем в 1850-х гг., предвосхищают опасения социологов, занимающихся вопросами семьи в начале ХХI в. Однако в промежуточном периоде продолжительностью не менее ста лет экономика домохозяйств принимала совершенно другую форму. Революция трудолюбия завершилась, и тот же обширный географический регион, что когда-то был ее оплотом, теперь оказался во главе развития новых домохозяйственных стратегий, приведших к явлению, которое мы будем называть «домохозяйство типа «кормилец [семьи] — домохозяйка»» («breadwinner — homemaker»).

Новая экономика домохозяйства сместила свой акцент с рыночного производства и наличия многочисленных, занятых оплачиваемым трудом членов на внутреннюю специализацию домохозяйства. Ее основополагающие принципы были в 1897 г. сформулированы следующим образом Балтиморским благотворительным обществом: «Мужчина должен быть добытчиком средств существования, женщина — преобразовывать данные средства в домашний очаг, а дети — учиться в школе»³. Эти же три пункта являются ключевыми и в более развернутом определении, предложенном Анжеликой Янссенс, для которой «семья с мужчиной-добытчиком» представляет собой

3. The Baltimore Charity Organization School, 1897. Цит. по: S. J. Kleinberg. "Children's and Mothers' Wage Labor in Three Eastern U. S. Cities, 1880-1920", *Social Science History* 29 (2005): 53.

...модель организации домохозяйства, в рамках которой муж является единственным его представителем в секторе рыночной экономики, работающим в целях получения денежных средств, необходимых для обеспечения зависящих от него супруги и детей. В обмен на это его супруга взваливает на себя неоплачиваемый труд, такой как готовка, уборка и стирка, обеспечивающий мужу возможность ежедневной занятости в рыночной экономике. В дополнение к этому ею обеспечивается воспроизводство трудовых ресурсов — вынашивание и воспитание детей. Благодаря подобному разделению труда между родителями дети до определенного возраста освобождены от производственной деятельности и получают время для образования и личного развития⁴.

Идеалы данной формы домохозяйственной экономики не были воплощены в жизнь за один день — домохозяйства шли к этому поэтапно. Отход супруги и матери от оплачиваемого труда произошел раньше отхода от него детей. Более того, в XIX в. детский труд зачастую использовался более масштабно именно для достижения этой первой и главной характерной черты домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка»⁵. Позднее, с ростом важности инвестирования домохозяйств в образование, женщины возвращаются на рынок труда — когда делать это им позволяет возраст детей. Участие и женщин, и детей в рыночном труде в логику домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» вполне укладывается.

Но что привело к столь радикальным изменениям в организации домохозяйств, прежде всего домохозяйств рабочего класса? Этому вопросу посвящено множество исследований, которые находят ответы в возрождении патриархального уклада семьи, «потребностях» капитализма и структурных особенностях экономических изменений, сужающих круг возможностей трудовой занятости для женщин и детей. Все эти рассуждения

4. Angélique Janssens. "The Rise and Decline of the Male Breadwinner Family? An Overview of the Debate", in Janssens, ed. *Rise and Decline*, p. 3.

5. Hugh Cunningham. "The Decline of Child Labour. Labour Markets and Family Economies in Europe and North America Since 1830", *Economic History Review* 53 (2000): 409–410.

и их достоинства будут рассмотрены ниже. Однако уже сейчас необходимо отметить, что все они исходят из предположения, что домохозяйство меняет свою форму в ответ на действие внешних сил, будь они экономической, технологической или культурной природы. Я уже обращал внимание на тот факт, что «трудолюбивое» домохозяйство приобретало свойственную ему форму по мере эволюции потребительских устремлений самого домохозяйства, ведущего к интенсификации ориентированного на рынок труда. В данном случае я выдвигаю предположение о том, что у возникновения домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» есть схожая подоплека: реорганизация домохозяйств рабочего класса после 1850 г. была частично — причем в значительной степени — обусловлена изменениями в потребительских устремлениях семьи.

Накопление потребительского капитала и новые потребительские устремления

Наиболее удивительное и невиданное прежде свойство домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» несет в себе неожиданную иронию. По мере выхода мощностей индустриальных экономик Запада на новый уровень все более характерной особенностью новых объектов желания становилась их «неприобретаемость». Значение этого не самого красивого термина может стать понятным, если обратиться к терминологии, предложенной в главе 1. Так, эластичность замещения между временем и товарами, необходимая для обеспечения желаемыми предметами потребления «Z», была крайне невелика. В период с середины XIX в. наблюдается значительный и постоянный рост реальной заработной платы, что при прочих равных условиях приводит к замещению в пользу товаров, участвующих в производстве предметов потребления «Z», за счет времени домохозяйства, то есть происходит интенсификация прежней системы, известной как «трудолюбивое» домохозяйство. Однако одновременно с этим потребители начинают концентрировать спрос на таких предметах потребления «Z», которые можно было выработать лишь

посредством значительного вклада труда домохозяйства. Данные предметы нельзя было просто купить в магазине. В более провокационной формулировке мое утверждение звучит следующим образом: основной прогресс в повышении уровня жизни, который мы соотносим с современным обществом, был достигнут не *напрямую* промышленным и рыночным производством, а *косвенно* — домохозяйством, перенаправлявшим товары рынка на цели потребления, которые «естественным образом» удовлетворены не были бы.

Новые потребительские устремления были достаточно сильны, чтобы сломить противодействие рыночных сил, поскольку ими был сформирован целый комплекс потребительских целей, удовлетворение которых не могло быть достигнуто легко и само по себе, а требовало от домохозяйства более сложной стратегии, в рамках которой они были оформлены в качестве кластера. Данные устремления включали в себя улучшение здоровья, питания и жилищных условий. Каждая из этих достаточно широких категорий может быть разбита на подкатегории, в которых можно выделить разные цели, например: доступ к чистой воде и наличие системы канализации; более сложное оборудование, используемое для хранения и приготовления пищи, более разнообразный пищевой рацион; домашний уют, эффективные отопление и вентиляция помещений, наличие личного пространства, символы социальной респектабельности. Устремления эти были объединены в единый комплекс не потому, что каждый элемент был в равной степени важен для достижения конечной цели — более продолжительной жизни при улучшенном здоровье и комфорте, — но потому, что они рассматривались в качестве орудия достижения указанных целей и демонстрации другим своего намерения достигнуть их. Потребление — это способ удовлетворить наши материальные потребности и желания. Но это еще и способ продемонстрировать окружающим наши намерения, обеспечивающие нам определенные социальные преимущества (обычно известные в рассматриваемом периоде как «респектабельность»). Кроме того, потребление выполняет координирующую

функцию в формировании новых потребительских кластеров.

Вопросы здоровья были в указанном периоде одним из главных объектов домохозяйственного потребления, поэтому стоит ненадолго остановиться на том, как именно экономический рост (более высокий доход на душу населения) способен улучшать ситуацию со здоровьем. Существует мало свидетельств того, что до середины XVIII в. представители состоятельных слоев населения жили дольше большей части населения. Состояние знаний на тот момент было таковым, что просто взять и улучшить здоровье за деньги было невозможно. Положительная взаимосвязь между доходом и продолжительностью жизни начала проявляться в столетний период после 1750 г., однако повторных проявлений этой «перекрестной» взаимосвязи в социальных группах не наблюдается. В целом можно говорить о том, что продолжительность жизни для родившихся в XVIII в. увеличилась или, скорее, восстановилась, однако после 1820-х гг. какого-либо заметного ее повышения на протяжении более сорока последующих лет не наблюдалось⁶. Более того, продолжительность жизни, достигнутая поколениями, родившимися в период с 1820-х по 1850-е гг., оказалась максимальной, показав для дальнейших поколений тенденцию к снижению⁷. Это часто объясняется плохими условиями окружающей среды, свойственной городам и промышленным зонам, в которых в период индустриализации проживало все большее число людей. Судя по всему, негативный эффект от этого оказался сильнее положительного эффекта от увеличения уровня доходов. Таким образом, экзогенные, или

6. Wrigley and Schofield. *The Population History of England*, p. 534–535.

7. Roderick Floud, Kenneth Wachter, and A. Gregory. *Height, Health and History. Nutritional Status in the United Kingdom, 1750–1890* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990); Komlos. “Shrinking in a Growing Economy?”, pp. 779–802; Paul Johnson and Stephen Nicholas. “Male and Female Living Standards in England and Wales, 1812–1857. Evidence from Criminal Height Records”, *Economic History Review* 48 (1995): 470–481. П. Джонсон и С. Николас приходят к выводу, что средний рост у поколений, родившихся с 1820-х по 1850-е гг., снизился с 65,5 до 64,5 дюйма у мужчин и с 62,0 до 60,5 дюйма у женщин.

социальные, факторы оказались сильнее эндогенных факторов на уровне домохозяйства. Однако для полноты картины, возможно, нужно учитывать и негативно влияющие на здоровье потребительские решения домохозяйств простолюдинов, которые вели к ухудшению питания даже в периоды роста дохода⁸.

Среди специалистов, изучающих процесс снижения смертности в XIX в., единства относительно главной его причины нет. Роберт Фогель (а до него и Томас Маккеон) считает основным фактором улучшение питания, которое, в свою очередь, явилось результатом экономического роста, особенно в сельскохозяйственной отрасли. Однако это выглядит не слишком убедительно в силу того, что эластичность спроса на пищевые продукты на протяжении долгого времени превышала эластичность спроса на питание. То есть до определенного момента в XIX в. дополнительные расходы потребителя на пищевые продукты не преследовали собой цель улучшить свое питание⁹. Нет достаточных оснований, доказывающих сильную взаимосвязь между продолжительным снижением младенческой смертности, начавшимся в конце XIX в., и доходом семьи¹⁰.

8. Кэрол Шаммас замечает по этому поводу: «Начало ужасающей ситуации с питанием в ранние годы индустриализационного периода XIX в. ... могло быть положено еще в предыдущем столетии». Carole Shammas. *Pre-Industrial Consumer*, p. 145. Она обращает внимание на тот факт, что параллельно с плохим питанием отмечаются и траты значительной доли доходов домохозяйств на непродовольственные товары, и заключает: «Если бы у них были неограниченные финансовые ресурсы, то, без сомнения, они смогли бы не только удовлетворять свои желания к приобретению новых товаров, но и потреблять больше сыра и мяса. Однако, будучи поставленными перед выбором, они предпочли сахар, чай, масло и хлеб» (стр. 146).

9. Clark, Huberman, and Lindert. "The British Food Puzzle". См. также Shankar Subramanian and Angus Deaton. "The Demand for Food and Calories", *Journal of Political Economy* 104 (1996): 133–162.

10. R. I. Woods, P. A. Watterson, and J. H. Woodward, "The Causes of Rapid Infant Mortality Decline in England and Wales", *Population Studies* 42 (1988): 343–366; 43 (1989): 113–132. «Взаимосвязь между младенческой смертностью и уровнем дохода ни в коем случае не была прямой. Она не в состоянии объяснить ни вре-

Согласно еще одному мнению, одним из самых активных сторонников которого является Саймон Шреттер, снижение смертности стало результатом улучшения системы здравоохранения. «Сам по себе экономический рост какими-либо качествами, положительным образом влияющими на здоровье, не обладал». Улучшение здоровья «требует коллективных политических решений... конкретным образом направленных на использование возросшего благосостояния населения на

мя, ни уровень изменений» (р. 364). В конце XIX в. среди врачей бытовало мнение о взаимозависимости высокой младенческой смертности с трудовой занятостью матерей. Их выводы привели к принятию в 1891 г. закона о занятости на производстве, который запрещал работать матерям детей, не достигших одного месяца. Сэр Джордж Рид, исследовавший вопрос занятости матерей на стаффордширских керамических производствах, выяснил, что только 10% из них кормили младенцев грудным молоком, в то время как среди неработающих матерей данный показатель составлял 74%. В то время искусственное вскармливание младенцев связывали с острыми кишечными инфекциями. Рид обвинил данных женщин в том, что они работали не из нужды (их мужья зачастую были квалифицированными рабочими, имеющими постоянную работу), но по причине пристрастия к алкогольным напиткам и неумелого распоряжения семейным бюджетом. То есть в их потребительских предпочтениях по-прежнему проявлялись характерные черты «трудолюбивого» домохозяйства простолюдинов, а не домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка». Clare Holdsworth. "Women's Work and Family Health. Evidence from the Staffordshire Potteries, 1890-1920", *Continuity and Change* 12 (1997): 103-128. См. также W. R. Lee. "Women's Work and the Family. Some Demographic Implications of Gender-Specific Rural Work Patterns in Nineteenth-Century Germany", in Hudson and Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy*, p. 50-75. Ли рассматривает немецкие показатели смертности среди младенцев через призму данных по развивающимся странам и приходит к выводу: «Исследования так называемых стран третьего мира все больше свидетельствуют о том, что забота о младенце и его питание в поздний предродовой и ранний послеродовой период, хотя и подчиняются бытующим культурным нормам, находятся прежде всего под влиянием трудовой деятельности матери и ее функций вне рамок домохозяйства... Трудовая деятельность женщин зачастую связана с началом вредного для здоровья младенца искусственного кормления, прекращением грудного вскармливания и ростом смертности и заболеваемости среди младенцев» (р. 61).

цели непосредственного улучшения уровня его здоровья...»¹¹ Шретер обращает внимание на государственное строительство систем канализации и водоснабжения, а также создание в Великобритании профессиональной системы здравоохранения. Наибольший эффект данных мер пришелся на заключительную треть XIX в. — период, когда и могло быть положено начало современному снижению уровня смертности.

Взаимосвязь между государственным обеспечением населения водопроводом и канализацией, а также услугами здравоохранения и соответствующим *спросом* со стороны населения представляет собой весьма сложный вопрос, которого я не буду касаться. Лишь замечу, что потребительский спрос не ограничивается частными товарами и услугами; существует и спрос на «государственные товары» (*public goods*). В отношении политической ситуации XIX в. бытует мнение, что услуги здравоохранения оказывались населению «сверху», люди плохо осознавали их пользу, при этом иногда такие меры внедрялись даже против воли населения. Однако точно так же, как наблюдавшееся ранее ухудшение состояния здоровья населения и его питания не было результатом исключительно внешних факторов, выправление ситуации в конце XIX в. нельзя приписать исключительно на счет отеческих мер, принятых государством. Шретер добавляет к двум указанным мерам, способствовавшим улучшению ситуации со здоровьем населения, третий фактор — изменение отношения людей к вопросам личной гигиены и их сотрудничество со структурами здравоохранения, занятыми предупреждением заболеваний¹². То есть реформы сверху смогли достигнуть в конце XIX в. положительного результата благодаря тому, что были положительно встречены снизу. Эта удачная случайность, на которой мне хотелось бы еще немного задержаться.

11. Simon Szreter. "Mortality and Public Health, 1815–1914", in Digby, Feinstein, and Jenkins, eds. *New Directions*, Vol. 2, p. 147.

12. Указанные изменения в среде рабочего класса Лондона см.: A. Hardy. *The Epidemic Streets. Infectious Disease and the Rise of Preventive Medicine* (Oxford: Oxford University Press, 1993).

Точно так же как новые потребительские товары становятся успешными, когда кроме инновационных производителей в наличии имеются и находящиеся в активном поиске потребители, так и эффект «государственных товаров» бывает максимальным лишь в случае, когда политики-реформаторы имеют дело с гражданами, стремящимися к приобретению предметов потребления «Z», а наличие «государственных товаров» данным устремлениям благоприятствует. Без такого отношения, идущего снизу, от задумываемых властями проектов по улучшению условий жизни простых людей много толку не было.

«Трудолюбивое» домохозяйство простолюдинов, сформировавшееся в «долгом» XVIII в., уделяло мало внимания потребительским практикам, целью которых было улучшение домашнего уюта, качества питания и здоровья. Новые потребительские технологии, зародившиеся в это время, привели к замене домохозяйственного труда приобретаемыми товарами. Мы уже удостоверились в том, как рабочие фабрик и заводов начала XIX в.

были в состоянии выживать, особо не обременяя себя работой по дому. Они и их семьи питались пшеничным хлебом и картофелем, запивая их чаем или кофе и живя в большинстве своем в отвратительных жилищных условиях¹³.

Этому способствовало не только соответствующее распределение домохозяйственного времени, но и расходы на товары, такие как кухонные приборы, помогавшие добиться более высоких стандартов домашнего быта.

Во многих сельских коттеджах и съемных домах, где проживало много малоимущих горожан, был лишь открытый очаг, который иногда нечем было топить. В подобной ситуации главными приборами для приготовления пищи были сотейник, сковорода и чайник, особенно когда хозяйка семьи была занята работой в поле, на фабрике или в производстве на дому. Условные «полуфабрикаты», такие как покупные хлеб, чай

13. Caroline Davidson. *A Woman's Work Is Never Done. A History of Housework in the British Isles, 1650–1950* (London: Chatto and Windus, 1982): 184.

и сыр, были не столько роскошью, сколько необходимостью, а из мясных продуктов... обычно использовался бекон, который можно было быстро разогреть, а не сырое мясо, которое требовало тушения или жарки¹⁴.

Времени на мытье посуды после еды уходило немного, если вся посуда состояла из «общего горшка или миски, а зачастую их не мыли вовсе». Свое исследование сельских коттеджей и съемных домов Олвен Хафтон заключает так: «Уборка дома никого не заботила». В то время как в Германии реформатор Виктор Хубор находит «жилища» трудящихся недостойными этого имени: «Человек, пытающийся выжить с женой и детьми [в подобных помещениях], не может претендовать на то, чтобы быть главой семьи; он — лишь самая крупная свинья в хлеву»¹⁵. Не впечатляло представителей высших классов и то, как работающие матери выполняли свои родительские обязанности. В 1840-е гг. сэр Чарльз Шоу высказал мнение о том, что занятые на фабриках Манчестера женщины «совершенно не в состоянии выполнять какую бы то ни было работу по дому», постоянно оставляют младенцев и малолетних детей под присмотром соседей, не убираются в доме и предпочитают есть в пивных, а не утруждать себя приготовлением пищи дома¹⁶.

Жилищные условия, в которых жили простолюдины, были ничуть не лучше. В своем исследовании на основе массовой выборки домов, сдаваемых английскими благотворительными организациями, Грегори Кларк приходит к выводу, что до 1850 г. сколько-нибудь массового улучшения среднего качества жилищных условий (учитывающего такие характеристики, как размер дома, размер приусадебного участка, наличие водопровода и канализации) не наблюдалось. Более

14. Derek J. Oddy and John Burnett. "British Diet Since Industrialization. A Bibliographical Study", in Teuteberg, ed. *European Food History*, p. 32. См. также Martin J. Daunt. *House and Home in the Victorian City. Working Class Housing, 1850-1914* (London: Edward Arnold, 1983).

15. Hill. *Women, Work, and Sexual Politics*, p. 110; Olwen Hufton. "Women and the Family Economy in Eighteenth Century France", *French Historical Studies* 9 (1975): 1-22; слова Виктора Хубора приведены в: Seccombe. *Weathering the Storm*, p. 55.

16. Цит. по: Davidson. *A Woman's Work*, p. 205.

того, для периода после 1810 г. Кларк приходит к выводу, что стоимость жилья выросла относительно прочих товаров, при этом население предпочитало тратить деньги не на улучшение жилищных условий, а на потребительские товары¹⁷.

И наконец, то, что домохозяйства выделяли лишь незначительные денежные средства и объемы времени на улучшение питания, уборку и повышение комфорта, обуславливалось наличием третьего фактора, который современники определяли как «невежество». Я полагаю, что данный термин неверен уже хотя бы потому, что он сужает возможные объяснения изменений, произошедших в том, каким образом более просвещенные классы пытались улучшить социальное положение и нравственные устои простолюдинов.

Гораздо лучше разобраться в данном вопросе можно, если подойти к нему с позиции накопления отдельными лицами потребительского капитала (то есть соответствующего опыта потребления), а также капитала социального (влияние окружающих и передаваемая ими информация)¹⁸. Сформированные данными факторами знания и убеждения воздействуют на то, как именно отдельные лица действуют, если действуют вообще, для получения тех или иных предметов потребления «Z», являющихся конечной целью потребления. В своем недавнем исследовании домохозяйственного производства и потребления «услуг здравоохранения» Джозел Мокир попытался вывести формулу взаимодействия знаний и убеждений. Уровень «компетентности» («степень, в которой передовой опыт отражает в себе истинный эффект [товара или обычая] X_i на здоровье») может варьироваться от полного понимания влияния X на здоровье до полного отсутствия надежных знаний. Соответственно убеждения и обычаи конкретного человека могут варьироваться в зависимости от того, насколько они отстают от передового опыта экспертов

17. Gregory Clark. "Shelter from the Storm. Housing in the Industrial Revolution, 1550–1909", *Journal of Economic History* 62 (2002): 489–511.

18. Gary Becker. *Accounting for Tastes* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996): 4–5.

в отношении конкретного товара. Мокир предложил количественное выражение уровней компетенции относительно определенного товара i (A_i) и потребительских обычаев индивидуума j применительно к товару i (ε_{ij}). A_i может варьироваться между 1 (полные, надежные знания) и 0 (отсутствие надежных знаний относительно благотворного влияния X_i на здоровье). ε_{ij} определяет степень отставания потребительских обычаев индивидуума в отношении товара i от передового опыта. Чем меньше отставание, тем меньше значение ε_{ij} ¹⁹.

$A_i - \varepsilon_{ij}$ определяет степень того, насколько потребитель j знает и убежден в том, что определенный набор товаров (X_i) позволяет улучшить состояние здоровья. Значение данного выражения может превышать 1: это значит, что потребители имеют завышенные ожидания относительно эффективности определенных товаров; завышенным тогда будет и потребление таких товаров. Чем значение ниже 1, тем сильнее недопотребление товара (с точки зрения передового опыта общающихся между собой потребителей, отсюда предположение о «невежестве»), поскольку индивидуум не способен или не готов принять «компетентность» и следовать ей. Необходимо подчеркнуть, что подобное нежелание необязательно является следствием невежества. Оно может являться отражением неуверенности: преобразование определенной формы потребления в улучшенное состояние здоровья может быть слишком непредсказуемым, спорным или незаметным. Оно может отражать в себе противодействующее влияние прочих желаемых объектов потребления: вы знаете, что потребление товара x благотворно для вас, однако его потребление означает снижение потребления товара y , к которому в силу прочих причин вы стремитесь в еще большей степени. Как следствие, степень, в которой выражение $A_i - \varepsilon_{ij}$ приближается к 1, частично является отражением убедительности, с которой передаются знания о передовом опыте, а частично — отражением степени совместимости передовой практики с прочи-

19. Joel Mokyr. "More Work for Mother? Knowledge and Household Behavior, 1870–1945", *Journal of Economic History* 60 (2000): 7.

ми желаемыми объектами потребления и даже того, в какой степени она данные объекты подкрепляет.

В том, что касается потребления товаров для здоровья, то XIX в. пережил настоящую революцию знаний. Это, согласно Мокиру, привело к значительному повышению значения *A*, а реализация задачи по убеждению населения в истинности и ценности новых знаний стала, как хорошо известно, одним из серьезнейших достижений эпохи. Революция знаний началась в качестве кампании за улучшение санитарии и гигиены, основывавшейся на статистических показателях конца XVIII столетия, а завершилась достижениями эпидемиологов, которым удалось доказать взаимосвязь между потребительскими предпочтениями, личными привычками и заболеваниями. После 1865 г. бактериологами была продемонстрирована важность чистоты, что переложило ответственность за здоровье членов семьи с абстрактного провидения на хозяйку дома. Наконец, успехи были достигнуты в трофологии благодаря открытию витаминов и минералов и выявлению их влияния на организм. Трофологии удалось установить взаимосвязь между правильным питанием и противодействием развитию инфекционных заболеваний.

Мокира впечатлила скорость, с которой в среде населения распространялись и брались на вооружение новые знания, свидетельством чему является скорость снижения смертности благодаря соответствующим профилактическим мерам (то есть еще до появления антибиотиков, которые были способны «излечивать» болезни). Это дает основания предполагать, что большинство людей меняли свое потребление в рамках домохозяйства по мере того, как убеждались в благотворном влиянии новых потребительских технологий на здоровье. Мокир дал этому явлению название «герметичность знаний», когда сложно определить степень взаимосвязи между доступными знаниями и желанием людей действовать в соответствии с ними.

Я подозреваю, что в успехе революции здоровья определенную роль сыграло что-то еще. Указанная «герметичность знаний» не является лишь продуктом «убеждения» в интеллектуальном смысле этого слова,

поскольку одного убеждения зачастую бывает недостаточно для того, чтобы добиться изменений в поведении. Кроме того, она является продуктом совместимости новых рекомендуемых потребительских практик с прочими желаемыми формами потребления. Как я уже указывал в главе 1, потребление осуществляется кластерами: речь идет о взаимодополняющих элементах, каждый из которых влияет на полезность, извлекаемую из потребления остальных элементов. Как результат, логически вытекающий новый тип потребления возникает не сам по себе, а во взаимодействии с прочими компонентами потребления, которые, будучи взяты в комплексе, способны формировать то, что сегодня мы называем «стилем жизни». Нацеленное на улучшение здоровья потребление в домохозяйстве конца XIX в. явилось частью более широкой потребительской модели, охватывающей также улучшение жилищных условий, комфорта, питания, гигиены и организации быта.

Изменения, направленные на улучшение состояния здоровья, шли рука об руку со значительным смещением расходов в сторону улучшения жилищных условий. Грегори Кларк, который был не в состоянии выявить какого-либо прогресса в улучшении качества среднестатистических жилищных условий жителей Англии с 1640-х по 1840-е гг., указывает на более чем 50%-ный прирост показателей индекса качества жилищных условий в период 1850–1909 гг. Более того, на территории Северо-Западной Европы в указанный период наблюдается существенное увеличение доли расходов домохозяйств на улучшение жилищных условий²⁰. Однако немалая доля новых расходов была направлена и на такие формы домашнего потребления, которые вряд ли можно объективно отнести к расходам, способным улучшить условия жизни и быта.

20. Hartmut Kaelble. *Industrialisation and Social Inequality in Nineteenth Century Europe* (Leamington Spa: Berg Publishers, 1986): 112, 117; Christian Topalov. *Le Logement en France* (Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1987); p. 131; Nicholas Bullock and James Reed. *The Movement for Housing Reform in Germany and France, 1840–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985): 304; Dauntton, *House and Home*.

Классическим примером здесь может служить гостиная. Представители среднего класса зачастую приходили в отчаяние от того, что это новое внутреннее пространство простаивало впустую, и относились к нему словно к святилищу. Так, Марджери Лоун следующим образом высмеивает в 1910 г. правила для гостиной, установившиеся в среде рабочего класса:

Чтобы не выцвел ковер, шторы следует держать закрытыми; газ зажигать нельзя, иначе закоптится потолок; окна отрывать не следует, поскольку от уличного воздуха может потемнеть рама зеркала; дымоход следует держать закрытым, чтобы каминная решетка не заржавела от дождя. И наконец, дверь в гостиную должна быть заперта на ключ. Снаружи²¹.

Можно ли утверждать, что большая часть расходов простолюдинов, направленных на улучшение жилищных условий в период после 1850 г., сгинула в тратах на пространства символического значения, не имеющие для семьи никакой практической пользы? Или же эти формальные комнаты, к которым относились с такой взыскательностью, были в действительности символами респектабельности, сообщавшими членам семьи и посторонним, что домохозяйство претендует на более масштабный кластер потребления? То есть общественная респектабельность, домашний уют и условия личной санитарии и гигиены оказывались связаны в один потребительский набор. Действия потребителя были нацелены на использование данных элементов, по-прежнему высоко ценимых их потомками, в силу того что они являлись частью общего потребительского набора, крайне привлекательного для современников, хотя некоторые его составляющие не дожили до нас по причине меняющихся предпочтений задающих общий тон общественных кругов.

Как уже было сказано, характерной чертой всех этих новых потребительских устремлений было то, что они не могли быть удовлетворены лишь приобретением

21. Margery Loane. *The Queen's Poor. Life as They Found It* (London: Edward Arnold, 1910): 22–23.

рыночных товаров и что новые расходы на приобретаемые товары (в том числе государственные) требовали дополнительного домохозяйственного труда, с помощью которого их и можно было преобразовать в желаемые объекты потребления.

В период после 1750-х гг. открытый очаг, требовавший трудоемких способов приготовления пищи, был дополнен кухонной решеткой для готовки на открытом огне — достаточно недорогим чугунным приспособлением, облегчившим приготовление простых мясных блюд и способствовавшим переходу домохозяйств на полуфабрикаты. Судя по всему, к 1830-м гг. подобные решетки в домах простолюдинов встречались уже повсеместно, а их распространению, безусловно, способствовали низкие цены на уголь и железо, ставшие таковыми благодаря промышленной революции²². Следующим нововведением стала более дорогая кухонная плита с закрытым огнем, благодаря которой отпала необходимость в подвесном котле. Кроме того, она сделала кухню более чистой и дала возможность приготовления значительно большего числа полуфабрикатов. Однако еще более значимым стало появление газовой плиты, быстро распространившейся с газификацией домов в 1880-х гг. К 1901 г. треть британских семей владели газовыми плитами, которые можно было в том числе и взять в аренду²³.

Добиться распространения новых стандартов домашнего уюта и личной гигиены в домохозяйствах, не имевших прислуги, можно было лишь посредством улучшенного снабжения их водой. Благодаря водопроводу потребление воды выросла до 12 галлонов и более на человека, когда можно было говорить уже о регулярности принятия ванн и стирки белья. Тесно связанным с распространением в конце XIX в. водопровода оказался и рост потребления мыла. В 1791 г. потребление мыла на душу населения составляло в Британии 3,1 фунта, показав тенденцию среднего ежегодного прироста на 0,94% вплоть до 1830-х гг., после чего происходит

22. Davidson. *Woman's Work*, p. 60.

23. Ibid, p. 67–68.

ускорение прироста до 2,3% — показателя, сохранявшегося на протяжении последующих пятидесяти лет, благодаря чему в 1881 г. потребление мыла в стране составило 14 фунтов на человека, что позволяет говорить о появлении в Великобритании первого массового рынка мыла²⁴. На тот момент потребление мыла во Франции составляло лишь 6 фунтов на человека. Однако наличие воды или мыла в доме еще не делает его или его обитателей чистыми. Первостепенным здесь является определенное трудовое усилие, заключающееся в том, чтобы согреть воду и использовать мыло для мытья и стирки. В указанный период существовало мало возможностей замены труда товарами как в вопросах приготовления пищи, так и ухода за домом. Более того, скорее следует говорить о противоположном — росте стандартов, обусловленном появлением новых возможностей и новых мотивирующих факторов, целью которых были улучшение здоровья и повышение уровня чистоты.

Само собой, что для лиц с достаточно высоким доходом указанное замещение было возможным посредством покупки труда домашней прислуги. Мы уже обратили внимание на то, что одним из главных эффектов экономического роста в первое столетие британской промышленной революции стало повышение спроса на домашнюю прислугу, чье число в абсолютном выражении показывало тенденцию к росту вплоть до 1911 г. (когда 35% всех работающих женщин были заняты в качестве прислуги), а в относительном — стабильно повышалось вплоть до 1891 г., когда на домашнюю прислугу пришлось 16% от общего числа работающих в стране. В Германии на 1895 г. пришелся пиковый показатель занятости работающих женщин в качестве домашней прислуги — 23%. В Нидерландах же еще в 1930 г. данный показатель составлял 31% (при этом многие

24. Vögele. *Urban Mortality Change*, p. 206. В Германии, по которой существуют лишь данные по частным расходам, потребление мыла оставалось неизменным вплоть до 1870-х гг., после чего в последующие сорок лет его потребление увеличилось более чем в три раза.

женщины приезжали на работу из Германии)²⁵. Во Франции конца XIX в. примерно 15% всех домохозяйств использовали, по крайней мере, одного наемного работника в качестве домашней прислуги. В Соединенных Штатах в межвоенный период наблюдалось наивысшее, чем когда-либо прежде, соотношение числа домашней прислуги к числу домохозяйств²⁶.

Домохозяйства, содержавшие прислугу, смогли развить различные формы домашнего комфорта и начать соответствовать более высоким стандартам гигиены гораздо раньше прочих домохозяйств. Высокий спрос на домашнюю прислугу в XIX в. дает основания предполагать, что привлекательность трудоемкого домохозяйственного потребления в целях улучшения здоровья показывала тенденцию к усилению и среди зажиточных граждан. Для сравнения: общественные классы, поставившие своих представителей для занятости в качестве прислуги, не имевшие прислуги и не использовавшие труд старших детей как замену труду прислуги, не могли надеяться на то, чтобы добиться того же уровня домашнего обустройства, что и общественные классы, которые были в состоянии позволить себе прислугу. Отсюда столь разительные различия в домашнем обустройстве между простолюдинами и семьями классов со средним достатком, свойственные «долгому» XVIII в.

Обоснование домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка»

По прошествии половины столетия эта социальная пропасть, разделяющая направления потребительских устремлений, начинает сокращаться. Для того чтобы ра-

25. Janneke Plantenga. *Een afwijkend patron. Honderd jaar vrouwenarbeid in Nederland en (West-) Duitsland* (Amsterdam: SUA, 1993): 61.

26. Theresa M. McBride. *Domestic Revolution. The Modernisation of Household Service in England and France, 1820–1920* (London: Croom Helm, 1976): 34; George Stigler. *Domestic Servants in the United States, 1900–1940* (NBER occasional paper no. 24, 1946). Макбрайд полагает вероятным, что «четверть всех женщин во Франции и Англии XIX в. какое-то время работали в качестве домашней прислуги» (p. 119).

зительные различия в домашнем обустройстве имеющих и не имеющих прислугу домохозяйств начали сглаживаться, понадобилось около столетия, однако ретроспективно мы в состоянии утверждать, что начало формирования новой экономики домохозяйств рабочего класса приходится на период после 1850 г., когда они оказываются способными к приобретению ставшего доступным кластера объектов потребления. Некоторые увидят в подобном развитии ситуации некую форму подражания: классы более низкого общественного положения подражали более высоким социальным слоям в вопросах домашнего обустройства, с тем чтобы добиться «респектабельности». В своем историческом контексте этот расхожий термин служил для связи различных элементов упомянутого мною кластера потребления; он осуществлял кодификацию подражания, которая превратила подражание из «глупого имитирования» в преобразование жизненного стиля. Респектабельность служила для домохозяйств своеобразным компасом на их пути от одного кластера потребления к другому.

То, что приходится прибегать к подражанию в качестве объяснения столь важных преобразований, приводит к следующему вопросу: почему люди пошли именно этим путем и почему именно в этот момент? Возможно, выбор времени можно было бы объяснить таким термином, как «ставший доступным». Однако в каком именно смысле «ставший доступным»? Идет ли речь просто о росте доходов, который делает определенный набор товаров впервые доступным новой потребительской группе? Это лишь часть ответа, поскольку рост доходов делает впервые доступным *множество* вещей. Более того, собственно большего дохода еще не было достаточно для эффективного использования товаров, требовавших трудоемких технологий потребления. Кроме того, новый кластер потребления предусматривал необходимость перераспределения ресурсов домохозяйства. Он требовал сознательных, скоординированных усилий, что вновь подводит нас к выдвинутым мною в начале главы утверждениям.

«Доступность» требовала двух вещей — денежного дохода и времени на домохозяйственный труд. Требовала

она и фундаментальных решений семьи относительно своих приоритетов, поскольку практика расходов средств существующего дохода должна была быть изменена. Кроме того, требовало пересмотра и участие членов семьи в рыночном труде. Как только доход домохозяйства достигал определенного уровня — переходил определенный порог (Джоанна Бурк устанавливает его в еженедельный заработок в размере от 21 до 30 шиллингов для викторианской эпохи), — семье оказывался доступен новый уровень общей полезности, достижимый посредством переориентации трудового времени женщин с рыночной занятости на нужды домохозяйства, результатом чего была трудоемкая триада домашнего комфорта, хорошего питания и соответствующих гигиенических условий для членов домохозяйства²⁷. До момента дальнейшего повышения дохода «кормильца семьи» данное перераспределение труда требовало и постоянную ставку на рыночный труд детей. При формировании домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» детский труд в какой-то мере оказался замещен трудом взрослых женщин²⁸.

Концепция порога дохода иллюстрируется диаграммой рис. 5.1, на котором продемонстрирована предельная производительность времени, уделяемого женщи-

27. Joanna Bourke. "Housewifery in Working-Class England, 1860–1914", *Past and Present*, 143 (1994): 176. Схожее мнение высказывается и Йоргом Фогелем, хотя он и не упоминает пороговых доходов, когда заключает свое сравнительное исследование смертности среди горожан Германии и Британии XIX в. следующим замечанием: «На определенных этапах экономического развития... дополнительный семейный доход [за счет рыночного труда женщин] повысил выживаемость среди младенцев, хотя на других риск для матери и ребенка и возрос». Vögele. *Urban Mortality Change*, p. 135.

28. Carolyn Tuttle. *Hard at Work in Factories and Mines. The Economics of Child Labor during the British Industrial Revolution* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1999): 75. Bourke. *Housewifery in Working-Class England*, p. 176. Оба автора утверждают, что в 1840–1860-х гг. заработная плата детей выросла относительно заработной платы взрослых женщин. Однако это, возможно, важно в гораздо меньшей степени, чем изменение соотношения между рыночным заработком женщин и производительностью их домохозяйственного труда по мере роста общего дохода семьи.

Рис. 5.1. Изменения приоритетности использования времени женщинами в течение жизни

ной домохозяйственному труду, и уровень заработка на рынке труда на протяжении ее жизни. Между двумя мерами производительности существуют фундаментальные отличия. В то время как кривая уровня зарплаты является, само собой, экзогенным фактором для домохозяйства, кривая производительности домохозяйственного труда — нет. На форму кривой во временном протяжении влияет способность накопленного потребительского капитала и изменений в возможностях замещения домохозяйственного труда товарами достигать цели потребления (технологии потребления). Влияет на нее и уровень общего заработка членов домохозяйства, поскольку приобретаемые товары служат дополнением для домохозяйственного труда и напрямую влияют на его производительность. На рубеже первой и второй половины XIX в. все большее число семей трудящегося класса обнаруживали, что они в состоянии получать пользу от нового распределения труда в рамках домохозяйства и более высокой производительности женщин при обеспечении ими нового комплекса потребления, который был бы недостижим посредством доходов от рыночного труда²⁹.

29. Пара моментов на рис. 5.1 может вызвать у читателя вопросы. Во-первых, насколько обоснованно предполагать, что домо-

Экономической основой домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» является специализация. В то время как специализированные навыки вступающих в брак мужчины и женщины могут разниться и, разумеется, далеко не в каждом случае выходят за рамки навыков, заложенных биологией, из логики данной формы домохозяйства следует, что оба его участника выиграют от постоянного развития в браке дополнительных навыков. Так, конечное потребление предметов потребления «Z» каждым из двух членов домохо-

зяйственная производительность между возрастом t_1 и возрастом t_2 столь высока? Ответ с некоторой натяжкой вытекает из рассмотрения головоломки нашего времени — сложности найти качественное и недорогое дошкольное учреждение для ребенка. Если бы пребывание ребенка в таком учреждении не субсидировалось, то оно оказалось бы многим трудящимся не по карману. То есть его себестоимость превышает заработок многих из них. Во-вторых, почему на данном рисунке представлены заработная плата и производительность лишь женщин? Экономист мог бы ответить, просто заметив, что производительность домохозяйственного труда в теории может быть достигнута другим способом — при условии, что данный труд становится специализацией кого-то из членов домохозяйства. (См. Becker. *A Treatise on the Family*, p. 30.) Беккер утверждает, что «специализация в выделении времени и накоплении человеческого капитала была бы экстенсивной в любой эффективной семье, даже если бы все ее члены были биологически идентичными единицами», [в оригинальном тексте выделение курсивом отсутствует]. Шила Огилви подходит к этому вопросу более прямолинейно: «Труд женщин отличается от труда мужчин более высокой домохозяйственной производительностью первых, что является следствием как биологической, так и социальной природы. Поскольку при принятии решений о выделении времени на свою профессиональную деятельность женщины учитывают производительность своего труда и в рамках домохозяйства, и в работе за его пределами... трудовая занятость женщин крайне чувствительна к демографическим и институциональным изменениям, влияющим на пользу от использования времени на те или иные цели». Ogilvie. "Women and Proto-Industrialisation", p. 76. Будущие изменения в социальных связях могли бы в определенной степени преобразовать кривые рис. 5.1. В настоящее же время наличие ребенка ведет к увеличению выделяемого времени на домохозяйственный труд со стороны матерей в гораздо большей мере, чем со стороны отцов даже в случаях, когда заработок матери превышает заработок отца. Offer. *Challenge of Affluence*, p. 319–320.

зяйства по отдельности, z_f и z_m , будет ниже результата совместного потребления z_{mf} ³⁰. Разница, которую можно отнести на счет возможной в рамках домохозяйства специализации, будет большей или меньшей в зависимости от технологий потребления, используемых домохозяйством в преобразовании приобретенных товаров в предметы потребления « z », и от эффективности их использования. Использование тех или иных технологий потребления зависит от взаимозаменяемости между потреблением на дому и за его пределами. Сила домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» в период его доминирования самым непосредственным образом связана с высокой ценностью производственного времени домохозяйства в производстве желаемых форм предметов потребления « z ». Другой фактор, эффективность, варьируется как между домохозяйствами, так и в рамках отдельного домохозяйства, поскольку специализация его членов ведет к повышению его производительности. Для того чтобы быть умелым потребителем, требуются приложение усилий, знания и расчет, которые вместе определяют «производительность потребления» — объемы полезности на единицу времени домохозяйства, расходуемого на преобразование товаров в предметы конечного потребления. Любопытный аспект эффективности (знакомый любому родителю, который готовит еду для семьи с детьми) заключается в оптимальном выборе объектов потребления, предназначенных для перераспределения между прочими членами домохозяйства. Чем сильнее разнообразность предпочтений членов домохозяйства, тем труднее добиться высокой эффективности³¹.

30. Гэри Беккер формулирует это следующим образом: « M [мужчина] и F [женщина] выигрывают от брака, поскольку t_m и t_f [время мужчины и женщины, соответственно] не являются идеальными заместителями ни друг для друга, ни для предлагаемых рынком товаров и услуг...» Gary S. Becker. "A Theory of Marriage. Part I", *Journal of Political Economy* 81 (1973): 819.

31. Вопрос эффективности потребления сравним с теорией «Х-эффективности», разработанной Харви Лейбенштайном. Для более подробного рассмотрения вопроса см. James. *Consumption and Development*, p. 186–189.

Критики модели домохозяйства «кормилец — домохозяйка» зачастую утверждают, что неоплачиваемый труд домохозяйки постоянно недооценивается и что «заточение» супруги в «частной сфере» домохозяйства лишает ее возможностей внешнего выбора (альтернативных издержек), которые усилили бы ее влияние на принятие домохозяйственных решений. Тем не менее положение домохозяйки несколько меняется, когда расстояние между Z_f и Z_m , с одной стороны, и Z_{mf} — с другой, достаточно велико³². Наличие этого ценного ресурса привязывает к домохозяйству его членов и наделяет тех из них, кто активно участвует в домохозяйственном производстве, более сильным голосом в определении конкретных форм и направлений данного производства.

Современники описываемых процессов проявили понимание формирующейся новой экономики домохозяйств, хотя их высказывания и не слишком приятны нашему слуху вследствие того отеческо-снисходительного соуса, которым они пропитаны. Генри Хиггс, изучавший бюджет домохозяйств рабочего класса, высказал в 1893 г. замечание о том, что добротное ведение домашнего хозяйства являет собой ключевую переменную, способную «изменить баланс комфорта в сторону одного рабочего, уровень заработной платы которого гораз-

32. Эффект масштаба не является главной причиной способности домохозяйства добиваться больших общих предметов потребления « Z » по сравнению с суммой сложения предметов потребления его отдельных членов. Главным здесь является взаимодополняемость членов домохозяйства. Еще раз обратимся к Беккеру: «Теневая» цена одного часа времени t_f для одинокого M (мужчины) — цена, которую он был бы согласен заплатить за t_f — была бы выше w_f , а «теневая» цена t_m для одинокой F (женщины) — цена, которую она согласилась бы заплатить за t_m — была бы выше w_m . Оба участника выигрывают от брака, поскольку в данном случае M действительно оказывается в состоянии «купить» час времени t_f за w_f , а F — в состоянии «купить» час времени t_m за w_m , то есть по более низкой цене, чем та, которую они были бы согласны заплатить». Becker, "A Theory of Marriage", p. 819. t_f и t_m являются временем женщины и мужчины, соответственно, а w_f и w_m — ставки заработной платы за женский и мужской труд.

до ниже зарплаты другого»³³. Чарльз Бут на основании проведенного в 1891 г. исследования домохозяйств Лондона включил плохое управление домохозяйством (он употребил такие слова, как «склонные к выпивке и расточительные жены») в число девяти причин бедности, а в своем весьма авторитетном исследовании проблемы бедности (1902 г.) Сибон Раунтри проводит фундаментальное различие между «первичной бедностью», причина которой кроется в недостаточном доходе, и «вторичной бедностью», вызванной плохим управлением семейными финансами³⁴. Элен Босанкет в своей работе 1906 г. «Семья» («The Family») также подчеркивает важность компетентности супруги, чье влияние, по ее мнению, делало бесполезным любую статистическую «линию бедности». Позднее один из специалистов писал об этом следующим образом:

Повышение благосостояния домохозяйств рабочего класса, берущее свое начало в 1860-х гг., происходило благодаря не только росту заработной платы, но и усовершенствованиям в ведении домашнего хозяйства. Семьи, использовавшие наемный женский труд, в отличие от семей, где была неработающая домохозяйка, испытывали недостаток «домашнего или материального комфорта»³⁵.

Начиная с середины XIX в. со стороны представителей высших классов звучала непрестанная критика примитивности и неадекватности ведения домашнего хозяйства в «трудолюбивых» семьях рабочего класса. Критика эта настаивала на проведении реформ. Однако было ли давление для осуществления реформ лишь

33. Henry Higgs. "Workmen's Budgets", *Journal of the Royal Statistical Society* 56 (1893): 225–285.

34. Charles Booth. *Life and Labour of the People of London* ([1891] New York: Augustus Kelly, 1967); B. Seebohm Rowntree. *Poverty. A Study of Town Life* (London: Macmillan, 1902), Chapter 5.

35. Tuttle. *Hard at Work*, p. 177. Кульминацией подобного подхода стало зарождение в первой половине XX в. отдельного направления в такой дисциплине, как домашняя экономика. Его главным посылом стало: «Неважно, сколько долларов в конверте с зарплатой, а важно то, что именно эти доллары обеспечивают и дают в жизни рабочего». Benjamin R. Andrews. *Economics of the Household* (New York: Macmillan, 1924): 34.

сверху? Анна Кларк в своем исследовании о жизни рабочего класса Великобритании выявила «со стороны населения, даже в среде, где занятость женщины на фабрике была обыденным делом, понимание того, что зачастую для домохозяйства в целом было лучше, если женщина не работала. Снижение денежного дохода в таких случаях компенсировалось значимостью труда, направленного на ведение домашнего хозяйства, в то время как получение материальной выгоды по-прежнему ожидалось от [неофициальной и эпизодичной рыночной деятельности]»³⁶. Согласно Кларк, в середине XIX в. в городах, образованных вокруг текстильных и прочих предприятий, существовали две четко выраженные культуры, свойственные среде рабочего класса:

В рамках одной из них пары придерживались грубой, жесткой жизненности старой культуры, проводя время в местах массового скопления народа, напиваясь и скандаля вместе на публике; в рамках другой немногие дисциплинированные мужчины пытались вытащить себя из бедности и экономили деньги, которые могли просто пропить, но вместо этого проводили вечера дома с женами...³⁷

В исторических исследованиях прослеживается сильное расхождение во мнениях по данной проблематике. Джейн Хамфриз рассматривает домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» как плод стратегии, работающей на благо семьи в целом, и как творение рабочего класса, действующего в своих собственных материальных интересах, а не под давлением внешних сил³⁸. Более распространенным, однако, является мнение, выражаемое в том числе Уолли Секкомбом. Он объясняет зарождение домохозяйства данного типа навязыванием принципов патриархальной системы, призванных стабилизировать семейную жизнь в такой ее форме, которая соответствовала новым потребностям промышленного капитализма. Он также приходит

36. Clark. *Struggle for the Breeches*, p. 133.

37. Ibid., p. 255.

38. Jane Humphries. "Class Struggle and the Persistence of the Working-Class Family", *Cambridge Journal of Economics* 1 (1977): 241–258.

к выводу, что «уровень жизни семьи *не* сводился лишь к доходу. Качество домашнего труда, применяемого для преобразования зарплаты в средства существования, имело огромное значение в потреблении продукта, шла ли речь о горячем блюде, чистых одеждах или теплой постели»³⁹. Это мнение, высказанное, судя по всему, в поддержку новой формы домохозяйственной экономики, подкрепляется выводом Секкомба к своему детальному исследованию проблематики, в котором он дает следующую оценку зрелому домохозяйству типа «кормилец — домохозяйка» начала XX в.:

Там, где кормилец семьи имел стабильную и достойно оплачиваемую работу, там, где женщины могли сконцентрироваться на домашних делах... домохозяйства семейного типа обеспечивали своим членам более высокие условия жизни по сравнению с теми условиями, что были когда-либо способны обеспечить их предшественники.

Однако затем Секкомб делает шаг в сторону от подразумеваемого смысла подобных рассуждений. Напоминая о том, что домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» — это в конечном счете продукт патриархальной системы и политической и культурной реакции, он спешит заключить, что «причины данного успеха были лишь косвенно связаны с собственно формой и могли бы быть достигнуты и при других условиях»⁴⁰.

В отношении данного утверждения, которое Секкомб далее не развивает и не обосновывает, я настроен крайне скептически. На тот момент домохозяйство данного типа было — и ему еще предстояло оставаться таковым на протяжении значительной части XX в. — главной единицей производства многих товаров и услуг конечного потребления. Рынок не был в состоянии предложить им достойной альтернативы. В ряде случаев это не было возможным в силу отсутствия соответствующих технологий; в других же качество предлагаемых рынком альтернатив было недостаточно удовлетворительным или же не поддавалось проверке

39. Seccombe. *Weathering the Storm*, p. 152.

40. Ibid., p. 206.

(то есть проблемы уровня заказчик — исполнитель мешали тому, чтобы доверить выполнение многих услуг лицам, не являющимся членами семьи). Как следствие, разделение труда внутри домохозяйства было единственным путем доступа к данному кластеру потребления для семей со скромным доходом. То, что люди желали потреблять, вовсе не было тем, что предлагала идущая по пути индустриализации экономика; перед лицом подобных реалий домохозяйство оставалось — или скорее вновь стало — важным производственным объектом движущихся по пути урбанизации и индустриализации обществ.

Было ли домохозяйство типа
«кормилец — домохозяйка»
добровольным соглашением?

Сегодня у домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка», зародившегося после 1850 г. и остававшегося доминирующим типом домохозяйства на протяжении целого столетия, репутация не самая лучшая. Его признанные плюсы были проигнорированы Секкомбом по причине того, что домохозяйство данного типа представляло собою продукт «сил культурной реставрации», восстановления патриархального уклада, ставившего женщину в подчиненное положение и заключавшего — прежде всего замужних — женщин в отдельной области жизни, где они были лишены равенства и унижены. С этой точки зрения, подкрепленной знанием о том, что сегодняшние семьи организованы согласно совершенно отличным принципам, становится понятно, что многим сложно принять утверждение о том, что домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» отражает в себе намерения и устремления своих членов. И действительно, многими работами специалистов предлагаются утверждения, совершенно отличные от тех, что выдвигаются здесь в пользу объяснения эволюции форм семьи на протяжении XIX в.

Ключевое утверждение всех альтернативных подходов к истории домохозяйства как экономической единицы заключается в том, что женщины — замужние

женщины — не ушли с рынка труда, а оказались исключены из него. Историки объясняют этот вынужденный распад более ранних форм домохозяйства, характеризовавшихся ориентированным на рынок «трудолюбием» мужчин и женщин, целым рядом сил социальной природы. Одно из объяснений увязывает изменения с общими *потребностями капитализма* как экономической системы. Развитие организации и технологий как в сельском хозяйстве, так и в промышленности привело к сокращению спроса на женский труд (или же к перепрофилированию специальностей в качестве «мужских»), в то время как новые и более высокие стандарты в области «воспроизведения рабочей силы» требовали присутствия супруги в стенах дома. Первое из этих утверждений (снижение спроса на женский труд) основано на убежденности в том, что капитализм и рыночные системы несут в себе — по логике самой своей сути — ухудшение экономического положения женщин. Платный труд и рыночное производство оказываются монополизированы мужчинами, поскольку только они могут действовать в публичной сфере в одиночку. Таким образом, по мере того как капитализм ведет к исчезновению ремесленных и сельскохозяйственных производственных единиц, в которых женщины на протяжении долгого времени трудились бок о бок с мужчинами, работа переходит из сферы семьи в сферу рынка — то есть публичную сферу, — куда женщины не могли за ними сразу же последовать. Именно так утверждает Бриджет Хилл, полагая, что «процесс трансформации и почти полного разрушения семейной экономики растянулся на долгое время, будучи более интенсивным в 1750 г., чем в 1700-м, и еще более интенсивным в 1800-м»⁴¹. Хилл также утверждает, что «разделение труда между полами становится более жестким по мере того, как разделение труда в условиях капиталистической экономики усложняется, а специализация — возрастает»⁴². Данную позицию с Хилл

41. Hill, *Women. Work and Sexual Politics*, p. 47.

42. Catherine Hall. *White, Male, and Middle Class. Explorations in Feminism and History* (Cambridge: Polity Press, 1992): 133.

разделяют в том числе и Киф Снелл, Эрик Ричардс и Джанет Томас, однако лишь немногие из специалистов пытаются объяснить, *почему* у капитализма существует соответствующая потребность или *почему* данная тенденция свойственна технологиям⁴³.

Разумеется, к исключению женщин из рабочей силы можно подходить как к эмпирической проблеме. Вопрос в данном случае заключается в том, на какую именно кривую—спроса или предложения—приходятся наибольшие изменения. Наиболее четкие свидетельства снижения участия женщин в рыночном труде наблюдаются в (английском) сельском хозяйстве. В столетний период, предшествовавший 1850 г., снижение объемов женского труда наблюдается прежде всего в сезонных работах. В указанный период это становится феноменом, характерным исключительно для Англии: во многих частях Северо-Западной Европы в это время наблюдается распространение новых культур и интенсивных форм мелкомасштабного сельскохозяйственного производства, что, наоборот, только усиливает спрос на женский труд⁴⁴. При этом даже в Англии не существует достаточных данных по несельскохозяйственным отраслям, которые свидетельствовали бы в пользу тезиса об исключении женщин из рынка труда. Оценивая имеющиеся данные, Маргарет Хант заключает, что общепринятое предположение о том, что «где-то на протяжении XVIII в. женщины со средним доходом выпали из прибыльной занятости», зиждется главным образом на моралистической литературе того времени, но при этом не подкрепляется прямыми свидетельствами⁴⁵. Аманда Викери настроена столь же критично в отношении утверждений, которые строятся больше

43. Janet Thomas. «Women and Capitalism. Oppression or Emancipation?» *Comparative Studies in Society and History* 30 (1988): 534–549; Snell, *Annals of the Labouring Poor*, p. 22; Richards. «Women in the British Economy», p. 347.

44. W. R. Lee. «Women's Work and the Family. Some Demographic Implications of Gender-Specific Rural Work Patterns in Nineteenth Century Germany», in Hudson and Lee, *Women's Work and the Family Economy*, p. 59–60.

45. Hunt. *Middling Sort*, p. 125–126.

на идеалах, чем реальном поведении, в то время как Максин Берг, основываясь на данных по промышленным отраслям, заключает, что занятые в промышленности «женщины играли на протяжении всего XVIII в. гораздо более важную роль, чем прежде или чем та, что им предстояло сыграть на более поздних этапах индустриализации»⁴⁶. Наконец, в рамках самого масштабного и подробного количественного изучения рыночного труда женщин, основывающегося на исследованиях финансового состояния рабочего класса, было выявлено, что еще в 1841–1845 гг. доля работающих женщин составляла 60%, после чего в течение двадцатилетнего периода произошло ее снижение до 45%⁴⁷. В целом же сельское хозяйство, судя по всему, пережило определенное снижение числа занятых в нем женщин, в то время как в других областях экономики количество работающих женщин возросло. Когда ограниченность и ненадежность данных по трудовой занятости женщин принимаются во внимание, быть полностью уверенным в определенности выводов становится затруднительно, при этом можно было бы допустить осторожный вывод о том, что существует слишком мало свидетельств в пользу того, что период до середины XIX в., то есть период, на который пришлось классическое столетие промышленной революции и эпоха перехода сельскохозяйственного производства на капиталистические рельсы, был ознаменован снижением средних показателей либо спроса на женский труд, либо его предложения. Данное снижение произошло позже.

46. Maxine Berg. "What Difference", p. 40. В другой своей работе Берг заключает: «Подтверждение того факта, что в трудовой жизни женщин с приходом индустриализации произошли серьезные изменения, представляет собой при имеющихся данных неразрешимую задачу. При этом, возможно, что, в конце концов, это всего лишь химера, порожденная упрощенными линейными положениями марксистской историографии». Maxine Berg. "Women's Work, Mechanization and the Early Phases of Industrialization in England", in R. E. Pahl. *On Work* (Oxford: Basil Blackwell, 1988): 91.

47. Horrell and Humphries. "Women's Labour Force Participation and the Transition to the Male-Breadwinner Family, 1790–1865", *Economic History Review* 48 (1995): 98.

Связанный с данной постановкой вопроса аргумент о «потребностях капитализма» основывается на необходимости капитализма в новых, усовершенствованных формах воспроизводства труда. Здесь, однако, следует сказать о феномене конца XIX в. В своей книге «Первая женщина промышленной эры» (“The First Industrial Woman”) Дебора Валензе утверждает, что потребности системы на тот момент сделали вопрос просвещения женщин рабочей среды центральной задачей промышленного общества⁴⁸. Уолли Секкомб находит данное утверждение привлекательным и развивает его, выдвигая предположение о том, что «именно новый спрос на труд, характерный для второй промышленной революции, вызвал к жизни переход от экстенсивного к интенсивному способу потребления рабочей силы»⁴⁹. Кроме того что в перечисленных трудах не определены причинно-следственные механизмы, связывающие капитализм с различными формами семьи, достоверность предлагаемых в них выводов ставится под сомнение такой основополагающей проблемой, как временные рамки. Вследствие недостатка свидетельств в пользу гипотетического снижения числа работающих женщин в период до 1850 г. можно говорить о том, что предполагаемый спрос на новый режим воспроизводства не мог возыметь необходимый эффект до того времени, как с момента формирования домохозяйства типа «кормилец—домохозяйка» не сменилось хотя бы одно поколение.

Второе объяснение того, что женщины оказались вынуждены покинуть сферу оплачиваемой трудовой занятости, делает упор на роль мужчины, в первую очередь представителей рабочего класса и их профсоюзов, иногда при поддержке владельцев производств (однако сейчас здесь все чаще выдвигаются причины скорее культурного характера — общая приверженность принципам патриархата, — чем чисто экономической природы). Процесс запускается самой экономической систе-

48. Deborah Valenze. *The First Industrial Woman* (Oxford: Oxford University Press, 1995): 185.

49. Seccombe. *Weathering the Storm*, p. 82.

мой: экономическое развитие ведет к росту зарплаты мужчин; те используют свой увеличившийся доход для приобретения, условно говоря, одного из желаемых продуктов потребления — патриархата. Луиз Тилли пишет об этом следующим образом:

С наступлением промышленной революции более высокие заработки мужчин за пределами домохозяйства уже в самом начале подкрепили их более сильную позицию в принятии решений, в то время как все более несоразмерный с заработком вклад женщин [труд по хозяйству] зачастую не принимался во внимание или же его значение принижалось. Это преимущество преобразовалось в еще более выгодные (для мужчины) результаты в совместной с супругой деятельности и в принятии выгодных ему решений... Данное преимущество варьировалось в зависимости от общественного класса... Однако результат как в рамках экономики, так и домохозяйства, заключавшийся в раннем доминировании мужчины и в предпринимательской деятельности, и в наемном промышленном труде... изменил социальные отношения, включая пересмотр того, как именно воспринимались роли обоих полов⁵⁰.

Согласно одной из версий подобного подхода, домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка», вынуждавшее женщин покидать рынок труда и возвращаться домой, было в действительности достижением мужчин-рабочих и профсоюзов, противостоящих идеологии среднего класса (которая отличалась либерализмом и выступала против регулирования договорных прав женщин). Так, Уолли Секкомб утверждает, что то был продукт рабочего движения, «ставший следствием поражения чартизма и социализма Роберта Оуэна и узконаправленной реакцией исключения на вполне реальную угрозу, которую несло в себе массовое использование дешевого женского труда для трудовой занятости и уровня оплаты труда квалифицированных специалистов»⁵¹. Эта «реальная угроза» не произвела должного

50. Louise Tilly. "Women, Women's History, and the Industrial Revolution", *Social Research* 61 (1994): 133.

51. Wally Secombe. "Patriarchy Stabilized", *Social History* 11 (1986): 55.

впечатления на Хайди Хартманн, настаивающей на том, что разговоры о зарплате кормильца семьи были поводом для мужчин монополизировать квалифицированные рабочие места и доминировать дома⁵². Соня Роуз развивает данную тему, поясняя, что мужское поведение основывалось на потребности мужчин определиться со своим местом в наполненной противостояниями социальной среде. Их реакцией стало утверждение своего «мужского начала», а не членства в рабочем классе при подкреплении своих позиций с точки зрения принадлежности к определенному полу, а не экономических условий⁵³.

Наконец, можно обратиться к мнению Анны Кларк, полагающей, что дело было в радикальных членах профсоюзов, которые видели в модели домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» решение некоторых проблем между полами в среде рабочего класса. Стратегия стремления к домашнему уюту в ущерб решению вопроса равенства (между полами) оказалась привлекательной для женщины с ее «обещанием заменить любящего приложиться к бутылке ремесленника, пренебрегающего интересами семьи, респектабельным патриархом, который приносит домой бекон». Это была мужская стратегия, но не навязанная сверху владельцами предприятий или реформаторами из числа представителей среднего класса⁵⁴.

Общим у всех этих утверждений является уверенность в том, что женщин *выдавили* из сферы оплачиваемого труда. Независимо от того, произошло ли это по причине требований капиталистической системы или социально обусловленного переопределения ролей представителей мужского и женского полов и было ли это осуществлено владельцами производств или члена-

52. Heidi Hartmann. "Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex", *Signs* 1 (1976): 137–169.

53. Sonya Rose. "Gender Antagonism and Class Conflict. Exclusionary Strategies of Male Trade Unionists in Nineteenth Century Britain", *Social History* 13 (1988): 191–208.

54. Anna Clark. *The Struggle for the Breeches. Gender and the Making of the British Working Class* (Berkeley: University of California Press, 1995): 218–219.

ми профсоюзов и рабочими-мужчинами, но жизни мужчин и женщин оказались разведенными по разные стороны, и женщины оказались сосланы в «домашний вакуум», где их дни проходили в домашних хлопотах и уходе за детьми. Данный труд может быть по-настоящему ценным, однако в обществе, во все большей степени живущем по рыночным законам, он существовал не просто в отдельной, а в изолированной сфере жизни, а потому, как указывает Тилли, «зачастую не принимался во внимание или же его значение принижалось». При этом труд в «домашнем вакууме» в недостаточной мере ценился не только рынком. В недавнем своем исследовании истории английской семьи авторитетные историки объявили труд по дому «мертвым весом»:

Домохозяйка не в состоянии сделать многое для повышения доходов своей семьи. Скорее деятельность в стенах дома, начиная с приготовления пищи и украшения интерьера и заканчивая вышиванием, сочинением музыки и сборкой моделей, не рассматривается в качестве работы, и таковой деятельности присваивается статус любительских занятий... В целом же, как писала социолог Дороти Смит, «дом является своеобразным тупиком: те деньги, что не идут на пропитание и проживание, на цели продуктивной деятельности» не расходуются⁵⁵.

Мало того что труд домохозяйки представлял собой «тупик», так теперь жены и дети жили в семьях, управляемых патриархальной властью, способствовавшей неравному распределению денежных средств, что вело к недоеданию женщин и детей при одновременном выделении чрезмерных средств на «социальные расходы» мужчин. Их личные расходы на выпивку, табачные изделия и азартные игры, на которые шли деньги, в которых нуждались их иждивенцы, служили утешением мужской чести, ставшей уязвимой вследствие отчуждения, которое принес с собой труд на производстве вне стен дома. Семья рабочего класса жила несчастной,

55. Davidoff et al. *The Family Story*, p. 85–86.

безнадежной жизнью, угнетаемая ненасытными хозяевами производств снаружи и неуверенными в себе патриархами изнутри⁵⁶.

Оценка объяснений

На настоящий момент мы получили две общие модели домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка». Согласно одной, данный тип домохозяйства рассматривается как производное возврата к патриархату, покоящееся в буквальном смысле на женских плечах, — с их исключением из рыночной рабочей силы, навязыванием чуждых стандартов домашней жизни и респектабельности, вплоть до создания фетиша бытовой чистоты, а также внедрением принципа неравного распределения денежных средств и власти внутри семьи. Согласно второй модели, которую я пытаюсь обосновать в настоящей книге, данный тип домохозяйства рассматривается как результат совместных решений супружеских пар, направленный на достижение общего блага семьи, а именно на реализацию потребительских моделей, направленных на улучшение здоровья, повышение комфорта, а в конечном счете совершенствование целевого человеческого капитала трудящихся в эпоху, когда сами по себе предлагаемые рынком товары были неспособны обеспечить достижение данных целей потребления. Как именно можно было бы оценить относительные достоинства противопоставленных здесь моделей? Любая подобная оценка потребует определения того, каким именно образом семья взаимодействует с рынком, а в плоскости семейной экономики — как принимаются решения, касающиеся распределения функций между членами семьи и денежных средств.

56. Подобное утверждение покажется читателю притянутым, однако оно полностью соответствует положениям следующей работы: L. Orem. "The Welfare of Women in Labouring Families. England, 1860–1950", in Mary S. Hartman and Lois Banner. eds. *Clio's Consciousness Raised. New Perspectives on the History of Women* (New York: Harper & Row, 1974): 226–244.

1. *Рынок труда и семья.* Одно влиятельное феминистическое толкование вопроса взаимодействия семьи с рынком полагается на концепцию «раздельных сфер». Оно зиждется на положении о том, что «семейная экономика» крестьян и ремесленников, поддерживаемая докапиталистическими институтами гильдий и поместий, а также регулированием корпоративных сообществ, оказалась подорвана экспансией рыночных экономических отношений, что привело к прогрессивному разделению занятий на четким образом выраженные частную (женская, основанная на домохозяйстве) и общественную (мужская, ориентированная на рынок) сферы. В главе 3 мы уже имели возможность критическим образом рассмотреть идеалистическую концепцию «семейной экономики». Самое большее, что может быть сказано в ее пользу, так это то, что постулируемый ею «золотой век» совместного труда мужчин и женщин в рамках в целом самодостаточных домохозяйств если и может быть где-то обнаружен, то только в весьма отдаленном, если и вовсе не мифическом прошлом Англии и Северо-Западной Европы⁵⁷.

Концепция же «раздельных сфер», имеющая к рассматриваемому вопросу более непосредственное отношение, грешит фатальным заблуждением о том, что рынок (мужская/рыночная сфера) отделен от деятельности частной сферы домохозяйки и домохозяйства. Именно это утверждение позволяет сторонникам концепции столь легко говорить об обесценившемся — даже потерявшем ценность — домашнем труде, поскольку предполагается, что он существует в полной изоляции от рынка. Интеллектуальные истоки подобного утверждения могут быть обнаружены в теории экономического поведения крестьян, разработанной русским

57. Кроме источников, перечисленных в главе 3, см. также Ogilvie. "Women and Labour Markets", p. 25–60. Огилви утверждает, что корпоративные институты, которые, как предполагается, направлены на защиту «семейной экономики», в гораздо большей мере ограничивают сферу экономической деятельности, доступной женщинам, чем рыночные институты, которые, как считается, и подрывают положение женщин.

экономистом Чаяновым⁵⁸. По его мнению, крестьянское домохозяйство использовало свои ресурсы (труд и землю) независимо от рынка, руководствуясь не потребностями последнего, а размером и составом домохозяйства на конкретном этапе жизненного цикла семьи. Сигналы рынка в принятии соответствующих решений никакого значения не имели. В 1970-е гг. Луиз Тилли и Джоан Скотт заимствовали модель крестьянской экономики Чаянова для обоснования существования докапиталистической семейной экономики. Вскоре после этого Ганс Медик примерил данную модель на домохозяйства протопромышленных работников. Таким образом, стало принято считать, что женщины, вовлеченные скорее в домохозяйственный, чем рыночный труд, оказались в подобии глухой и отсталой русской деревни, а не были вовлечены в разделение труда, направленное на достижение максимальной домохозяйственной полезности, *учитывающей относительные цены на труд и товары, а также потребительские технологии*, доступные для производства желаемого набора потребления. Это лишь значит, что семейным трудовым ресурсам, направленным на домохозяйственное производство, свойственны альтернативные издержки, а произведенным с помощью этих ресурсов товарам и услугам — теневые цены. Не стоит полагать, что обычные домохозяйства рассчитывают данные параметры вплоть до пенни для того, чтобы согласиться с пришествием рынка в домохозяйство, и с тем, чтобы домохозяйство, в свою очередь, подстраивалось под рыночные условия. Семейный труд редко когда может оперативно перенаправляться с домохозяйства на рынок и обратно с тщательно просчитанной реакцией на любые незначительные изменения условий, а семья — на поле действия экономической иррациональности, заставляющей ее напрасно растрачивать труд на не представляющие ценности занятия, и по незнанию недооценивать свой производственный продукт только потому, что на нем нет рыночного ценника.

58. A. V. Chayanov. *The Theory of Peasant Economy*, D. B. Thorner and B. Kerblay, et al., eds. (Homewood, Ill.: R. D. Irwin, 1966).

ТАБЛИЦА 5.1А. Доля женщин в общем числе работающих, 1846–1930 гг.

Страна	1846–1849 гг. Общая доля	1909–1910 гг.		1930 г. Вне сельскохоз. сектора
		Общая доля	Замужние	
Великобритания	30	25 ^b	10	5
Нидерланды	24	15	5	2
Бельгия	38	29	19	10
Франция		33	20	13
США	25 ^a	19 ^b	5	
Германия			12	7

^a 1870-е гг.^b 1890 г.

ТАБЛИЦА 5.1В. Доля женщин в общем числе работающих в зависимости от семейного положения, около 1900 г.

	Незамужние	Замужние	Год
Великобритания (десять крупнейших городов)	75	15	1911
В целом по Великобритании	69	10	
Нидерланды	39	5	1899
Соединенные Штаты	41	5	1890
Франция	52	38	1896
Германия	(по стране в целом)	29	1925
	(без учета семейных предприятий)	7	

Источники: Н. А. Pott-Buter. *Facts and Fairy Tales about Female Labor, Family and Fertility* (Amsterdam: Amsterdam University Press, 1993); С. Golden. *Understanding the Gender Gap* (Oxford: Oxford University Press, 1990); Geyser. "Die Frau im Beruf"; J. Vögele. *Urban Mortality Change in England and Germany, 1870–1913* (Liverpool: Liverpool University Press, 1998): 125–131; Pat Hudson and W. R. Lee. *Women's Work and the Family Economy* (Manchester: Manchester University Press, 1990), p. 21.

Перераспределение труда между рынком и домохозяйством было существенным и реальным. При этом в значительной степени оно существовало в виде изменений в использовании труда замужних женщин. Если брать агрегированные данные, то существует немного свидетельств того, что данный процесс перераспределения начался раньше 1840-х гг., к тому же в разных профессиональных сферах и географических регионах он происходил в разное время. В Северо-Западной Европе и Соединенных Штатах основная часть преобразований пришлась на вторую половину XIX в. В табл. 5.1 представлены соответствующие сводные данные. Полнота и качество данных по переписи населения и классификационным сведениям в рассматриваемой области оставляют желать лучшего⁵⁹, поэтому я не стал бы настаивать на точности представленных цифр, однако выявленные на их основании тенденции и модели вполне надежны и не противоречат данным других видов. Доля работающих женщин снизилась, и снижение это произошло главным образом за счет замужних женщин, число которых в общей массе занятых на рынке труда к началу XX в. оказалось крайне невелико. Доля же занятых на рынке труда девушек и молодых женщин в тот же период, наоборот, увеличилась, стимулом к чему явился растущий спрос на домашнюю прислугу, на которую в 1910 г. приходилось от 25 до 40% *всех* работающих женщин Северо-Западной Европы и Соединенных Штатов. Более того, в Нидерландах

59. В 1850–1950 гг. женский рынок труда, данные по которому мы рассматриваем, может быть разделен на три части. Во-первых, это труд на посторонних лиц, когда определенное лицо работает по найму, получая заработную плату. Во-вторых, работа в рамках собственного предприятия, когда определенное лицо работает на самого себя, получая прибыль. С определением первой категории лиц все просто. Со второй же — многое зависит от формулировок вопросов в опросных листах переписи населения. В-третьих, речь идет о работе, заключающейся в помощи другим членам семьи в семейном предприятии, которая обычно не оплачивается в денежном выражении. Она не всегда включается в статистику трудовой занятости, что затрудняет сравнение данных по странам и временным периодам.

вплоть до 1960 г. на женщин в возрасте до 25 лет (почти все незамужние) приходилась половина всех работающих представительниц прекрасного пола. Общее снижение доли женщин в среде работающего населения было зафиксировано повсеместно, при этом показатели по Франции и Бельгии оставались существенно выше показателей по Великобритании, США и Нидерландам. В значительной мере эта разница объясняется наличием в первых двух странах большей доли сельских жителей в общей массе населения⁶⁰. К 1930 г. доля замужних женщин в общем числе трудящихся (без учета занятых в сельском хозяйстве) составляла 13,4% во Франции, 10,1% в Бельгии, 8% в Соединенных Штатах, 7% в Германии, 5% в Великобритании и Швеции и лишь 2,2% в Нидерландах⁶¹.

60. Полом Клепом был проведен анализ данных по трудовой занятости в отдельных провинциях Бельгии и Нидерландов в 1846–1849 и 1909–1910 гг. После вычета данных по «крестьянскому» сектору каждой из провинций значительная часть разницы общенациональных данных по двум странам исчезла. Там, где доминирующим оставалось домашнее производство сельскохозяйственного и протопромышленного типа, сохранилась и массовая трудовая занятость женщин. По мере роста доходов наблюдались рост специализации и урбанизации, а также снижение доли занятых рыночным трудом женщин, особенно замужних. С урбанизацией оказался связан рост занятых на рынке труда молодых незамужних женщин. P. M. M. Klep. "Female Labour in the Netherlands and Belgium, 1846–1910" (unpublished working paper, *Katholieke Universiteit Nijmegen*, 1978).

61. Hettie A. Pott-Buter. *Facts and Fairy Tales about Female Labor, Family and Fertility. A Seven-Country Comparison, 1850–1990* (Amsterdam: Amsterdam University Press, 1993): 199. Данные по США взяты из: Goldin. *Understanding the Gender Gap*, Tables 2.1, 2.2, and 2.9. Данные по Германии относятся к 1925 г. и касаются женщин, занятых работой на лиц, не являющихся их супругами. Из 3,7 млн замужних женщин (живущих совместно с мужьями), представленных на рынке труда, лишь 850 тыс. были заняты работой на лиц, не являющихся их супругами. Karen Hausen. "The German Mother's Day, 1923–1933", in David Sabean and Hans Medick, eds. *Interest and Emotion* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984): 371–414. В сельском хозяйстве в рассматриваемый период роль женщин возросла, поскольку многие мужчины переходили на работу в промышленность, оставляя свои крестьянские хозяйства на попечении жен.

Любые утверждения о том, что в основе данной тенденции лежали силы, направленные на исключение женщин из рынка труда, не должны противоречить временным рамкам данного феномена и концентрированности подобных изменений в среде замужних женщин. Утверждения о «потребностях капитализма» не только отличаются неопределенностью, но и плохо соотносятся с временными рамками рассматриваемого феномена, поскольку получается, что до середины XIX в. промышленный капитализм «испытывал потребность» в женщинах для целей своего развития, а после уже нет. Общее у различных версий утверждение о том, что труд женщины, когда-то обильный и удовлетворительный, был загнан в гетто и стал чем-то унижительным — «золотой век» якобы сменился разделением сфер занятости, — это то, что все они прибегают к линейному процессу изменений, тем или иным образом связанному с влиянием капиталистической рыночной экономики. Однако «влияние» это остается неопределенным и необоснованным.

Подведем итоги: «золотого века» никогда не существовало; в характеристиках «раздельных сфер» присутствуют фундаментальные ошибки; движущие силы изменений в организации домохозяйства следует искать в семье и ее устремлениях в неменьшей мере, чем в экономике и ее императивах. Многими критиками академически традиционной точки зрения о «раздельных сферах» были выявлены ее несоответствие фактам. Я же пытаюсь дать альтернативное объяснение формированию новой экономики домохозяйства⁶². Однако нерассмотренной остается еще одна версия — версия о возврате патриархата.

2. *Практика патриархата.* С точки зрения современного общества близкая ассоциация домохозяйства типа

62. Среди данных критиков можно выделить следующих: Amanda Vickrey. "Golden Age to Separate Spheres? A Review of the Categories and Chronology of English Women's History", *Historical Journal* 36 (1993): 383–414; Colin Creighton. "The Rise of the Male Breadwinner Family. A Reappraisal", *Comparative Studies of Society and History* 38 (1996): 310–337; Robert Shoemaker. *Gender in English Society, 1650–1850. The Emergence of Separate Spheres?* (London: Longman, 1998).

«кормилец — домохозяйка» с патриархатом сказывается на его репутации самым негативным образом. Многовековое существование патриархата и идеологий мужского превосходства вообще является обычной частью истории женщины и истории семьи. Патриархат был, если так можно выразиться, свойствен европейской культуре. То был ресурс и идеал, к которому можно было обратиться в случае необходимости⁶³. Как следствие, нет ничего удивительного в том, что разнообразные труды предписывающего и нормативного характера обращались к этой общей культурной традиции. Подобные отсылки характерны и для XVIII в., когда семейная организация отличалась в своих значимых аспектах от норм патриархата. В связи с этим возникает потребность в рассмотрении *практики* домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» в период 1850–1950 гг. с целью определения того, насколько в действительности столь часто упоминаемые нормы патриархата описывают систему функционирования домохозяйства.

Данная задача требует, чтобы мы заглянули в «черный ящик», который представляет собой семья. Как именно в семье принимаются решения относительно того, кто будет работать, кто учиться, а кому оставаться дома? Как именно семья решает, каким образом распределять свои потребительские ресурсы среди своих членов и в какой форме будет осуществлено их потребление? Данные вопросы рассматривались в главе 1, и я не буду повторять сейчас всю историю заново. Для целей текущего момента будет достаточно напомнить, что представленная в главе 1 аргументация, основанная на имеющихся свидетельствах, подкрепляется собой мнение о том, что вероятность того, что взрослый мужчина

63. Katrina Honeyman and Jordan Goodman. "Women's Work, Gender Conflict, and Labour Markets in Europe, 1500–1900", *Economic History Review* 44 (1991): 608–628. Цитируя Хайди Хартманн, Ханимэн и Гудмэн ссылаются на ту структурно-культурную предрасположенность к (повторному) утверждению патриархата — системы полового разделения, — к которой обратились для легитимизации правил, направленных на половое разделение наемного труда.

будет обладать в рамках домохозяйства типа «кормилец—домохозяйка» значительной властью в принятии решений, очень велика.

Принятие решений домохозяйством может осуществляться в форме единого «разума» (но необязательно одним-единственным человеком), который принимает альтруистические (но не патерналистские) решения на благо членов семьи. В рамках подобной модели — *неоклассической модели объединенного домохозяйства* — все доходы членов семьи, независимо от источника, направляются в «общий котел», откуда они распределяются в целях выполнения единственной функции — максимального повышения полезности всех членов семьи. В качестве альтернативы домохозяйство можно рассматривать как состоящее из отдельных лиц, каждому из которых присуща собственная функция полезности. Здесь, в договорной модели, общее предприятие продолжает существовать лишь до тех пор, пока полезность членов семьи выше в рамках домохозяйства, а не вне его. У членов семьи есть «точки опоры», с позиций которых они ведут друг с другом «переговоры» для достижения своих индивидуальных целей. Их способность выторговывать выгодные для себя условия зависит от того, существуют ли альтернативы, способные их заменить, индивидуальный же рыночный заработок является важным искомым фактором в оценке данных альтернатив. Договорная модель вовсе не предполагает — как не предполагаю и я, — что домохозяйство воспринимается его членами единственно как орудие достижения своих целей. Между субстанциалистской концепцией семьи как неразрывной области альтруизма и утверждением о том, что единственная единица для анализа — это отдельные лица и их интересы, существует пространство, в котором отдельные лица извлекают эффективную, а также материальную выгоду из семейной единицы и участвуют в том, что Амартия Сен определил как конфликт сотрудничества. Там, где сотрудничество имеет экономическую выгоду, конфликт (переговоры) из-за распределения ресурсов касается главным образом «выбора эффективной организации

сотрудничества», а не борьбы по принципу «все или ничего»⁶⁴.

Есть простой метод, позволяющий концептуально и эконометрически определить, какая именно из двух моделей спрятана в «черном ящике». Если там действует неоклассическая модель объединенного домохозяйства, то единственным фактором, определяющим практику домохозяйственного потребления, будет общая сумма дохода; источники же дохода какого-либо влияния на принимаемые решения иметь не будут. Если же в «черном ящике» функционирует договорная модель, то на практику потребления будут влиять в том числе и индивидуальные источники дохода⁶⁵. Именно это мы и обнаружили при рассмотрении развивающихся моделей потребления, свойственных «трудолюбивым» домохозяйствам XVIII в.: наличие большого числа лиц с денежным заработком привело к росту напряженности в распределении доходов домохозяйства. В договорной модели хорошо отражена реальная динамика «трудолюбивого» домохозяйства, однако применима ли она к домохозяйству типа «кормилец — домохозяйка», где очевидной целью предстает нечто, напоминающее объединенный доход, контролируемый «единой принимающей решение единицей»? Договорная модель предполагает, что, по мере того как взрослый мужчина становится для домохозяйства почти единственным источником денежного дохода, его влияние в распределении данного дохода необычайно возрастает: он начинает действовать в качестве патриарха и ставит свои собственные потребительские ценности — свои предпочтения, касающиеся

64. Семья как «область альтруизма» — см. Paul A. Samuelson. "Social Indifference Curves", *Quarterly Journal of Economics* 70 (1956): 1–22; Becker. *Treatise on the Family*, Ch. 8: "Altruism in the Family", pp. 277–306. Для ознакомления с критикой субстанциалистской концепции домохозяйства см. Sabeen. *Neckerhausen*, pp. 97–98; Hartmann. "The Family as the Locus of Gender, Class and Political Struggle", pp. 366–394. Для информации по конфликту сотрудничества см. Amartya Sen. "Economics and the Family", *Asian Development Review* 1 (1983): 14–26.

65. Shelly Lundberg and Robert A. Pollak. "Bargaining and Distribution in Marriage", *Journal of Economic Perspectives* 10 (1996): 27.

интересов его самого и других членов семьи — выше предпочтений жены и детей. Функционировало ли домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» именно таким образом?

Для начала нам следует выяснить, насколько сильно заработок взрослого мужчины в действительности доминировал в общем бюджете домохозяйства. Для данного вопроса лучше всего обратиться к исследованиям бюджетов домохозяйств рабочего класса. К тому же к концу XIX в., когда домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» уже сформировалось, данные исследования проводились достаточно регулярно. Бюджетные исследования в период до середины XIX в. были менее многочисленными, менее масштабными и менее надежными в своем исполнении, однако они способны помочь с некоторыми данными по произошедшим в течение столетия изменениям в составе дохода домохозяйства.

Самыми ранними из них стали хорошо известные исследования по вопросам бюджета сельскохозяйственных работников Англии сэра Фредерика Мортон Эдена и преподобного Дэвида Дейвиса, проведенные в 1795 и 1789–1790 гг. соответственно. Данные исследования, дополненные необычайно подробным опросом, проведенным в 1790 г. в деревне при замке Корф, графство Дорсет, рисуют картину жизни малоимущих семей в период крайне высоких цен и, как следствие, повсеместных экономических трудностей⁶⁶. В примерно 80% всех домохозяйств, охваченных тремя исследованиями, жены вносили свой вклад в общий денежный доход семьи, пусть он и не был слишком большим, а примерно в половине домохозяйств оплачиваемым трудом были заняты дети. Объемы их вклада самым очевидным образом зависели от возраста старших детей. Общий же вклад жен и детей в доход домохозяйства, идущий на цели потребления, составлял в среднем 20%. Дополнительный (то есть не связанный с заработной платой)

66. В основе нижеследующего обсуждения проблемы лежит работа Sokoll. "Early Attempts at Accounting the Unaccountable", p. 34–60.

доход учитывался данными исследованиями слабо, чем, возможно, и объясняется тот факт, что расходы превышали задокументированные доходы в 78% охваченных исследованиями домохозяйств. Более того, в этих «дефицитных» домохозяйствах было отмечено превышение расходов над доходами в среднем на 25%. Большая часть объема данного дефицита указывает на незадокументированные доходы, а не на растущую задолженность домохозяйств. Если эти незадокументированные доходы могут быть приписаны трудовой деятельности жен и детей — а Джейн Хамфриз настаивает на том, что такие их занятия, как собирание ягод и грибов, переработка продуктов и мелкая торговля, зачастую были довольно значимы для благополучия семьи, — то можно говорить о том, что общий вклад мужей составлял не более 60–67%⁶⁷.

Анализ исследований бюджета английского домохозяйства, проведенный Сарой Хоррелл и Джейн Хамфриз, позволяет нам отследить практику заработка домохозяйств, начиная с первых трудов по данному вопросу за авторством Эдена и Дейвиса и вплоть до 1865 г. Результаты их анализа уже были представлены в главе 3 при рассмотрении заработка жен и детей. Теперь мы рассматриваем результаты исследования бюджетов 1190 домохозяйств типа «муж — жена», проведенного ими в целях анализа заработка глав домохозяйств. До 1840 г. их заработка варьируются в промежутке между 55 и 68% от общего денежного дохода домохозяйств, после чего возрастают в 1846–1865 гг. до 81–83%. Заработки «кормильца семьи» варьировались в зависимости от возраста главы домохозяйства: в течение всего периода заработок лиц в возрасте 20–29 лет составлял 90% дохода домохозяйства, лиц в возрасте 30–39 лет — 75%, а в возрасте 40–59 лет — немногим более 60%. Заработок жен варьировался в указанном периоде от 5 до 10%, а большая часть разницы объясняется заработками детей. В то время как вклад жен с ростом заработка детей

67. Jane Humphries. "Enclosures, Common Rights, and Women. The Proletarianization of Families in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries", *Journal of Economic History* 50 (1990): 17–42.

снижался, «снижение это относительно заработка детей было достаточно скромным»⁶⁸.

Таблица 5.2. Бюджет бельгийского домохозяйства

	1853	1891	1928–1929
Доля домохозяйств, по которым был зафиксирован доход, не относящийся к заработкам «кормильцев семей» из числа мужчин:			
Жена	84	11	20
Дети	89	86	35
Другое	77	28	
Все три источника	60	4	
Доля общего дохода по каждому из источников:			
Муж	51,5	65,6	70,2
Жена	10,1	1,2	3,7
Дети	22,4	31,4	16,2
Другое	15,8	1,8	9,9

Источники: G. Alter. *Journal of Interdisciplinary History* 15 (1984): 255–276; 1928–1929: Pieter Scholliers. «Family Income, Needs and Mothers' Wages. A Critical Survey of Working Class Budget Inquiries in Belgium, 1853–1929», in Toni Pierenkemper, ed. *Zur Ökonomik des privaten Haushalts* (Frankfurt: Campus Verlag, 1991): 145–181.

Масштабное исследование состояния бюджета семей рабочего класса в 1853 г. по другую сторону Ла-Манша, в Бельгии, позволяет говорить о схожей модели вклада в общий доход домохозяйства отдельными его членами. В табл. 5.2 можно ознакомиться со сводными данными, представленными в работе Джорджа Альтера. В Бельгии 1853 г. семейный бюджет более индустриализованной по сравнению с объектами рассмотренных выше исследований местности также зависел от многих источников дохода, при этом вклад мужа составлял лишь половину от общего вклада членов домохозяйства. В исследовании по Бельгии намеренно учитывается категория «другое», то есть доход, не от-

68. Sarah Horrell and Jane Humphries. "The origins and Expansion of the Male Breadwinner Family. The Case of Nineteenth-Century Britain", in Angélique Janssens, ed. *International Review of Social History* 42 (1997), Supplement 5: *The Rise and Decline of the Male Breadwinner Family?* P. 31–37.

носящийся к заработной плате, однако конкретные источники данного дохода остаются неизвестными. Альтер цитирует в связи с этим одного из современников эпохи: «Каждый рабочий посвящает часть свободного времени небольшому дополнительному заработку — вырезанию отверстий в трубках, изготовлению по ночам птичьих клеток или мебели, подработке брадобреем или обувщиком и т. п.»⁶⁹. На настоящий момент речь идет о такой модели, как «трудолюбивое» домохозяйство, в рамках которого, как опасался один из ее современников, мог доминировать лишь закон «самосохранения» — все против всех, поскольку «доход семье обеспечивается не только заработком ее главы, и источников у этого дохода больше, чем один»⁷⁰.

Все в той же табл. 5.2 демонстрируется, что во второй половине XIX в. в Бельгии, а также в других странах — в чем мы скоро убедимся — произошли значительные изменения. К 1891 г. лишь 4% охваченных исследованиями домохозяйств получали доход из того же полного ряда источников, что и в 1853 г. Роль мужа как кормильца семьи расширилась, а доля его заработка увеличилась с половины до двух третей общей суммы дохода семьи, однако более значимым, возможно, стал рост доли заработка детей, происходивший на фоне снижения доли заработка их матерей. Домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» — до неуклюжести длинное имя, но при этом недостаточно длинное, чтобы в нем уместилась отсылка к роли детского труда, который наряду с ростом заработка взрослых мужчин позволил переориентировать женский труд с рынка на домашнее хозяйство.

Прежде чем перейти к рассмотрению роли детского труда, уделим еще немного внимания проблеме «ухода» замужних женщин с рынка труда. Для того чтобы в Бельгии в период с 1853 по 1891 г. произошло указанное резкое сокращение женской занятости, заработок

69. George Alter. "Work and Income in the Family Economy. Belgium, 1853 and 1891", *Journal of Interdisciplinary History* 15 (1984): 268.

70. Цит. по: John Rule. *The Labouring Classes in Early Industrial England, 1750-1850* (London: Longman, 1986): 180.

«кормильца семьи» должен был в определенной степени увеличиться. Вспомните представленную на рис. 5.1 пороговую модель, согласно которой уход замужних женщин с рынка труда был связан с превышением определенного порогового уровня заработков «кормильца семьи». Из данной модели следует, что далеко не все оказались в состоянии осуществить синхронный переход к домохозяйству типа «кормилец—домохозяйка». Именно это явствует из исследования, проведенного на рубеже XIX и XX вв. Луи Варле и посвященного вопросам заработка рабочих семей, главы которых были заняты в четырех промышленных отраслях бельгийского города Гент — хлопчатобумажной, льняной, металлургической и традиционной ремесленной. В 1900 г. вероятность того, что женщины, которые вышли замуж за мужчин, занятых в хлопчатобумажной и льняной промышленности, где мужской заработок был довольно низким, будут заняты оплачиваемой работой, была выше, чем в случае с женами работников металлургической отрасли и ремесленников. Более того, выше была и вероятность того, что жены тех, кто был занят в текстильных отраслях, будут работать на производстве, а не в лавках и прочих домашних предприятиях (где заработок был гораздо ниже), которым отдавали предпочтение жены прочих из рассматриваемых категорий трудящихся. Результаты анализа Патриции ван ден Экхоут указывают на то, что столь разные модели трудовой занятости и заработка в итоге вели к удивительному равенству общего дохода семей работников указанных отраслей. Экхоут обратила внимание на то, что если бы жены имеющих более высокий заработок работников металлургической отрасли и ремесленников «прилагали те же трудовые усилия», что и жены работников текстильной промышленности, то общий доход их семей был бы гораздо выше. Почему же эти замужние женщины так не поступали? Ее ответ заключается в том, что «ни работники металлургической промышленности, ни ремесленники не были готовы *платить подобную цену*... Более важными оказались факторы нефинансовой природы, такие как удовлетворенное самолюбие кормильца семьи, который выгля-

дел со стороны как мужчина, женщина которого может не работать, тем более на фабричном производстве»⁷¹. Наша модель домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» ведет к фундаментально иному толкованию ситуации. «Цена», которую рабочие с более высоким заработком не желали платить, заключалась не просто в уязвленном самолюбии патриарха: дело было в ценности производимого в рамках домохозяйства потребления, обеспечивающей им более высокий уровень жизни по сравнению с остающимися в ранге «трудолюбивых» домохозяйствами работников текстильной промышленности. Данное домохозяйственное производство имело ценность как для самого главы семьи, так и более широкой стратегии жизненного цикла всего домохозяйства, что возвращает нас к вопросу о положении детей в домохозяйстве данного типа.

Эти бельгийские домохозяева (или лучше сказать — патриархи?), судя по всему, находили женский труд по хозяйству более ценным, чем обучение своих детей, поскольку уход женщин с рынка труда вовсе не сопровождался одновременным уходом с него и детей⁷². В этом бельгийцы были далеко не одиноки. В 1889–1890 гг. по указанию министра труда США был проведен весьма примечательный опрос (касавшийся дохода домохозяйств и его источников) среди семи категорий промышленных рабочих в США в пяти западноевропейских

71. Patricia Van den Eeckhout. "Family Income of Ghent Working-Class Families ca. 1900", *Journal of Family History* 18 (1993): 109. В оригинальном тексте выделение курсивом отсутствует.

72. Подобным же образом рассуждали и французские семьи: в короткий период, продолжавшийся с 1907 по 1914 г., вклад жен в общий доход домохозяйств упал с 11,7 до 5,4%, в то время как вклад детей увеличился с 10,0 до 18,5%. Tilly and Scott. *Women, Work and Family*, pp. 176–177, 185, 199. Схожую модель выявила и Клаудия Голдин, проводившая исследование домохозяйств Филадельфии 1880 г.: «Чем выше зарплата отца, тем ниже вероятность того, что ребенок будет работать». Однако, добавляет Голдин, прежде всего рост заработка главы семьи привел к уходу с рынка труда именно женщин. Вывод из сферы рыночной занятости детей был осуществлен позднее. Claudia Goldin. "Household and Market Production in Families in a Late Nineteenth-Century American City", *Explorations in Economic History* 16 (1979): 124.

странах (Великобритания, Бельгия, Франция, Германия и Швейцария). Сбор данных — по бюджетам 6784 американских и 1707 европейских домохозяйств — осуществлялся таким образом, что мы способны определить источники дохода той или иной семьи на протяжении ее жизненного цикла, равного жизни ее мужского главы⁷³. На рис. 5.2 и 5.3 представлена общая модель источников дохода домохозяйств в течение жизненного

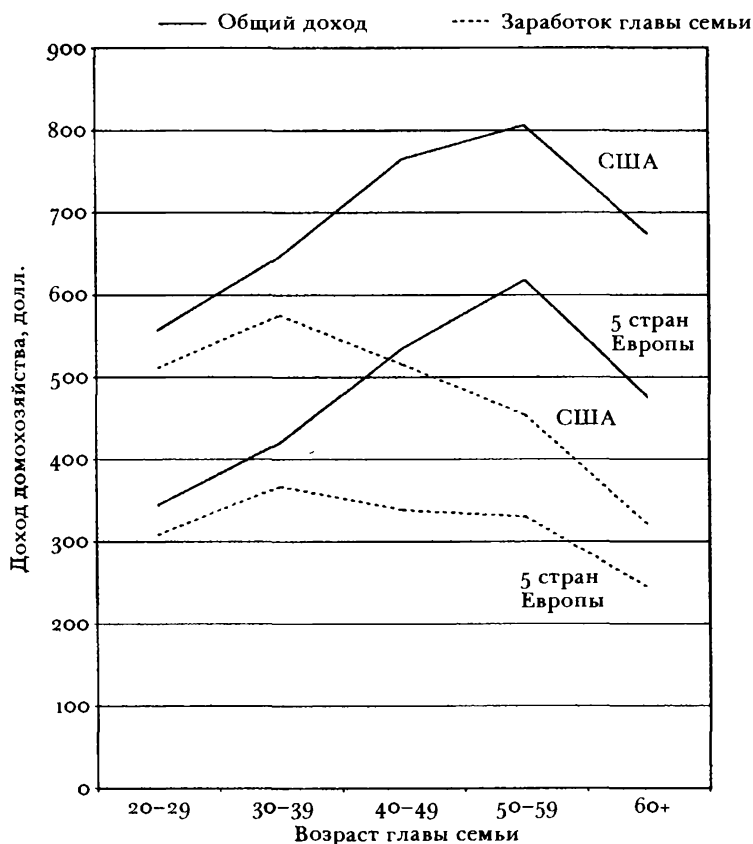

Рис. 5.2. Доход домохозяйств США и Европы (в долларах США) на основе опроса работников промышленности за 1889–1890 гг.

73. Наиболее полные данные представлены в Michael R. Haines. "Industrial Work and the Family Life Cycle", *Research in Economic History* 4 (1979): 289–356.

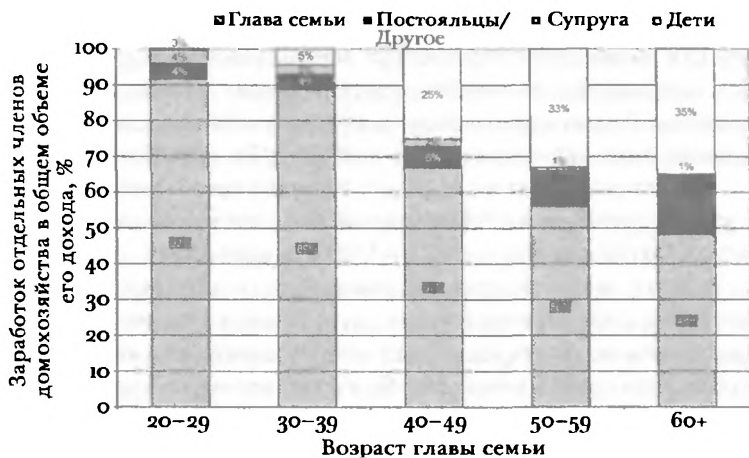

РИС. 5.3а. Источники дохода домохозяйств промышленных рабочих в 1889–1890 гг.: США

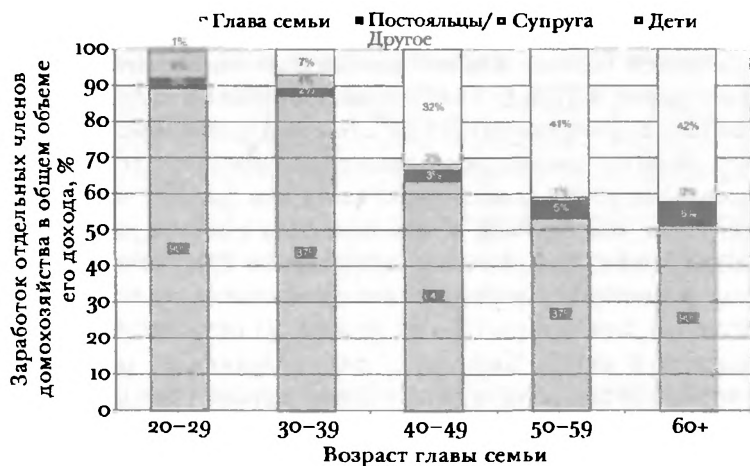

РИС. 5.3в. Источники дохода домохозяйств промышленных рабочих в 1889–1890 гг.: Европа

цикла семьи. Как и в США, так и в соответствующих странах Европы зарботок главы семьи составлял примерно 90% общей суммы заработка домохозяйств на момент, когда речь шла о молодой семье — возраст мужчины составлял от 20 до 39 лет. Однако в возрасте 40–49 лет зарботок мужчин из числа промышленных рабочих показывал тенденцию к снижению, довольно

резкому в США и более мягкому в Европе. При этом общий доход домохозяйства возрастал благодаря заработкам детей, и к пятидесятилетнему возрасту «кормильца семьи» доля заработка детей в общем доходе домохозяйства составляла 30% в США и 40% в Европе.

Существенного вклада со стороны жен и матерей не наблюдается ни на одном из этапов жизненного цикла семьи, хотя для картины по США характерна ситуация, когда по мере старения семьи доля дохода, не связанного с заработной платой, в общем объеме дохода домохозяйства превышает 10%. Значительная часть подобного дохода может быть отнесена на счет предпринимательской деятельности женщин, особенно в розничной торговле и обслуживании постояльцев⁷⁴.

Заработок детей в домохозяйстве типа «кормилец — домохозяйка» играл существенную роль. Существенную, но при этом и стратегическую: работать отправляли далеко не всех детей, а тем более дочерей. Проведенный Клаудией Голдин анализ картины детского труда в Филадельфии в 1880 г., связавший занятость с данными по составу семьи, указывает на следующие широко распространенные тенденции, касающиеся распределения трудовых ресурсов домохозяйства: 1) чем больше зарабатывал отец, тем меньше приходилось трудиться ради заработка детям; 2) наличие квартирантов или работающих родственников обуславливало необходимость оставлять дочерей для присмотра за домом; 3) если старшим ребенком в семье был сын, его отправляли работать, а младшая сестра оставалась дома, однако, если старшим ребенком была дочь и при этом в семье были еще дети, она оставалась дома; 4) при отсутствии в семье матери дома оставалась дочь. Кто именно из детей работал

74. Сегодня довольно трудно представить себе масштабы сдачи комнатов квартирантам в эпоху домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка». Согласно Клаудии Голдин, число домохозяйств белых жителей Филадельфии, сдающих комнаты постояльцам, составило в 1880 г. 14% (хотя в соответствии с данными переписи населения за 1880 г. число филадельфийских домохозяйств, где женщины занимались бы сдачей комнатов постояльцам, составляло менее 1%). Goldin. "Household and Market Production", p. 111-131.

и с какого возраста, зависело от состава домохозяйства, порядка рождения детей и заработка главы семьи⁷⁵. Данные принципы принятия решений были направлены на одновременное обеспечение оптимизации семейного дохода и производство домохозяйством предметов конечного потребления «Z».

В первой половине XX столетия зависимость домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» от детского труда ослабевает. Обязательность посещения школы и удлинение сроков получения среднего образования в значительной мере способствовали уходу детей младшего и среднего возраста с рынка труда, а рост заработной платы взрослых мужчин позволил сделать подобный уход безболезненным с финансовой точки зрения⁷⁶. Тем не менее обязательное школьное образование не привело к окончательной отмене финансового вклада детей в экономику домохозяйства.

Таблица 5.3. Доля работающих женщин: 1890–1960 гг.

	Бельгия	Нидерланды	Франция	Великобритания	США
Все женщины старше 14–16 лет					
1890	29	15	33	25	19
1930	24	19	37	27	24
1940			38		27

75. Ibidem.

76. Опросы трудящихся американцев из числа городских жителей указывают на следующую картину дополнительных источников дохода в зависимости от того, родился ли глава домохозяйства в США или Ирландии:

	Уроженцы США		Уроженцы Ирландии	
	1874	1901	1874	1901
Супруга	3,2%	0,7%	2,3%	1,9%
Дети	24,0%	5,3%	84,2%	12,1%
Квартиранты	Нет данных	25,8%	Нет данных	36,9%

John Modell. "Patterns of Consumption, Acculturation, and Family Income Strategies in Late Nineteenth-Century America", in Tamara Hareven and Maris Vinovskis, eds. *Family and Population in Nineteenth-Century America* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978): 218.

Окончание табл. 5.3

	Бельгия	Нидерланды	Франция	Великобритания	США
Замужние женщины (в возрасте до 65–69 лет)					
1890					5
1900	19	5	20	13	6
1930	16	6	26	11	12
1940					15
1960	20	6	31	32	31

Источники: Н. А. Pott-Buter. *Facts and Fairy Tales about Female Labor, Family and Fertility* (Amsterdam: University of Amsterdam Press, 1993); Susan Carter. et al., eds. *Historical Statistics of the United States* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), Tables Ba 345, Ba431.

Исследование бюджета бельгийских семей за 1927–1928 гг., которое вполне резонно использовать наряду с вышеуказанными исследованиями бюджета семьи XIX в., позволяет говорить о том, что с 1891 г. произошло удваивание процентной доли работающих жен (см. табл. 5.1 и 5.2). Суммы их заработка не были велики, тем не менее, возможно, именно благодаря ему произошло наблюдаемое в том же периоде существенное увеличение дохода семей, не связанного с заработной платой. Таблица 5.3 обобщает данную тенденцию для первой половины XX в. Для каждой страны была характерна своя скорость возврата женщин на рынок труда, что неудивительно, принимая во внимание значимость той роли, которую закон и государственная политика играли в указанный период в формировании условий трудовой занятости женщин. Тем не менее в целом главным фактором влияния на долю работающих женщин в указанном периоде явился возврат на рынок труда замужних женщин после рождения и воспитания детей.

Но вернемся к вопросу патриархата в рамках домохозяйства: представленный вниманию читателя краткий обзор источников дохода домохозяйства должен быть достаточным для демонстрации того факта, что при рассмотрении семьи на протяжении ее жизненного цикла впечатление на основе статического анализа — о том, что благополучие домохозяйств держалось главным образом за счет заработка мужа и отца — уже не

столь однозначно. Финансовое благосостояние, а то и сама жизнеспособность домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» зависели от заработка детей. Ряд читателей могут быть настроены весьма скептически относительно того, что договорная модель в состоянии реалистичным образом отразить отношения между супругами в рассматриваемый период, однако не думаю, что тот же скептицизм был бы уместен при использовании данной модели применительно к отношениям между детьми и родителями. Поддержание верности детей — в материальном отношении — представляет собой важную тему исследований различных форм семьи малого типа, доминировавшей в течение долгого времени на территории Северо-Западной Европы. Ранний уход детей из семьи трудящихся протопромышленной эпохи, пользующихся возможностью зарабатывать для независимой жизни и раннего брака, был одним из главных вопросов, беспокоивших жителей центров сельской промышленности⁷⁷. Судя по всему, феномен «дефолта детей» представлял собой в XIX в. все более острую проблему даже среди сельских семей, обладавших обширными земельными угодьями, которые могли унаследовать дети⁷⁸. Для не обладающих недвижимостью

77. Данная проблема подчеркивается демографическими теориями эпохи протопромышленности. См. Rudolf Braun. *Industrialisierung und Volksleben. Ver änderungen der Lebensformen unter Einwirkung der verlagindustriellen Heimarbeit in einem ländlichen Industriegebiet (Zürcher Oberland) vor 1800* (Erlenbach-Zürich: Eugen Rentsch Verlag, 1960); Franklin Mendels. "Proto-Industrialization, the First Phase of the Industrialization Process", *Journal of Economic History* 32 (1972): 241–261; David Levine. *Family Formation in an Age of Nascent Capitalism* (New York: Academic Press, 1977).

78. Под «дефолтом детей» понимается их отказ от выполнения неписаного договора, согласно которому они заботятся о стареющих родителях в обмен на получение наследства. Подобный неписанный договор был характерен для сельских семей, владевших земельными наделами. По мере расширения возможностей по устройству жизни в городах и роста их привлекательности взрослые дети могли отказываться от ожидания перехода земельных наделов к ним в наследство (и от обязательства заботы о родителях). Именно это, как считается, стоит за ранним снижением рождаемости, пережитым США после 1800 г. Roger Ransom and Richard Sutch. "Did Rising Out-Migration Cause Fertility to Decline in Antebellum New England?"

семей пролетарской среды задача удержания детей была, должно быть, еще более сложной. Элен Босанкет задавалась в связи с этим тревожным вопросом:

Неужели это правда, что, когда у семьи нет собственности или когда ее собственность такова, что любой член семьи может удалиться, унося свою долю в кармане, семья перестает существовать? Или существуют и другие силы и связующие звенья, способствующие сохранению ее силы, пусть и в другой форме?⁷⁹

«Связующие звенья» действительно *были*. Семья типа «кормилец — домохозяйка» была способна поддерживать верность детей семье как единой экономической единице более эффективно, чем менее сплоченные «трудолюбивые» семьи или, как это ни парадоксально, многие семьи, обладающие передаваемыми активами. Данному вопросу свойственно несколько аспектов. Во-первых, необходимо разобраться, как именно долго дети физически оставались в доме родителей. Уход ребенка из семьи для работы в качестве прислуги или подмастерья долгое время оставался характерной чертой семьи малого типа. В XIX в. увеличение спроса на домашнюю прислугу заставил девушек покидать дом даже раньше, чем прежде. Поскольку их заработок на дому вряд ли мог покрыть расходы на их проживание в семье, у родителей не было оснований противиться уходу из семьи детей женского пола. Киф Снелл приводит свидетельства того, что средний возраст, когда девушки в Англии покидали родительский дом, упал с 17 лет в XVIII в. до чуть менее 15 к 1860 г. Для детей же мужского пола наблюдалась противоположная тенденция, поскольку работа в качестве прислуги и подмастерья со временем становилась для них все более редким

A Life-Cycle Perspective on Old-Age Security Motives, Child Default, and Farm-Family Fertility", California Institute of Technology Social Science Working Papers, no. 610 (April 1986); Paul David and William Sundstrom. "Old-Age Security Motives, Labor Markets, and Family Farm Fertility in Antebellum America", *Explorations in Economic History* 25 (1988): 164-197; Laurence J. Kotlikoff and A. Spivak. "The Family as an Incomplete Annuities Market", *Journal of Political Economy* 89 (1981): 942-963.

79. Helen Bosanquet. *The Family* (London: Macmillan, 1906): 203.

занятием. В течение указанного периода средний возраст, когда дети мужского пола покидали родительский дом, вырос с 14,6 до почти 16 лет⁸⁰. Данная тенденция продолжилась и после 1860 г., а к началу XX в. дети обоих полов оставались в родительском доме дольше, чем когда-либо прежде. По состоянию на 1959 г. 90% детей в Англии продолжали жить с родителями даже два года спустя после окончания школы⁸¹.

Второй вопрос заключается в следующем: какая часть дохода детей, независимо от того, жили ли они дома или с семьей, в которой работали прислугой либо подмастерьем, поступала в общий семейный «котел»? То есть продолжали ли дети, живущие вне семьи, оставаться частью единого «котла»? В случае с девушками ответ положительный: значительная часть их заработка направлялась домой. При этом существенным был вклад в «общий котел» со стороны детей обоих полов. Согласно данным опроса, проведенного в начале XX в. Американским бюро труда, дети мужского пола направляли родителям 83% своего заработка, женского — 95%⁸². Схожие данные имеются и по Великобритании, хотя по достижении восемнадцатилетнего возраста дети мужского пола отдавали предпочтение фиксированной оплате за съем комнаты и питание, удерживая на эти цели значительно большую часть своего дохода, в то время как интеграция детей женского пола с экономикой домохозяйства оставалась более глубокой⁸³. Эта тенденция наблюдалась в Великобритании в период вплоть до середины XX столетия, когда работавшие дети продолжали проживать вместе с родителями, внося значительную часть своего дохода в общий семейный «котел»⁸⁴.

Последние замечания подводят нас к третьему и последнему вопросу: почему выросшие дети, зарабатывая

80. Snell. *Annals of the Labouring Poor*, p. 332–337.

81. Cunningham. "The Decline of Child Labour", p. 423.

82. Цитируемые данные из: Tamara Hareven. *Family and Kin in Urban Communities, 1700–1930* (New York: Franklin Watts, 1977): 198.

83. Leonore Davidoff. "The Family in Britain", in F. M. L. Thompson, ed. *Cambridge Social History of Britain*, Vol. 2. (Cambridge: Cambridge University Press, 1990): 122.

84. Cunningham. "The Decline of Child Labour", p. 423.

больше, чем когда-либо раньше, проживали с родителями дольше и продолжали вносить вклад в «котел доходов» патриархальной семьи? Проведенное Майклом Андерсоном исследование ситуации в Престоне середины XIX в. указывает на то, что вопреки ожиданиям современников вероятность того, что дети, получавшие относительно высокую заработную плату на промышленных производствах, останутся проживать с родителями, была более высока, чем в случае с другими детьми. Он полагает, что причиной этого явилось то, что уровень заработка «позволял детям добиваться более-менее равного статуса с родителями»⁸⁵. Если дети, располагавшие средствами, которые позволяли им жить независимо, оставались дома, принимая участие в экономике домохозяйства, нам следует заключить, что они находили в этом определенное преимущество⁸⁶. Так

85. Michael Anderson. *Family Structure in Nineteenth-Century Lancashire*; Tuttle, *Hard at Work*, note 131.

86. Уолли Секкомб задается данным вопросом в «Выдерживая шторм» ("Weathering the Storm"). Он приходит к выводу, что родителям было выгодно удерживать при себе работающих детей как можно дольше, однако, пишет он, «причины, по которым им это удавалось, далеко не очевидны, поскольку у них не было кнута и пряника, как передаваемое по наследству ценное имущество. Почему большая часть пролетарской молодежи оставалась под родительским кровом вплоть до брака, обрекая себя на подчиненное положение? (р. 62.) Прежде чем перейти к другим вопросам исследования, Секкомб рассматривает целый ряд возможных причин данного феномена (любовь к родителям, нестабильность трудовой занятости, недовольство со стороны работодателей). Однако, если подойти к вопросу с точки зрения договорных отношений внутри семьи, головоломка видится уже не столь обескураживающей. Переговорные позиции детей, имеющих свой заработок, достаточно сильны. Исследование «Тяжелый труд на промышленных производствах и рудниках» ("Hard at Work in Factories and Mines") Каролины Таттл опирается на предположение о том, что «благополучные занятых оплачиваемым трудом детей зависит от достигнутого с родителями соглашения» (р. 55). У таких молодых людей было право голоса в определении своего уровня жизни. Те же, чье будущее зависело от наследства родителей, могли рассчитывать на гораздо меньшее. У них было две возможности выбора — верность или «дефолт». При этом «дефолт» был реальной возможностью выбора для все большего их числа, особенно в XIX в.

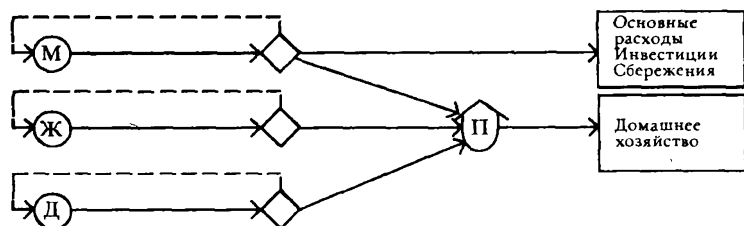
какими были для них преимущества в том, чтобы продлевать свое подчиненное положение в условиях предполагаемого патриархата?

Чтобы ответить на данный вопрос, нам требуется вернуться к другой паре сторон в домохозяйстве типа «кормилец — домохозяйка», а именно к мужу и жене. Здесь крайняя специализация функций, свойственных домохозяйству данного типа, и сходящий на нет вклад женщин в денежный доход семьи зачастую видятся как свидетельство ослабленных переговорных позиций жены. Однако Элен Босанкет, наблюдавшая семью данного типа в 1906 г., придерживалась иного толкования ситуации. Для Босанкет ситуация в семье данного типа способствовала тому, чтобы заставить взрослого мужчину добиваться гораздо большего, чем то, чего он мог бы — или желал бы — добиваться, будучи одиноким: «Ничто, кроме совмещенных прав и обязанностей семейной жизни, не способно поднять среднего мужчину до полной меры его эффективности и побудить его продолжать трудиться и после того, как он заработал достаточно средств, чтобы удовлетворить свои личные потребности»⁸⁷. Эти совмещенные права и обязанности включали в себя разделение труда, в рамках которого — как Босанкет указывает со своей довольно беспощадной прямоотой — жены надеются получить и получают полный контроль над семейным доходом». Однако было ли это в действительности так?

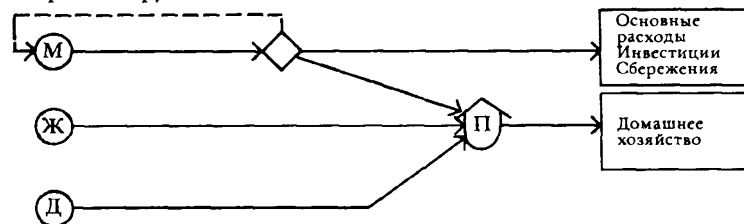
Борьба за ресурсы домохозяйства велась на протяжении долгого времени, и каждой стране была свойственна своя скорость происходящих изменений, однако собственно направление изменений сомнений не вызывает: «бедный котел» трудолюбивой семьи сменился «богатым котлом» домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка». Три части рис. 5.4 иллюстрируют основные изменения. Данные изменения включали в себя: 1) передачу работающими членами домохозяйства более значимой части своего заработка в общий пул, 2) переход права решения относительно размеров личных расходов к лицам, не являющимся собственно

87. Bosanquet. *The Family*, p. 202, 222.

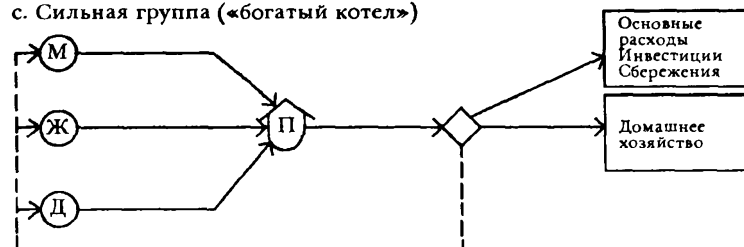
а. Слабая группа («бедный котел»)

б. средняя группа

в. Сильная группа («богатый котел»)

- Источники денежного дохода: муж (М), жена (Ж), дети (Д)
- ◇ Решения о распределении средств
- ⬆ «Общий котел дохода» (П)
- ┌──┐ Деньги на личные расходы

Рис. 5.4. Доход домохозяйств промышленных рабочих в 1889–1890 гг.: 5 стран Европы

лицом, о расходах которого идет речь, 3) (пере) определение компетенции в принятии решений, касающихся общего «котла дохода» домохозяйства.

Объединение дохода составляет сердце домохозяйства как экономической единицы. Прежде чем перейти к рассмотрению практических аспектов трех измене-

ний, что характеризуют домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка», необходимо подчеркнуть, что объединение дохода вовсе не является универсальной семейной практикой. Как сегодня, так и раньше во многих обществах это не является даже достаточно распространенным явлением. Одной из альтернатив объединению дохода является половое разделение обязанностей, при котором мужа и жены имеют отдельные сферы ответственности, которые финансируются ими из их собственных средств, не прибегая к регулярной передаче средств друг другу. Еще одна такая альтернатива — индивидуализированная система, в рамках которой члены семьи объединяют свои доходы на временной основе и для строго определенных задач, финансировать которые позволяют их денежные средства. Объединение дохода было свойственно европейским семьям малого типа на протяжении долгого времени, однако то, на что именно направлялись деньги (лишь регулярные расходы на нужды домохозяйства, товары длительного пользования, инвестиции, наследуемые активы), сильно варьируется, как варьируется и то, кто именно принимает решения относительно расходов и распределения потребления.

Формирование домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка», характеризующегося сильным пулом, включало в себя следующие шаги:

Передача денежных средств. Согласно проведенному в 1850 г. исследованию, английские трудящиеся тратили от одной трети до половины своего заработка на собственные нужды, при этом процентное соотношение подобных трат увеличивалось обратно пропорционально уровню заработка⁸⁸. Именно на этом основывались призывы Т. Б. Смита к последователям движения чартизма мужского пола отказаться от «разрушительного эгоизма»⁸⁹.

88. G. R. Porter. "On the Self-Imposed Taxation of the Working-Classes in the United Kingdom", *Journal of the Royal Statistical Society* 13 (1850): 364.

89. T. B. Smith. *English Chartist Circular* 1 (1841): 160. Цит. по: *Secombe, Weathering the Storm*, p. 249.

Взгляните на изношенные халаты своей жены, босоногих, лишенных одежды детей, ползающих по полу, очаг, который почти нечем топить, буфет, в котором нет хлеба, а затем взгляните на свой туго набитый кисет и пенную кружку, и пусть вам станет стыдно за свои поступки.

По мнению специалистов, позднее в том же столетии доля оставляемых на собственные нужды средств равнялась примерно 20% заработка, что соответствует результатам детального исследования семейных бюджетов в послевоенном — в период после Второй мировой войны — Глазго. Доля заработка, передаваемого для управления в руки жены, с ростом размера семьи повышалась, а при снижении заработка кормильца уменьшалась, опускаясь ниже 75% лишь среди высокооплачиваемых рабочих⁹⁰. Согласно же результатам более широкого британского исследования за 1961 г., 16% мужчин отдавали женам всю свою зарплату, а 70% выделяли своеобразное «домохозяйственное пособие». Еще одним существовавшим на рассматриваемый момент вариантом было формирование общего счета, к чему прибегали 14% домохозяйств⁹¹. При этом более важным, чем практика выделения «домохозяйственного пособия», было то, каким именно образом принимались решения о выделении данного пособия, его размерах и сферах ответственности.

«Домохозяйственное пособие». По большому счету, вопрос заключается в следующем: для кого выделялось «пособие»? Кормилец семьи мог «нехотя отсчитывать» некоторую сумму, уступая мольбам или требованиям супруги. Более радеющий за семью глава выплачивал «зарплату жены», своеобразное «пособие» с фиксированной суммой, направленное на покрытие текущих издержек домохозяйства. Размер подобного «пособия» был привязан к обычному или минимальному уровню заработка главы семьи, что позволяло тому оставлять непредвиденные доходы и прочие исключительные заработки себе. В обоих случаях кормилец семьи, без-

90. Michael Young. "Distribution of Income Within the Family", *The British Journal of Sociology* 3 (1952): 310.

91. Jan Pahl. *Money and Marriage* (London: Macmillan, 1989): 50.

условно, выступает в качестве патриарха: в первом — как лицо деспотичное и ненадежное, во втором — как лицо, удерживающее средства и, судя по всему, взваливающее на себя соответствующую ответственность за все расходы, кроме тех, что безусловным образом относятся к сфере ответственности домохозяйки⁹².

При этом к концу XIX столетия нормой стала еще одна система, в рамках которой глава семьи, а также работающие дети «раскошеливались» на всю свою зарплату, то есть отдавали ее жене (матери), которая в свою очередь выделяла им часть денег на личные нужды. В этом случае «пособие» получал уже кормилец семьи, а передача зарплаты и выдача денег на личные нужды зачастую проходили при свидетелях, что обеспечивало полную открытость перехода финансов из рук в руки⁹³. Данная практика была свойственна Великобритании. В начале же XXI в. в домохозяйствах работающих американцев установилась традиция, когда уже жена «нехотя отсчитывала деньги на личные нужды членов семьи в соответствии с их потребностями и заработком»⁹⁴.

Компетенция. Последняя форма объединения дохода, укоренившаяся с окончанием XIX в., привела к тому, что значительные, если не все полномочия касательно распоряжения доходом домохозяйства перешли от мужа (единственная задача которого заключалась теперь в том, чтобы «приносить домой бекон»)

92. В первой половине XX в., до распространения совместных банковских счетов и прочих форм финансовой прозрачности, система выделения «зарплаты жены» встречалась тем чаще, чем выше был заработок главы семьи. Так, согласно одному из исследований за 1917 г., по мере роста общего дохода «доля, контролируемая супругой, снижалась до такой степени, что она зачастую становилась иждивенцем мужа». Цит. по: Viviana Zelizer. *The Social Meaning of Money* (New York: Basic Books, 1994): 177.

93. Davidoff. "Family in Britain", p. 113.

94. Louise B. More. *Wage-Earners' Budgets* (New York: Henry Holt, 1907). Цит. по: Zelizer. *The Social Meaning of Money*, p. 177. Еще одним свидетельством системы «пособий», контролируемых женами, стало следующее исследование жизни женщин из рабочей среды в период 1900–1913 гг.: Leslie Tentle. *Wage-Earning Women* (Oxford: Oxford University Press, 1982).

к жене. На основе своих исследований автобиографий представителей английского рабочего класса Дэвид Винсент приходит к выводу (в соответствии с утверждениями, выдвинутыми Босанкет) о том, что «бюджет домохозяйства находился в ведении супруги»⁹⁵.

Здесь в центре внимания находится текущий бюджет домохозяйства. Вполне возможно сохранение в семье ситуации, когда вопросы выделения средств на товары длительного пользования, сбережения и инвестиции оставались в ведении мужа или же находились в совместном ведении супругов. К примеру, рост потребительского спроса на «достойные» похороны заставил миллионы британцев покупать страховые полисы ритуальных услуг. К 1914 г. число приобретенных полисов превысило число жителей Великобритании, а объемы страховых взносов составили к 1936 г. более 66 млн фунтов стерлингов⁹⁶. Решения относительно подобных финансовых целей могли приниматься иначе, чем принимались решения относительно ежедневных расходов. При этом повседневная реальность в рамках «раскошеливающегося» домохозяйства отличалась от того, что можно было бы охарактеризовать как «патриархальность».

Еще один способ проверить домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» на патриархальность уклада — сосредоточиться не на ресурсах и контроле за ними, а на результатах. Привела ли данная форма домохозяйства к формированию четко выраженного образа жизни для его членов, поставив в выгодное положение «патриарха» и в подчиненное и унижительное домохозяйку и детей?

При подходе антропологического характера в центре внимания оказались бы такие ставшие ритуалами нормы, как, например, совместное принятие пищи. Являются ли они собой возможности для всех участников

95. David Vincent. *Bread, Knowledge and Freedom: A Study of Nineteenth Century Working-Class Autobiography* (London: Methuen, 1981): 53.

96. Paul Johnson. *Saving and Spending. The Working-class Economy in Britain, 1870–1939* (Oxford: Oxford University Press, 1985): 16–18. Ежегодный доход от страховых взносов увеличился с 0,7 млн фунтов в 1870 г. до 19 млн в 1910 г. и 66 млн в 1936 г.

подтвердить свою приверженность домохозяйству как совместному предприятию или же это, скажем, способны продемонстрировать, кто кого обслуживает и кто обслуживается в первую очередь, указывающие на различия в уровне жизни разных членов семьи? На настоящей момент можно лишь строить догадки⁹⁷.

Поскольку мы не обладаем непосредственными данными по порядку распределения средств, нам следует сосредоточиться на результатах. Один из потенциально репрезентативных результатов — телосложение. Будущий рост человека полностью определяется в детском и подростковом возрасте, большая часть которого проходит в условиях, когда решения по распределению средств принимаются родителями. Размышляя именно в этом ключе, Дэвид Уэйр рассматривает данные по росту жителей Франции с целью выяснить, способны ли эти данные подтвердить гипотезу о том, что недостаток еды в переживающем промышленную революцию обществе заставляет родителей отбирать пищевые ресурсы у детей (поскольку взрослые способны получить от данных ресурсов большую и при этом моментальную пользу). На основе данных по росту мужчин Уэйр приходит к выводу, что в начале XIX в. (в продолжающуюся эпоху «трудолюбивого» домохозяйства) французские дети действительно прошли через подобное перераспределение ресурсов, однако позднее данная тенденция прекратилась (по мере консолидации домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка»)⁹⁸.

Стивен Николас и Дебора Оксли провели еще более глубокое исследование феномена детской дискриминации со стороны родителей, изучив данные по росту более 6 тыс. осужденных женского пола из Англии и Ирландии, отправленных в Австралию. Их задачей было выявить практические свидетельства патриархата посредством рассмотрения разницы в распределении еды

97. Seccombe. *Weathering the Storm*, p. 155; Baud. "Familiennetwerken", p. 123–147.

98. David R. Weir. "Parental Consumption Decisions and Child Health During the Early French Fertility Decline, 1790–1914", *Journal of Economic History* 53 (1993): 259–274.

и в уходе в зависимости от пола ребенка⁹⁹. Николас и Оксли выявили тенденцию снижения роста осужденных женщин, рожденных в период с 1790 по 1825 г., особенно происходящих из сельских областей Англии, относительно тенденции показателей роста представителей мужского пола. К этому они прибавили второй результат своих исследований: относительное ухудшение качества образования женщин для периода, соответствующего времени получения образования родившимися в указанные годы лицами.

Ими была выявлена «субъективность подхода в выделении ресурсов домохозяйств в пользу представителей мужского пола, проявлявшаяся в период со второй половины XVIII в.» и примерно до 1840 г. Поскольку Николас и Оксли предполагали, что подобная ситуация могла сложиться только в рамках патриархального домохозяйства, они пришли к следующему выводу: «Наши данные подтверждают пессимистичность ситуации, но при этом указывают на то, что такой феномен, как мужчина — кормилец семьи, проявил себя полувеком ранее, [чем принято считать]»¹⁰⁰. Будь на их месте менее идеологически ангажированные исследователи, они, возможно, устояли бы перед соблазном сместить время появления домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» таким образом, чтобы оно соответствовало их выводам о дискриминационной ситуации. При этом приведенные ими свидетельства указывают на то, что подобная ситуация смягчается по мере того, как указанный тип домохозяйства получает все более широкое распространение.

Однако, прежде чем перейти к собственным заключениям, нам следовало бы рассмотреть еще одну, более глубоко изученную статистику — различия в уровне

99. Stephen Nicholas and Deborah Oxley. "The Industrial Revolution and the Genesis of the Male Breadwinner", in Graeme Snooks, ed. *Was the Industrial Revolution Necessary?* (London: Routledge, 1994): 96–111. В рамках исследования были рассмотрены данные по 2926 осужденным женского пола, родившимся в Англии, и 3370 — урожденным Ирландии, перевезенных в Австралию в период с 1826 по 1840 г.

100. Ibid., p. 111.

смертности среди представителей разных полов. Исследования смертности среди взрослых представителей разных полов свидетельствуют о чрезмерной смертности среди женщин в Англии, Германии, Франции и Ирландии конца XVIII и начала XIX вв.¹⁰¹ Подводить под эти тенденции основу из причин экономического характера вряд ли стоит, поскольку смертность среди рожениц — довольно сложный фактор. Кроме того, в Германии чрезмерная смертность более всего проявлялась в среде среднего класса и крестьян-землевладельцев, а не наемных работников и бедняков. При этом все исследования указывают на сокращение или исчезновение данных различий во второй половине XIX в.

Одно из исследований, посвященное различиям в уровне смертности среди представителей разных полов, указывает на противоположную тенденцию — резкий рост мужской смертности прежде всего в городах, пик которого приходится на 1820–1850 гг., после чего во второй половине XIX столетия наблюдаемый рост прекращается. Указанная тенденция была выявлена Гуннаром Фридлизиусом для Швеции, территории, достаточно удаленной от изучаемого нами региона, однако значимость проведенного им анализа требует от нас уделить данному исследованию соответствующее внимание. Фридлизиус определил, что важнейшим фактором роста смертности «без сомнений, является чрезмерное потребление алкоголя, масштабы которого в период с начала и до середины XIX в. превышали аналогичные показатели по любому другому периоду в истории Швеции»¹⁰².

101. Stephen Klasen. "Marriage, Bargaining, and Intra-household Resource Allocation. Excess Female Mortality among Adults During Early German Development", Harvard Ph.D. dissertation, 1994; Arthur Imhof. *Lebenserwartungen in Deutschland vom 17. bis 19. Jahrhundert* (Weinheim: VCH Verlagsanstalt, 1990); Robert Kennedy. *The Irish. Emigration, Marriage, and Fertility* (Berkeley: University of California Press, 1973); Dominique Tabutin. "La Surmortalité féminine en Europe avant 1940", *Population* 33 (1978): 121–148.

102. Gunnar Fridlitzius. "Sex-Differential Mortality and Socio-Economic Change. Sweden, 1759–1910", in Anders Brändström and Lars-Göran Tedebrand, eds. *Society, Health and Population During the Demographic Transition* (Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1988): 244.

Фридлиззиус полагает, что склонность к трате дополнительных денег, появившихся в результате роста реальной заработной платы, увеличение потребления алкоголя, была особенно выраженной на ранних этапах современного роста зарплат. «Алкогольная отрасль превратилась в промышленный флагман зарождающегося общества потребления»¹⁰³. В период после середины XIX столетия происходит снижение потребление алкоголя, ведущее к исчезновению различий в смертности между жителями городов и сельской местности, а также между мужчинами и женщинами.

В этом плане ситуация в Швеции, возможно, характеризовалась крайностью, в целом, однако, соответствуя тенденциям, отмеченным для Соединенных Штатов, Англии и Нидерландов. Пик потребления алкоголя, особенно дистиллированных напитков, пришелся во всех этих странах на первую половину XIX в. В XVIII столетии потребление алкоголя в американских колониях значительно превышало показатели европейских стран: колонии утопали в ввозимом роме и сидре собственного производства. В результате ведения боевых действий в рамках войны за независимость США поставки рома были прерваны, однако уже вскоре недостаток рома был с лихвою компенсирован ростом производства в колониях виски, по мере того как «технологические усовершенствования в дистилляции привели к увеличению выпуска дистиллированного алкоголя, и поселенцы на западных территориях принялись использовать избыток кукурузы для производства огромных объемов дешевого виски»¹⁰⁴. Согласно одному из историков, новая Американская Республика была «алкогольной республикой», поскольку «после 1800 г.

103. Gunnar Fridlizius. Op. cit., p. 259.

104. William J. Rorabaugh. *The Alcoholic Republic. An American Tradition* (Oxford: Oxford University Press, 1979): 61. Экономическая значимость виски в ранней Американской Республике была настолько высока, что именно виски стал первым объектом налогообложения со стороны федерального правительства. Введение акциза на виски привело к протестным выступлениям в 1794 г. — первому серьезному вызову, брошенному правительству, сформированному в соответствии с Конституцией 1787 г.

...общее потребление алкоголя в любой форме увеличивалось, пока не достигло в 1830 г. пика с показателем почти четыре галлона [14,8 литра] на душу населения»¹⁰⁵. В молодых Соединенных Штатах точно так же, как и в Швеции, производство дистиллированных спиртных напитков оказалось одной из передовых отраслей ранней экономической модернизации, а рост потребления сопровождался разительным снижением продолжительности жизни и уровня здоровья¹⁰⁶. После пика, который пришелся на 1830-е гг., потребление алкоголя в США резко упало, после чего продолжало стабильно снижаться вплоть до введения в 1920 г. сухого закона (который, однако, не привел к полному прекращению потребления алкоголя).

В Великобритании пик потребления алкоголя пришелся на более поздний период (1875–1879 гг.), после чего наблюдалось его снижение вплоть до 1930-х гг. Снижение было довольно существенным: в 1930-е гг. потребление дистиллированных алкогольных напитков на душу населения составляло лишь 20% от пиковых показателей 1870-х гг., а пива — 62%¹⁰⁷. Та же тенденция по падению потребления алкоголя проявила себя и в Нидерландах: снижение с показателя в 6 литров чистого спирта на душу населения в 1876–1879 гг., продолжавшееся до 1936–1939 гг., после чего произошло новое его снижение в 1956–1960 гг., когда данный показатель составил 2 литра чистого спирта, — снижение до одной трети пиковых значений¹⁰⁸.

105. Rorabaugh. *Alcoholic Republic*, p. 10.

106. В Соединенных Штатах ожидаемая продолжительность жизни для десятилетних, превысив показатель 56 лет в 1780–1794 гг., в дальнейшем упала — до показателя ниже 45 лет в 1850-е гг. Robert Fogel. "Nutrition and the Decline in Mortality Since 1700. Some Preliminary Findings", in Stanley Engerman and Robert Gallman, eds. *Long-Term Factors in American Economic Growth* (Chicago: University of Chicago Press, 1986): 439–527; Steckel. "Stat-ure and Living Standards in the United States", in Gallman and Wallis, eds. *American Economic Growth*, p. 265–308.

107. D.J. Oddy. "Food, Drink and Nutrition", in Thompson, ed. *Cambridge Social History of Britain, 1750–1950*, Vol. 1, p. 265.

108. Centraal Bureau voor de Statistiek. *Jaarcijfers. 85 jaren* (The Hague: Staatsuitgeverij, 1985).

Новая дисциплина, свойственная домохозяйству с объединенным доходом, наложила ограничения не только на этот классический порок мужской части населения, но и на расходы, к которым питают определенную слабость женщины. Наблюдавшаяся на протяжении XVIII в. тенденция, когда женский гардероб стоил гораздо больше мужского (во Франции — более чем в два раза, согласно описям имущества завещателей), в XIX в. оказалась обращена вспять. Исследование семейного бюджета жителей Йорка, проведенное в конце XIX в. Сибоном Раунтри, указывает на примерное равенство расходов представителей противоположных полов. Автор более масштабного исследования среди английских промышленных рабочих Линн Лиз приходит к выводу, что в районах сосредоточения производств тяжелой промышленности существенно больше денег тратилось на мужскую одежду, а в районах сосредоточения текстильной промышленности — на женскую. Ею выдвигается предположение, что жены работников текстильной промышленности, которые чаще, чем другие замужние женщины, были вынуждены работать, сдавать комнаты постояльцам и т. п., благодаря своим более высоким заработкам могли претендовать на большую долю семейного дохода¹⁰⁹. Результаты еще более широкого опроса, проведенного в 1937–1938 гг., указывают на то, что траты на мужской гардероб превышали траты на женскую одежду в семьях представителей целого ряда рабочих профессий: уровень общих расходов на женскую одежду составлял 86% от общих расходов на мужскую. Наконец, общая стоимость готового платья, проданного в Великобритании в 1936 г., была поделена примерно поровну между мужской и женской одеждой; примерно равными были расходы и получателей талонов на одежду в 1941 и 1942 военных годах¹¹⁰. В первой четверти XX в. та же

109. Lynn Hollen Lees. "Getting and Spending. The Family Budgets of English Industrial Workers in 1890", in John M. Merriman, ed. *Consciousness and Class Experience in Nineteenth Century Europe* (New York: Holmes and Meier, 1979): 180.

110. Richard Wall. "Some Implications of the Earnings, Income and Expenditure Patterns of Married Women", p. 312–335.

общая тенденция расходов на одежду для представителей обоих полов была свойственна и США: в 1900 г. расходы на мужскую одежду превышали расходы на женскую; примерное же равенство расходов было достигнуто накануне Первой мировой войны¹¹¹.

Все эти исследования результатов, к которым привело формирование домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка», заостряют внимание на значительных проявлениях неравенства во внутрисемейном распределении ресурсов и потреблении крупнейших объемов любимого мужчинами «яда» в течение последних десятилетий эры «трудолюбивого» домохозяйства, для которых было характерно наличие в семье многочисленных работников наемного труда, более индивидуализированное потребление и снижение роли совместно потребляемых товаров и услуг. Зарождение домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» во второй половине XIX столетия было связано — и я считаю, что связано причинно-следственным образом — с отходом от порочно-неравного распределения денежных средств в рамках семьи и с постепенным сокращением той части семейного дохода, что выделялась на оплату классических мужских пороков. «Патриархат» этих мужчин — кормильцев семьи можно было сравнить с «монархическими режимами» правящих домов современной Европы: больше лоску, чем собственно содержания.

Почему кормилец семьи оказался столь ограничен в отпращивании своих типично патриархальных прерогатив? Согласно договорной модели принятия решений в рамках данного домохозяйства, снижение доли супруги в общем доходе домохозяйства должно было бы соответствующим образом снизить и ее влияние. По мере того как возможности ее заработка за пределами домохозяйства суживаются, происходит и ослабление ее «переговорных позиций». Исторические исследования, подчеркивающие слабость положения супруги, указывают на ее периферийное место в рыночной

111. Susan Carter, et al., eds. *Historical Statistics of the United States* (Cambridge: Cambridge University Press, 2006), Table Cdio-12.

экономике и в особенности на ее неспособность к финансовому самообеспечению. Однако то же самое можно было бы сказать и о предыдущих столетиях. В XVIII в. женщины, занятые главным образом в промышленности, сельском хозяйстве, рыночной торговле, сфере городских услуг и т. п., редко когда зарабатывали больше, чем потребляли, однако условия, в которых им давался высокий заработок, можно было назвать привлекательными далеко не всегда. Их заработок учитывался во второстепенных областях потребления и принятия решений, однако редко когда позволял им добиваться самостоятельности, не говоря уже о значительном влиянии.

Чтобы отразить в себе происходящее во второй половине XIX в., договорная модель должна учитывать не только денежный доход домохозяйства, но и ценность предметов потребления «Z». Новые технологии потребления, свойственные домохозяйству типа «кормилец — домохозяйка», привели к тому, что полезность прямого потребления значительно превысила полезность денежного дохода. Более того, вопреки приведенным выше утверждениям историков, рассматривающих события с феминистических позиций, о том, что нерыночные предметы потребления «Z» потеряли свою ценность, оказались опорожены (вследствие своей ограниченности презренной «частной сферой») да и вовсе были по факту бесполезны, теперь становится ясно, что поведение членов домохозяйств подтверждает как раз обратное. В домохозяйстве типа «кормилец — домохозяйка», источнике желанных общих товаров, дети проживали с родителями гораздо дольше, чем в «трудлюбивых» домохозяйствах, для которых была характерна более рудиментарная домашняя обстановка. Мужья же постепенно впрягались в ярмо, предписанное им грозной Элен Босанкет, отдавали свою зарплату и сокращали личные траты.

Взамен этого члены домохозяйства получили доступ — зависящий от сочетания общего домохозяйственного дохода с эффективностью, с которой домохозяйка была способна преобразовывать ресурсы в предметы потребления «Z» — к товарам и услугам, ко-

торые ассоциируются у нас с успешным, современным обществом. В период индустриализации значимость домохозяйства как производственной единицы скорее увеличилась, чем снизилась, поскольку рыночная экономика редко когда была в состоянии производить и распределять нечто большее, чем «сырье», необходимое для более высокого уровня жизни или, если быть более точным, уровня жизни, к которому люди стремились. Увеличение валового национального продукта не вело к повышению уровня здоровья, питания или домашнего комфорта, если сами домохозяйства не преобразовывали приобретаемое «сырье» в законченный продукт. То, как именно традиционно понимаемый экономический рост преобразовывался в определенный уровень жизни, зависело от самого домохозяйства и не сводилось к обусловленности развитием рыночной экономики. Уход замужних женщин с рынка труда в ситуации, когда росли зарплаты и расширялся потребительский выбор, является прямым свидетельством привлекательности новых кластеров потребления, оказавшихся в центре внимания настоящей главы. Стратегическая роль супруги и матери в обеспечении семьи предметами конечного потребления была именно тем, что наделяло домохозяйку сильной переговорной позицией, несмотря на снижение ее участия в рыночном труде и вопреки повторному утверждению — в большей мере кажущемуся, чем реальному — патриархата.

То, что осталось сегодня от домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка», страдает от снисходительности современных историков и представителей прочих социальных наук, которые зачастую считают себя свободными от пут западного общества столь же долговечных, что и тягостных. Однако данный вопрос заслуживает более серьезного научного взгляда. В действительности домохозяйство это было всего лишь мгновением в истории западной семьи. Что же касается мнения о тягостности его пут, то оно было прежде всего мощным двигателем модернизации и экономического развития. Оно было необходимым производителем многочисленных предметов конечного

потребления, которые продолжают ассоциироваться у нас с главными достижениями современного общества. Вместо того чтобы стать «убежищем в жестокосердном мире», оно проявило себя как центр координации действий и разделения труда, призванный воспользоваться новыми возможностями и отразить новые опасности, порождаемые рыночной экономикой, развитие которой разворачивалось за его порогом.

Вторая революция трудолюбия?

В XX в. всему этому суждено было измениться. Предчувствия наблюдателей из высших слоев общества реализовались в качестве широкой социальной тенденции, проявившейся после 1950-х гг. и поставившей под сомнение как ценность предметов совместного потребления, обеспечиваемых в рамках домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка», так справедливость и рациональность разделения труда, от которых зависело производство данных предметов. Все это привело к зарождению новой революции трудолюбия, в условиях которой мы живем и по сей день.

Сходства и отличия

Основные черты повторной революции трудолюбия нам уже знакомы. В соответствии с моделями домохозяйства, представленными в настоящем исследовании, предыдущее поколение пережило: 1) существенное увеличение числа домохозяйств с большим числом членов, имеющих денежный доход, 2) четко выраженное перераспределение трудового времени от домохозяйственного производства к рыночному, 3) внедрение технологий потребления, требующих меньших затрат домохозяйственного труда, 4) снижение объемов средств, идущих в общий доход домохозяйства, 5) смещение потребительских предпочтений в сторону услуг, публичного потребления и индивидуального потребления. У каждой из перечисленных особенностей есть свои параллели в революции трудолюбия «долгого» XVIII в., и каждая из них требует от домохозяйства

схожих решений относительно целей потребления и способов достижения этих целей.

Тем не менее, несмотря на указанные сходства, совершенно очевидно, что современный контекст принятия решений значительно отличается от многих веков до 1850 г. Прежде всего необходимо подчеркнуть, что сегодня государство вторгается в сферу домохозяйственных решений в значительно большей степени, чем в прошлом. В то время как государственная политика — в широком понимании этого термина — отличалась влиянием и прежде. Можно, например, упомянуть введение запретов и налогов на некоторые формы потребления и ограничения на женский труд. Вторая революция трудолюбия разворачивается в тех обществах, где государство оказывает значительное и непосредственное влияние на трудовую занятость посредством образовательной политики, законодательства о детском труде, пенсионном обеспечении и, самое важное, посредством налогообложения дохода. Сочетание данных направлений государственной политики влияет на время начала и завершения трудовой занятости и ее формы. Направления эти сильно разнятся в зависимости от конкретной страны.

Во-вторых, сегодня государственная политика оказывает влияние и на организацию экономики самого домохозяйства через перераспределение доходов между домохозяйствами, а иногда и внутри них. Как уже указывалось в главе 1, денежная поддержка для испытывающих затруднения семей не является чем-то новым для «хрупких» семей нуклеарного типа, свойственных обществам Запада. Институты, направленные на поддержку, а когда необходимо и замещение домохозяйства, в основе которого лежит семья, появились задолго до зарождения современных промышленных обществ, а современные программы государственного страхования, появившиеся во второй половине XIX в. и позже, ясным и непосредственным образом отражают в себе общественный интерес к сохранению специализации в рамках домохозяйства «кормилец — домохозяйка». Эта модель была для домохозяйства одновременно источником силы и ахилловой пятой, подвер-

женной колебаниям экономики¹. При этом развитие системы социального обеспечения в период после 1950-х гг., пусть и являясь логическим продолжением более старых традиций, взаимодействует с таким фактором, как индивидуальное поведение, обеспечивая альтернативу традиционным формам домохозяйства в большинстве западных обществ². Альтернатива эта, или «брак с государством», устанавливает новую форму домохозяйственной экономики, которой несвойственны ни специализация порядка «кормилец—домохозяин», ни потенциальные находчивость и изобретательность «трудолюбивого» домохозяйства³. Таким образом, современная государственная политика ограничивает распространение «трудолюбивого» домохозяйства сильнее, чем в предыдущие периоды.

В более общем смысле государство поощряет потребление многих товаров и услуг—«общественно полезных благ»—либо посредством их субсидирования, либо прямого государственного обеспечения (образование, здравоохранение, уход за детьми, жилье, культурные ценности, отдельные виды продовольственных товаров).

1. W. H. Beveridge. *Report on Full Employment in a Free Society* (London: HMSO, 1944); Susan Pedersen. *Family, Dependence, and the origins of the Welfare State. Britain and France, 1914–1945* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
2. Взаимосвязь между предполагаемой неопределенностью брака для женщин и их предпочтением политическим партиям, поддерживающим расширение социальных расходов в США и Европе, рассматривается в следующей публикации: Lena Edlund and Rohini Pande. "Why Have Women Become Left-Wing? The Political Gender Gap and the Decline in Marriage", *Quarterly Journal of Economics* 117 (2002): 917–961; Lena Edlund, Laila Haider, and Rohini Pande. "Unmarried Parenthood and Redistributive Politics", *Journal of the European Economics Association* 3 (2005): 95–119.
3. В 1986 г. британскими домохозяйствами были указаны следующие источники дохода:

Источник дохода	Мужчина	Женщина	Соц. обесп.	Другое
Семейные пары без детей	60	36	2	2
Одиноким женщины без детей	—	83	12	5
Семейные пары с двумя детьми	74	13	9	4
Одиноким женщины с двумя детьми	—	26	51	23

Источник: Stein Ringen, *Citizens, Families and Reform* (Oxford: Oxford University Press, 1997): 94.

Наконец, некоторые услуги оказываются напрямую, в обход домохозяйства, определенным членам семьи (в роли их получателей обычно выступают матери и/или дети)⁴. В этом вопросы государственной политики также значительно разнятся в выборе и масштабах налогообложения и предоставления товаров и услуг, но при этом они обычно достаточны для существенного снижения автономности домохозяйства как экономической единицы.

Третий фактор, радикальным образом преобразующий особые черты второй революции трудолюбия, — это изменившиеся демографические условия, в которых она функционирует. В настоящем исследовании не рассматриваются такие аспекты принятия домохозяйственных решений, как переменные показатели демографического характера (ведущие к формированию новых домохозяйств) и рождаемость (в прошлом — одновременно и фактор потребления, и фактор дохода домохозяйства). Хотя подобное упрощение и может быть обосновано для периода до середины XIX в., последующие демографические преобразования сказались самым непосредственным образом на размере и составе домохозяйства. Как следствие, в XX в. домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» по сравнению с предыдущим столетием ви-

4. Хорошим примером здесь может служить британское пособие на ребенка. Целью создания соответствующей программы было снижение детской бедности посредством финансовой поддержки семье в целом. При этом деньги, как правило, выплачивались главе домохозяйства (мужчине). В 1980 г. программа была реорганизована и пособие стало выплачиваться напрямую матери детей, которые и позволяли семье рассчитывать на денежную помощь. Совершенно очевидно, что правительство Великобритании вовсе не считало, что расходы домохозяйства регулируются некоей неоклассической моделью объединенного дохода. Программа основывалась на предположении о том, что выплата пособия матери усилит ее «переговорные позиции» в вопросах домохозяйственного потребления и что подобное смещение «центра власти», скорее всего, пойдет на пользу детям. Для более подробной информации по данным изменениям см. Shelly J. Lundberg, et al. "Do Husbands and Wives Pool Their Resources? Evidence from the United Kingdom Child Benefit", *Journal of Human Resources* 32 (1997): 463–480.

доизменилось (меньшее число детей, меньшее использование детского труда, возросшие государственные выплаты на ребенка), а кульминацией его явилось удивительное «бабье лето» домохозяйства данного типа — беби-бум послевоенного периода. Новое снижение рождаемости, начавшееся в 1960-е гг. и ускорившееся с появлением новых средств контрацепции, играет важную роль в формировании нового трудолюбивого домохозяйства, снабжающего рынок труда и определяющего новые тенденции потребительского спроса⁵. Нижеследующее вовсе не являет собой попытку дать полное объяснение потребительского поведения и соответствующих форм семьи за прошедшие пятьдесят лет. Я преследую более скромную цель: определить те особенности экономики современного домохозяйства, которые проявлялись в прошлом. Именно вследствие того, что современная ситуация зачастую рассматривается как начало чего-то фундаментально нового, не имеющего исторических прецедентов, экскурс в историю может помочь разобраться в нашей нынешней ситуации и возможных направлениях ее развития.

Альтернативные объяснения структурного и культурного характера

Возможно, самый серьезный фактор в пользу моего утверждения о том, что современное развитие семьи сравнимо с тем, что имело место в «долгом» XVIII в., — это очевидные слабости двух часто приводимых объяснений сегодняшних изменений во взаимоотношениях домохозяйства и его потребительского поведения с рыночной экономикой. Согласно первому, общество переживает продолжительный исторический переход от большой к нуклеарной семье и далее к индивидуализму (радикальному или экспрессивному), который в обязательном порядке ведет к постепенному ослаблению семейных уз и отходу интересов семьи на второй

5. Claudia Goldin. "The Quiet Revolution That Transformed Women's Employment, Education, and Family", *American Economic Review* 96 (2006): 1–21.

план. Данный переход непосредственным образом связан с развитием экономики и сопровождающим его ростом культурной многогранности общества⁶. Именно подобные модели выдвигались социологами середины XIX столетия, выражавшими обеспокоенность дестабилизацией семьи, свойственной первой революции трудолюбия⁷. Социологи приписывали слабость семьи — ее возрастающую неспособность контролировать верность своих членов общему делу — непосредственным результатам ранней индустриализации. Социологами же XX в. был предложен структурно-функционалистический анализ, с помощью которого ими было предсказано то, что стучится сегодня в наши двери, — окончательная «деинституционализация» семьи⁸.

Экономисты в меньшей степени, чем социологи, предрасположены к тому, чтобы бросать взгляд назад, в более отдаленное прошлое, чем годы, на которые пришлось их молодость. В их руках социологический «переход» длиной в столетие превращается в радикальное преобразование, пережитое предыдущим поколением. Экономическая теория семьи Гэри Беккера оказалась крайне полезной для целей настоящего исследования, однако его собственное применение своих плодотворных наблюдений было ограничено событиями «трех последних десятилетий», когда «семья в западном мире пережила радикальные изменения, а по мнению некоторых — и вовсе почти разрушена»⁹. Последователи Беккера не слишком отходят от данного взгляда на стабильную «традиционную» систему се-

6. David Popenoe. "The Family Condition of America. Cultural Change and Public Policy", in Henry J. Aaron, Thomas E. Mann, and Timothy Taylor, eds. *Values and Public Policy* (Washington: Brookings Institute, 1994): 81–112. См. также Popenoe. *Disturbing the Nest*, ch. 3.

7. Frederic Le Play. *Les ouvriers Européens* (Paris: Imprimerie impériale, 1855; 2nd ed. Tours, Alfred Mame et fils, 1877–1879).

8. Соответствующие призывы к действию звучат в следующих современных работах: Popenoe. *Disturbing the Nest*; James Q. Wilson. *The Marriage Problem. How Our Culture Has Weakened Families* (New York: Harper-Collins, 2002). Подход на основе структурного функционализма Парсонса представлен в главе 1 настоящего издания.

9. Becker. *Treatise on the Family*, p. 1.

мы, которую подрывает сходящая на нет экономическая роль семьи, по мере того «как рынок и государство дополняют или замещают все больше и больше функций семьи»¹⁰.

Согласно второму, смежному объяснению, западные страны пережили переход культурного характера от «традиционного» общества, в котором «религиозные, этические и общинные ценности и институты сдерживают индивидуализм и материализм» и, как следствие, подавляют потребительскую культуру, к обществу, в котором никакие культурные ресурсы не в состоянии противиться соблазнительности стяжательской, материалистической культуры¹¹. Сегодня человеку, лишенному традиционных культурных средств защиты, приходится иметь дело с материальными товарами, наделенными большей, чем прежде, притягательностью. Сегодняшний человек, обладающий крайне узкой специализацией в силу условий занятости на современном предприятии, отчужденный современным капитализмом и оказавшийся без ориентиров вследствие крушения традиционной религии, ощущает необходимость заполнить пустые пространства души фантазиями, развлечениями, показными демонстрациями достатка и (обещанием) роскоши¹². В промежутке между отдельным трудящимся-потребителем и манящими возможностями рынка остаются лишь сильно потрепанные остовы домохозяйственной экономики как туманное

10. Shelly J. Lundberg and Robert Pollak. "The American Family and Family Economics", *Journal of Economic Perspectives* 21 (2007): 3–26.

11. Таково мнение Дэвида Горовица: David Horowitz. *The Morality of Spending*, p. xxi. Более того, Горовиц утверждает, что переход от традиционного к современному обществу имел место в США в период между 1880 и 1920 гг.: «Во второй половине XIX в. начался сдвиг от самоконтроля к самореализации, от работы производителя, основанной на таких ценностях, как самопожертвование и достижения, к потребительской культуре, в основе которой лежит немедленное удовлетворение своих желаний посредством их ублажения и потакания своим слабостям» (p. xxvi–xxvii).

12. Данная компиляция сделана на основе работ следующих авторов: Pierre Bourdieu, T.J. Jackson Lears, Colin Campbell. См. также Cross. *Time and Money*, p. 154–183.

напоминание о том, как именно люди строили когда-то свою жизнь. И для некоторых это осто́вы, над которыми не стоит сокрушаться, поскольку семья — это непременно конфликтная зона, препятствующая самореализации, особенно самореализации женщин¹³. Другие же полагают, что горевать по поводу утраченного не стоит по той причине, что современному, бездушному потребителю на роду написано превратиться в пронизательного постмодернистского потребителя, чье индивидуализированное, определяемое им самим потребление обещает освобождение от — и даже является антидотом — отчуждения со стороны капитализма, который, как это ни смешно, сам является прародителем потребительства¹⁴.

Различные варианты данных утверждений подпитывали собой заявления историков в отношении потребительских революций с XVIII столетия. В предыдущих главах мною были сделаны попытки продемонстрировать фактические слабости этих линейных моделей. Революция потребления началась задолго до зарождения современной промышленности, приведя к формам организации домохозяйства и потребления, которые не могут быть сведены к простому предложению изделий современной промышленности. Не существует и каких-либо линейных процессов в пережитых семьей изменениях или потребительском поведении, которые можно было бы отследить на протяжении тех столетий, что прошли с момента появления современной промышленности. Более того, толкование потребления с культурологических позиций касается эры высокого модернизма, которая осталась уже в прошлом и потребительские устремления которой данное толкование объясняет — в ретроспективе — весьма слабо. Критический подход с культурологических позиций не способен предложить нам нечто намного большее, чем презрение к потребителям, чей вкус и доход ниже нашего, то есть

13. См. например, Hartmann. "The Family as the Locus of Gender, Class and Political Struggle".

14. Miller. "Consumption as the Vanguard of History. A Polemic by Way of an Introduction".

критика потребительства с данных позиций является самой непосредственной частью потребительского общества, — это прежде всего своеобразные курсы обучения для будущих элитных потребителей. Что же касается сегодняшнего дня, то что сказать об иронически настроенных потребителях, обитающих в переделанных под жилье складах и облагороженных трущобах постиндустриального общества? Я полагаю, что теоретическая слабость данных утверждений лежит в неадекватной оценке все еще имеющих место жизненно важных функций семьи как экономической единицы в изменчивой обстановке рыночной экономики. Я не утверждаю, что все действия экономики домохозяйства несут благо — во все нет, — однако мне хотелось бы подчеркнуть, что она остается вопреки всему центром основных решений, которые — в комплексе — и решают проблемы потребительских устремлений и распределения времени между различными видами труда и досуга.

Характеристики второй революции трудолюбия: Предложение труда

Распад домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» затронул предложение труда рынку со стороны всех членов семьи, независимо от типа — мужчин, женщин и детей. При этом на первый взгляд в рыночном труде мужчин в последние пятьдесят лет нет ничего, что оправдывало бы применение такого эпитета, как «трудолюбие». Во всех странах Запада, включая США, мужчины уделяют работе меньше времени, чем раньше, следуя долгосрочной тенденции его постепенного снижения. Так, в Соединенных Штатах в 1955 г. работали или пытались трудоустроиться 85% мужчин в возрасте от шестнадцати лет и старше, в 1970 г. данный показатель снизился до 80%, а позднее — и вовсе до 75%. Данное снижение в значительной мере обусловливается существенным увеличением числа выходящих на пенсию в возрасте после 65 лет. Если брать мужчин в возрасте от 16 до 64 лет, то рассматриваемый показатель составлял в 2000 г. уже 80%. Европа пережила еще более резкое снижение числа занятых или ищущих работу. При

этом по странам Европы имеются существенные различия: если в странах германской языковой семьи данный показатель нигде не опускается ниже 94% от показателя США, то в странах романской языковой семьи он нигде не превышает 90% от американского показателя¹⁵.

В указанный пятидесятилетний период произошло сокращение и трудовой недели: ненамного, если и вовсе произошло — в США, где сорокачасовая рабочая неделя была привычным делом уже в 1950 г., однако в значительной мере в Европе, где в 1950 г. продолжительность рабочей недели составляла от сорока четырех до сорока восьми часов и где в большинстве стран она была законодательно сокращена до менее чем сорока. Количество же часов, *в действительности* приходящихся на работу — в отличие от законодательно закрепленной продолжительности рабочей недели, — снизилось в меньшей степени и остается на уровне сорока часов в неделю для работающих на полную ставку почти во всех европейских странах¹⁶. При совместном учете таких факторов, как сокращение рабочей недели, рост частичной занятости, увеличение продолжительности отпуска и снижение числа работающих, получается весьма существенное, особенно для стран Европы, снижение общего количества рабочих часов, приходящихся на жизнь среднестатистического человека. Необходимо отметить, что почти полный объем данного снижения произошел еще до 1980-х гг. В 1960 г. среднегодовое количество рабочих часов для лиц с полной трудовой занятостью составило в западноевропейских странах 1950–2150 часов, что намного превысило аналогичный показатель в 1780 часов по США.

15. OECD, *Employment Outlook*, June 1998. В число стран германской языковой семьи входят скандинавские государства, все государства, где немецкий является официальным языком, Нидерланды и Великобритания. Для целей настоящего исследования среди стран романской языковой семьи рассматриваются Бельгия, Франция, Испания, Португалия и Италия.

16. В 2004 г. средняя законодательная продолжительность рабочей недели в 15 странах — членах Евросоюза (не включая новые страны, вошедшие в ЕС в том же году) составляла 37,9 часа; действительная же или обычная рабочая неделя для лиц с полной трудовой занятостью составляла в среднем 40,8 часа для мужчин и 38,7 часа для женщин.

В 1995 г. показатели всех стран Западной Европы были ниже американского показателя в 1625 часов в год, в большинстве своем данная разница составляла от 50 до 100 часов¹⁷. Так, в то время как в США среднегодовое количество рабочих часов уменьшилось на 8–9%, большинство западноевропейских стран пережило снижение с гораздо более высокого первоначального уровня на 20–25%.

При этом уменьшение числа трудящихся и существенная часть снижения среднегодового количества рабочих часов вполне объяснимы концепцией революции трудолюбия: сегодня мужчины в среднем выходят на рынок труда позже вследствие более длительного периода получения образования, а уходят с него раньше в силу более раннего пенсионного возраста. Например, в 1950 г. в Нидерландах средний возраст завершения образования составлял 16,4 года, на пенсию же ранее 65 лет выходили редко. К 2001 г. средний возраст завершения образования увеличился до 20,8 года, а средний возраст выхода на пенсию снизился до 61,4 года¹⁸. Что же касается периода между выходом на рынок труда и пенсионным возрастом, то необходимо отметить, что число работающих мужчин снизилось и является достаточно скромным, частичная занятость выросла, отражая прежде всего рост числа работающих женщин, а количество действительных рабочих часов (противопоставляемых продолжительности рабочего времени, устанавливаемой законодательно), отработываемых лицами с полной занятостью, снизилось с 1980-х гг. незначительно¹⁹. За этими средними показателями

17. Angus Madisson. *Monitoring the World Economy, 1820–1992* (Paris: OECD, 1995); Bart van Ark and Robert H. McGucklin. "Perspectives on the Global Economy. The Euro's Impact on European Labor Markets", The Conference Board Europe, Report Number 1236–99-RR (1999).

18. Robert Selten and Pieter Al. "Nederlanders zijn minder gaan werken", *Sociaaleconomische trends* (205): 14–21. В 2003 г. средний возраст выхода на пенсию для 15 стран, входивших на тот момент в Евросоюз, составил 61,7 года.

19. Согласно большинству параметров, особенно значительное сокращение рабочих дней и часов произошло в Нидерландах. Однако если брать в расчет общий объем трудового времени применительно к населению в возрасте от 20 лет до 61 года (население

скрывается значительная разница между среднегодовым количеством рабочих часов малоквалифицированных трудящихся, которое *уменьшилось*, и соответствующим показателем для трудящихся с более высокой профессиональной квалификацией, который увеличился²⁰.

Общая тенденция не противоречит реорганизации рабочего года и трудовой карьеры в целях поддержания высокого уровня потребления на протяжении всей жизни. Потребление требует досуга — или потребительского времени, — как и дохода, «качественное» же потребление требует существенных промежутков времени, а не, скажем, дополнительных пятнадцати минут досуга в день. В качестве своего девиза вторая революция трудолюбия может выбрать себе слова «Много работай и много забавляйся».

Данные обобщения нацелены на то, чтобы разъяснить происходящее как в Северной Америке, так и в Северо-Западной Европе. Тем не менее сейчас широко распространено представление о том, что между двумя частями света в последние десятилетия зародились фундаментальные различия, результатом чего стали богатая досугом Европа и одержимые работой США. Пока европейцы отдыхают на террасах кафе, попивая вино, американцы несутся с работы в гипермаркеты «Wal-Mart»

действительного трудового возраста), то окажется, что число рабочих часов на душу населения (включая неработающих) столь же велико сегодня, что и в 1950 г., когда целью шестидневной рабочей недели для общества, восстанавливающегося от последствий Второй мировой войны, был труд, а не досуг. Согласно расчетам Роберта Селтена и Питера Ала, среднегодовой объем рабочего времени «потенциального» трудящегося составлял 1094 часа в 2001 г. и 1056 — в 1950 г.

20. Mary T. Coleman and John Pencavel. "Changes in Working Hours of Male Employees, 1940–1988", *Industrial and Labor Relations Review* 46 (1993): 262–283. Среднегодовое количество рабочих часов для белых мужчин в возрасте 16–64 лет составило 2018 часов в 1950 г. и (в зависимости от источника данных) 2114 или 2012 — в 1988 г. При этом количество рабочих часов для мужчин со средним или неполным средним образованием снизилось в указанный период на 109 часов, в то время как показатель для мужчин с, по крайней мере, 16 годами учебы вырос на 156 часов. Та же тенденция свойственна и западноевропейским странам. См. также Примечание 632.

и снова на работу. Таким образом, если вторая революция трудолюбия и разворачивается, то к «старушке Европе» она отношения не имеет. Как уже указывалось, и Европа, и США пережили в свое время увеличение занятости рыночным трудом, рост числа домохозяйств, в которых работают и муж и жена, и снижение времени, уделяемого домохозяйственному труду. Это основные характеристики «трудолюбивого» домохозяйства.

Различаются же Европа и США тем, что в выборе между досугом и доходом европейцы отдают небольшое предпочтение первому — благодаря росту производительности в течение последних десятилетий. Частично данное отличие объясняется разными ограничениями и стимулами, проистекающими из налогового и прочих режимов. При этом единого мнения относительно того, в какой именно степени они его объясняют, нет. Эдвард Прескотт полагает, что отличие полностью объясняется разницей в налоговой политике. Другие же специалисты считают, что хотя отличие и объясняется в значительной мере уровнем налогообложения, однако он объясняет его менее чем наполовину²¹. При этом отличия в предпочтении, отдаваемом досугу, когда речь действительно идет о «потребительском времени», — это не те отличия, что подрывают концепцию «трудолюбивого» домохозяйства. Они всего лишь указывают на определенную разницу в предметах потребления «Z», мотивирующих домохозяйства в указанных регионах мира.

Центральным элементом нового «трудолюбивого» домохозяйства, без сомнений, является рост трудовой занятости женщин. В этом нет ничего удивительного, поскольку изменения в их трудовой занятости в значительной мере сказались на всех формах развития организации домохозяйства, рассматриваемых в настоящем исследовании. Как пишет Шила Огилви (анализируя трудовую занятость женщин в Германии XVII в.):

21. Olivier Blanchard. "The Economic Future of Europe", *Journal of Economic Perspectives* 18 (2004): 3–26; Edward C. Prescott. "Why Do Americans Work So Much More Than Europeans?" *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review* 28 (2004): 2–15.

« [Поскольку] женщины часто оказываются у границы между рыночным трудом и домохозяйственным, их трудовая занятость весьма чувствительна к демографическим и институциональным изменениям, затрагивающим результаты различных форм использования своего времени»²². Произошедшие в XX в. изменения образовательного, технологического, а также демографического характера запустили одну из центральных социально-экономических трансформаций нашего времени. Хотя сам феномен всем хорошо известен, все же стоит ненадолго остановиться на рассмотрении статистических данных, касающихся доли работающих женщин в общей их массе, с тем чтобы обратить внимание читателя на ряд характерных особенностей данного феномена.

Постепенно усиливающаяся тенденция общего увеличения числа работающих женщин наблюдается во многих странах Запада уже в первой половине XX в. (см. табл. 6.1). Две мировые войны оказали как временное, так и постоянное влияние на женскую занятость в целом ряде стран, однако в основе данной тенденции лежало прежде всего увеличение на рынке труда доли молодых незамужних женщин (их занятость рыночным трудом росла, в то время как аналогичная занятость со стороны молодых мужчин, получающих все более и более увеличивающееся в своей продолжительности образование, падала) и уходящих с рынка труда или возвращающихся на него женщин более старшего возраста, чья трудовая занятость была зачастую призвана компенсировать снижение вклада в доход семьи со стороны детей и соответствовала, как было сказано в главе 5, фундаментальной логике домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка»²³.

22. Ogilvie. "Women and Proto-Industrialization in a Corporate Society", p. 76.

23. Pott-Buter. *Facts and Fairy Tales*, pp. 317–318. В Соединенных Штатах общая доля работающих женщин увеличилась в период 1940–1960 гг. с 28 до 37%. В 1960 г. трудовая занятость женщин в возрасте от двадцати до тридцати четырех лет была несколько ниже показателя 1940 г. Увеличение доли работающих женщин произошло главным образом за счет возрастных катего-

Таблица 6.1. Доля работающих женщин
(в возрасте от 15 до 64 лет), 1955–2000 гг.

	Нидерланды	Бельгия	Франция	Германия	Великобритания	США
1955		34	46		46	38
1960	26	36	47	47	49	40
1965	38	46	47	51	44	
1970	30	40	49	46	51	58
1975	31	43	51	48	55	53
1980	38	48	54	50	57	60
1985	41	49	56	53	61	64
1990	53	52	57	56	65	70
1995	59	56	59	62	67	71
1999	64	56	61	62	68	74
Прирост, в %	146	65	33	32	48	95
Замужние женщины (в возрасте 15–64 лет), 1960–1990 гг.						
1960	7	24	31	36	32	30
1990	47	[50]	53	53	59	64
Прирост, в %	571	108	71	50	84	113

ИСТОЧНИК: Pott-Buter. *Facts and Fairy Tales* (Amsterdam: University of Amsterdam Press, 1993); OECD, *Manpower Statistics* (Paris, 1963); OECD *Labour Force Statistics* (Paris, 1987; Paris, 2000), Netherlands and Germany: Siv Gustafsson. "Public Policy and Women's Labor Force Participation: A Comparison of Sweden, West Germany, and the Netherlands", in T. Paul Schultz, ed. *Investment in Women's Human Capital* (Chicago: University of Chicago Press, 1995), p. 99. U.S.: Mishel, Bernstein, and Bourshey. *The State of Working America 2002/03* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003): 398; Claudia Goldin. *Understanding the Gender Gap* (Oxford: Oxford University Press, 1990).

рий до двадцати лет и старше сорока пяти. В указанный период доля работающих женщин в возрасте от сорока пяти до шестидесяти четырех лет увеличилась вдвое.

В период после середины XX столетия увеличение доли работающих женщин ускорилось, подгоняемое новыми факторами, самым непосредственным образом затронувшими саму природу экономики домохозяйства. В последние десятилетия увеличение трудовой занятости женщин происходило главным образом, а зачастую и исключительно за счет замужних женщин, особенно замужних женщин с детьми. В 1960 г. доля работающих среди замужних женщин в возрасте от двадцати до сорока четырех лет была в два раза ниже доли работающих среди незамужних женщин той же возрастной категории. К 1990-м гг. разница в трудовой занятости замужних и незамужних женщин сократилась до 10%²⁴. В 1950 г. в числе работающих были лишь 12% замужних женщин с детьми в возрасте до шести лет; в 2000 г. их доля составляла уже 64%²⁵. На рис. 6.1 представлены общие тенденции для мужчин и женщин, а также женатых мужчин и замужних женщин на протяжении XX в. в США.

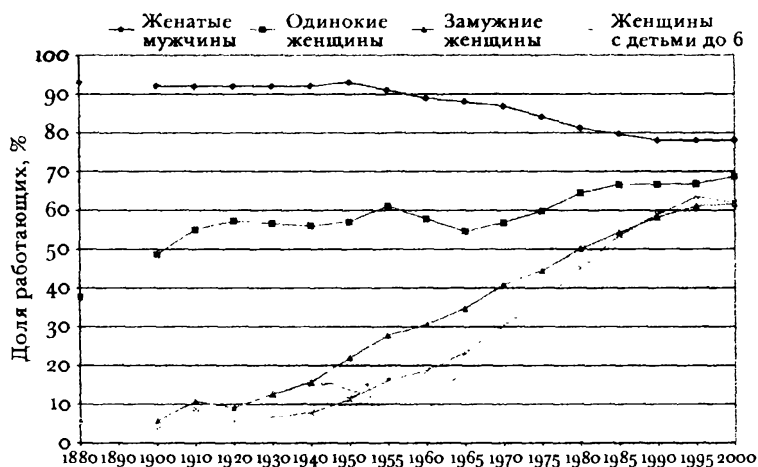

Рис. 6.1. Доля работающих в зависимости от пола и семейного положения, 1880–2000 гг.

24. Lawrence Mishel, Jared Bernstein, and Heather Boushey. *The State of Working America*. 2002/03 (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003): 398.

25. Carter, et al. *Historical Statistics of the United States*, Table Ba 581.

Крайне интересно рассмотреть изменения в поведении женщин, касающиеся занятости рыночным трудом, по возрастным когортам — то есть отследить трудовую занятость женщин, родившихся в определенный период, на протяжении их жизни. На рис. 6.2 показаны данные по доле занятости американок для 5-летних

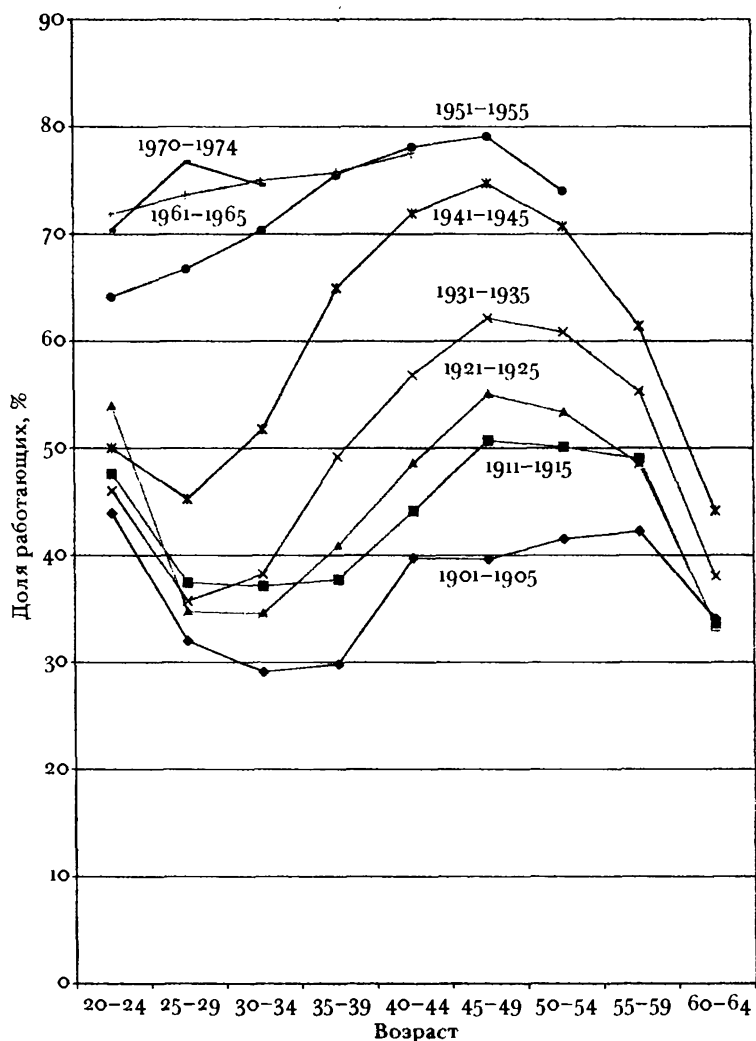

Рис. 6.2. Доля работающих американок по возрастным когортам с 1901 г.

возрастных когорт, начиная с родившихся в 1901–1905 гг. Женщины данной когорты достигли возраста пятнадцати лет в 1916–1920 гг. (период Первой мировой войны), тридцати — в 1931–1935 гг. (Великая депрессия), сорока — в 1941–1945 гг. (Вторая мировая война) и шестидесяти пяти — в 1966–1970 гг. (война во Вьетнаме/«культурная революция»). Они выходили замуж и образовывали семьи в период расцвета домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка», и хотя происходившие позднее изменения в окружающей обстановке могли предложить им новые возможности трудовой занятости, те трудовые навыки, которые они были в состоянии получить ранее, и те специализированные домохозяйства, частью которых они ранее же становились, оказали серьезнейшее влияние на их участие в рыночном труде в более позднем периоде. На рис. 6.2 показано, что среди женщин, родившихся в 1901–1905 гг., 44% работали в возрасте немногим более двадцати лет (при этом большинство из них были еще незамужними), однако после замужества и рождения детей все меньшее их число занималось рыночным трудом: в возрасте 30–39 лет работающими оставались менее 30% от общего числа женщин (в 1930-е гг.). По мере взросления детей (и появления новых возможностей по трудоустройству во время Второй мировой войны и послевоенный период) некоторые из этих женщин возвращались на рынок труда, однако доля работающих в рассматриваемой возрастной когорте никогда не поднималась значительно выше 40%. С наступлением же пенсионного возраста доля работающих среди них вновь начала сокращаться.

Подобная тенденция — высокая трудовая занятость до замужества, прекращение работы с замужеством и рождением детей, постепенные выход или возвращение на рынок труда в возрасте после сорока лет, выход на пенсию — продолжила оставаться характерной и для женщин последующих возрастных когорт, вплоть до родившихся в 1930-е гг. Трудовая занятость среди молодых женщин понемногу увеличивалась, как, когорта за когортой, увеличивалась и занятость среди женщин после сорока, при этом резкое падение числа работаю-

щих женщин в возрасте, когда происходит формирование семьи, осталось неизменным.

Женщины, родившиеся в период 1941–1945 гг. (достигшие возраста двадцати пяти лет в 1966–1970 гг. и шестидесяти — в 2001–2005 гг.), стали первой когортой, на которую пришлось глубокая трансформация рассматриваемой тенденции. Они были последней возрастной когортой американок, уход которых с рынка труда был связан с образованием семьи (причем этот феномен имел менее выраженную форму, чем ранее), и первой, кто значительно увеличил свое присутствие на рынке труда в более поздние годы (трудоспособного возраста). Доля работающих женщин в последующих когортах превышала их показатель в весьма незначительной мере.

Женщины, родившиеся после 1950 г. (достигшие возраста двадцати пяти лет в 1976–1980 гг. и пятидесяти — в 2001–2005 гг.), стали первой возрастной когортой, у которой тенденция ухода с рынка труда в связи с рождением и воспитанием ребенка полностью исчезла. Их трудовая занятость в юные годы (в возрасте 20–24 лет) была существенно выше показателя предшествующих когорт (несмотря на то что период получения образования представительницами рассматриваемой когорты вырос). В течение каждого последующего пятилетнего периода доля работающих среди них увеличивалась, достигнув пикового показателя примерно в 80% в возрасте 40–49 лет.

Для когорт, следовавших за когортой 1951–1955 гг., было свойственно постепенное увеличение уровня трудовой занятости в юном возрасте, но уровень трудовой занятости в зрелые годы, достигнутый когортой 1951–1955 гг., ими оказался превышен лишь незначительно. При этом вполне возможно, что когорты, представительницам которых сейчас 30–39 лет, продемонстрируют некоторое снижение достигнутых показателей²⁶.

26. Goldin. "The Quiet Revolution", pp. 1–21. В своей работе Клаудия Голдин пытается выяснить, можно ли говорить о том, что к 1990-м гг. был достигнут «естественный уровень» трудовой занятости женщин и что в период после 2000 г. речь идет

Точно так же, как это было в прошлом, когда решительно настроенное на трудовую занятость меньшинство присутствовало в каждой возрастной категории женщин, так и сегодня существует выраженное меньшинство неработающих женщин в любом возрасте. При этом «нырок» уровня трудовой занятости, свойственный стандартному возрасту, когда женщина выходила замуж и заводила детей, более не наблюдается и не проявлял себя с 1970-х гг. При рассмотрении перекрестных данных по уровню занятости (демонстрирующих уровень занятости в определенный период), таких как данные, представленные на рис. 6.3 и 6.4, мы

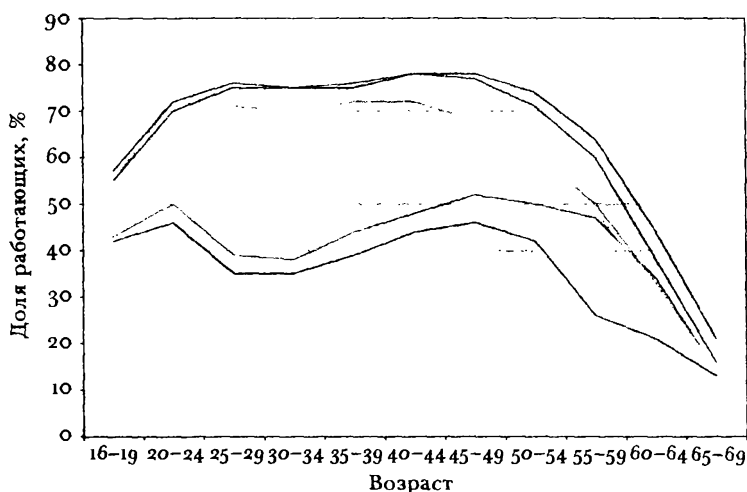

Рис. 6.3. Доля работающих женщин:
Соединенные Штаты

о том, что «революция» обратилась вспять. Ее предварительное заключение таково, что настоящие свидетельства того, что тенденция обратилась вспять, имеют временный характер и являются последствиями экономического цикла, а не более фундаментальных факторов. Циклические факторы, разумеется, способны спутать картину долгосрочных тенденций, однако тенденции для возрастных когорт, представленные в табл. 6.2, дают мало оснований полагать, что в отсутствие новых структурных преобразований может произойти существенное повышение доли работающих женщин. См. также Chinhui Juhn and Simon Pooter. "Changes in Labor Force Participation in the United States", *Journal of Economic Perspectives* 20 (2006): 44.

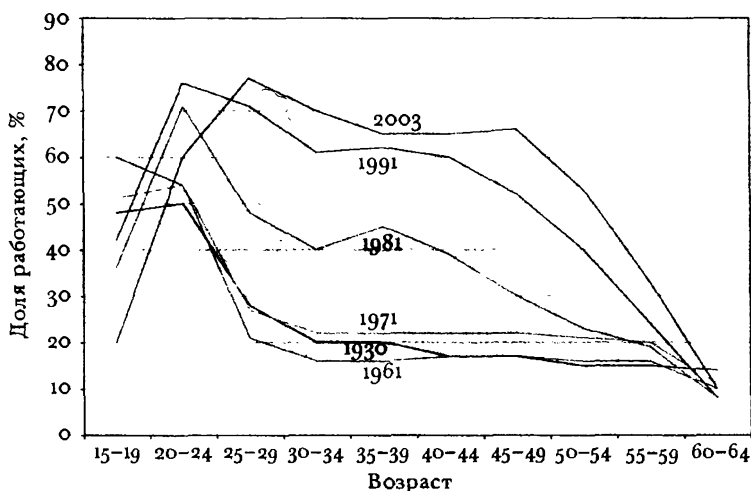

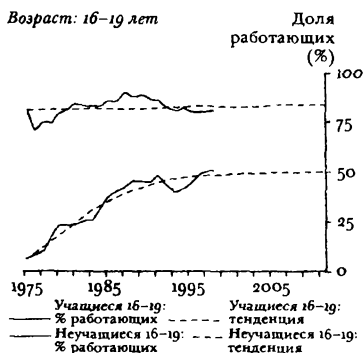
Рис. 6.4. Доля работающих женщин: Нидерланды

получаем общую картину для различных возрастных когорт, которые продолжают проявлять остаточную двухпиковую тенденцию. Однако яснее всего они указывают на огромный прирост в предложении женского труда, имевший место в течение предыдущего поколения.

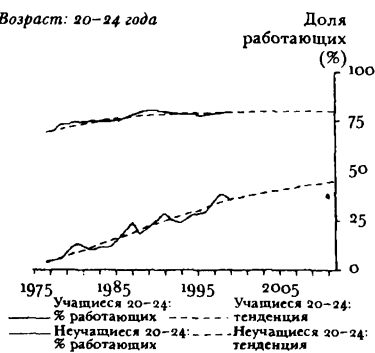
То же заключение можно сделать и на основе данных по Великобритании, представленных на рис. 6.5 и отражающих долю работающих по отдельным возрастным категориям в разные периоды времени. Рост числа работающих женщин в период с 1971 по 2000 г. был осуществлен полностью за счет женщин в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти четырех лет и учащих в возрасте от шестнадцати до двадцати четырех лет. Я еще вернусь к последним данным ниже, однако сейчас мне хотелось бы обратить внимание на тот факт, что в течение указанного тридцатилетнего периода доля работающих среди женщин в возрасте от 25 до 34 лет увеличилась на 67%, в возрасте от 35 до 44 лет — на 25%, а в возрасте от 45 до 54 — на 20%. Каких-либо изменений в сторону увеличения занятости для женщин более старшего возраста или более молодых, не учащих женщин в данном периоде зафиксировано

РЕВОЛЮЦИЯ ТРУДОЛЮБИЯ

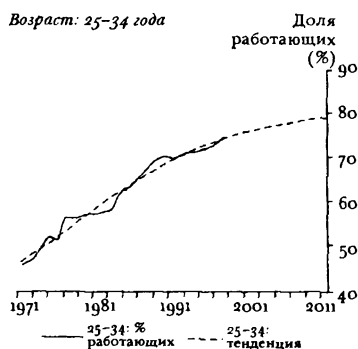
Возраст: 16-19 лет

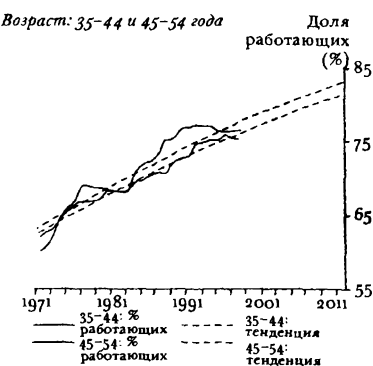
Возраст: 20-24 года

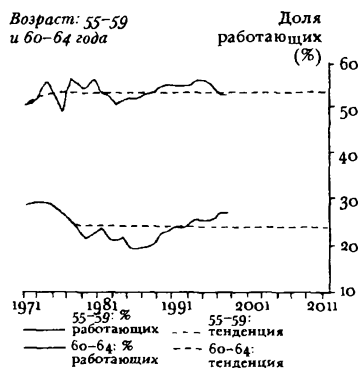
Возраст: 25-34 года

Возраст: 35-44 и 45-54 года

Возраст: 55-59 и 60-64 года

В возрасте старше 65 лет

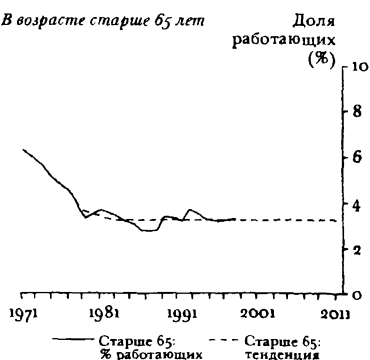

Рис. 6.5. Тенденции трудовой занятости женщин в Великобритании

Источник: Joanne Cutler and Kenny Turnbull. "A Disaggregated Approach to Modelling Labor Force Participation", External MPC Unit, Discussion Paper No. 4 [Bank of England, 2001], p. 21.

не было²⁷. Дело в том, что прирост их трудовой занятости имел место в более раннем периоде XX в.

Совокупным результатом данных изменений стало постепенное снижение значимости семейного положения и особенно ухода за малолетними детьми в качестве детерминантов трудовой занятости женщин. Данные табл. 6.2 указывают на то, что сегодня существует весьма незначительная разница между уровнем трудовой занятости среди замужних и незамужних женщин²⁸. Как мы убедимся далее, подобное обобщение верно при одной важной оговорке (касающейся частичной занятости и принадлежности к тому или иному социальному классу), однако оно подтверждает собой утверждение о нынешней распространенности домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка». В тех странах, где домохозяйства данного типа доминировали в наибольшей степени в период 1900–1950 гг. (в США, Великобритании и Нидерландах), произошло и наиболее выраженное уменьшение их числа в период около 2000 г. Они уступили место «трудолюбивому» домохозяйству, где профессиональной деятельностью заняты оба взрослых члена семьи. Или, возможно, следовало бы сказать — домохозяйству, где трудовой деятельностью заняты несколько членов семьи, поскольку во второй половине XX в. произошли изменения и в трудовой занятости иждивенцев.

27. Joanne Cutler and Kenny Turnbill. "A Disaggregated Approach to Modelling Labour Force Participation", External MPC Unit Discussion Paper No. 4 (Bank of England, 2001).

28. Наличие детей остается главным детерминантом трудовой занятости женщин, однако его влияние значительно ниже по сравнению с тем, каким оно было в прошлом. Так, в 1975 г. доля работающих среди замужних женщин с детьми в возрасте шести лет и ниже составляла 74%, а среди женщин с детьми младше трех лет — 65% от сводного показателя по всем работающим женщинам в возрасте от шестнадцати до шестидесяти четырех лет. В 2000 г. данные показатели составили 88 и 82% соответственно. Bureau of Labor Statistics. *Women in the Labor Force. A Databook Report 973* (Washington: U. S. Department of Labor, 2004).

Таблица 6.2. Доля работающих замужних женщин в общем числе женщин по отдельным странам

	Нидерланды	Бельгия	Франция	Германия	Великобритания	США
1960	0,269	0,667	0,660	0,766	0,653	0,750
1990	0,887	0,962	0,930	0,964	0,908	0,914
Доля работающих замужних женщин относительно женщин, никогда не состоявших в браке, — по возрастным когортам, США, 1960–1999 гг.						
	20–24	25–34	35–44	45–64		
1960	0,547	0,456	0,531	0,600		
1999	0,897	0,884	0,900	0,946		

Источники: См. табл. 6.1.

Установить более-менее точную долю занятости среди детей подросткового возраста довольно сложно. При этом их частичная занятость осложняет данную задачу в еще большей степени, чем в случае с женщинами, делая весьма затруднительным выявление данных по отдельным странам и периодам, которые подавались бы сравнению. При этом общая тенденция трудовой занятости подростков заключается в ее росте — касательно как доли работающих, так и среднегодового числа рабочих часов — на фоне одновременного повышения доли подростков, получающих среднее и высшее образование. В США до начала 1960-х гг. отмечалось снижение трудовой занятости подростков в возрасте 16–19 лет: в указанный период оно составляло 52% для юношей и 35% для девушек. Данное снижение было связано с ростом посещаемости образовательных учреждений, однако, несмотря на постоянный рост посещаемости, в период после 60-х начинается неравномерное повышение трудовой занятости молодежи: достаточно скромное для юношей, но значительное для девушек, доля работающих среди которых достигла в 1995 г. 50%²⁹. К 1998 г. трудовой занятостью

29. Carter. *Historical Statistics of the United States*, Figure Ba-D; Tables Ba 528; Ba 544. Для дополнительных данных по трудовой занятости подростков см. Juliet Schor. *The Overworked American* (New York: Basic Books, 1991): 25–26.

оказались охвачены 36% учащихся старших классов и половина учащихся очных отделений вузов³⁰. Результаты еще одного исследования указывают на то, что в 1998 г. 57% подростков в возрасте 14 лет работали за денежное вознаграждение (более общее определение, чем то, что было использовано Министерством труда США в рамках указанного выше исследования)³¹.

Согласно проведенному в 1984 г. опросу среди обучающихся очно голландских школьников, 53% парней и 37% девушек в возрасте 15–19 лет подрабатывали. Опрос 1991 г. выявил тот же показатель для парней и показатель 45% для девушек. Согласно данным более масштабного опроса от 1996 г., 75% всех категорий школьников в возрасте 12–19 лет подрабатывали в тот или иной период текущего года, а 47% указали, что подрабатывали за денежное вознаграждение на момент опроса. В среднем объем рабочего времени составил 9 рабочих часов в неделю³².

На рис. 6.5 представлены данные по Великобритании, в которых проводится различие между трудовой занятостью учащихся и лиц, не являющихся учащими, в которых возрастных 16–19 и 20–24 лет. Выявленные тенденции оказались схожими для обоих полов. Среди не занятых учебой лиц доля работающих оказалась весьма велика на протяжении всего периода 1975–2000 гг. У учащихся же картина оказалась совершенно иной. В 1975 г. (на момент, когда они составляли меньшую долю своей возрастной когорты) работающих среди учащихся почти не было. К 2000 г. (в это время учащиеся составляли уже значительно большую долю среди лиц в возрасте 16–24 лет) число работающих увеличилось среди них до 50% для лиц в возрасте 16–19 лет и превысило 30% для учащихся в возрасте 20–24 лет.

30. Доля работающих среди студентов вузов в возрасте 18–19 лет составила 45,1%, в возрасте 20–21 года — 53,1%, а в возрасте 22–24 лет — 55,3%. *Wall Street Journal*, 15 September 2004.

31. *New York Times*, 1 August 1999.

32. Данные за 1991 и 1996 гг.; опросы проведены NIBUD; данные опубликованы в: NRC *Handelsblad*, 18 января 1992 г. и 27 декабря 1997 г. Источник данных за 1984: Pott-Buter. *Facts and Fairy Tales*, p. 152–153.

Совокупным результатом указанных тенденций стало значительное увеличение часов занятости на рынке труда в связи с заменой формы домохозяйства с «кормилец — домохозяйка» на «трудолюбивое» (наличие многочисленных, имеющих заработок членов). Среди американских домохозяйств, сформированных на основе семейных пар, доля домохозяйств с одним-единственным работающим (обычно мужем) снизилось с 57% в 1960 г. до 18% в 2000 г., в то время как доля домохозяйств, в которых работали оба супруга, выросла с 26 до 60%. Число домохозяйств, где кроме супругов трудовой деятельностью были заняты и другие члены, увеличилось с 6 до 13%³³. В Нидерландах в значительно более короткий промежуток времени (1992–2004 гг.) число домохозяйств с одним работающим среди всех домохозяйств с двумя супругами уменьшилось с 50 до 32%³⁴.

В США в период 1979–1999 гг. произошло увеличение ежегодного совокупного объема рабочих часов состоящих в браке пар среди лиц в возрасте 25–54 лет на 354 часа. В более же длинном периоде 1968–2000 гг. пары, которым не надо было присматривать за детьми на дому, увеличили свой еженедельный совокупный объем рабочего времени на 10 часов (с 58 до 68), в то время как пары с детьми, находившимися под их присмотром на дому, увеличили в тот же период данный показатель на 11 часов (с 53 до 64)³⁵.

Одно из часто обсуждаемых последствий рассматриваемой нами второй революции трудолюбия — это увеличение неравенства доходов между уменьшающимися домохозяйствами с одним работающим и растущими в количестве домохозяйствами с двумя работающими. Разумеется, что если бы подавляющее

33. Rose M. Rubin and Bobye J. Riney. *Working Wives and Dual-Earner Families* (Westport Conn. and London: Praeger, 1994): 28; Bureau of Labor Statistics, *Women in the Labor Force*.

34. Johan van der Valk. "Arbeidsdeelname van paren", *Sociaal-economische trends* (2005): 27–31.

35. Lawrence Mishel, Jared Bernstein, and Sylvia Schmidt. *The State of Working America 2000/2001* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001): 98.

большинство домохозяйств были либо домохозяйствами с одним работающим, либо с двумя, то сами по себе эти тенденции трудовой занятости источниками неравенства не стали бы. Мы живем в переходный период, для которого характерно наличие большого числа домохозяйств обоих типов, что и является причиной сильно выраженного неравенства. При этом неравенство не ограничивается лишь данным «эффектом состава домохозяйства», поскольку переход к новому типу домохозяйства в разных социальных слоях происходит с разной скоростью. До 1960 г. среднее число рабочих часов снижалось по мере роста дохода (что, соответственно, и сдерживало неравенство доходов различных домохозяйств), однако в дальнейшем тенденция соотношения между отработанными часами и почасовым заработком сменилась на противоположную. Сегодня вероятность того, что те, кто зарабатывает мало, являются членами домохозяйства с двумя работающими, невелика по сравнению с той же вероятностью для лиц с высоким уровнем дохода. Кроме того, если взять домохозяйства с двумя работающими, то окажется, что у лиц с низким уровнем доходов число рабочих часов увеличилось в меньшей степени по сравнению с лицами с высокими доходами³⁶.

Неравенство доходов усугубляется еще одним аспектом второй революции трудолюбия. Во второй половине XX в. разница в уровне образования между состоящими в браке лицами снизилась. Вероятность того, что мужчины, не получившие в свое время полное среднее образование, женятся на женщинах со столь же низким уровнем образования, значительно выросла; с другой стороны, усилилась и вероятность того, что женщины с дипломом бакалавра выйдут замуж за мужчин сопоставимого уровня образования³⁷. Данный процесс социальной «сортровки» повторяет

36. Dora Costa. "The Unequal Work Day. A Long Term View", *American Economic Review* 88 (1998): 330–334; "The Wage and Length of the Workday. From the 1890s to 1991", *Journal of Labor Economics* 18 (2000): 156–181.

37. Robert D. Mare. "Five Decades of Educational Assortative Mating", *American Sociological Review* 56 (1991): 15–32.

схожий процесс, имевший место во время первой революции трудолюбия. По мере того как уровень грамотности женщин повышался до примерного равенства с уровнем грамотности мужчин (в период 1750–1850 гг.), вероятность того, что необразованный мужчина женится на необразованной женщине (и наоборот), постоянно возрастала. В 1850 г. в Нидерландах вероятность брака между двумя неграмотными людьми в 5–8 раз превышала вероятность брака между грамотными и неграмотными лицами. Столетием ранее, когда число неграмотных было гораздо выше, тенденция выбирать себе партнеров с учетом уровня образования была значительно менее выраженной³⁸.

Возможно, что интенсивная социально-экономическая «сортировка», имевшая место во время первой революции трудолюбия, привела к снижению неравенства доходов домохозяйств, поскольку «трудолюбие» в рыночной занятости было в наивысшей степени свойственно более бедным слоям. Во время же второй революции трудолюбия неравенство доходов усиливается вследствие более интенсивной «сортировки» на основе уровня образования. До 1960-х гг. брак между хорошо образованной женщиной и мужчиной с равным ей уровнем образования, как правило, вел к снижению разницы в доходах домохозяйств, поскольку замужество служило фактором непропорционального снижения уровня занятости среди образованных женщин. Сегодня же ситуация такова, что чем выше образование супруги, тем больше времени она трудится, что ведет

38. Ad van der Woude. "Alfabetisering als gezinsgeschiedenis", in Ad van der Woude, *Leven met geschiedenis. Theorie, praktijk en toepassing van historische kennis* (Amsterdam: Balans, 2000): 225–294. В Англии XIX в. наблюдается схожий процесс социальной «сортировки», где главным фактором выступает социальное положение отцов невест и женихов. Значение такой меры «сортировки», как Q Кенделла, повышается между 1830-ми и 1890-ми гг. с 0,38 до 0,73 для браков неквалифицированных рабочих и с 0,68 до 0,92 для браков квалифицированных. David Glass. *Social Mobility in Britain* (London: Routledge & Kegan Paul, 1966).

к усилению разницы доходов домохозяйств³⁹. В 1968 г. общий объем еженедельного рабочего времени для семейных пар с высшим образованием превышал в США аналогичный показатель для семейных пар без высшего образования на семь часов; к 1995 г. разрыв увеличился до двадцати пяти часов, снизившись в 2001 г. до двадцати⁴⁰. В Нидерландах в 2003 г. семейные пары с высшим образованием работали на десять часов в неделю больше семейных пар со средним специальным образованием. Причиной этого стало то, что доля работающих среди женщин, живущих с партнерами и имеющих высшее образование, составила 81%, в то время как среди женщин со средним специальным образованием и не закончивших среднюю школу — лишь 38 и 25% соответственно⁴¹. Схожая тенденция наблюдалась и в Соединенных Штатах, где в 1990 г. работали лишь 47% женщин с образованием менее двенадцати лет и 82% — с, по крайней мере, четырьмя годами высшего образования⁴².

39. Mary T. Coleman and John Pencavel. "Trends in Market Work Behavior of Women Since 1940", *Industrial and Labor Relations Review* 46 (1993): 661. Усилению данного эффекта способствуют серьезные изменения в вероятности того, что женщина с высшим образованием выйдет замуж. До 1970 г. вероятность выйти замуж у американок с уровнем образования не ниже бакалавриата была существенно меньше, чем у американок с более низким образованием. В веке же XXI вероятность выйти замуж у них существенно выше, чем у менее образованных женщин. Взаимосвязь оказалась обращенной вспять. Lundberg and Pollok. "The American Family", p. 10.

40. Michael Hout and Caroline Hanley. "The Overworked American Family. Trends and Nontrends in Working Hours, 1968–2001", Survey Research Center Working Paper, University of California at Berkeley, June 2002.

41. Расчеты рабочего времени семейных пар сделаны на основе данных из: Van der Valk. "Arbeidsdeelname van paren", pp. 27–31. Расчеты доли работающих в зависимости от уровня образования — на основе данных из: Johan van der Valk and Annemarie Boelens. "Vrouwen op de arbeidsmarkt", *Sociaaleconomische trends* (2004): 19–25.

42. Carter, et al., eds. *Historical Statistics of the United States*, Tables Ba 515–518.

Производство, потребление и распределение в рамках домохозяйства

Точно так же, как это было в эпоху первой революции трудолюбия, новые «трудолюбивые» семьи в обязательном порядке значительно сокращают домохозяйственное производство товаров и услуг. Число часов, уделяемых работе по хозяйству и уходу за детьми, в последние тридцать-сорок лет сократилось, хотя единого мнения относительно конкретных объемов данного сокращения нет. Подробные исследования вопроса использования времени, проведенные Фрэнком Стаффордом и Ф. Томасом Джастером, указывают на то, что в период между 1964 и 1982 гг. произошло сокращение времени, уделяемого работе по хозяйству женщинами в возрасте 25–44 лет, с сорока пяти до тридцати трех часов в неделю. При этом объемы времени, уделяемого ими оплачиваемому труду, увеличились с пятнадцати до двадцати пяти часов в неделю. Две эти тенденции в определенной степени компенсируют друг друга⁴³. Более позднее исследование, которым было охвачено шесть стран, показало, что в период с 1960-х по 1980-е гг. произошло снижение объемов обычной работы по дому на 1–1,5 часа в день⁴⁴.

43. F. Thomas Juster. "A Note on Recent Changes in Time Use", in Juster and Frank P. Stafford, *Time, Goods, and Well-being* (University of Michigan, Survey Research Center, 1985): 326.

44. Johnathan M. Gershuny and John P. Robinson. "Historical Changes in the Household Division of Labor", *Demography* 25 (1988): 550. Снижение объемов обычной работы по дому на 365–547 часов в год не зависело от эффекта альтернативных издержек и снижения времени, затрачиваемого на уход за ребенком. В другом исследовании Джонатана Гершуни приводятся следующие показатели снижения домохозяйственного труда для женщин в возрасте 20–60 лет: с 217 минут в день в 1961 г. до 162 — в 1985 г. При этом объемы работы по дому снизились как у растущего числа работающих женщин, так и у уменьшающегося числа неработающих. То же исследование выявило в указанном периоде повышение времени, уделяемого домохозяйственным задачам мужчинами, однако повышение это (на 23 минуты в день) могло компенсировать лишь незначительную часть снижения времени, уделяемого домохозяйственному труду женщинами. Цит. по: Patricia Hewitt. *About Time. The*

Общий экономический эффект подобного перераспределения трудового времени не мог быть незначительным, поскольку, хотя данные по нерыночному производству остаются неясными вследствие отсутствия согласия относительно соответствующих теневых цен, каких-либо серьезных сомнений в том, что на домохозяйство типа «кормилец — домохозяйка» приходится значительная доля стоимости конечного потребления, нет. Ранее нами уже упоминалось утверждение Гэри Беккера о том, что:

На семьи во всех обществах, включая современные, ориентированные на рынок общества, приходится существенная доля — половина или более — экономической деятельности, поскольку именно они осуществляют производство значительной части потребительского и образовательного капитала, капитала, связанного с вопросами здоровья, а также прочих видов человеческого капитала своих членов⁴⁵.

В своем исследовании ситуации в Великобритании 1986 г. Стейн Ринген определяет величину доли домохозяйства в общем объеме производимого и обеспечиваемого потребления путем простого умножения часов, уделяемых домохозяйственному труду, на заработную плату домработницы. К полученной величине домохозяйственного производства он прибавляет величину совместного труда в использовании совместных ресурсов, присваивая второму взрослому члену домохозяйства значение, равное 0,7 значения первого, а детям — равное 0,5. (Таким образом, полезность ресурсов взрослого главы домохозяйства, извлекаемая каждым членом семьи, состоящей из двух взрослых и двух детей, составляет лишь 68% от величины данных ресурсов из расчета на одного члена семьи.) Сделанные в соответствии с данными предположения расчеты Рингена показывают, что домохозяйственное производство позволяет повысить фактический доход домохозяйства на 58%, в то время как величина совместных ресурсов

Revolution in Work and Family Life (London: Rivers Oram Press, 1993): 53.

45. Becker. *Treatise on the Family*, p. 303.

повышает его на дополнительные 35%. Сочетание же двух этих факторов повышает величину домохозяйственного потребления до немногим более величины общего денежного дохода семьи, что соответствует предположениям Беккера. В соответствии с данными утверждениями Ринген заключает, что сокращение времени, уделяемого домохозяйственному труду, и среднего размера домохозяйств в предшествующее 1986 г. десятилетие привело к снижению реального дохода на 8%⁴⁶. Для более долгого периода разница была бы существенно более значимой⁴⁷. Возможно, что в последние лет сорок более важными, чем изменения в общем доходе домохозяйства, стали изменения в составе потребления и в распределении общего потребления в рамках домохозяйств. Вследствие того, что на цели общего использования теперь передается менее значимая часть дохода многочисленных работающих членов семьи, наблюдается сокращение функции внутридомохозяйственного перераспределения. Это особенно очевидно в случае с заработками детей.

Детский труд играл стратегическую роль в объединенном доходе домохозяйства типа «кормилец — домо-

46. Ringen. *Citizens, Families and Reform*. Сокращение величины совместно используемых услуг может быть принято во внимание и посредством учета того фактора, что в условиях, бытовавших в 2000 г., среднестатистический взрослый американец проводил менее 40% жизненного времени в доме с супругом (-ой) и детьми, в то время как в 1960 г. данный показатель составлял 62%. Susan Cotts Watkins, et al. "The Demographic Foundations of Family Change", *American Sociological Review* 52 (1993): 47–84.

47. В исследовании, посвященном вопросу использования времени в 1960–1986 гг. в США, рассматривалась условная величина домохозяйственного труда (исключая уход за ребенком) мужчин и женщин. В 1960 г. доля дохода, извлекаемого из домохозяйственного труда, составляла 50% общего совместного дохода (рыночного и домохозяйственного) мужчин и женщин. В 1985 г. его доля составила лишь 33%. Хотя прирост совместного денежного дохода мужчин и женщин в указанный период составил 3,5% в год (в основе данного прироста лежал быстрый рост денежных доходов женщин), общий доход (рыночный и домохозяйственный) увеличивался лишь на 2,3% в год. Victor R. Fuchs. *Women's Quest for Economic Equality* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988): 79–80.

хозяйка». В данном контексте примечательной характеристикой нового «трудолюбивого» домохозяйства является рассеивание диккенсовской ауры, окружавшей труд подростков вследствие почти полного исчезновения пула домохозяйственного дохода. Хью Каннингхэм приходит к выводу о том, что в Великобритании «в 1940–1950-е гг. происходит отход от практики, когда дети отдавали родителям бóльшую часть или все из заработанных ими денег, к практике, когда бóльшую часть или все из заработанных ими денег дети оставляют себе, ограничиваясь символической платой за жилье и еду». К 1990-м гг., продолжает Каннингхэм, «первое было свойственно лишь одному проценту работающей молодежи в возрасте 13–18 лет, потому как это было “необходимо, чтобы помочь моей семье сводить концы с концами”»⁴⁸. Заработок ребенка или подростка редко когда попадает в общий котел семейного дохода. Вместо этого заработанные деньги ими же и тратятся на личные расходы. Та же ситуация наблюдается и в Нидерландах, где, согласно проведенному в 1997 г. опросу, учащиеся средней школы полностью распоряжались своими доходами, тратя бóльшую их часть на одежду, развлечения, спиртные напитки и музыку. Обратной стороной «монеты», коей является распространение практики самофинансирования со стороны «потребителя-подростка», стало значительное сокращение внутрисемейного перераспределения доходов со стороны родителей на финансирование целей, которые ранее рассматривались в качестве ключевых расходов на детей, особенно расходов на одежду и высшее образование⁴⁹.

48. Cunningham. “The Decline of Child Labour”, p. 423–424.

49. *NRC Handelsblad*, 27 December 1997. Согласно опросу школьников в возрасте 12–19 лет, родители оплачивали полную стоимость проживания, питания и страховки в 80% случаев, однако лишь 40% расходов на одежду, школьные принадлежности, каникулы и поездки. Согласно же опросу американских учащихся вузов от 1999 г., почти половина студентов очных отделений работали на полную ставку, рассчитывая на небольшую, если и вовсе рассчитывая на какую-либо финансовую поддержку со стороны родителей. *New York Times*, 15 January 2000.

В настоящее время наблюдается не только снижение объемов объединенного дохода, но и направление дохода, выделяемого на нужды домохозяйства в целом, на технологии потребления, которые экономят домохозяйственный труд. Обе эти тенденции — снижение объединенного пула и сокращение производства предметов совместного потребления — ведут к росту индивидуализированного потребления и к предпочтению, отдаваемому товарам и услугам кратковременного пользования, а не товарам и услугам длительного пользования или инвестициям. В этом плане потребительские тенденции, свойственные второй революции трудолюбия, видятся многим специалистам отличными в своем социальном влиянии от потребительских тенденций «долгого» XVIII в. В то время индивидуализированное потребление, осуществляемое вне рамок домохозяйства, было зачастую связано с новыми формами социального общения. Интенсификация потребления сопровождалась интенсификацией общения, что вело к общим темам обсуждения. Потребление было вопросом настолько «социальным», что превратилось в вопрос политический, спровоцировав, по мнению Т. Брина, Американскую революцию. Тенденции индивидуализированного потребления, свойственные нынешней эпохе, без сомнений, привели к взрывному росту посещений ресторанов и кафе — в высшей степени контактными формам потребления. При этом некоторые политологи полагают, что новое «трудолюбие» ведет к одиночеству и упадку «социального капитала». Сочетание все более интенсивного рыночного труда и индивидуального потребления, как предполагается, ведет к сужению круга общения и, по мнению Роберта Лейна, к росту случаев клинической депрессии⁵⁰.

Независимо от того, является ли эпоха, начавшаяся в 1950 г., временем большего социального общения или

50. Robert Putnam. *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community* (New York: Simon and Schuster, 2000); Robert Lane. "Friendship or Commodities? The Road Not Taken. Friendship, Consumerism, and Happiness", *Critical Review* 8 (1994): 521–554; Robert Lane. *The Loss of Happiness in Market Democracies* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001).

нет, она стала временем, когда долгая тенденция снижения алкогольного потребления обратилась вспять. Великобритания и Нидерланды вернулись к пиковым значениям потребления алкоголя, наблюдавшимся в XIX в., и даже превысили их уже к 1980-м гг. В США же потребление алкоголя в период между 1935 и 1950 гг., а затем в период до 1976 г. удвоилось (с пяти до десяти литров чистого спирта на душу населения, хотя этот показатель и остается значительно ниже уровня потребления, отмечавшегося в XX в., «эпохе хорошего настроения»).

Еще одним свидетельством тенденции ухода в сторону индивидуализированного потребления является сокращение объемов приготавливаемой дома еды и числа совместных трапез. Доля американцев-респондентов (состоящих в браке мужчин и женщин в возрасте 25–54 лет), ответивших положительно на пункт «Наша семья обычно ужинает вместе», снизилась с 44% в 1977 г. до 26% в 1998 г.⁵¹ В целом же наблюдается расширение практики (всех форм) приема пищи вне дома, с увеличением доли соответствующих расходов с 25% от общих расходов домохозяйства на еду в 1950–1954 гг. до 45% в 1990–1994 гг. В Великобритании наблюдается та же тенденция, хотя и начиная с более низких слоев общества. Как следствие, время, уделяемое женщинами приготовлению еды дома, снизилось в период с 1960-х гг. по 1995 г. наполовину (со 120 до 60 минут в день). Это снижение оказалось лишь частично компенсировано увеличением данного показателя для мужчин с 9 до 35 минут⁵².

Можно также отметить, что существенная разница трат на предметы мужского и женского гардероба, зародившаяся в XVIII в. и исчезнувшая на столетний период после 1850 г., полностью восстановилась.

51. DDB Life Style Survey, 1975–1998, reported in Dora L. Costa. "Understanding the American Decline in Social Capital, 1952–1998", *Kyklos* 56 (2003): 17–46.

52. Offer. *Challenge of Affluence*, pp. 146–147, 158. Опрос, посвященный распределению времени и проведенный Джонатаном Гершуни, учитывает изменения в трудовой занятости женщин и уходе за детьми.

В Великобритании затраты на женскую одежду превышали затраты на мужскую на 25% в 1953 г. и на 72% в 1991 г., в то время как в США траты женщин на предметы гардероба превышали аналогичные траты мужчин на 65% в 1940 и 1950 гг., после чего разница стала увеличиваться, достигнув отметки в 89% в 1990–1993 гг. и 93% в 2001–2004 гг.⁵³

В Великобритании после пересмотра в 1980 г. порядка выдачи пособий на ребенка их выплата стала осуществляться напрямую матери, а не главе семьи, коим обычно являлся отец. При сложении всего дохода домохозяйства, независимо от источника, данная мера вряд ли повлияла бы на семейные расходы. Принята же она была, исходя из предположения о том, что объединение дохода осталось в прошлом и что матери использовали бы пособие на ребенка не так, как использовали бы его отцы. Как выяснилось впоследствии, данное предположение оказалось верным. После введения нового порядка выдачи пособий расходы на детскую одежду увеличились, однако еще больше увеличились расходы на женский гардероб, и увеличение это было тем более выражено, чем больше было в семье детей. В семьях с двумя детьми значение соотношения женских/мужских расходов на одежду составляло 1,33 до введения указанных преобразований, и 1,60 в 1980–1990 гг.; в семьях с тремя детьми данный показатель увеличился с 1,27 до 1,77⁵⁴.

На снижение производимого в рамках домохозяйства потребления оказывают влияние такие факторы, как развитие технологий и усовершенствования в организации и оказании услуг, повышающие замещаемость домохозяйственных форм потребления рыночными. Например, обеспечение хорошего здоровья долгое время связывалось с производством в рамках домохозяйства определенного набора «товаров», к которым отно-

53. Wall. "Some implications", p. 329; Carter, et al., eds. *Historical Statistics of the United States*, Tables Cd 163–5; данные опроса потребительских расходов Бюро статистики труда — согласно публикации в: *Wall Street Journal*, 15 September 2004.

54. Shelly J. Lundberg, et al. "Do Husbands and Wives Pool Their Resources?"

сились соблюдение гигиены, правильное питание и домашний комфорт. Здоровье являлось в определенной степени побочным продуктом данных «товаров», а их перепроизводство не было редкостью вследствие трудностей, связанных с точной оценкой учета снижающейся отдачи. Поскольку недостаточность производства могла иметь фатальные последствия, перепроизводство отличалось значительностью масштабов⁵⁵. Джозел Мокир предполагает, что появление после 1945 г. антибиотиков «сняло с домохозяйства часть ответственности в вопросах обеспечения здоровья». Теперь можно было приобретать «набор “чистых” товаров для здоровья, которые были направлены исключительно на обеспечение здоровья, а не на его производство в качестве побочного продукта потребления других товаров и соблюдения норм гигиены»⁵⁶. Вследствие того, что инфекционные заболевания могли быть вылечены с помощью антибиотиков, домохозяйственный труд утратил часть своей ценности для «потребителя».

Данный пример — иллюстрация роста замещаемости между товарами и домохозяйственным трудом в вопросах обеспечения предметов конечного потребления «Z». То, что нельзя было найти «на полке магазина» в XIX в., стало доступным в коммерческих формах к концу XX в. «Механизация» домашнего труда посредством бытовых электроприборов являет собой любопытный пример, как и рост коммерческих услуг, обеспечивающих специализированные альтернативы труду, когда-то выполнявшемуся домашней прислугой.

В отношении бытовых электроприборов — пылесосов, стиральных машин, водонагревателей, утюгов,

55. Сегодня подобная дилемма крайне остро стоит перед нами в вопросах питания. Пищевые и медицинские последствия того, что именно мы употребляем в пищу, не только имеют огромное значение, но и являются предметом споров. Как следствие, зачастую встречаются крайние формы практического применения имеющейся информации, и то, что Джозел Мокир называет «герметичностью знаний», как раз герметичностью и не отличается.

56. Mokyr. "More Work for Mother", p. 20.

холодильников — зачастую употребляется эпитет «трудосберегающие», и зачастую же предполагается, что они были приняты на вооружение домохозяйками сразу же после появления с целью высвободить часть своего труда из «домохозяйственного заточения». Однако при внимательном изучении вопроса распространения бытовых электроприборов выясняется, что до 1950-х гг. спрос на них был до удивления низким. Их привлекательность вовсе не было неотразимой. Сью Боуден и Авнер Оффер подводят следующий итог своему исследованию бытовых электроприборов:

Мы отследили тенденции распространения ряда потребительских товаров длительного пользования в США и Великобритании в период с 1920-х гг. и по сегодняшний день... Чтобы получить широкое распространение в обществе, утюгам, холодильникам, стиральным машинам, водонагревателям и пылесосам понадобились десятилетия. Чтобы появиться в большинстве домов, утюгам и холодильникам понадобилось более двух десятков лет. За тот же период времени водонагреватели, стиральные машины и пылесосы появились лишь в 20% домохозяйств. Чтобы добраться до отметки в 50%, пылесосу, стиральной машине и водонагревателю понадобились 40, 30 и 33 года соответственно⁵⁷.

Ни в Великобритании, ни в США распространение большинства новых бытовых приборов не выходило далеко за рамки тех домохозяйств, что прибегали к использованию домашней прислуги и продолжали делать это и в межвоенный период. Привлекательность новых бытовых приборов для этих домохозяйств заключалась не в том, что потенциально они были способны заменить собою домашнюю прислугу, а в том, что они повышали производительность труда прислуги⁵⁸. Впол-

57. Sue Bowden and Avner Offer. "The Revolution that Never Was", in Victoria de Grazia and Ellen Furlough, eds. *The Sex of Things. Gender and Consumption in Historical Perspective* (Berkeley: University of California Press, 1996): 247.

58. Ronald Tobey, Technology as Freedom. *The New Deal and the Electrical Modernization of the American Home* (Berkeley: University of California Press, 1996): 177. В США число домашней прислуги увеличилось с 1,4 млн человек в 1920 г. до 2,4 млн в 1939 г.,

не возможно, что благодаря своим трудосберегающим возможностям бытовые приборы были вполне привлекательными и для домохозяйств, не имеющих прислуги, однако другие товары оказались еще более привлекательными, и именно на них и тратился доход данных домохозяйств в межвоенный период. Это были товары, которые соответствовали логике домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» в большей степени. В указанный период спрос на домашнюю мебель и сопутствующие товары оказался гораздо выше спроса на прочие основные категории расходов. Показательно, что новым бытовым электроприбором, *получившим* быстрое распространение в среде *всех* социальных классов, оказалось радио. Боуден и Оффер обращают внимание на то, что распространение «экономящих время» бытовых приборов в указанный период происходило медленно, приборов же для «проведения времени» (радио в период до Второй мировой войны и телевизор в послевоенное время) — с невероятной скоростью. Радиоприемники появились в 1922 г., и уже к 1930 г. они имелись в 66% британских домохозяйств⁵⁹. До 1960-х гг. радио выступало в роли «товара совместного спроса», предоставляя услуги, которые потреблялись семьей

что опережало рост числа домохозяйств. В 1939 г. на каждые 11,5 домохозяйств приходилась одна единица прислуги. До 1930-х гг. в Великобритании и Нидерландах также наблюдался рост числа домашней прислуги, хотя и не со скоростью, свойственной США.

59. Bowden and Offer. "The Revolution That Never Was", pp. 247–251. Проведенное Рональдом Тоби подробное исследование распространённости радиоприемников в Риверсайде, Калифорния, указывает на то, что к 1931–1935 гг. в районах проживания зажиточных граждан радиоприемники были примерно в 80% домохозяйств. Районы проживания граждан среднего достатка отставали ненамного, достигнув показателя 82% к 1936–1939 гг., в то время как в среде рабочего класса и цветного населения показатель 80% был достигнут к 1941–1945 гг. Tobey. *Technology and Freedom*, p. 178. На продолжающийся упор в домохозяйственном потреблении на товары совместного спроса указывает значительное увеличение расходов британцев на домашнюю мебель и сопутствующие товары — на 52% между 1924 и 1937 гг.; в тот же период расходы на одежду увеличились лишь на 16%.

в качестве единицы, точно так же как всей семье служила домашняя мебель.

Позднее, все в том же XX в., с началом исчезновения со сцены домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» относительная привлекательность данных форм потребления претерпела определенные изменения. В тот момент произошло стремительное распространение новых трудосберегающих бытовых приборов (электрических стиральных и сушильных машин, посудомоечных машин, микроволновых печей) во всех слоях общества, а привлекательность времязатратных электроприборов, предназначенных для проведения досуга (различных модификаций радиоприемников, телевизоров, музыкальных и развлекательных систем), усиливалась по мере расширения их разнообразия. Эрозия социального капитала часто приписывается пагубному, изолирующему влиянию просмотра телевизора, однако в условиях домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» телевизор был «товаром совместного спроса», обеспечивающим семью развлечением; если сегодня та же самая технология стала двигателем социальной изоляции, то причины этого следует искать в спросе в меньшей мере, чем в предложении. Индивидуализированное потребление и экономия на домохозяйственном производстве потребления, представляющие собой ключевые особенности «трудолюбивого» домохозяйства, вновь проявились в конце XX в., переопределяя относительную полезность широкого спектра предметов, включая бытовые приборы. В рамках второй революции трудолюбия просмотр телевидения «потребляется» способом, отличным от того, что имел место во время появления телевизора в эпоху «индийского лета» домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка».

Там, где машины не в состоянии заместить собой домохозяйственный труд, иногда это под силу коммерческим услугам. Главное затруднение в обеспечении замещаемости услуг, производимых в рамках домохозяйства, коммерческими услугами заключается в необходимости преодолевать своеобразный вариант проблемы «заказчик — исполнитель»: привлекательность поставщиков домашних услуг снижена вследствие со-

мнений в том, что поставщики окажутся способными выполнить контрактные обязательства в соответствии со стандартами, устанавливаемыми заказчиком, или с тщательностью и надежностью, которые можно было бы ожидать от членов семьи. Эти сомнения наиболее остро проявляются в вопросах ухода за ребенком. Одно из определений неоплачиваемой работы — то есть домохозяйственного труда — заключается в «существовании возможности заплатить третьей стороне за выполнение определенных задач и при этом добиться от них той же полезности»⁶⁰. Эластичность замещаемости многих домохозяйственных задач ограничена тем фактом, что при выполнении задач третьей стороной полезность зачастую существенно снижается⁶¹. Очевидно, что эмоциональная составляющая отношений между членами семьи самым существенным образом способствует обеспечению полезности, извлекаемой из многих домохозяйственных задач. Тем не менее либо по причине ослабления данной составляющей, либо благодаря росту относительного качества коммерческих услуг, либо вследствие обоих этих факторов, но в последние десятилетия происходит повышение

60. Gershuny and Robinson. "Historical Changes in the Household Division of Labor", p. 544.

61. Отсутствие сомнений в качестве рыночных заменителей традиционно обеспечиваемых домохозяйством услуг особенно заметно в пользовании услугами заведений общественного питания. Здесь мы наблюдаем не тщательное исследование услуг, а потребителей, которые, судя по всему, не обращают внимания на разницу между домашним и коммерческим приготовлением пищи. До двух третей прироста числа взрослых американцев с избыточным весом в период между 1984 и 1999 г. можно отнести на счет роста числа ресторанов быстрого питания и полного цикла обслуживания на душу населения. Увеличение количества часов, уделяемых матерями рыночному труду, может быть причиной не менее одной трети прироста числа детей с избыточным весом в семьях некоторых типов. S. Y. Chou, M. Grossman, and H. Saffer. "An Economic Analysis of Adult Obesity. Results from the Behavioral Risk Factor Surveillance System", *Journal of Health Economics* 23 (2004): 565–587; P. M. Anderson, K. F. Butcher, and P. B. Levine. "Maternal Employment and Overweight Children", *Journal of Health Economics* 22 (May 2003): 477–504.

эластичности замещаемости большого числа домохозяйственных задач. Как результат многие услуги, имевшие раньше нерыночную природу, особенно относящиеся к уходу за ребенком и приготовлению пищи, укоренились сегодня и в рыночной экономике.

Рост замещаемости между рыночным и домашним производством, ускоривший уменьшение домохозяйственной производственной сферы, является отчасти плодом новых технологий. И все же большинство домохозяйственных услуг остается крайне трудоемким, а новая замещаемость зависит еще и — возможно, в первую очередь — от возрастающего неравенства в распределении дохода. Во многих случаях услуги, подменившие собой домохозяйственное производство, восстанавливают, хотя и в коммерческой форме, старый институт домашней прислуги, столь долгое время и столь остро разделявший материальную жизнь социальных классов вплоть до XX в. Социальная пропасть между домохозяйствами, использовавшими труд прислуги, и гораздо более многочисленными домохозяйствами, поставлявшими прислугу, углубилась как результат резко отличных друг от друга материальных культур. Потребительские обычаи, которые были бы свойственны обеим сторонам, оказались весьма немногочисленными.

Одной из принципиально новых черт потребительских устремлений в эпоху домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» стало усиливающееся слияние материальных культур слоев общества, получивших название — возможно, как подсознательное признание данного факта — «верхняя и нижняя прослойки среднего класса». Поскольку домашняя прислуга практически канула в историю — держали ее теперь лишь представители узкого социального слоя, — в период после Второй мировой войны в обществе зародилась материальная культура, основанная на принципе «сделай сам» и рассматриваемая в настоящий момент с безмерной снисходительностью. Тем не менее культура эта явила собою то, что с сегодняшней перспективы можно рассматривать как краткий исторический момент достигнутой домохозяйством соизмеримости в матери-

альных культурах и технологиях потребления, обеспечивающих конечное потребление⁶².

Разворачивающаяся в последние десятилетия новая революция трудолюбия данную уравнительную тенденцию повернула вспять⁶³. Она зиждется на «восстановленной системе домашней прислуги», роль которой сегодня играют няни, уборщицы, иностранные студенты, проживающие в семьях с целью изучения языка и в качестве оплаты за стол и кров помогающие по хозяйству, чистильщики бассейнов, лица, оказывающие разнообразные домохозяйственные и личные услуги на коммерческой основе. Если не имевшее прислуги домохозяйство, на которое пришлась кульминация эпохи системы «кормилец — домохозяйка», возлагало тяжкий груз домашней работы на хозяйку дома (независимо от уровня ее дохода), то новая революция трудолюбия идет рука об руку с ростом неравенства доходов, порождая значительный спрос на трудовых мигрантов из бедных и богатых стран⁶⁴. И вновь, как

62. Я прибегаю к термину «соизмеримость», а не «равенство». Между уровнями качества конкретных товаров, потребляемых классами разного достатка, по-прежнему оставалась огромная разница; если в чем и было достигнуто большее сходство, так это в технологиях потребления, посредством которых товары преобразовывались в предметы потребления «Z».

63. Jill Rubery, et al. *Women and European Employment* (London: Routledge, 1998). Джил Рубери и ее соавторы утверждают, что ослабить или вовсе искоренить данную тенденцию увеличивающегося неравенства смогла бы коллективная (субсидируемая государством), а не частная система предоставления домохозяйственных услуг. Ими предлагается следующее описание ситуации в США и Великобритании: «Многие услуги, такие как приготовление еды, стирка и чистка белья, некоторые услуги по уходу предоставляются на коммерческой основе, а часы работы предоставляющих данные услуги розничных заведений отнюдь не малы. Сами же услуги оказываются женщинами, занятыми в частном секторе и получающими за свой труд небольшую плату». В противовес США и Великобритании авторы приводят в пример страны Северной Европы, где «многие услуги по уходу стали коллективными и оказываются женщинами, занятыми в государственном секторе, [заработная плата в котором значительно выше]» (p. 203).

64. Многие отрасли сферы услуг, играющих крайне важную роль в существовании «трудолюбивого» домохозяйства, являются

и в «долгом» XVIII в., стиль жизни простолюдинов отличается от стиля жизни высших слоев.

Коммерческие услуги по уходу за детьми получили сегодня широкое распространение, пусть озабоченность их качеством и стоимостью и продолжает оставаться источником тревоги и недовольства. Каких-либо схожих коммерческих услуг в поддержку мужей и их профессиональной карьеры не предлагается. Данный разрыв в рыночном предложении услуг и может быть тем фактором, что стоит за недавним острым размыванием так называемой «брачной надбавкой». Эта проявляющаяся уже долгое время, часто подмечаемая, но несколько таинственная черта домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» проявляется в существенном росте заработка состоящих в браке мужчин. То есть после рассмотрения прочих факторов (таких как образование, здоровье, рабочий стаж), влияющих на уровень рыночного заработка, выяснилось, что женатые мужчины зарабатывают больше одиноких. В 1976 г. средняя зарплата женатых мужчин превышала зарплату никогда не состоявших в браке на 13%, при этом у женатых мужчин старшего возраста ее уровень был выше уровня заработка более молодых состоящих в браке мужчин⁶⁵. «Брачные надбавки» подобных масштабов были выявлены и подтверждены специалистами по экономике труда еще в конце XIX в.⁶⁶ Для объяснения данного феномена был выдвинут целый ряд гипотез, включая предпочтения, отдаваемые работодателями женатым мужчинам, групповую селекцию (системати-

транснациональными по своей организации. Вторым по величине источником дохода в международной торговле Филиппин является работа филиппинок в сфере обслуживания за рубежом. У филиппинок, занятых в качестве нянек и домработниц в семьях работающих американцев, на родине зачастую остаются собственные дети, о которых заботятся другие, нанятые в качестве нянек женщины.

65. Jeffrey S. Gray. "The Fall in Men's Return to Marriage. Declining Productivity Effects or Changing Selection?", *Journal of Human Resources* 32 (1997): 482-484; Daniel Kermit. "The Marriage Premium", in Tommasi and Ierulli, ed. *New Economics of Human Behavior* (1995): 113-125.

66. Goldin. *Understanding the Gender Gap*.

ческие, хотя и неочевидные различия между мужчинами, вступающими и не вступающими в брак), а также различия в предпочтениях, отдаваемых женатыми и неженатыми мужчинами тому или иному виду оплаты труда. При этом объяснением, в наибольшей степени отвечающим реальности, по-прежнему остается гипотеза о том, что брак повышает производительность мужчины и что эта повышенная производительность является следствием осуществляющейся в браке специализации.

Именно поэтому крайне примечательно то, что этот проявлявшийся долгое время исторический артефакт рынка труда выказывает в последние десятилетия признаки серьезного размывания, по мере того как уровень специализации в браке уменьшается. В 1976 г. «брачная надбавка» приняла форму ускоряющегося во времени прироста уровня заработка женатых мужчин. Чем дольше мужчина состоял в браке, тем выше была его «надбавка», что указывало на положительный возврат к матримониальному состоянию, а не просто наличие факта брака. К 1993 г. каких-либо «надбавок», которые можно было бы отнести на счет долгого пребывания в браке, выявлено не было, что заставляет выдвигать предположения о том, что брак растерял свои качества, положительным образом влиявшие на уровень производительности. Анализируя данные изменения, Джеффри Грей заключает, что:

Наблюдаемое падение «брачной надбавки» к уровню зарплаты сильно зависит от степени домохозяйственной специализации... Данные результаты указывают на то, что снижение влияния брака на производительность связано с уменьшением уровня домохозяйственной специализации в браке, а не со снижением отдачи от специализации... В действительности в 1980-е гг. произошел некоторый рост подобной отдачи при одновременном отрицательном влиянии рыночной занятости жены на «брачную надбавку» к уровню зарплаты мужа⁶⁷.

Особенности нового «трудолюбивого» домохозяйства сильно разнятся в зависимости от страны и в меньшей

67. Gray. "Fall in Men's Returns to Marriage", p. 502.

степени — от принадлежности к конкретному социальному классу, однако основные его черты схожи в большинстве стран Западной Европы и Северной Америки: замещение домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» домохозяйством с несколькими работающими, значительное сокращение домохозяйственного производства и связанной с ним специализации отдельных членов, рост замещаемости домохозяйственных товаров рыночными, снижение внутреннего перераспределения доходов.

Заключение

Что именно является двигателем второй революции трудолюбия? Я утверждаю, что революция трудолюбия, постепенно разворачивавшаяся с 1650 г., связала интенсификацию рыночного труда домохозяйства с новыми потребительскими устремлениями, что современники называли «пробуждением appetitов разума». Многие из этих новых устремлений отражали индивидуальные аппетиты. Со временем многочисленные голоса членов домохозяйства поставили под сомнение его единство, однако в существовавших на тот момент условиях реализация новых тенденций потребительского спроса требовала решений именно на уровне домохозяйства. И было бы преуменьшением сказать, что рассматриваемые события последнего времени редко видятся в том же ключе.

Новое «трудолюбие» зачастую рассматривается как результат одной из трех четко выраженных и в значительной мере несовместимых сил. Одно из популярных объяснений роста трудовой занятости и объемов рабочего времени относит его на счет сочетания резкого замедления роста индивидуального заработка в период 1973–1996 гг. и возросших желаний, стимулируемых не столько разумом, сколько рекламой. В ряде книг высказывается сожаление по поводу отказа от досуга в пользу неистового потребительства. Под такими названиями, как «Ловушка двойного дохода» (“The Two-Income Trap”), «Изможденный работой американец» (“The Overworked American”), «Американец, живущий

не по средствам» («The Overspent American»), «Пути времени» («The Time Bind») и «Вторая смена» («The Second Shift»), издания эти повествуют, каждое по-своему, о росте рыночного труда и снижении времени, уделяемого домохозяйству и досугу, вызванных усиливающимся экономическим давлением на семьи среднего класса⁶⁸.

В основе другого объяснения лежит трудовая занятость замужних женщин, расширение которой приписывается росту заработной платы представительниц прекрасного пола, ставшему результатом повышения уровня их образования и возможностей по трудоустройству, обеспеченных длительным развитием сектора услуг⁶⁹. Рост заработной платы ведет как к повышению дохода, так и к эффекту замещения, который становится главенствующим⁷⁰. Женщины делают выбор в пользу замещения домохозяйственных задач, вынашивания ребенка и ухода за ним в целях не упустить ставшие значительными финансовые выгоды рыночного труда. Так, замужество, беременность и потребительское поведение оказались под влиянием независимых друг от друга роста спроса на женский труд и роста его предложения.

Согласно первому объяснению, «рынок» ставит домохозяйство в затруднительное положение, оказывая дополнительную нагрузку на женщин. Согласно второму — рынок являет собой освобождающую силу, предоставляя женщинам новую свободу выбора

68. Schor. *The Overworked American* Juliet Schor. *The Overspent American* (New York: Basic Books, 1998); Arlie Hochschild. *The Time Bind* (New York: Metropolitan Books, 1997); Elizabeth Warren and Amelia Warren Tyagi. *The Two-Income Trap. Why Middle-Class Mothers and Fathers Are Going Broke* (New York: Basic Books, 2003).

69. Для ознакомления с краткой и авторитетной формулировкой данного мнения см.: Becker. *Treatise on the Family*, p. 55. Для ознакомления со сводной информацией по данному подходу см.: Goldin. *The Quiet Revolution*.

70. Чем выше степень замещения между рыночными товарами и домашним производством, тем выше эффект замещения. Jacob Mincer. "Labor Force Participation of Married Women", in National Bureau for Economic Research. *Aspects of Labor Force Economics* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962): 46.

и новые возможности. Третье же объяснение отрицает тот факт, что ответственность за данные изменения лежит прежде всего на рыночных силах: культурные преобразования — затрагивающие нормы и ценности — ведут к поведенческим изменениям на рынке. Объяснение это либо начинается с культурных изменений — здесь упоминаются экзогенное зарождение нового феминизма и прочие события 1960-х и 1970-х гг., — либо заканчивается ими с указанием того, что исследования регрессии трудовой занятости женщин оставляют необъясненными значительные остатки, проявляющиеся после оценки эффекта образования, относительной зарплаты, частоты браков, количества и возрастной разницы детей и прочих факторов⁷¹. Исходя из этой точки зрения, единственным ограничителем для более быстрого избавления от старых домохозяйственных форм является скорость, с которой принимаются соответствующие государственные меры, отвечающие новым культурным нормам⁷².

В настоящем исследовании я предлагаю рассматривать ситуацию последних пятидесяти лет в том же контексте взаимосвязи между работой и потреблением, что уже анализировался мною применительно к развитию домохозяйства с середины XVII в. Не отрицая того факта, что в прошедшем столетии новые тенденции в образовании, технологиях, государственной политике и планировании семьи играли важную роль в развитии конкретных форм домохозяйства и распределении домохозяйственного времени, я тем не менее ставлю

71. Свежий пример второй категории подобных исследований см.: Jan Dirk Vlasblom and Joop J. Schippers. "Increases in Female Labour Force Participation in Europe. Similarities and Differences", Tjalling C. Koopmans Research Institute Discussion Paper Series nr. 04-12 (Utrecht University, 2004). «Мы приходим к выводу, что нормы и ценности общества изменились таким образом, что работающая супруга все в большей и большей степени становится привычным делом во всех странах Европы».

72. Rubery, et al. *Women and European Employment*. В данном труде предлагается набор новых государственных мер, призванных высвободить то, что рассматривается авторами как разбалансированное рыночное предложение женского труда.

под сомнение предположения о том, что причины кроются именно в этих факторах. Я полагаю, что скорость и сила изменений, свойственные указанным факторам, связаны с решениями, принимаемыми в рамках самого домохозяйства и касающимися предметов конечного потребления, выбора соответствующих технологий потребления и специализации членов домохозяйства в реализации данных решений.

Накопление потребительского капитала посредством собственно опыта потребления и на основе других источников информации периодически притягивает личные предпочтения к новым кластерам потребления, а потребление это требует соответствующей реорганизации домохозяйства. Процесс реорганизации ведет к появлению напряженности в отношениях между членами домохозяйства, поскольку личные предпочтения вступают в противоречие с домохозяйственной экономикой, что ведет к увеличению или уменьшению времени, уделяемого домохозяйственному производству. Со временем в предельных точках этих исторических колебаний домохозяйство предстает либо как нечто устрашающее — мощная крепость или тягостная тюрьма — или же, наоборот, как жалкие останки чего-то реального, сохраняющие, возможно, базовые биологические функции, однако лишённые значимых производственных или перераспределительных функций. Хотя в критике выхолащивающей человека семьи недостатка нет, как нет недостатка и в стенаниях по поводу семьи, усохшей и лишившейся своей институциональной формы, историческая реальность обществ стран Запада долгое время существовала где-то в промежутке между этими двумя крайностями. Речь идет об относительно простых, открытых домохозяйствах, в основе которых лежит семья, подверженных внешним ударам и воздействиям, но при этом обеспечивающих значительные объемы нерыночного производства. Объемы данного производства и приверженность членов домохозяйства выполнению специализированных функций со временем изменялись — в настоящей книге сделана попытка описать исторические пути данных изменений, — однако домохозяйственное производство и внутреннее перераспределение всегда

имели важнейшее значение для благополучия всех членов, прежде всего тех, у кого нет рыночного заработка либо он невелик⁷³.

В ХХI в. поддержание жизнеспособной связи между домохозяйством и рынком требует признания двойственности характера домохозяйства, которую я подчеркиваю в настоящем исследовании: с его ролями как в производстве, так и в потреблении. Сомнения в домохозяйстве как производственной единице ничего нового для нас не представляют. В их основе лежит противоречие между, с одной стороны, личными обязательствами в отношении рыночного труда, а с другой — временем, требующимся для домохозяйственного производства предметов конечного потребления. От данных обязательств и специализации выигрывает как домохозяйство, так и рыночная экономика. Таким образом, нам следует найти ответ на вопрос: возможно ли существование такого внутреннего распределения труда, которое не будет препятствовать половине или большей части членов домохозяйства в полном развитии их человеческого потенциала?

Сомнения в домохозяйстве как единице потребления основаны на идее потребительских устремлений. Данные сомнения высказываются реже, поскольку обычно предполагается, что практика потребления в значительной мере определяется развитием экономики. Роль же индивидуального потребительского выбора в реакции на конкретные производственные предложения экономики ограничена. Сложность, с которой

73. Довольно часто встречается ситуация, когда дети проигрывают конкуренцию за государственные деньги другой основной категории иждивенцев — престарелым. В рамках домохозяйства детям как группе выпадает, как правило, тем больше испытаний, чем более ориентированной на рынок является экономика домохозяйства. Причина этого, по мнению Стейна Рингена, заключается в том, что дети с точки зрения потребления «рентабельны» (предельные затраты на содержание дополнительного ребенка относительно невелики), однако «нерентабельны» с точки зрения рыночной деятельности (альтернативные издержки применительно к затратам родительского времени слишком велики). Samuel Preston. "Children and the Elderly. Divergent Paths for America's Dependents", *Demography* 21 (1984): 435–457; Ringen. *Citizens, Families and Reform*, p. 55.

столкнулось настоящее исследование, заключается в опровержении простого утверждения, что экономический рост непосредственно и бесп проблемно связан с повышением уровня благосостояния, и в том, чтобы привлечь внимание к центральной роли домохозяйства в определении стратегических целей потребления. В какой именно мере экономический рост ведет к повышению благосостояния, во многом зависит именно от стратегии домохозяйства.

Чем больше наши потребительские устремления требуют экстенсивного домохозяйственного производства в целях преобразования приобретаемых товаров в предметы конечного потребления, тем более мотивированными следует быть членам домохозяйства в разрешении проблемы домохозяйственной специализации и исполнения соответствующих обязанностей, с которой нам пришлось сегодня столкнуться. Реалистично ли надеяться на будущее, в котором новый комплекс потребительских устремлений содействует развитию человеческого потенциала членов домохозяйства, активно участвующих в домохозяйственном производстве, а не препятствует ему?

Ирония сегодняшнего дня заключается в наличии высокого и явного интереса к таким видам конечного потребления, которые рынок не в состоянии удовлетворить напрямую. Схожая ситуация была присуща и XIX в., когда стремление к здоровью, комфорту и респектабельности привело к расширению домохозяйственного производства в целях обеспечения предметами, которые нельзя было приобрести «в магазине». Расширение домохозяйственного производства преследовало собою достижение новых целей эпохи. В настоящее же время роль домохозяйства (в отличие от роли индивидуума или государства) в удовлетворении часто выражаемых желаний — например, дать хорошее образование детям или жить в условиях экологической безопасности и самодостаточности — становится объектом исследований достаточно редко⁷⁴.

74. Я не хотел использовать термин «замещение» из-за его чрезвычайно туманного значения, однако в свое время «респектабельности»

Многие из настроенных пессимистично специалистов среди тех, кто занимается вопросами семьи, полагают, что любое перенаправление времени с рыночного труда на домохозяйство должно само ставить себе на службу прямые стимулы рынка. Если принять утверждение о том, что домохозяйственное производство не имеет ценности — если ценность эта не подтверждена рынком, — то вопрос будет заключаться в следующем: каким образом «можно создать рынок, который будет в состоянии посылать родителям правильные сигналы относительно социальной важности инвестирования в детей?»⁷⁵ Это ведет к защите государственных мер, поддерживающих «традиционные» практики домохозяйственного потребления посредством субсидий, налоговых льгот и т. п. Здесь упор делается на мнение о том, что лишь щедрое вмешательство со стороны государства способно спасти домохозяйства от свойственных им предпочтений, идущих домохозяйствам во вред⁷⁶.

была свойственна та же неопределенность значения, что было результатом ее широкого использования в отношении к потреблению. Замещение вполне может превратиться в новую респектабельность.

75. Burggraf. *The Feminine Economy and Economic Man*, p. 6.

76. На пике развития домохозяйства типа «кормилец — домохозяйка» в США началась дискуссия относительно предполагаемого дисбаланса между частным и государственным потреблением. В своей публикации «Общество изобилия» («Affluent Society») Джон Кеннет Гелбрейт обращал внимание на частное изобилие и безденежье государства. Теперь же, спустя полвека, вопросы обеспечения граждан многими важными государственными товарами и услугами продолжает игнорироваться, несмотря на то что объемы государственного финансирования относительно объемов государственного дохода значительно возросли. Сегодня государственным товарам и услугам приходится конкурировать с большим числом потребительских желаний, которые раньше удовлетворялись в рамках экономики домохозяйства. В период с 1959 по 1996 г. социальные выплаты гражданам выросли с 2,7% от объема доходов среднестатистической семьи до почти 10%, а их доля в общих доходах государства увеличилась с 19 до 44%. Иными словами, государственные товары и услуги конкурируют не столько с частным потреблением, сколько с социальными выплатами. Конечно, выплаты эти обеспечивают независи-

Чего же следует ждать от будущего? Историки обычно объясняют, почему всё так, как есть. Социологи идут на шаг дальше, делая прогнозы. Я попытался указать на то, что историки неправильно толкуют, как именно мы в качестве потребителей стали такими, какими сегодня и являемся. При этом доля критики досталась и линейным моделям, свойственным многим социологическим прогнозам. Тем не менее они правы в том, что подчеркивают невозможность возврата к прошлому. В данном исследовании я постарался продемонстрировать, что потребление с исторической точки зрения представляет собой динамичное явление, сильно отличающееся от линейного процесса изменений. Таковым он останется и в будущем. Однако это вовсе не означает, что путь вперед предельно ясен или полностью определен. Разумеется, наш выбор в значительной степени ограничен наличествующим опытом. Мы более чем по пояс увязли в рутине повседневности и атрибутах нашего материального мира. Однако то, что экономисты называют «эффектом колеи», заставляющим нас выбирать определенные технологии, кластеры потребления, стиль жизни — то есть связывающим нас с конкретными эффективными и привлекательными решениями сложных вопросов координации, с которыми мы сталкиваемся в управлении всеми аспектами повседневной жизни, — не постоянно и не вечно. Периодически ситуация складывается так, что происходит ускоренное обесценивание накапливаемого долгое время капитала — физического, человеческого и социального. Одновременно с этим складывающаяся ситуация содействует строительству новых институтов, предназначенных для координации наших действий. У подобных преобразований могут быть самые разные катализаторы. Среди них имеются и наши собственные

мость многим домохозяйствам, возглавляемым пожилыми гражданами, однако никто не стал бы утверждать, что они восстанавливают жизнеспособность экономик домохозяйств, возглавляемых лицами трудоспособного возраста. Данные из книги: Frank Levy. *The New Dollars and Dreams. American Incomes and Economic Change* (New York: Russell Sage Foundation, 1998): 34, 50.

стратегии по наиболее полноценному производству предметов конечного потребления, приносящих нам удовлетворение (полезность) и бывших в центре внимания настоящего исследования. В развитии данных стратегий домохозяйствам по-прежнему будет отведена главная роль, которая будет заключаться как в содействии формированию устремлений, так и в разработке способов их удовлетворения.

Библиография

- Abel, Wilhelm. *Agricultural Fluctuations in Europe from the Thirteenth to the Twentieth Century* ([1935, 1966] London: Methuen, 1980).
- Aerts, Erik, Louis M. Cullen, and Richard G. Wilson, eds. *Production, Marketing, and Consumption of Alcoholic Beverages since the Late Middle Ages* (Leuven: Leuven University Press, 1990).
- Akkerman, Tjitske. *Women's Vices, Public Benefits. Women and Commerce in the French Enlightenment* (Amsterdam: Het Spinhuis, 1992).
- Allen, Robert. "Economic Structure and Agricultural Productivity in Europe, 1300–1800", *European Review of Economic History* 3 (2000): 1–25.
- . "The Great Divergence in European Wages and Prices from the Middle Ages to the First World War", *Explorations in Economic History* 38 (2001): 411–447.
- Alter, George. "Work and Income in the Family Economy. Belgium, 1853 and 1891", *Journal of Interdisciplinary History* 15 (1984): 255–276.
- Anderson, Michael. *Family Structure in Nineteenth-Century Lancashire* (Cambridge: Cambridge University Press, 1971).
- . "New Insights into the History of the Family in Britain", in Anne Digby, Charles Feinstein, and David Jenkins, eds. *New Directions in Economic and Social History*, Vol. 2 (London: Macmillan, 1992): 125–135.
- . *Approaches to the History of the Family, 1550–1914*, second ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).
- Anderson, Michael, Frank Berchhofer, and Jonathan Gershuny, eds. *The Social and Political Economy of the Household* (Oxford: Oxford University Press, 1994).
- Anderson, Michael, Frank Berchhofer, and Jonathan Gershuny. "Introduction", in Anderson, Berchhofer, and Gershuny, eds. *The Social and Political Economy of the Household*, pp. 1–16.
- Anderson, P. M., K. F. Butcher, and P. B. Levine. "Maternal Employment and Overweight Children", *Journal of Health Economics* 22 (2003): 477–504.
- Andrews, Benjamin R. *Economics of the Household* (New York: Macmillan, 1924).
- Anon. *Considerations on Policy, Commerce and Circumstances of the Kingdom* (London, 1771).
- Appleby, Joyce. "Ideology and Theory. The Tension Between Political and Economic Liberalism in Seventeenth-Century England", *American Historical Review* 81 (1976): 499–515.
- . "Consumption in Early Modern Social Thought", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, pp. 162–173.
- Arkell, Tom, Nester Evans, and Nigel Goose, eds. *When Death Do Us Part. Understanding and Interpreting the Probate Records of Early Modern England* (Oxford: Leopard's Head Press, 2000).

- Aubertin-Potter, Norma, and Alyx Bennett. *Oxford Coffee Houses, 1651-1800* (Kidlington: Hampden Press, 1987).
- Bairoch, Paul. *Cities and Economic Development* (Chicago: University of Chicago Press, 1988).
- Barbon, Nicholas. *A Discourse of Trade* (London, 1690).
- Baud, Michiel. "Familienwerken, redistributie van inkomen, en migratie", in Baud and Engelen, eds. *Samen wonen, samen werken?* P. 123-147.
- . "Huishouden, gezin, en familienetwerk", in Baud and Engelen, eds. *Samen wonen, samen werken?* P. 11-33.
- Baud, Michiel, and Theo Engelen, eds. *Samen wonen, samen werken? Vijf essays over de geschiedenis van arbeid en gezin* (Hilversum: Verloren, 1994).
- Baudet, Henri, and Henk van der Meulen, eds. *Consumer Behavior and Economic Growth in the Modern Economy* (London: Croom Helm, 1982).
- Baulant, Micheline. "Le salaire des ouvriers du bâtiment à Paris de 1400 à 1726", *Annales Economies, Sociétés, Civilisations* 26 (1971): 463-483.
- . "L'appréciation du niveau de vie. Un problème, une solution", *Histoire et Mesure* 4 (1989): 267-302.
- Baulant, Micheline, Anton J. Schuurman, and Paul Servais, eds. *Inventaires après-décès et ventes de meubles* (Louvain-la-Neuve: Academia, 1988).
- Becker, Gary S. "A Theory of the Allocation of Time", *Economic Journal* 75 (1965): 493-517.
- . "A Theory of Marriage. Part I", *Journal of Political Economy* 81 (1973): 813-846.
- . "A Theory of Social Interactions", *Journal of Political Economy* 82 (1974): 1063-1094.
- . *A Treatise on the Family* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981; enlarged ed., 1991).
- . *Accounting for Tastes* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1996).
- Becker, Gary S., and Robert T. Michael. "On the New Theory of Consumer Behavior", in Gary S. Becker, ed., *The Economic Approach to Human Behavior* (Chicago: University of Chicago Press, 1976): 131-149.
- Becker, Gary S., and George J. Stigler. "De Gustibus non est Disputandum", *American Economic Review* 67 (1977): 76-90.
- Beckett, John, and Catherine Smith. "Urban Renaissance and Consumer Revolution in Nottingham, 1688-1750", *Urban History* 27 (2000): 31-50.
- Bennett, Judith. "History That Stands Still. Women's Work in the European Past", *Feminist Studies* 14 (1988): 269-283.
- Benson, John. *The Penny Capitalists. A Study of Nineteenth-Century Working-Class Entrepreneurs* (New Brunswick, N.J.: Rutgers University Press, 1983).
- . *The Rise of Consumer Society in Britain, 1880-1980* (New York: Longman, 1994).
- Benson, John, and Gareth Shaw, eds. *The Evolution of Retail Systems, c. 1800-1914* (Leicester: Leicester University Press, 1992).
- Berg, Maxine. "Women's Work, Mechanization and the Early Phases of industrialization in England", in R. E. Pahl, ed., *On Work. Historical, Comparative and Theoretical Approaches* (Oxford: Basil Blackwell, 1988): 61-94.
- . "In Pursuit of Luxury. Global History and British Consumer Goods in the Eighteenth Century", *Past and Present* 182 (2004): 85-142.
- . *Luxury and Pleasure in Eighteenth-Century Britain* (Oxford: Oxford University Press, 2005).
- Berg, Maxine, and Helen Clifford, eds. *Consumers and Luxury. Consumer Culture in Europe, 1650-1850* (Manchester: Manchester University Press, 1999).

- Berg, Maxine, and Elizabeth Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century. Debates, Desires and Delectable Goods* (London: Palgrave Macmillan, 2003).
- Berkeley, Bishop George. *Querist*, 3 vols. (Dublin, 1735–1737).
- Berry, Christopher J. *The Idea of Luxury. A Conceptual and Historical Investigation* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- Beveridge, W. H. *Report on Full Employment in a Free Society* (London: HSMO, 1944).
- Bienefeld, M. A. *Working Hours in British Industry. An Economic History* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1972).
- Bianchi, Marina. "Introduction", in Bianchi, ed., *The Active Consumer*, pp. 1–18.
- . "Taste for Novelty and Novel Tastes", in Bianchi, ed., *The Active Consumer*, pp. 64–86.
- Bianchi, Marina, ed. *The Active Consumer. Novelty and Surprise in Consumer Choice* (London: Routledge, 1998).
- Blackburn, Robin. *The Making of New World Slavery. From the Baroque to the Modern, 1492–1800* (London: Verso, 1997).
- Blanchard, Oliver. "The Economic Future of Europe", *Journal of Economic Perspectives* 18 (2004): 3–26.
- Blom, H. W. "Political Science in the Golden Age. Criticism, History and Theory in Dutch Seventeenth-Century Political Thought", *The Netherlands Journal of Sociology* 15 (1979): 47–71.
- Blondé, Bruno. "Domestic Demand and Urbanisation in the Eighteenth Century. Demographic and Functional Evidence for Small Towns of Brabant", in Peter Clark, ed., *Small Towns in Early Modern Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995): 229–249.
- . "The Birth of a Consumer Society? Consumption and Material Culture in Antwerp, 17th and 18th Centuries" (unpublished, University of Antwerpen, 1997).
- . "Tableware and Changing Consumer Patterns. Dynamics of Material Culture in Antwerp, 17th–18th Centuries", in J. Veeckman, ed., *Majolica and Glass from Italy to Antwerp and Beyond. The Transfer of Technology in the 16th–Early 17th Century* (Antwerp, 2002): 295–311.
- . "Toe-eigening en de taal der dingen. Vraag- en uitroepetekens bij een stimulerend cultuurhistorisch concept in het onderzoek naar de materiële cultuur", *Volkskunde* 104 (2003): 159–173.
- Blondé, Bruno, and H. Greefs. "Werk aan de winkel. De Antwerpse meerse-
nieers: aspecten van de kleinhandel en het verbruik in de 17de en 18de eeuw", *Bijdragen tot de geschiedenis* 84 (2001): 207–229.
- Blondé, Bruno, Peter Stabel, Jon Stobart, and Ilja van Damme, eds. *Buyers and Sellers. Retail Circuits and Practices in Medieval and Early Modern Europe* (Turnhout: Brepols, 2006).
- Blondé, Bruno, and Ilja van Damme. "Consumer and Retail 'Revolutions'. Perspectives from a Declining Urban Economy, Antwerp, 17th and 18th Centuries" (unpublished, University of Antwerpen, 2005).
- Bloom, Ida. "Changes in Women's Work and Family Responsibilities in Norway Since the 1860s", in Pat Hudson and W. R. Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy*, pp. 157–179.
- Bluestone, Barry, and Stephen Rose. "The Enigma of Working Time Trends", in Golden and Figart, eds. *Working Time*, pp. 21–37.
- Blumer, Herbert. "Fashion. From Class Differentiation to Social Selection", *Sociological Quarterly* 10 (1969): 275–291.
- Booth, Charles. *Life and Labour of the People of London* ([1891] New York: Augustus Kelly, 1967).

- Borsay, Peter. *The English Urban Renaissance. Culture and Society in the Provincial Town, 1660–1760* (Oxford: Oxford University Press, 1989).
- Bosanquet, Helen. *The Family* (London: Macmillan, 1906).
- Boserup, Ester. *The Conditions of Agricultural Growth* (Chicago: University of Chicago Press, 1965).
- . *Women's Role in Economic Development* (New York: St. Martin's Press, 1970).
- Bourdieu, Pierre. *Distinction. A Sociological Critique of the Judgment of Taste* ([1979] Trans. Richard Nice. London: Routledge & Kegan Paul, 1984).
- Bourke, Joanna. "Avoiding Poverty. Strategies for Women in Rural Ireland, 1880–1914", in Henderson and Wall, eds. *Poor Women and Children in the European Past*, pp. 292–311.
- . "Housewifery in Working-Class England, 1860–1914", *Past and Present* 143 (1994): 167–197.
- Bowden, Sue, and Avner Offer. "The Technological Revolution That Never Was. Gender, Class, and the Diffusion of Household Appliances in Interwar England", in de Grazia and Furlough, eds. *The Sex of Thing*, pp. 244–274.
- Braudel, Fernand. *Civilization and Capitalism, 15th–18th Century. The Structures of Everyday Life. The Limits of the Possible* (New York: Harper & Row, 1981).
- Braun, Rodolf. *Industrialisierung und Volksleben. Ver änderungen der Lebensformen unter Einwirkung der verlaginustriellen Heimarbeit in einem ländlichen Industriegebiet (Zürcher Oberland) vor 1800* (Erlenbach-Zürich: Eugen Rentsch Verlag, 1960).
- Breen, T. H. "An Empire of Goods. The Anglicization of Colonial America, 1690–1776", *Journal of British Studies* 25 (1986): 467–499.
- . "Baubles of Britain'. The American and Consumer Revolutions of the Eighteenth Century", *Past and Present* 119 (1988): 73–104.
- . "Narrative of Commercial Life. Consumption, Ideology, and Community on the Eve of the American Revolution", *William and Mary Quarterly* 50 (1993): 471–501.
- . *The Marketplace of Revolution. How Consumer Politics Shaped American Independence* (Oxford: Oxford University Press, 2004).
- Brennan, T.E. *Public Drinking and Popular Culture in Eighteenth-Century Paris* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1988).
- Breugel, Martin. "A Bourgeois Good? Sugar, Norms of Consumption and the Labouring Classes in Nineteenth Century France", in Peter Scholliers, ed., *Food, Drink and Identity. Cooking, Eating, and Drinking in Europe Since the Middle Ages* (Oxford: Berg, 2001): 99–118.
- Brewer, John, and Roy Porter, eds. *Consumption and the World of Goods* (London: Routledge, 1993).
- Briggs, Asa. "Work and Leisure in Industrial Society", *Past and Present* 30 (1965): 96–102.
- Broadberry, Stephen, and Bishnupriya Gupta. "The Early Modern Great Divergence. Wages, Prices and Economic Development in Europe and Asia, 1500–1800", *Economic History Review* 59 (2006): 2–31.
- Brunner, Otto. "Das 'Ganze Haus' und die alt-europäische Ökonomik" (1958), in Otto Brunner. *Neue Wege der Verfassungs- und Sozialgeschichte* (2nd ed., Gottingen: Vandenhoeck und Ruprecht, 1968): 103–127.
- Bullock, Nicholas, and James Read. *The Movement for Housing Reform in Germany and France, 1840–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985).
- Bureau of Labor Statistics. *Women in the Labor Force. A Databook Report 983* (Washington: U. S. Department of Labor, 2004).

- Burggraf, Shirley P. *The Feminine Economy and Economic Man. Reviving the Role of Family in the Post-Industrial Age* (Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1997).
- Burnett, John. *Plenty and Want*, 3ed ed. (London: Routledge, 1989).
- Calvin, John. *Institutes of the Christian Religion* ([1536 edition] Atlanta: John Knox Press, 1975).
- Cameron, Rondo. *A Concise Economic History of the World* (Oxford: Oxford University Press, 1989).
- Campbell, Bruce, and Mark Overton. "Productivity Change in European Agricultural Development", in Bruce Campbell and Mark Overton, eds. *Land, Labour and Livestock. Historical Studies in European Agriculture* (Manchester: Manchester University Press, 1991): 1-50.
- Campbell, Colin. *The Romantic Ethic and the Spirit of Modern Consumption* (Oxford: Basil Blackwell, 1987).
- . "Consumption. The New Wave of Research in the Humanities and Social Sciences", *Journal of Social Behavior and Personality* 6 (1991): 57-74.
- Carr, Lois Green, and Lorena S. Walsh, "The Standard of Living in the Colonial Chesapeake", *William and Mary Quarterly* 45 (1988): 135-159.
- . "Changing Lifestyles and Consumer Behavior in the Colonial Chesapeake", in Carson, Hoffman, and Albert, eds. *Of Consuming Interests*, pp. 59-166.
- Carson, Cary. "The Consumer Revolution in Colonial British America. Why Demand?" in Carson, Hoffman, and Albert, eds. *Of Consuming Interests*, pp. 483-697.
- Carson, Cary, Ronald Hoffman, and Peter J. Albert, eds. *Of Consuming Interests. The Style of Life in the Eighteenth Century* (Charlottesville, Va.: University Press of Virginia, 1994).
- Chaudhuri, K. N. *The Trading World of Asia and the English East India Company, 1660-1760* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978).
- Chayanov, A. V. *The Theory of Peasant Economy*, D. B. Thorner and B. Kerblay, et al., eds. The American Economic Association Translation Series (Homewood, Ill.: R. D. Irwin, 1966).
- Chou, S. Y., M. Grossman, and H. Saffer. "An Economic Analysis of Adult Obesity. Results from the Behavioral Risk Factor Surveillance System", *Journal of Health Economics* 23 (2004): 565-587.
- Clark, Alice. *Working Life of Women in the Seventeenth Century* ([1919], reprint, New York: A. M. Kelly, 1968).
- Clark, Anna. *The Struggle for the Breeches. Gender and the Making of the British Working Class* (Berkeley: University of California Press, 1995).
- Clark, Gregory. "Productivity Growth without Technical Change in European Agriculture before 1850", *Journal of Economic History* 47 (1987): 419-432.
- . "Factory Discipline", *Journal of Economic History* 54 (1994): 128-163.
- . "Farm Wages and Living Standards in England, 1670-1869", *Economic History Review* 54 (2001): 477-505.
- . "Shelter from the Storm. Housing in the Industrial Revolution, 1550-1909", *Journal of Economic History* 62 (2002): 489-511.
- Clark, Gregory, Michael Huberman, and Peter T. Lindert, "A British Food Puzzle, 1770-1850", *Economic History Review* 48 (1995): 215-237.
- Clark, Gregory, and Ysbrand van der Werf. "The Industrious Revolution or Calvinist Middle Ages?" *Journal of Economic History* 58 (1998): 830-843.
- Clark, Jonathan. *Our Shadowed Present. Modernism, Postmodernism, and History* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 2004).

- Clark, Peter. *The English Alehouse. A Social History, 1200–1830* (New York: Longman, 1983).
- Clifford, Helen. "A Commerce with Things. The Value of Precious Metalwork in Early Modern England", in Berg and Clifford, eds. *Consumption and Luxury*, pp. 147–168.
- Coats, A. W. "Changing Attitudes to Labour in the Mid-Eighteenth Century", *Economic History Review* 11 (1958–1959): 35–51.
- Coclanis, Peter A. "The Wealth of British America on the Eve of the Revolution", *Journal of Interdisciplinary History* 21 (1990): 245–260.
- Cohen, Lizbeth. "Citizens and Consumers in the United States in the Century of Mass Consumption", in Daunt and Hilton, eds. *The Politics of Consumption*, pp. 203–221.
- Coleman, Donald C. "Proto-industrialization. A Concept Too Many", *Economic History Review* 36 (1983): 435–448.
- Coleman, Mary T., and John Pencavel. "Changes in Working Hours of Male Employees, 1940–1988", *Industrial and Labor Relations Review* 46 (1993): 262–283.
- . "Trends in Market Work Behavior of Women Since 1940", *Industrial and Labor Relations Review* 46 (1993): 653–676.
- Collier, Frances. *The Family Economy of the Working Classes in the Cotton Industry, 1784–1833* (Manchester: Manchester University Press, 1964).
- Collins, Brenda, and Philip Ollerenshaw, eds. *The European Linen Industry in Historical Perspective* (Oxford: Oxford University Press, 2004).
- Collins, E. J. T. "Dietary Change and Cereal Consumption in Britain in the Nineteenth Century", *Agricultural History Review* 23 (1975): 97–115.
- . "Why Wheat? Choice of Food Grains in Europe in the Nineteenth and Twentieth Century", *Agricultural History Review* 22 (1993): 7–38.
- Corneo, Giacomo, and Oliver Jeanne. "Conformism, Snobbism, and Conspicuous Consumption", *Journal of Public Economics* 66 (1997): 55–71.
- . "Demonstrative Consumption, Rivalry and Development" (unpublished paper, Jena Workshop on "Escaping Satiation", 11–13 Dec. 1997).
- . "Segmented Communication and Fashionable Behavior", *Journal of Economic Behavior and Organization* 39 (1999): 371–385.
- Costa, Dora. "The Unequal Work Day. A Long Term View", *American Economic Review* 88 (1998): 330–334.
- . "The Wage and Length of the Workday. From the 1890s to 1991", *Journal of Labor Economics* 18 (2000): 156–181.
- . "Understanding the American Decline in Social Capital, 1952–1998", *Kyklos* 56 (2003): 17–46.
- Cowan, Ruth Schwartz. *More Work for Mother* (New York: Basic Books, 1983).
- Crafts, N. F. R. "Some Dimensions of the Quality of Life During the British Industrial Revolution", *Economic History Review* 50 (1997): 617–639.
- . "Income Elasticities of Demand and the Release of Labour by Agriculture During the British Industrial Revolution", *Journal of European Economic History* 9 (1980): 156–159.
- Crafts, N. F. R. and C. K. Harley. "Output Growth and the Industrial Revolution. A Restatement of the Crafts–Harley View", *Economic History Review* 45 (1992): 703–730.
- Creighton, Colin. "The Rise of the Male Breadwinner Family. A Reappraisal", *Comparative Studies in Society and History* 38 (1996): 310–337.
- Cross, Gary. "Worktime and Industrialization. An Introduction", in Gary Cross, ed., *Worktime and Industrialization. An International History* (Philadelphia: Temple University Press, 1988): 3–20.

- . *A Quest for Time. The Reduction of Work in Britain and France, 1840–1940* (Berkeley: University of California Press, 1989).
- . *Time and Money. The Making of Consumer Culture* (London: Routledge, 1993).
- Crowley, John. "From Luxury to Comfort and Back Again. Landscape Architecture and the Cottage in Britain and America", in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, pp. 135–150.
- Cullen, L. M. *The Brandy Trade under the Ancien Régime. Regional Specialisation in the Charente* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).
- Cunningham, Hugh. "The Employment and Unemployment of Children in England c. 1680–1851", *Past and Present* 126 (1990): 115–150.
- . "The Decline of Child Labour. Labour Markets and Family Economies in Europe and North America Since 1830", *Economic History Review* 53 (2000): 409–428.
- Cunnington, C. W., and Phyllis Cunnington. *The History of Underclothes* (London: M. Joseph, 1951).
- Cutler, Joanne, and Kenny Turnbill. "A Disaggregated Approach to Modelling Labour Force Participation", External MPC Unit Discussion Paper No. 4 (London: Bank of England, 2001).
- Daniel, K. "The Marriage Premium", Ierulli and Tommasi, eds. *New Economics of Human Behavior*, pp. 113–125.
- Daunton, Martin. *House and Home in the Victorian City. Working Class Housing, 1850–1914* (London: Edward Arnold, 1983).
- . "The Political Economy of Taxation, 1815–1914", in Donald Winch and Patrick O'Brien, eds. *The Political Economy of British Historical Experience, 1688–1914* (Oxford: Oxford University Press, 2002): 319–350.
- Daunton, Martin, and Matthew Hilton, eds. *The Politics of Consumption. Material Culture and Citizenship in Europe and America* (Oxford and New York: Berg, 2001).
- David, Paul, and William Sundstrom. "Old-Age Security Motives, Labor Markets, and Family Farm Fertility in Antebellum America", *Explorations in Economic History* 25 (1988): 164–197.
- Davidoff, Leonore. "The Family in Britain", in F. M. L. Thompson, ed., *The Cambridge Social History of Britain, 1750–1950*, Vol. 2 (Cambridge: Cambridge University Press, 1990): 71–130.
- Davidoff, Leonore, and Catherine Hall. *Family Fortunes. Men and Women of the English Middle Class 1780–1850* (London: Hutchinson, 1987).
- Davidson, Caroline. *A Woman's Work Is Never Done. A History of Housework in the British Isles, 1650–1950* (London: Chatto and Windus, 1982).
- Davidson, Lee. "Experiments in the Social Regulation of Industry. Gin Legislation, 1729–1751", in Lee Davidson, et al., eds. *Stilling the Grumbling Hive. The Response to Social and Economic Problems in England, 1689–1750* (New York: St. Martin's Press, 1992): 25–48.
- Davin, Anna. "Child Labour, The Working-Class Family, and Domestic Ideology in 19th Century Britain", *Development and Change* 13 (1982): 633–652.
- Davis, Ralph. *The Industrial Revolution and British Overseas Trade* (Leicester: Leicester University Press, 1979).
- Deane, Phyllis, and W. A. Cole. *British Economic Growth, 1688–1959*, second ed. (Cambridge: Cambridge University Press, 1969).
- Deaton, Angus. "The Great Escape. A Review of Robert Fogel's *The Great Escape from Hunger and Premature Death, 1700–2100*", *Journal of Economic Literature* 44 (2006): 106–114.

- Deceulaer, Harald. "Urban Artisans and Their Countryside Customers. Different Interactions Between Town and Hinterland in Antwerp, Brussels and Ghent (18th Century)", in Bruno Blondé, E. Verhaute, and M. Garland, eds. *Labour and Labour Markets Between Town and Countryside (Middle Ages-19th Century)* (Turnhout: Brepols, 2001): 218-235.
- . "Consumptie en distributie van kleding tussen stad en platteland", *Tijdschrift voor geschiedenis* 28 (2002): 439-468.
- Defoe, Daniel. *The Compleat English Tradesman*, 2 vols. (London, 1726-1727).
- . *A Plan of the English Commerce* (London, 1728).
- de Grazia, Victoria. "Changing Consumption Regimes", in de Grazia and Furlough, eds. *The Sex of Things*, pp. 11-24.
- de Grazia, Victoria, and E. Furlough, eds. *The Sex of Things. Gender and Consumption in Historical Perspective* (Berkeley: University of California Press, 1996).
- Dejongh, G., and E. Thoen. "Arable productivity in Flanders and the former territory of Belgium in a long term perspective", in Van Bavel and Thoen, eds. *Land Productivity and Agro-Systems in the North Sea Area* (Turnhout: Brepols, 1999): 30-65.
- Dekker, Rudolf. "'Private Vices, Public Virtues' Revisited. The Dutch Background of Bernard Mandeville", *History of European Ideas* 14 (1992): 481-498.
- de la Court, Pieter. *Welwaren der stad Leyden* ([1659, in manuscript] The Hague: F. Driessen, 1911).
- de la Court, Johan and Pieter. *Politieke Discoursen* 2 vols. (Amsterdam, 1662).
- Fables Moral and Political, With Large Explications*, 2 Vols. ([original ed., Zinrijken Fabulen, Amsterdam: [1685] London, 1703).
- de Marchi, Niel. "Adam Smith's Accommodation of 'Altogether Endless' Desires", in Berg and Clifford, eds. *Consumers and Luxury*, pp. 18-36.
- Demergny, Louis. *La Chine et l'occident. Le commerce à Canton au XVIIIe siècle* 3 Vols. (Paris, SEVPEN, 1964).
- de Peuter, Roger. *Brussel in de achttiende eeuw* (Brussels: VUB Press, 1999).
- de Vries, Jan. "Boserup as Economics and History", *Peasant Studies Newsletter* 1 (1972): 45-50.
- . "Peasant Demand Patterns and Economic Development. Friesland, 1550-1700", in William N. Parker and Eric L. Jones, eds. *European Peasants and Their Markets* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975): 205-266.
- . *European Urbanization, 1500-1800* (London: Methuen, 1984).
- . "Art History", in de Vries and Freedberg, eds. *Art in History, History in Art*, pp. 249-282.
- . "Between Purchasing Power and the World of Goods. Understanding the Household Economy in Early Modern Europe", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, pp. 85-132.
- . "The Labour Market", in Karel Davids and Leo Noordegraaf, eds. *Economic and Social History in the Netherlands* (Amsterdam: NEHA, 1993): 55-78.
- . "The Industrial Revolution and the Industrious Revolution", *Journal of Economic History* 54 (1994): 249-270.
- . "An Employer's Guide to Wages and Working Conditions in the Netherlands, 1450-1850", in Carol S. Leonard and B.N. Mironov, eds. *Hours of Work and Means of Payment. The Evolution of Conventions in Pre-Industrial Europe* (Milan: Eleventh International Economic History Congress, 1994): 47-64.
- . "The Republic's Money. Money and the Economy", *Leidschrift* 13 (1998): 7-30.

- . "Economic Growth Before and After the Industrial Revolution. A Modest Proposal", in Maarten Prak, ed., *Early Modern Capitalism* (London: Routledge, 2001): 177–194.
- . "Connecting Europe and Asia. A Quantitative Analysis of the Cape-route Trade, 1497–1795", in Dennis Flynn, Arturo Giráldez, and Richard von Glahn, eds. *Global Connections and Monetary History, 1470–1800* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 2003): 35–106.
- . "Luxury in the Dutch Golden Age in Theory and Practice", in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, pp. 41–56.
- de Vries, Jan, and David Freedberg, eds. *Art in History, History in Art* (Santa Monica, Calif.: Getty Center, 1991).
- de Vries, Jan, and Ad van der Woude. *The First Modern Economy. Success, Failure, and Perseverance of the Dutch Economy, 1500–1815* (Cambridge: Cambridge University Press, 1997).
- Dewald, J. *Pont-St.—Pierre, 1398–1789. Lordship, Community, and Capitalism in Early Modern France* (Berkeley: University of California Press, 1987).
- Dibbits, Hester. "Between Society and Family Values. The Linen Cupboard in Early Modern Households", in Anton Schuurman and Pieter Spierenburg, eds. *Private Domain, Public Inquiry. Families and Life-Styles in the Netherlands and Europe, 1550 to the Present* (Hilversum: Verloren, 1996): 125–145.
- . *Vertrouwd bezit. Materiële cultuur in Doesburg en Maassluis, 1650–1800* (Amsterdam: SUN Memoria, 2000).
- Diderot, Dennis. "Regrets on Parting with My Old Dressing Gown" [Regrets sur ma vieille robe de chambre ou avis à ceux qui ont plus de goût que de fortune (1772)], in *Rameau's Nephew and Other Works by Dennis Diderot* (New York: Bobbs-Merrill, 1964; trans. Jacques Barzun): 309–317.
- Douglas, Mary, and Baron Isherwood, *The World of Goods. Toward an Anthropology of Consumption* (New York: W.W. Norton, 1979).
- Duesenberry, James S. *Income, Savings, and the Theory of Consumer Behavior* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1949).
- Dyer, Christopher. *Standards of Living in the Later Middle Ages. Social Change in England c. 1200–1520* (Cambridge: Cambridge University Press, 1989).
- Dwyer, Daisy, and Judith Bruce, ed., *A Home Divided. Women and Income in the Third World* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1988).
- Earl, Peter E. *Lifestyle Economics* (New York: St. Martin's Press, 1986).
- Earle, Peter. *The World of Defoe* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1976).
- . *The Making of the English Middle Class. Business, Society, and Family Life in London, 1660–1730* (London: Methuen, 1989).
- . "The Female Labour Market in London in the Late Seventeenth and Early Eighteenth Centuries", *Economic History Review* 42 (1989): 328–353.
- Eden, Sir Frederick Morton. *The State of the Poor. A History of the Labouring Classes in England, With Parochial Reports* ([3 vols., London, 1797] abridged ed., A. G. L. Rogers, ed., London: George Routledge and Sons, 1928).
- Edlund, Laila Haider, and Rohindi Pande. "Why Have Women Become Left-Wing? The Political Gender Gap and the Decline of Marriage", *Quarterly Journal of Economics* 117 (2002): 917–961.
- . "Unmarried Parenthood and Redistributive Politics", *Journal of the European Economics Association* 3 (2005): 95–119.
- Eisner, Robert. *The Total Incomes System of Accounts* (Chicago: University of Chicago Press, 1989).
- Elias, Norbert. *The Civilizing Process* (Oxford: Basil Blackwell, 1978).
- . *The Court Society* (Oxford: Basil Blackwell, 1983).

- Ellis, Aytoun. *The Penny Universities. A History of the Coffee-Houses* (London: Secker and Warburg, 1956).
- Elvin, Mark. *The Pattern of the Chinese Past* (Stanford, Calif.: Stanford University Press, 1973).
- Estabrook, Carl B. *Urbane and Rustic England. Cultural Ties and Social Spheres in the Provinces, 1660–1780* (Manchester: Manchester University Press, 1998).
- Evans, Richard J. "Politics and the Family. Social Democracy and the Working-Class Family in Theory and Practice Before 1914", in Richard J. Evans and W. Robert Lee, eds. *The German Family. Essays on the Social History of the Family in Nineteenth- and Twentieth-Century Germany* (London: Croom Helm, 1981).
- Eversley, D. E. C. "The Home Market and Economic Growth in England, 1750–1780", in Eric L. Jones and G. E. Mingay, eds. *Land, Labour and Population in the Industrial Revolution* (London: Edward Arnold, 1967): 206–259.
- Fairchild, Cissie. "The Production and Marketing of Populuxe Goods in Eighteenth-Century Paris", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, pp. 228–248.
- . "Consumption in Early Modern Europe. A Review Article", *Comparative Studies in Society and History* 35 (1993): 850–858.
- . "Determinants of Consumption Patterns in Eighteenth-Century France", in Schuurman and Walsh, eds. *Material Culture. Consumption, Life-Style, Standard of Living, 1500–1900*, pp. 55–70.
- Feinstein, Charles. "Pessimism Perpetuated. Real Wages and the Standard of Living in Britain During and After the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 58 (1998): 625–658.
- Fildes, Valerie, ed. *Women as Mothers in Pre-Industrial England. Essays in Memory of Dorothy McLaren* (New York: Routledge, 1990).
- Fine, Ben, and Ellen Leopold. "Consumerism and the Industrial Revolution", *Social History* 15 (1990): 151–179.
- Finlay, Robert. "The Pilgrim Art. The Culture of Porcelain in World History", *Journal of World History* 9 (1998): 141–187.
- Finn, Margot. *The Character of Credit. Personal Debt in English Culture, 1740–1914* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003).
- Fisher, F. J. "The Development of London as a Centre for Conspicuous Consumption", *Transactions of the Royal Historical Society*, fourth series, 30 (1948): 37–50.
- Fletcher, Ron. *The Shaking of the Foundations. Family and Society* (London: Routledge, 1988).
- Floud, Roderick, Kenneth Wachter, and A. Gregory. *Height, Health and History. Nutritional Status in the United Kingdom, 1750–1890* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990).
- Fock, C. W. "Wonen aan het Leidse Rapenburg door de eeuwen heen", in P. M. M. Klep, et al., *Wonen in het verleden* (Amsterdam: NEHA, 1987): 189–205.
- Fogel, Robert W. "Nutrition and the Decline in Mortality Since 1700. Some Preliminary Findings", in Stanley Engerman and Robert Gallman, eds. *Long-Term Factors in American Economic Growth* (Chicago: University of Chicago Press, 1986): 439–527.
- . "The Conquest of High Mortality and Hunger in Europe and America. Timing and Mechanisms", in Patrice Higonnet, David S. Landes, and Henry Rosovsky, eds. *Favorites of Fortune. Technology, Growth, and*

- Economic Development Since the Industrial Revolution* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1991): 33–71.
- . “New Sources and New Techniques for the Study of Secular Trends in Nutritional Status, Health, Mortality, and the Process of Aging”, *Historical Methods* 26 (1993): 5–44.
- . *The Escape from Hunger and Premature Death 1700–2100. Europe, America, and the Third World* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).
- Folbre, Nancy. “Hearts and Spades. Paradigms of Household Economics”, *World Development* 14 (1986): 245–255.
- . *Who Pays for the Kids? Gender and the Structures of Constraint* (London: Routledge, 1994).
- Fontaine, Laurence. “The Circulation of Luxury Goods in Eighteenth-Century Paris. Social Redistribution and an Alternative Currency”, in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, pp. 89–102.
- Fox, Richard Wightman, and T.J. Jackson Lears, eds. *The Culture of Consumption. Critical Essays in American History, 1880–1980* (New York: Pantheon Books, 1983).
- Freudenberger, Herman. “Das Arbeitjahr”, in Ingomar Bog, et al., eds. *Wirtschaftliche und soziale Strukturen im säkularen Wandel, Vol. 2, Die vorindustrielle Zeit. Ausseragrarische Probleme* (Hanover: M. & H. Schaper, 1974): 307–320.
- Freudenberger, Herman, and Gaylord Cummins, “Health, Work, and Leisure Before the Industrial Revolution”, *Explorations in Economic History* 13 (1976): 1–12.
- Fridlitzius, G. “Sex-Differential Mortality and Socio-Economic Change. Sweden, 1759–1910”, in Anders Brändström and Lars-Göran Tedebrand, eds. *Society, Health and Population During the Demographic Transition* (Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1988): 237–272.
- Fuchs, Victor R. *Women's Quest for Economic Equality* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988).
- Furniss, Edgar S. *The Position of Labor in a System of Nationalism* (New York: Houghton Mifflin, 1920).
- Galbraith, John Kenneth. *The Affluent Society* (Boston: Houghton Mifflin, 1958).
- Gallman, Robert and John Wallis, eds. *American Economic Growth and Standards of Living Before the Civil War* (Chicago: University of Chicago Press, 1992).
- Garnot, Benoît. *Un déclin. Chartres au XVIIIe siècle* (Paris: Editions de L.T.H.S., 1991).
- . *La culture matérielle en France aux XVIIe, XVIIIe et XIXe siècles* (Paris: Ophrys, 1995).
- Garrioch, David. *Neighbourhood and Community in Paris, 1740–1790* (Cambridge: Cambridge University Press, 1986).
- Gershuny, Jonathan. *Social Innovation and the Division of Labour* (Oxford: Oxford University Press, 1983).
- Gershuny, Jonathan, and John P. Robinson. “Historical Changes in the Household Division of Labor”, *Demography* 25 (1988): 537–552.
- Gershuny, Jonathan, M. Godwin, and S. Jones, “The Domestic Labour Revolution. A Process of Lagged Adaptation”, in Anderson, Bechhofer, and Gershuny, eds. *The Social and Political Economy of the Household*, pp. 151–197.
- Gilboy, Elizabeth Waterman. “Demand as a Factor in the Industrial Revolution”, in A.H. Cole, ed., *Facts and Factors in Economic History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1932). Reprinted in Robert M. Hartwell, ed., *The Causes of the Industrial Revolution* (London: Methuen, 1967): 121–138.

- Gillis, John R. *For Better, For Worse. British Marriages, 1600 to the Present* (Oxford: Oxford University Press, 1985).
- Glass, David. *Social Mobility in Britain* (London: Routledge & Kegan Paul, 1966).
- Glennie, Paul. "Consumption within Historical Studies", in Miller, ed., *Acknowledging Consumption*, pp. 164–203.
- Glennie, Paul, and Nigel Thrift. "The Spaces of Time" (University of Bristol, unpublished ms, 1999).
- Golden, Lonnie, and Deborah M. Figart, eds. *Working Time, International Trends, Theory and Policy Perspectives* (London: Routledge, 2000).
- Goldin, Claudia. "Household and Market Production of Families in a Late Nineteenth Century American City", *Explorations in Economic History* 16 (1979): 111–131.
- . *Understanding the Gender Gap. An Economic History of American Women* (Oxford: Oxford University Press, 1990).
- . "The U-Shaped Female Labor Force Function in Economic Development and Economic History", in T. Paul Shultz, ed., *Investment in Women's Human Capital* (Chicago: University of Chicago Press, 1995): 61–90.
- . "The Quiet Revolution That Transformed Women's Employment, Education, and Family", *American Economic Review* 96 (2006): 1–21.
- Goldstone, Jack A. "Gender, Work and Culture. Why the Industrial Revolution Came Early to England but Late to China", *Sociological Perspectives* 39 (1996): 1–22.
- Goodman, Dena. "Furnishing Discourses. Reading of a Writing Desk in Eighteenth-Century France", in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, pp. 71–88.
- Goodman, Jordan. *Tobacco in History. The Cultures of Dependency* (London: Routledge, 1994).
- Gorski, Philip S. "The Protestant Ethic Revisited. Disciplinary Revolution and State Formation in Holland and Prussia", *American Journal of Sociology* 99 (1993): 265–316.
- . *The Disciplinary Revolution. Calvinism and the Rise of the State in Early Modern Europe* (Chicago: University of Chicago Press, 2003).
- Grantham, George. "Agricultural Supply During the Industrial Revolution. French Evidence and European Implications", *Journal of Economic History* 49 (1989): 43–72.
- . "Division of Labour. Agricultural Productivity and Occupational Specialization in Pre-Industrial France", *Economic History Review* 46 (1993): 478–502.
- Gray, Jane. "The Irish and Flemish Linen Industries During the Long Eighteenth Century", in Collins and Ollerenshaw, eds. *The European Linen Industry*, pp. 159–186.
- Gray, Jeffrey S. "The Fall in Men's Return to Marriage. Declining Productivity Effects or Changing Selection?", *Journal of Human Resources* 32 (1997): 481–504.
- Grossbard-Shechtman, Shoshana. "Marriage Market Models", in Ierulli and Tommasi, eds. *The New Economics of Human Behavior*, pp. 92–112.
- Gualerzi, Davide. "Economic Change, Choice and Innovation in Consumption", in Marina Bianchi, ed., *The Active Consumer*, pp. 46–63.
- Gullickson, Gay L. "Womanhood and Motherhood. The Rouen Manufacturing Community, Women Workers, and the French Factory Acts", in Rudolph, ed., *European Peasant Family and Society*, pp. 206–232.

- Guoto, Zhuang. "The Impact of the Tea Trade in the Social Economy of North-western Fujian in the Eighteenth Century", in Leonard Blussé and Femme Gaastra, eds. *On the Eighteenth Century as a Category of Asian History. Van Leur in Retrospect* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 1998): 193–216.
- Gustafsson, Siv. "Public Policies and Women's Labor Force Participation. A Comparison of Sweden, West Germany, and the Netherlands", in T. Paul Shultz, ed., *Investment in Women's Human Capital* (Chicago: University of Chicago Press, 1995): 91–112.
- Habermas, Jürgen. "Konsumkritik", *Frankfurter Hefte* 12 (1957): 641–645.
- Hajnal, John. "European Marriage Patterns in Perspective", in D. V. Glass and D. E. C. Eversley, eds. *Population in History. Essays in Historical Demography* (London: Edward Arnold, 1965): 101–143.
- . "Two Kinds of Preindustrial Household Formation System", *Population and Development Review* 8 (1982): 449–494.
- Haines, Michael R. *Fertility and Occupation. Population Patterns in Industrialization* (New York: Academic Press, 1979).
- . "Industrial Work and the Family Life Cycle", *Research in Economic History* 4 (1979): 289–356.
- Hair, P. E. H. "Bridal Pregnancy in Rural England in Earlier Centuries", *Population Studies* 20 (1966): 233–243.
- Hall, Catherine. *White, Male, and Middle-Class. Explorations in Feminism and History* (Cambridge: Polity Press, 1992).
- Hann, Andrew. *Production and Consumption in English Households, 1600–1750* (London: Routledge, 2004).
- Hardy, A. *The Epidemic Streets. Infectious Disease and the Rise of Preventive Medicine, 1856–1900* (Oxford: Oxford University Press, 1993).
- Hareven, Tamara K. *Family and Kin in Urban Communities, 1700–1930* (New York: New Viewpoints, 1977).
- . *Family and Kin in Urban Communities, 1700–1930* (New York: Franklin Watts, 1983).
- Harte, N. B. "State Control of Dress", in D. C. Coleman and A. H. John, eds. *Trade, Government and Economy in Pre-Industrial England. Essays Presented to F. J. Fisher* (London: Weidenfeld and Nicolson, 1976): 132–165.
- . "The Economics of Clothing in the Late Seventeenth Century", *Textile History* 22 (1991): 277–296.
- Hartman, Mary S. *The Household and the Making of History. A Subversive View of the Western Past* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).
- Hartmann, Heidi. "Capitalism, Patriarchy and Job Segregation by Sex", *Signs* 1 (1976): 137–069.
- . "The Family as the Locus of Gender, Class and Political Struggle. The Example of Housework", *Signs* 6 (1981): 366–394.
- Hartwell, Robert M. "The Rising Standard of Living in England, 1800–1850", *Economic History Review* 13 (1961): 397–416.
- . "The Standard of Living. An Answer to the Pessimists", *Economic History Review* 16 (1963): 135–146.
- Hatcher, John. "England in the Aftermath of the Black Death", *Past and Present* 144 (1994): 3–35.
- Haupt, H.-G. *Konsum und Handel. Europa im 19. und 20. Jahrhundert* (Göttingen, 2002).
- Hausen, Karen. "The German Mother's Day, 1923–1933", in David Sabean and Hans Medick, eds. *Interest and Emotion* (Cambridge: Cambridge University Press, 1984): 371–414.

- Hayami, Akira. "A Great Transformation. Social and Economic Change in Sixteenth and Seventeenth Century Japan", *Bonner Zeitschrift für Japanologie* 8 (1986): 3-13.
- . "The Industrious Revolution", *Look Japan* 38 (1992): 38-43.
- Hewitt, Patricia. *About Time. The Revolution in Work and Family Life* (London: Rivers Oram Press, 1993).
- Higgs, Edward. "Domestic Service and Household Production", in Angela V. John, ed., *Unequal Opportunities. Women's Employment in England 1800-1918* (Oxford: Basil Blackwell, 1986): 125-150.
- Higgs, Henry. "Workmen's Budgets", *Journal of the Royal Statistical Society* 56 (1893): 255-285.
- Hill, Bridget. *Women, Work and Sexual Politics in Eighteenth-Century England* (Montreal and Kingston: McGill-Queen's University Press, 1989).
- Hirsch, Fred. *Social Limits to Growth* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1976).
- Hirschman, Albert. *The Passions and the Interests. Political Arguments for Capitalism Before its Triumph* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1977).
- . *Rival Views of Market Society and Other Recent Essays* (New York: Viking, 1986).
- Hobsbawm, Eric J. "The British Standard of Living, 1790-1850", *Economic History Review* 10 (1957): 46-68.
- . "The Standard of Living During the Industrial Revolution. A Discussion", *Economic History Review* 16 (1963): 119-134.
- Hochschild, Arlie. *The Time Bind* (New York: Metropolitan Books, 1997).
- Hodne, Fritz. "New Evidence on the History of Tobacco Consumption in Norway, 1655-1970", *Economy and History* 21 (1978): 114-125.
- Holdsworth, Clare. "Women's Work and Family Health. Evidence from the Staffordshire Potteries, 1890-1920", *Continuity and Change* 12 (1997): 103-128.
- Honeyman, Katrina, and Jordan Goodman. "Women's Work, Gender Conflict, and Labour Markets in Europe, 1500-1900", *Economic History Review* 44 (1991): 608-628.
- Hopkins, Keith. "Work and Leisure in Pre-Industrial Society", *Past and Present* 29 (1964): 50-62.
- Hoppe, G., and J. Langton. *Peasantry to Capitalism. Western Ostergötland in the Nineteenth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- Horkheimer, Max, and Theodor Adorno. *Dialectic of Enlightenment* ([1944] London: Allen Lane, 1973).
- Horowitz, David. *The Morality of Spending. Attitudes Toward the Consumer Society in America, 1875-1940* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1985).
- Horrell, Sara. "Home Demand and British Industrialization", *Journal of Economic History* 56 (1996): 561-604.
- Horrell, Sara, and Jane Humphries. "Old Questions, New Data and Alternative Perspectives. Families' Living Standards in the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 52 (1992): 849-880.
- . "Women's Labour Force Participation and the Transition to the Male-Breadwinner Family, 1790-1865", *Economic History Review* 48 (1995): 89-117.
- . "The origins and Expansion of the Male Breadwinner Family. The Case of Nineteenth-Century Britain", in Janssens, ed., *The Rise and Decline of the Male Breadwinner Family?* P. 25-65.

- Horrell, Sara, Jane Humphries, and Has-Joachim Voth. "Stature and Relative Deprivation. Fatherless Children in Early Industrial Britain", *Continuity and Change* 13 (1998): 73-115.
- Hout, Michael, and Caroline Hanley. "The Overworked American Family. Trends and Nontrends in Working Hours, 1968-2001" (Survey Research Center Working Paper, University of California at Berkeley, 2002).
- Howell, Martha. *Women, Production and Patriarchy in Late Medieval Cities* (Chicago: University of Chicago Press, 1986).
- Hudson, Pat, and W. R. Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy in Historical Perspective* (Manchester: Manchester University Press, 1990).
- Hudson, Pat, and W. R. Lee. "Women's Work and the Family Economy in Historical Perspective", in Hudson and Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy*, pp. 2-47.
- Hufton, Olwen. "Women and the Family Economy in Eighteenth Century France", *French Historical Studies* 9 (1975): 1-22.
- . "Women in History. Early Modern Europe", *Past and Present* 101 (1983): 125-141.
- Huizinga, Johan. *Dutch Civilization in the Seventeenth Century* ([Original Dutch ed., 1941] London: Collins, 1968).
- Hume, David. *Essays Moral, Political and Literary* [1752], T. H. Green and T. H. Grose, eds. (London: Longmans, 1989), Vol. 1: "Of Commerce", pp. 287-299; "Of Refinement in the Arts", pp. 299-309.
- . *A Treatise of Human Nature* [1739-1740], L. A. Selby-Bigge, ed.; second edition (Oxford: Oxford University Press, 1978).
- Humphries, Jane. "Class Struggle and the Persistence of the Working-Class Family", *Cambridge Journal of Economics* 1 (1977): 241-258.
- . "The Most Free from Objection... The Sexual Division of Labor and Women's Work in Nineteenth-Century England", *Journal of Economic History* 47 (1987): 929-950.
- . "Enclosures, Common Rights and Women. The Proletarianization of Families in the Late Eighteenth and Early Nineteenth Centuries", *Journal of Economic History* 50 (1990): 17-42.
- . "Lurking in the wings..." Women in the Historiography of the Industrial Revolution", *Business and Economic History* 20 (1991): 32-44.
- Hundert, Edward. *The Enlightenment's Fable. Bernard Mandeville and the Discovery of Society* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- . "Mandeville, Rousseau and the Political Economy of Fantasy", in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, pp. 28-40.
- Hunt, Alan. *Governance of the Consuming Passions. A History of Sumptuary Law* (New York: St. Martin's Press, 1996).
- Hunt, Margaret. *The Middling Sort. Commerce, Gender and the Family in England* (Berkeley: University of California Press, 1996).
- Ierulli, Kathryn, Edward L. Glaeser, and Mariano Tommasi. "Introduction", in Tommasi and Ierulli, eds. *The New Economics of Human Behavior*, pp. 1-12.
- Imhof, Arthur. *Lebenserwartungen in Deutschland vom 17. bis 19. Jahrhundert* (Weinheim: VCH Verlagsanstalt, 1990).
- James, Jeffrey. *Consumption and Development* (New York: St. Martin's Press, 1993).
- Jansen, Arne C. "Twee Nederlandstalige gedichten van Bernard Mandeville", *Nieuw letterkundig magazijn* 23 (2005): 2-8.
- Jansen, J. C. G. M. "Wilt U koffie of thee? Consumentengedrag in Maastricht in de achttiende eeuw", *NEHA-jaarboek* 60 (1997): 36-68.

- Janssens, Angélique. *Family and Social Change. The Household as a Process in an Industrializing Community* (Cambridge: Cambridge University Press, 1993).
- Janssens, Angélique, ed. *The Rise and Decline of the Male Breadwinner Family? International Review of Social History*, Supplement 5 (1997).
- Jardine, Lisa. *Worldly Goods. A New History of the Renaissance* (London: Macmillan, 1996).
- Jay, Martin. *The Dialectical Imagination. A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research, 1923–1950* (Boston: Little, Brown and Co., 1973).
- Jobse-van Putten, Jozien. *Eenvoudig maar voedzaam. Cultuurgeschiedenis van de dagelijkse maaltijd in Nederland* (Nijmegen: SUN Memoria, 1995).
- Jörg, C. J. A. "Porcelain for the Dutch in the Seventeenth Century", in Rosemary E. Scott, ed., *The Porcelain of Jingdezhen* (London: Percival David Foundation of Chinese Art, 1993): 183–205.
- Johansen, Hans Christian. "How to Pay for Baltic Products?", in Wolfram Fischer, Marvin McInnis, and Jurgen Schneider, eds. *The Emergence of a World Economy 1500–1914*, 2 vols. (Wiesbaden: F. Steiner, 1986) I: 123–142.
- John, A. V. ed. *Unequal Opportunities. Women's Employment in England, 1800–1918* (Oxford: Basil Blackwell, 1986).
- Johnson, Paul. *Saving and Spending. The Working-class Economy in Britain, 1870–1939* (Oxford: Oxford University Press, 1985).
- Johnson, Paul, and Stephen Nicholas. "Male and Female Living Standards in England and Wales, 1812–1857. Evidence from Criminal Height Records", *Economic History Review* 48 (1995): 470–481.
- Jones, Colin. "Bourgeois Revolution Revivified. 1789 and Social Change", in Colin Lucas, ed., *Rewriting the French Revolution* (Oxford: Oxford University Press, 1991): 69–118.
- . "The Great Chain of Buying. Medical Advertisement, the Bourgeois Public Sphere, and the origins of the French Revolution", *American Historical Review* 101 (1996): 13–40.
- Jones, Eric L. *Agriculture and Economic Growth in England, 1650–1815* (London: Methuen, 1967).
- . *Agriculture and the Industrial Revolution* (Oxford: Blackwell, 1974).
- . *The European Miracle. Environments, Economies and Geopolitics in the History of Europe and Asia* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).
- Jones, Eric L., and M. E. Falkus. "Urban Improvement and the English Economy in the Seventeenth and Eighteenth Centuries", *Research in Economic History* 4 (1979): 193–233.
- Jones, Jennifer M. "Coquettes and Grisettes. Women Buying and Selling in [the Old Regime] Ancien Régime Paris", in de Grazia and Furlough, eds. *The Sex of Things*, pp. 25–48.
- . "Repackaging Rousseau. Femininity and Fashion in Old Regime France", *French Historical Studies* 18 (1994): 939–967.
- Juhn, Chinhui, and Simon Potter. "Changes in Labor Force Participation in the United States", *Journal of Economic Perspectives* 20 (2006): 27–46.
- Juster, F. Thomas. "The Validity and Quality of Time Use Estimates Obtained from Recall Diaries", in Juster and Stafford, eds. *Time, Goods, and Well-Being*, pp. 63–92.
- . "A Note on Recent Changes in Time Use", in Juster and Stafford, eds. *Time, Goods, and Well-Being*, pp. 313–332.
- Juster, F. Thomas, and Frank Stafford, eds. *Time, Goods, and Well-Being* (Ann Arbor: Institute of Social Research, University of Michigan, 1985).

- Juster, F. Thomas, and Frank Stafford. "The Allocation of Time. Empirical Findings, Behavioral Models, and Problems of Measurement", *Journal of Economic Literature* 29 (1991): 471-522.
- Kaelble, Hartmut. *Industrialisation and Social Inequality in Nineteenth Century Europe* (Leamington Spa: Berg Publishers, 1986).
- Kamermans, Johan A. *Materiële cultuur in de Krimpenerwaard in de zeventiende en achttiende eeuw* (Wageningen: A.A.G. Bijdragen 39, 1999).
- Kaplan, Steven L. *The Bakers of Paris and the Bread Question, 1700-1775* (Durham, N.C.: Duke University Press, 1996).
- Kennedy, R. E. *The Irish. Emigration, Marriage and Fertility* (Berkeley: University of California Press, 1973).
- Kermit, Daniel. "The Marriage Premium", in Tommasi and Ierulli, eds. *The New Economics of Human Behavior*, pp. 113-125.
- Keynes, John Maynard. "Economic Possibilities for Our Grandchildren", in Keynes, *Essays in Persuasion* ([1931] New York: W.W. Norton, 1961): 358-373.
- King, Peter. "Pauper Inventories and the Material Lives of the Poor in the Eighteenth and Early Nineteenth Centuries", in T. Hitchcock, P. King, and P. Sharpe, eds. *Chronicle of Poverty. The Voices and Strategies of the English Poor, 1640-1840* (New York: St. Martin's Press, 1997): 155-191.
- Kistemaker, Renee, et al., eds. *Peter de Grote en Holland* (Bussem: Amsterdam Historisch Museum, 1996).
- Klasen, Stephan. "Marriage, Bargaining, and Intra-Household Resource Allocation. Excess Female Mortality Among Adults During Early German Development" (Harvard University, Ph.D. dissertation, 1994).
- Kleinberg, S. J. "Children's and Mothers' Wage Labor in Three Eastern U. S. Cities, 1880-1920", *Social Science History* 29 (2005): 45-76.
- Klep, P. M. M. "Female Labour in the Netherlands and Belgium, 1846-1910", (unpublished, Katholieke Universiteit Nijmegen, 1978).
- Knotter, Ad. "Problemen van de family economy. Gezinsarbeid en arbeidsmarkt in pre-industrieel Europa", in Baud and Engelen, eds. *Samen wonen, Samen werken?* P. 35-71.
- Kok, Jan. "Collectieve strategie en individuele levensloop", in Baud and Engelen, eds. *Samen wonen, samen werken?* P. 97-121.
- Komlos, John. "Shrinking in a Growing Economy? The Mystery of Physical Stature During the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 58 (1998): 779-802.
- Komlos, John, and Albert Ritschl. "Holy Days, Work Days and the Standard of Living in the Habsburg Monarchy", *Journal of Interdisciplinary History* 26 (1995): 57-66.
- Kotlikoff, Laurence J., and A. Spivak. "The Family as an Incomplete Annuities Market", *Journal of Political Economy* 89 (1981): 942-963.
- Kowaleski-Wallace, Elizabeth. *Consuming Subjects. Women, Shopping and Business in the Eighteenth Century* (New York: Columbia University Press, 1993).
- Kozub, Robert M. "Evolution of Taxation in England, 1700-1815. A Period of War and Industrialization", *Journal of European Economic History* 32 (2003): 363-388.
- Kriedte, Peter, Hans Medick, and Jürgen Schlumbohm, *Industrialization Before Industrialization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).
- Krugman, Paul. "The Myth of Asia's Miracle", *Foreign Affairs* 73 (1994): 62-78.
- Kumar, Krishan. "Pre-capitalist and Non-capitalist Factors in the Development of Capitalism. Fred Kirsch and Joseph Schumpeter", in Adrian Ellis

- and Krishan Kumar, eds. *Dilemmas of Liberal Democracies* (London: Tavistock Publications, 1983): 148–173.
- Lancaster, Kelvin. *Modern Consumer theory* (Aldershot, Hants.: Edward Elgar, 1991).
- Landes, David. *The Unbound Prometheus. Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present* (Cambridge: Cambridge University Press, 1969).
- . *The Revolution in Time. Clocks and the Making of the Modern World* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1983).
- Lane, Robert. "Friendship or Commodities? The Road Not Taken. Friendship, Consumerism, and Happiness", *Critical Review* 8 (1994): 521–554.
- . *The Loss of Happiness in Market Democracies* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2001).
- Laslett, Peter. *The World We Have Lost* (London: Methuen, 1965).
- . "Long-Term Trends in Bastardy in England", in Peter Laslett, *Family Life and Illicit Love in Earlier Generations* (Cambridge: Cambridge University Press, 1977): 102–159.
- . "Family and Household as Work Group and Kin Group. Areas of Traditional Europe Compared", in Richard Wall, Jean Robin, and Peter Laslett, eds. *Family Forms in Historic Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983): 513–563.
- . "Introduction", in Peter Laslett, Karla Oosterveen and Richard M. Smith, eds. *Bastardy and Its Comparative History* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980): 1–65.
- . "Family, Kinship, and Collectivity as Systems of Support in Pre-Industrial Europe. A Consideration of the "Nuclear Hardship" Hypothesis", *Continuity and Change* 3 (1988): 153–175.
- Laslett, Peter, and Richard Wall, eds. *Household and Family in Past Time* (Cambridge: Cambridge University Press, 1972).
- Lavoisier, A.—L. *De la richesse territoriale du royaume de France* (Jean Claude Perrot, ed., Paris: Editions du C.T.H.S., 1988).
- Lazear, Edward P., and Robert T. Michael, *Allocation of Income within the Household* (Chicago: University of Chicago Press, 1988).
- Leboutte, René, ed., *Proto-industrialisation. Recherches recentes et nouvelles perspectives. Mélanges en souvenir de Franklin Mendels* (Geneva: Librairie Droz, 1996).
- Lee, James Z., and Wang Feng. *One Quarter of Humanity. Mathusian Mythology and Chinese Realities* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1999).
- Lee, W. R. "Women's Work and the Family. Some Demographic Implications of Gender-Specific Rural Work Patterns in Nineteenth-Century Germany", in Hudson and Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy*, pp. 50–75.
- Lees, Lynn Hollen. "Getting and Spending. The Family Budgets of English Industrial Workers in 1890", in J. M. Merriman, ed., *Consciousness and Class Experience in Nineteenth-Century Europe* (New York: Holmes and Meier, 1979): 169–186.
- Lehndorff, Steffen. "Working Time Reduction in the European Union. A Diversity of Trends and Approaches", in Golden and Figart, eds. *Working Time*, pp. 38–56.
- Lemire, Beverly. *Fashion's Favourite. The Cotton Trade and the Consumer in Britain, 1660–1800* (Oxford: Oxford University Press, 1991).
- . *Dress, Culture, and Commerce. The English Clothing Trade Before the Factory, 1660–1800* (New York: St. Martin's Press, 1997).

- . "Second-hand Beaux and "Red-armed Belles". Conflict and the Creation of Fashions in England, c. 1660–1800", *Continuity and Change* 15 (2000): 391–417.
- Lenman, Bruce P. "The English and Dutch East India Companies and the Birth of Consumerism in the Augustan World", *Eighteenth Century Life* 14 (1990): 47–65.
- Le Play, Frederic. *Les ouvriers Européens* (Paris: Imprimerie impériale, 1855; 2nd ed. (Tours: Alfred Mame et fils, 1877–1879).
- Le Roy Ladurie, Emmanuel. "L'histoire immobile", *Annales: Economies, Sociétés, Civilisations*. 29 (1974): 673–692 (English trans. "Motionless History", *Social Science History* 1 (1977): 115–136).
- Lesger, Clé. *Huur en conjunctuur. De woningmarkt in Amsterdam, 1550–1850* (Amsterdam: Amsterdamse Historische Reeks No. 10, 1986).
- Lesthaeghe, Ronald. "On the Social Control of Human Reproduction", *Population and Development Review* 6 (1980): 527–548.
- Leuillot, P. "Influence du commerce oriental sur l'économie occidentale", in Michel Mollat, *Sociétés et compagnies de commerce en orient et dans l'océan Indien* (Paris, SEVPEN, 1970): 611–629.
- Levine, David. *Family Formation in an Age of Nascent Capitalism* (New York: Academic Press, 1977).
- . "Consumer Goods and Capitalist Modernisation", *Journal of Interdisciplinary History* 22 (1991): 67–77.
- Levy, Frank. *The New Dollars and Dreams. American Incomes and Economic Change* (New York: Russell Sage Foundation, 1998).
- Lillywhite, Bryant. *London Coffee Houses* (London: George Allen and Unwin, 1963).
- Linder, Staffan B. *The Harried Leisure Class* (New York: Columbia University Press, 1970).
- Lindert, Peter. "Probates, Prices and Preindustrial Living Standards", in Baulant, Schuurman, and Servais, eds. *Inventaire après-décès*, pp. 171–180.
- Loane, Margery. *The Queen's Poor. Life as They Found It* (London: Edward Arnold, 1910).
- Lugar, C. "The Portuguese Tobacco Trade and Tobacco Growers of Bahia in the Late Colonial Period", in D. Alden and W. Dean, eds. *Essays Concerning the Socio-Economic History of Brazil and Portuguese India* (Gainesville, Fla.: University Presses of Florida, 1977).
- Lundberg, Shelly J., Robert A. Pollak, and Terence J. Wales, "Do Husbands and Wives Pool Their Resources? Evidence from the United Kingdom Child Benefit", *Journal of Human Resources* 32 (1997): 463–480.
- Lundberg, Shelly J., and Robert A. Pollak. "Bargaining and Distribution in Marriage", *Journal of Economic Perspectives* 10 (1996): 139–158.
- . "The American Family and Family Economics", *Journal of Economic Perspectives* 21 (2007): 3–26.
- Lynch, Katherine A. *Family, Class, and Ideology in Early Industrial France. Social Policy and the Working-Class Family, 1825–1848* (Madison: University of Wisconsin Press, 1988).
- . "The Family and the History of Public Life", *Journal of Interdisciplinary History* 24 (1994): 665–684.
- . *Individuals, Families, and Communities in Europe, 1200–1800. The Urban Foundations of Western Society* (Cambridge: Cambridge University Press, 2003).
- Lyons, John. "Family Response to Economic Decline. Handloom Weavers in Early Nineteenth Century Lancashire", *Research in Economic History* 12 (1989): 45–91.

- McBride, Theresa M. *Domestic Revolution. The Modernisation of Household Service in England and France, 1820–1920* (London: Croom Helm, 1976).
- McCants, Anne. "The Not-So-Merry Widows of Amsterdam, 1740–1782", *Journal of Family History* 24 (1999): 441–467.
- . "Petty Debts and Family Networks. The Credit Markets of Widows and Wives in Eighteenth-Century Amsterdam", in Beverly Lemire, et al., eds. *Women and Credit. Researching the Past, Refiguring the Future* (Oxford: Berg Publishers, 2001): 33–50.
- . "Poor Consumers as Global Consumers. The Diffusion of Tea and Coffee Drinking in the Eighteenth Century", *Economic History Review* (2007, forthcoming).
- . "Inequality Among the Poor of Eighteenth-Century Amsterdam", *Explorations in Economic History* 44 (2005): 1–21.
- . "Goods at Pawn. The Overlapping Worlds of Material Possessions and Family Finance in Early Modern Amsterdam", *Social Science History* 31 (2007): 213–238.
- McCusker, John J. "The Business of Distilling in the Old World and the New World During the Seventeenth and Eighteenth Centuries. The Rise of a New Enterprise and Its Connection with Colonial America", in John J. McCusker and Kenneth Morgan, eds. *The Early Modern Atlantic Economy* (Cambridge: Cambridge University Press, 2000): 186–224.
- McCusker, John, and Russell Menard. *Economy of British North America, 1607–1789* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1985).
- Macfarlane, Alan. *The origins of English Individualism. The Family, Property, and Social Transition* (Cambridge: Cambridge University Press, 1978).
- . *Marriage and Love in England. Modes of Reproduction, 1300–1840* (Oxford: Basil Blackwell, 1986).
- . *The Culture of Capitalism* (Oxford: Blackwell, 1987).
- McKendrick, Neil. "Home Demand and Economic Growth. A New View of the Role of Women and Children in the Industrial Revolution", in Neil McKendrick, ed., *Historical Perspectives. Studies in English Thought and Society in Honour of J. H. Plumb* (London: Europa Publications, 1974): 152–210.
- . "The Consumer Revolution in Eighteenth-Century England", in McKendrick, Brewer, and Plumb, eds. *The Birth of a Consumer Society*, pp. 9–33.
- McKendrick, Neil, John Brewer, and J. H. Plumb, eds. *The Birth of a Consumer Society. The Commercialization of Eighteenth-Century England* (Bloomington: Indiana University Press, 1982).
- McKeown, Thomas. *The Modern Rise of Population* (New York: Academic Press, 1976).
- Madisson, Angus. *Monitoring the World Economy, 1820–1992* (Paris: OECD, 1995).
- . *The World Economy. A Millennial Perspective* (Paris: OECD, 2001).
- Main, Gloria. "Gender, Work and Wages in Colonial New England", *William and Mary Quarterly* 51 (1994): 36–66.
- Main, Gloria, and Jackson T. Main. "Economic Growth and the Standard of Living in Southern New England, 1640–1774", *Journal of Economic History* 48 (1988): 27–46.
- Malcolmson, R. W. *Life and Labour in England, 1700–1780* (New York: St. Martin's Press, 1981).
- Mandeville, Bernard. *The Fable of the Bees, or Private Vices, Public Benefits* [1714, 1723, 1733], Douglas Garmen, ed. (London: Wishart, 1934).
- . *The Fable of the Bees and Other Writings*. Abridged and edited by E. J. Hundert ([1732 ed.] Indianapolis and Cambridge: Hackett Publishing, 1997).

- . *De wereld gaat aan deugd ten onder*. Collected work, Vol. 1. Translation and commentary by Arne C. Jansen (Zwolle: Lemniscaat, 2006).
- Marchand, Roland. *Advertising the American Dream. Making Way for Modernity, 1920–1940* (Berkeley: University of California Press, 1985).
- Marcuse, Herbert. *Eros and Civilization. A Philosophical Inquiry into Freud* ([1955] New York: Vintage Books, 1962).
- . *One-Dimensional Man* (Boston: Beacon Press, 1964).
- Marczewski, Jan. "Some Aspects of the Economic Growth of France, 1660–1958", *Economic Development and Cultural Change* 9 (1961): 369–386.
- Mare, Robert D. "Five Decades of Educational Assortative Mating", *American Sociological Review* 56 (1991): 15–32.
- Markovitch, T. J. *L'industrie Française de 1789 à 1964* (Paris: Droz, 1964).
- Martin, John Levi. "The Myth of the Consumption-oriented Economy and the Rise of the Desiring Subject", *Theory and Society* 28 (1999): 425–453.
- Marshall, Alfred. *The Principles of Economics* (London: Macmillan, 1890).
- Marx, Karl. *Capital*, 3 vols. (Moscow: International Publishers, 1961).
- Mathias, Peter. *The Brewing Industry in England, 1700–1830* (Cambridge: Cambridge University Press, 1959).
- . "Leisure and Wages in Theory and Practice", in Peter Mathias, *The Transformation of England* (London: Methuen, 1979): 148–167.
- Mazumdar, Sucheta. *Sugar and Society in China. Peasants, Technology and the World Market* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998).
- Medick, Hans. "The Proto-Industrial Family Economy. The Structural Function of Household and Family During the Transition from Peasant Society to Industrial Capitalism", *Social History* 3 (1976): 291–315.
- . "The Proto-Industrial Family Economy" [extended version of article in *Social History*] in Kriedte, Medick, and Schlumbohm, eds. *Industrialization Before Industrialization*, pp. 38–73.
- . "The Structure and Function of Population Development Under the Protoindustrial System", in Kriedte, Medick, and Schlumbohm, eds. *Industrialization Before Industrialization*, pp. 74–93.
- Meillassoux, C. *Maidens, Meat and Money. Capitalism and the Domestic Community* (Cambridge: Cambridge University Press, 1981).
- Mendels, Franklin. "Proto-Industrialization, the First Phase of the Industrialization Process", *Journal of Economic History* 32 (1972): 241–261.
- . "Niveau des salaires et âge au mariage en Flandre, XVIIe–XVIIIe siècle", *Annales, Economies, Sociétés, Civilisations* 39 (1984): 939–956.
- . "Des industries rurales à la proto-industrialisation. Historique d'un changement de perspective", *Annales, Economies, Sociétés, Civilisations* 39 (1984): 997–1008.
- Michel, Lawrence, Jared Bernstein, and John Schmitt. *The State of Working America, 2000/2001* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2001).
- Michel, Lawrence, Jared Bernstein, and Heather Boushey. *The State of Working America, 2002/2003* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2003).
- Michel, Lawrence, Jared Bernstein, and Sylvia Allegretto. *The State of Working America, 2004/2005* (Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 2005).
- Miles, Steven. *Consumerism as a Way of Life* (London: Sage, 1998).
- Miller, Daniel. "Consumption as the Vanguard of History. A Polemic by Way of an Introduction", in Miller, ed., *Acknowledging Consumption*, pp. 1–57.
- . "Consumption Studies as the Transformation of Anthropology", in Miller, ed., *Acknowledging Consumption*, pp. 264–295.

- Miller, Daniel, ed., *Acknowledging Consumption. A Review of New Studies* (London: Routledge, 1995).
- Miller, Michael. *The Bon Marché. Bourgeois Culture and the Department Store, 1869–1920* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1981).
- Mincer, Jacob. "Labor Force Participation of Married Women", in National Bureau for Economic Research, *Aspects of Labor Force Economics* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1962).
- Mintz, Sidney W. *Sweetness and Power. The Place of Sugar in Modern History* (New York: Viking Press, 1985).
- Mitch, David. "The Role of Education and Skill in the British Industrial Revolution", in Joel Mokyr, ed., *The British Industrial Revolution. An Economic Perspective* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1993): 241–279.
- Mitchell, B. R., and Phyllis Deane, *Abstract of British Historical Statistics* (Cambridge: Cambridge University Press, 1969).
- Mitterauer, Michael. "Geschlechtsspezifische Arbeitsteilung und Geschlechterrollen in ländlichen Gesellschaften Mitteleuropas", in *Familie und Arbeitsteilung. Historischvergleichende Studien* (Wien/Köln: Böhlau, 1992): 58–148.
- Modell, John. "Patterns of Consumption, Acculturation, and Family Income Strategies in Late Nineteenth-Century America", in Tamara Hareven and Maris Vinovskis, eds. *Family and Population in Nineteenth Century America* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1978): 206–240.
- Mohrmann, Ruth-E. *Alltagswelt in Braunschweig. Städtische und ländliche Wohnkultur vom 16. bis zum frühen 20. Jahrhundert*, 2 vols. (Münster: Waxmann, 1990).
- Mokyr, Joel. "Demand vs. Supply in the Industrial Revolution", *Journal of Economic History* 37 (1977): 981–1008.
- . "Is There Still Life in the Pessimist Case. Consumption in the Industrial Revolution, 1790–1850", *Journal of Economic History* 48 (1988): 69–92.
- . "Editor's Introduction", in Joel Mokyr, ed., *The British Industrial Revolution. An Economic Perspective* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1993): 1–127.
- . *The Lever of Riches. Technological Creativity and Economic Progress* (Oxford: Oxford University Press, 1990).
- . "More Work for Mother? Knowledge and Household Behavior, 1870–1945", *Journal of Economic History* 60 (2000): 1–41.
- . "Accounting for the Industrial Revolution", in Roderick Floud and Paul Johnson, eds. *The Cambridge Economic History of Modern Britain, Vol I., Industrialisation, 1700–1860* (Cambridge: Cambridge University Press, 2004): 1–27.
- Montesquieu, Charles Louis de Secondat. Baron du. *The Spirit of the Laws* ([1748] New York: Hafner Publishers, 1949).
- Morineau, Michel. *Incroyables gazettes et fabuleux métaux* (London and Paris: Cambridge University Press, 1985).
- Muchembled, Robert. *Société et mentalités dans la France moderne, XVIIe–XVIIIe siècle* (Paris: A. Colin, 1990).
- Mui, Hoh-Cheung, and Lorna H. Mui. *Shops and Shopkeeping in Eighteenth Century England* (Kingston and Montreal: McGill–Queen's University Press, 1989).
- Mukerji, Chandra. *From Graven Images. Patterns of Modern Materialism* (New York: Columbia University Press, 1983).
- Muldrew, Craig. *The Economy of Obligation. The Culture of Credit and Social Relations in Early Modern England* (Basingstoke: Macmillan, 1998).

- . "Hard Food for Midas'. Cash and Its Social Value in Early Modern England", *Past and Present* 170 (2001): 78–120.
- Mun, Thomas. *England's Treasure by Forraign Trade or the Balance of our Forraign Trade in the Rule of Our Treasure* (London, 1664).
- Muzumdar, Sucheta. *Sugar and Society in China. Peasants, Technology, and the World Market* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1998).
- Nardinelli, Clark. *Child Labor and the Industrial Revolution* (Bloomington: Indiana University Press, 1990).
- Nash, Robert C. "The English and Scottish Tobacco Trades in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Legal and Illegal Trade", *Economic History Review* 25 (1982): 354–372.
- Nef, John U. *Cultural Foundations of Industrial Civilization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1958).
- Nenadic, Stana. "Middle-Rank Consumers and Domestic Culture in Edinburgh and Glasgow, 1720–1840", *Past and Present* 145 (1994): 122–156.
- . "Household Possessions and the Modernizing City. Scotland, c. 1720–1840", in Schuurman and Walsh, eds. *Material Culture*, pp. 147–160.
- Nicholas, Stephen, and Deborah Oxley. "The Industrial Revolution and the Genesis of the Male Breadwinner", in Graeme D. Snooks, ed., *Was the Industrial Revolution Necessary?* (London: Routledge, 1994): 96–111.
- Noordegraaf, Leo. *Hollands welvaren? Levensstandaard in Holland, 1450–1650* (Bergen: Octavo, 1985).
- Nordhaus, William. "Do Real Output and Real Wage Measures Capture Reality? The History of Lighting Suggests Not", in Tim Breshnahan and Robert Gordon, eds. *The Economics of New Goods* (Chicago: University of Chicago Press, 1997): 29–66.
- Nordhaus, William, and James Tobin. "Is Growth Obsolete?", in James Tobin, *Essays in Economics, Vol. III, Theory and Policy* (Cambridge, Mass.: MIT University Press, 1982): 360–450.
- North, Douglass. *Structure and Change in Economic History* (New York: W. W. Norton, 1981).
- North, Dudley. *Discourse upon Trade* (London, 1691).
- North, Michael. "Kultur und Konsum—Luxus und Geschmack um 1800", in Rolf Walter, ed., *Geschichte des Konsums* (Stuttgart: F. Steiner Verlag, 2004): 17–33.
- Norwich, Julius. *A History of Venice* (New York: Knopf, 1982).
- Nye, John V. "The Myth of Free Trade. Britain and Fortress France", *Journal of Economic History* 51 (1991): 23–46.
- O'Brien, Patrick. "The Political Economy of British Taxation, 1660–1815", *Economic History Review* 41 (1988), 1–32.
- O'Brien, Patrick, and P. Hunt. "The Emergence and Consolidation of the Excise in the English Fiscal System Before the Glorious Revolution", *British Tax Review* 1 (1997): 35–58.
- Oddy, Derek J. "Working-Class Diets in Late Nineteenth-Century Britain", *Economic History Review* 23 (1970): 314–323.
- . "Food, Drink, and Nutrition", in F. M. L. Thompson, ed., *The Cambridge Social History of Britain, 1750–1950, Vol. 2* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990): 251–278.
- Oddy, Derek J., and John Burnett. "British Diet Since Industrialization. A Bibliographical Study", in Teuteberg, ed., *European Food History*, pp. 19–44.
- OECD. *Employment Outlook* (June 1998).
- Offer, Avner. *The Challenge of Affluence. Self-Control and Well-Being in the United States and Britain Since 1950* (Oxford: Oxford University Press, 2006).

- Ogilvie, Sheilagh C. "Women and Proto-industrialisation in a Corporate Society. Württemberg Woollen Weaving, 1590–1760", in Hudson and Lee, eds. *Women's Work and the Family Economy*, pp. 76–103.
- . *A Bitter Living. Women, Markets, and Social Capital in Early Modern Germany* (Oxford: Oxford University Press, 2003).
- . "Women and Labour Markets in Early Modern Germany", *Jahrbuch für Wirtschaftsgeschichte* 2004/2 (2004): 25–60.
- Ogilvie, Sheilagh C., and Markus Cerman, eds. *European Proto-industrialization* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).
- Orem, L. "The Welfare of Women in Laboring Families. England, 1860–1950", in Mary S. Hartman and Lois Banner, eds. *Clio's Consciousness Raised. New Perspectives on the History of Women* (New York: Harper & Row, 1974): 226–244.
- Overton, Mark. "Prices from Probate Inventories", in Tom Arkell, Nester Evans, and Nigel Goose, eds. *When Death Do Us Part. Understanding and Interpreting the Probate Records of Early Modern England* (Oxford: Leopard's Head Press, 2000): 120–143.
- . "Household Wealth, Indebtedness, and Economic Growth in Early Modern England", *Economic History Review* (forthcoming).
- Overton, Mark, Jane Whittle, Darron Dean, and Andrew Hann. *Production and Consumption in English Households, 1600–1750* (London: Routledge, 2004).
- Pahl, Jan. *Money and Marriage* (London: Macmillan, 1989).
- Panhuysen, Bibi. *Maatwerk. kleermakers, naaisters, oudkleerkopers en de gilden (1500–1800)* (Amsterdam: IISG, 2000).
- Pardailhé-Galabrun, Annik. *The Birth of Intimacy. Private and Domestic Life in Early Modern Paris* (Cambridge: Polity Press, 1991).
- Pareto, Vilfredo. *Manuel d'économie politique*, second ed. (Paris: Giard, 1927).
- Parsons, Talcot. "The American Family. Its Relations to Personality and the Social Structure", in Talcot Parsons and Robert F. Bales, eds. *Family, Socialization and Interaction Process* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1955): 3–33.
- Pedersen, Susan. *Family, Dependence, and the origins of the Welfare State. Britain and France, 1914–1945* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- Perkins, Harold. *Origins of Modern English Society, 1780–1880* (London: Routledge & Kegan Paul, 1969).
- Persson, K. G. "Consumption, Labour and Leisure in the Late Middle Ages", in D. Menjot, ed., *Manger et boire au Moyen Age* (Nice: Centre d'Études Médiévales de Nice, 1984): 211–223.
- Petersen, Christian. *Bread and the British Economy, c. 1770–1870* (Aldershot, Hants.: Scolar Press, 1995).
- Peterson, Mark A. "Puritanism and Refinement in Early New England. Reflections on Communion Silver", *William and Mary Quarterly* 58 (2001): 307–346.
- Pfister, Ulrich. "The Protoindustrial Household Economy. Toward a Formal Analysis", *Journal of Family History* 17 (1992): 201–232.
- . *Die Züricher Fariques. Protoindustrielles Wachstum vom 16. zum 18. Jahrhundert* (Zürich: Chronos, 1992).
- Phelps Brown, E. H., and Sheila V. Hopkins. "Seven Centuries of Builders' Wage-Rates", *Economics* 22 (1955): 195–206.
- . "Seven Centuries of Prices of Consumables Compared with Builders' Wage-Rates", *Economics* 23 (1956): 296–314.
- Pierenkemper, Toni. *Haushalt und Verbrauch in historischer Perspektive* (St. Katharinen: Scripta Mercaturae, 1987).

- . "Das Rechnungsbuch der Hausfrau—und was wir daraus lernen können", *Geschichte und Gesellschaft* 14 (1988): 38–63.
- . *Zür Ökonomik des Privaten Haushalts* (Frankfurt: Campus Verlag, 1991).
- Pinchbeck, Ida. *Women Workers and the Industrial Revolution, 1750–1850* (London: Frank Cass, 1969).
- Pitkin, Hanna. *Fortune Is a Woman. Gender and Politics in the Thought of Niccolò Machiavelli* (Berkeley: University of California Press, 1984).
- Plantenga, Janneke. *Een afwijkend patroon. Honderd jaar vrouwenarbeid in Nederland en (West-) Duitsland* (Amsterdam: SUA, 1993).
- Pocock, J. G. A. *The Machiavellian Moment. Florentine Political Thought and the Atlantic Republican Tradition* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1975).
- . "The Mobility of Property and the Rise of Eighteenth-Century Sociology", in J. G. A. Pocock, *Virtue, Commerce and Society* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985): 103–125.
- Pollard, Sidney. *The Genesis of Modern Management* ([1965] Harmondsworth: Penguin, 1969).
- . "Labour in Great Britain", in Peter Mathias and M. M. Poston, eds. *Cambridge Economic History of Europe* Vol. 7 (Cambridge: Cambridge University Press, 1978): 97–179.
- Pollexfen, John. *A Discourse on Trade, Coyne, and Paper Credit* (London, 1697).
- Pomeranz, Kenneth. *The Great Divergence. China, Europe, and the Making of the Modern World* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2000).
- . "Political Economy and Ecology on the Eve of Industrialization. Europe, China and the Global Conjecture", *American Historical Review* 107 (2002): 425–446.
- Popenoe, David. *Disturbing the Nest. Family Change and Decline in Modern Societies* (New York: A. de Gruyter, 1988).
- . "The Family Condition of America. Cultural Change and Public Policy", in H. J. Aaron, T. E. Mann, and T. Taylor, eds. *Values and Public Policy* (Washington: The Brookings Institution, 1994): 81–112.
- Porter, G. R. "On the Self-Imposed Taxation of the Working-Classes in the United Kingdom", *Journal of the Royal Statistical Society* 13 (1850): 358–364.
- Postlethwayt, Malachy. *Britain's Commercial Interest Explained and Improved*, 2 vols. ([London, 1757] Reprinted, New York: Augustus M. Kelly, 1968).
- Pott-Buter, Hettie A. *Facts and Fairy Tales about Female Labor, Family and Fertility. A Seven-Country Comparison, 1850–1990* (Amsterdam: Amsterdam University Press, 1993).
- Prescott, Edward C. "Why Do Americans Work So Much More Than Europeans?", *Federal Reserve Bank of Minneapolis Quarterly Review* 28 (2004): 2–15.
- Preston, Samuel. "Children and the Elderly. Divergent Paths for America's Dependents", *Demography* 21 (1984): 435–457.
- Price, Jacob M. *France and the Chesapeake. A History of the French Tobacco Monopoly, 1674–1775, and Its Relationship to the British and American Tobacco Trades*, 2 vols. (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1973).
- Putnam, Robert D. *Bowling Alone. The Collapse and Revival of American Community* (New York: Simon and Schuster, 2000).
- Ranchetti, Fabio. "Choice without Utility? Some Reflections on the Loose Foundations of Standard Consumer theory", in Bianchi, ed., *The Active Consumer*, pp. 21–45.
- Ransom, Roger L., and Richard Sutch. "Did Rising Out-Migration Cause Fertility to Decline in Antebellum New England? A Life-Cycle Perspective on Old-Age Security Motives, Child Defect, and Farm Family Fertility"

- ty", California Institute of Technology Social Science Working Papers no. 610 (April 1986).
- Reher, David Sven. "Family Ties in Western Europe. Persistent Contrasts", *Population and Development Review* 24 (2) (1998): 203-234.
- Richards, Eric. "Women in the British Economy Since about 1700. An Interpretation", *History* 59 (1974): 337-357.
- Ringén, Stein. *Citizens, Families, and Reform* (Oxford: Oxford University Press, 1997).
- Rive, Alfred. "Consumption of Tobacco Since 1600", *Economic Journal* (Economic History Supplement, Vol. 1, 1926-9), January 1926, pp. 57-75.
- Roberts, Elizabeth. "Working-Class Standard of Living in Barrow and Lancaster, 1890-1914", *Economic History Review* 30 (1977): 306-321.
- Robertson, John. *The Case for the Enlightenment. Scotland and Naples 1680-1760* (Cambridge: Cambridge University Press, 2005).
- Robinson, John P. "Changes in Time Use. An Historical Overview", in F. T. Juster and Frank P. Stafford, eds. *Time Goods and Well-Being*, pp. 33-62.
- Roche, Daniel. *Le Peuple de Paris. Essai sur la culture populaire au XVIIIe siècle* (Paris: Aubier Montaigne, 1981).
- . *The Culture of Clothing. Dress and Fashion in the Ancien Régime* (Cambridge: Cambridge University Press, 1994).
- . *Histoire des choses banales. Naissance de la consommation dans les sociétés traditionnelles (xvii-xix siècles)* (Paris: Fayard, 1997).
- . "Between a 'Moral Economy' and a 'Consumer Economy'. Clothes and Their Function in the 17th and 18th Centuries", in Robert Fox and Anthony Turner, eds. *Luxury Trades and Consumerism in Ancien Régime Paris. Studies in the History of the Skilled Workforce* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 1998): 219-229.
- Roessingh, H. K. *Inlandse tabak. Expansie en contractie van een handelsgewas in de 17e en 18e eeuw in Nederland* (Zutphen: De Walburg Pers, 1976).
- Rorabaugh, William J. *The Alcoholic Republic. An American Tradition* (Oxford: Oxford University Press, 1979).
- Rose, Sonya. "Gender Antagonism and Class Conflict. Exclusionary Strategies of Male Trade Unionists in Nineteenth Century Britain", *Social History* 13 (1988): 191-208.
- Rowntree, B. Seebohm. *Poverty. A Study of Town Life* (London: Macmillan, 1902).
- Rozman, Gilbert. *Urban Networks in Ch'ing China and Tokugawa Japan* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1973).
- Rubin, Rose M., and Bobye J. Riney. *Working Wives and Dual-Earner Families* (Westport, Conn.: Praeger, 1994).
- Rudolph, Richard L. "The European Peasant Family and Economy. Central Themes and Issues", *Journal of Family History* 17 (1992): 119-138.
- Rudolph, Richard L., ed. *The European Peasant Family and Society. Historical Studies* (Liverpool: Liverpool University Press, 1995).
- Ruggin, F.-J. *Les Éléites et les villes moyennes en France et en Angleterre (XVIIe-XVIIIe siècles)* (Paris: L'Harmattan, 1997).
- Rule, John. *The Experience of Labour in Eighteenth-Century Industry* (London: Croom Helm, 1981).
- . *The Labouring Classes in Early Industrial England, 1750-1850* (London: Longman, 1986).
- Rybczynski, Witold. *Home. A Short History of an Idea* (New York: Viking Press, 1986).
- Sabean, David. *Property, Production, and Family in Neckerhausen, 1700-1850* (Cambridge: Cambridge University Press, 1990).

- Sahlins, Marshall. *Stone Age Economics* (Chicago: University of Chicago Press, 1972).
- Saito, Osamu. "Labour Supply Behavior of the Poor in the English Industrial Revolution", *Journal of European Economic History* 10 (1981): 633-652.
- . "Population and the Peasant Family Economy in Proto-Industrial Japan", *Journal of Family History* 8 (1983): 30-54.
- . "The Rural Economy. Commercial Agriculture, By-employment and Wage Work", in M. Jansen and G. Rozman, eds. *Japan in Transition. From Tokugawa to Meiji* (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1986): 400-420.
- . "Work, Leisure and the Concept of Planning in the Japanese Past", (unpublished, Institute of Economic Research, Hitotsubashi University, 1996).
- . "Gender, Workload and Agricultural Progress. Japan's Historical Experience in Perspective", in Laboutte, ed., *Proto-industrialization* (1996): 129-151.
- Samuelson, Paul. "A Note on the Pure Theory of Consumers' Behavior", *Economica* 5 (1938): 61-71.
- . "Consumption Theory in Terms of Revealed Preference", *Economica* 15 (1948): 243-253.
- . "Social Indifference Curves", *Quarterly Journal of Economics* 70 (1956): 1-22.
- Sandgruber, Roman. *Die Anfänge der Konsumgesellschaft. Konsumgüterverbrauch, Lebensstandard und Alltagskultur in Österreich im 18. und 19. Jahrhundert* (Vienna: Verlag für Geschichte und Politik, 1982).
- . "Nutrition in Austria in the Industrial Age", in Teuteberg, ed., *European Food History*, pp. 146-167.
- . "Leben und Lebensstandard im Zeitalter des Barock—Quellen und Ergebnisse", in Othmar Pickl and Helmuth Feigl, eds. *Methoden und Probleme der Alltagsforschung im Zeitalter des Barock* (Vienna: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1992): 171-190.
- Sarti, Raffaella. *Europe at Home. Family and Material Culture, 1500-1800* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2002).
- Savage, Mike, and Andrew Miles. *The Remaking of the British Working Class, 1840-1940* (London: Routledge, 1994).
- Schama, Simon. *The Embarrassment of Riches* (New York: Knopf, 1985).
- Schelstraete, C., H. Kintaert, and D. de Ruyck. *Het einde van de onveranderlijkheid. Arbeid, bezit en woonomstandigheden in het land van Nevel tijdens de 17e en 18e eeuw* (Nevele: Heemkundig Kring "Het Land van Nevele", 1986).
- Schilling, Heinz. "Confessionalization in the Empire", in Heinz Schilling, ed., *Religion, Political Culture, and the Emergence of Early Modern Society* (Leiden: E. J. Brill, 1992): 205-246.
- Schneider, Jürgen. "Produktion, handel und konsum von Kaffee (15. bis Ende 18. Jh.)", in Hans Pohl, ed., *The European Discovery of the World and Its Economic Effects on Pre-Industrial Society, 1500-1800* (Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1990): 122-140.
- . "The Effects on European Markets of Imported Overseas Agriculture. The Production, Trade, and Consumption of Coffee (15th to Late 18th Centuries)", in José Casus Pardo, ed., *Economic Effects of the European Expansion* (Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1992): 283-306.
- Scholliers, Peter. "Family Income, Needs and Mothers' Wages. A Critical Survey of Working-Class Budget Inquiries in Belgium 1853-1929", in T. Pierenkemper, ed., *Zur Ökonomik des privaten Haushalts. Haushaltsrech-*

- nungen als Quellen historischer Wirtschafts- und Socialforschung (Frankfurt: Campus Verlag, 1991): 145–181.
- . “Historical Food Research in Belgium. Development, Problems and Results in the 19th and 20th Centuries”, in Teuteberg, ed., *European Food History*, pp. 71–89.
- Schor, Juliet. *The Overworked American. The Unexpected Decline in Leisure* (New York: Basic Books, 1992).
- . *The Overspent American. Upscaling, Downshifting, and the New Consumer* (New York: Basic Books, 1998).
- Schultz, T. Paul. “Economic Demography and Development. New Directions in an Old Field”, in Gustav Ranis and T. P. Schultz, eds. *The State of Development Economics* (Oxford: Basil Blackwell, 1988): 416–458.
- Schumpeter, Joseph. *Capitalism, Socialism, and Democracy* (New York: Harper and Brothers, 1941).
- Schuurman, Anton. *Materiële cultuur en levensstijl. een onderzoek naar de taal der dingen op her Nederlandse platteland in de 19e eeuw. De Zaanstreek, Oost-Groningen, Oost-Brabant* (Wageningen: AAG Bijdragen 30, 1989).
- Schuurman, Anton, and Lorena S. Walsh, eds. *Material Culture. Consumption, Life-Style, Standard of Living, 1500–1900* (Milan: Eleventh International Economic History Congress, 1994).
- Scitovsky, Tibor. *The Joyless Economy* (Oxford: Oxford University Press, 1976; rev. ed., 1992).
- Seccombe, Wally. “Patriarchy Stabilized. The Construction of the Male Breadwinner Wage Norm in Nineteenth-Century Britain”, *Social History* 11 (1986): 53–76.
- . *A Millennium of Family Change. Feudalism to Capitalism in Northwestern Europe* (London: Verso, 1992).
- . *Weathering the Storm. Working-class Families from the Industrial Revolution to the Fertility Decline* (London: Verso, 1993).
- Segalen, Martine. *Love and Power in the Peasant Family. Rural France in the Nineteenth Century* (Chicago: University of Chicago Press, 1983).
- Segers, Yves. “Oysters and Rye Bread. Polarizing Living Standards in Flanders, 1800–1860”, *European Review of Economic History* 5 (2001): 301–336.
- Segers, Yves, et al., eds. *Op weg naar een consumptiemaatschappij. Over het verbruik van voeding, kleding en luxegoederen in België en Nederland (19e–20e eeuw)* (Amsterdam: Aksent, 2002).
- Sekora, John. *Luxury. The Concept in Western Thought, Eden to Smollett* (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1977).
- Sella, Domenico. “Peasants as Consumers of Manufactured Goods in Italy around 1600”, in Richard Rudolph, ed., *The European Peasant Family and Society*, pp. 154–164.
- Sellers, Charles. *The Market Revolution. Jacksonian America: 1815–1846* (Oxford: Oxford University Press, 1991).
- Selten, Robert, and Pieter Al. “Nederlanders zijn minder gaan werken”, *Sociaaleconomische trends* (2005–1): 14–21.
- Sen, Amartya. “Economics and the Family”, *Asian Development Review* 1 (1983): 14–26.
- Shammas, Carole. “How Self-Sufficient Was Early America?”, *Journal of Interdisciplinary History* 13 (1982): 247–272.
- . “The Eighteenth-Century English Diet and Economic Change”, *Explorations in Economic History* 21 (1984): 254–269.

- . "Explaining Past Changes in Consumption and Consumer Behavior", *Historical Methods* 22 (1989): 61–67.
- . *The Pre-Industrial Consumer in England and America* (Oxford: Oxford University Press, 1990).
- . "The Decline of Textile Prices in England and British America Prior to the Industrial Revolution", *Economic History Review* 47 (1994): 483–507.
- Sharpe, Pamela. *Adapting to Capitalism. Working Women in the English Economy, 1700–1850* (New York: St. Martin's Press, 1996).
- . "Literally Spinsters. A New Interpretation of Local Economy and Demography in Colyton in the Seventeenth and Eighteenth Centuries", *Economic History Review* 44 (1991): 46–65.
- Shi, David E. *The Simple Life. Plain Living and High Thinking in American Culture* (Oxford: Oxford University Press, 1985).
- Shoemaker, Robert. *Gender in English Society, 1650–1850. The Emergence of Separate Spheres?* (London: Longman, 1998).
- Shorter, Edward. *The Making of the Modern Family* (New York: Basic Books, 1975).
- Simmel, Georg. "Fashion", *International Quarterly* 10 (1904): 130–155. *The Philosophy of Money* ([1900] London: Routledge, 1978).
- Slicher van Bath, B. H. *The Agrarian History of Western Europe, 500–1850* (London: Edward Arnold, 1963).
- Smelser, Niel. *Social Change in the Industrial Revolution. An Application of Theory to the Lancashire Cotton Industry, 1740–1840* (London: Routledge & Kegan Paul, 1959).
- Smith, Adam. *Lectures on Jurisprudence* [1762–3, 1766] R. L. Meek, D. D. Raphael, and P. G. Stein, eds. (Oxford: Oxford University Press, 1978).
- . *The Theory of Moral Sentiments* ([1760, rev. 1790] D. D. Raphael and A. L. Macfie, eds. Oxford: Oxford University Press, 1976).
- . *An Inquiry into the Nature and Causes of The Wealth of Nations* ([1776] Cannon edition, London: Methuen, 1904; reprinted, Chicago: University of Chicago Press, 1976).
- Smith, S. D. "Accounting for Taste. British Coffee Consumption in Historical Perspective", *Journal of Interdisciplinary History* 27 (1996): 183–214.
- Smith, Woodruff D. *Consumption and the Making of Respectability, 1600–1800* (London: Routledge, 2002).
- Snell, K. D. M. *Annals of the Labouring Poor. Social Change and Agrarian England, 1660–1900* (Cambridge: Cambridge University Press, 1985).
- Söderberg, Johan, Ulf Jonsson, and Christer Persson. *A Stagnating Metropolis. The Economy and Demography of Stockholm, 1750–1850* (Cambridge: Cambridge University Press, 1991).
- Sokoll, Thomas. "Early Attempts at Accounting the Unaccountable. Davies and Eden's Budgets of Agricultural Labouring Families in Late Eighteenth-Century England", in Pierenkemper, ed., *Zür Ökonomik des Privaten Haushalts*, pp. 34–60.
- Sombart, Werner. *Luxury and Capitalism* ([1913] Ann Arbor: University of Michigan Press, 1967).
- Sonenscher, Michael. "Fashion's Empire. Trade and Power in Early 18th Century France", in Robert Fox and Anthony Turner, eds. *Luxury Trades and Consumerism in Ancien Régime Paris. Studies in the History of the Skilled Workforce* (Aldershot, Hants.: Ashgate, 1998): 231–254.
- Spufford, Margaret. *The Great Reclothing of Rural England. Petty Chapmen and Their Wares in the Seventeenth Century* (London: Hambleton Press, 1984).

- . "The Cost of Apparel in Seventeenth-Century England, and the Accuracy of Gregory King", *Economic History Review* 53 (2000): 677–705.
- Stallybrass, Peter. "Marx's Coat", in Patricia Spyer, ed., *Border Fetishisms. Material Objects in Unstable Spaces* (New York: Routledge, 1998): 183–207.
- Stedman Jones, Gareth. "Working-class Culture and Working-class Politics in London, 1870–1900. Notes on the Remaking of the Working Class", *Journal of Social History* 7 (1974): 460–508.
- Stearns, Peter N. "Stages in Consumerism. Recent Work on the Issues of Periodization", *Journal of Modern History* 69 (1997): 102–117.
- . *Consumerism in World History. The Global Transformation of Desire* (London: Routledge, 2001).
- Steckel, Richard H. "Stature and Living Standards in the United States", in Gallman and Wallis, eds. *American Economic Growth and Standards of Living Before the Civil War*, pp. 265–310.
- . "Stature and Living Standards", *Journal of Economic Literature* 33 (1995): 1903–1940.
- Steedman, Ian. *Consumption Takes Time. Implications for Economic Theory* (London: Routledge, 2001).
- Steegen, Erwin. "Kleinhandel en kramers. De verkoop van genotsmiddelen in Maastricht in de achttiende eeuw", *NEHA-Jaarboek* 61 (1998): 163–195.
- Stein, Robert. "The French Sugar Business in the Eighteenth Century. A Quantitative Study", *Business History* 22 (1980): 3–17.
- Steuart, Sir James. *An Inquiry into the Principles of Political Economy* (London: Printed for A. Miller and T. Cadell, 1767).
- Stigler, George. "Domestic Servants in the United States, 1900–1940" (NBER occasional paper no. 24, 1946).
- Stone, Lawrence. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800* (New York: Harper & Row, 1977).
- Strasser, S., C. McGovern, and M. Judt, eds. *Getting and Spending. European and American Consumer Societies in the Twentieth Century* (Cambridge: Cambridge University Press, 1998).
- Styles, John. "Manufacturing, Consumption and Design in Eighteenth-Century England", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, pp. 527–554.
- . "Clothing the North. The Supply of Non-Elite Clothing in the Eighteenth-Century North of England", *Textile History* 25 (1994): 139–166.
- . "Product Innovation in Early Modern London", *Past and Present* 168 (2000): 124–169.
- . "Custom or Consumption? Plebian Fashion in Eighteenth-Century England", in Berg and Eger, eds. *Luxury in the Eighteenth Century*, pp. 103–118.
- Subramanian, Shankar, and Angus Deaton. "The Demand for Food and Calories", *Journal of Political Economy* 104 (1996): 133–162.
- Sugihara, Kaoru. "Labour-Intensive Industrialisation in Global History", presented at the 13th International Economic History Congress, Buenos Aires, 2001.
- . "The East Asian Path of Economic Development. A Long-Term Perspective", in Giovanni Arrighi, Takeshi Hamashita, and Amark Selden, eds. *The Resurgence of East Asia. 500, 150, and 50 Year Perspectives* (London: Routledge, 2003): 78–123.
- . "The State and the Industrious Revolution in Tokugawa Japan", London School of Economics, Working paper No. 02/04 (February 2004).

- Sweeney, Kevin M. "Furniture and Domestic Environment in Wethersfield, Connecticut, 1639-1800", *The Connecticut Antiquarian* 36 (1984): 10-39.
- Szreter, Simon. "Mortality and Public Health, 1815-1914", in Anne Digby and Charles Feinstein, eds. *New Directions in Economic History*, Vol. 2 (London: Macmillan, 1992): 136-148.
- Tabutin, Dominique. "La Surmortalité féminine en Europe avant 1940", *Population* 33 (1978): 121-148.
- Takemura, Eiji. *The Perception of Work in Tokugawa Japan* (New York: University Press of America, 1997).
- Temple, R. C., ed. *The Travels of Peter Mundy in Europe and Asia, 1608-1667*, Vol. IV (1639-47) (Cambridge: Hakluyt Society, 1925).
- Tentler, Leslie. *Wage-Earning Women* (Oxford: Oxford University Press, 1982).
- Teuteberg, Hans J. "Food Consumption in Germany Since the Beginning of Industrialisation. A Quantitative Longitudinal Approach", in Baudet and Van der Meulen, eds. *Consumer Behavior and Economic Growth in the Modern Economy*, pp. 233-277.
- Teuteberg, Hans J., ed. *European Food History. A Research Review* (Leicester: Leicester University Press, 1992).
- Thirsk, Joan. *Economic Policies and Projects. The Development of a Consumer Society in Early Modern England* (Oxford: Oxford University Press, 1978).
- Thomas, Janet. "Women and Capitalism. Oppression or Emancipation?" *Comparative Studies in Society and History* 30 (1988): 534-549.
- Thompson, E. P. "Time, Work-discipline, and Industrial Capitalism", *Past and Present* 38 (1967): 56-597.
- "The Moral Economy Reviewed", in E. P. Thompson, *Custom in Common* (New York: New Press, 1993): 239-351.
- Thornton, Peter. *Seventeenth-Century Interior Decoration in England, France and Holland* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1978).
- Tilly, Louise A. "Women, Women's History, and the Industrial Revolution", *Social Research* 61 (1994): 115-137.
- Tilly, Louise A., and Miriam Cohen. "Does the Family Have a History? A Review of Theory and Practice in Family History", *Social Science History* 6 (1982): 131-179.
- Tilly, Louise A., and Joan A. Scott. *Women, Work, and Family* (New York: Holt, Rinehart and Winston, 1978; revised ed., London: Routledge, 1987).
- Tobey, Ronald. *Technology as Freedom. The New Deal and the Electrical Modernization of the American Home* (Berkeley: University of California Press, 1994).
- Tommasi, Mariano, and Kathryn Ierulli, eds. *The New Economics of Human Behavior* (Cambridge: Cambridge University Press, 1995).
- Topalov, Christian. *Le Logement en France* (Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1987).
- Toutain, Jean-Claude. "La consommation alimentaire en France de 1789 à 1962", *Economie et société* 5 (1971): 1909-2049.
- Townsend, Joseph. *Dissertation on the Poor Laws* (London, 1786).
- Tranter, Nick. "The Labour Supply, 1780-1860", in Roderick Floud and Donald McCloskey, eds. *The Economic History of Britain Since 1700*, First Edition (Cambridge: Cambridge University Press, 1981): 204-226.
- Trentman, Frank. "Beyond Consumerism. New Historical Perspectives on Consumption", *Journal of Contemporary History* 39 (2004): 373-401.
- Tuttle, Carolyn. *Hard at Work in Factories and Mines. The Economics of Child Labor During the British Industrial Revolution* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1999).

- Unger, Richard. *A History of Brewing in Holland 900–1900* (Leiden: Brill, 2001).
- Uusitalo, Liisa. "Consumption in Postmodernity. Social Structuration and the Construction of Self", in Marina Bianchi, ed., *The Active Consumer* (London: Routledge, 1998): 215–235.
- Valenze, Deborah. *The First Industrial Woman* (Oxford: Oxford University Press, 1995).
- van Aert, Laura. "To Thrive or Survive? Retailers in Antwerp (ca. 1648–ca. 1748)" (unpublished, University of Antwerpen, 2005).
- van Ark, Bart, and Robert H. McGucklin. "Perspectives on the Global Economy. The Euro's Impact on European Labor Markets", The Conference Board Europe, Report Number 1236–99–RR (1999).
- van Bavel, B. J. P. "Arable yields and total arable output in the Netherlands from the late Middle Ages to the end of the Ancien Régime", in van Bavel and Thoen, *Land Productivity and Agro-Systems in the North Sea Area* (Turnhout: Brepols, 1999): 85–113.
- van Bavel, B. J. P., and E. Thoen, eds. *Land Productivity and Agro-Systems in the North Sea Area* (Turnhout: Brepols, 1999).
- Vandenbroecke, Chris. *Agriculture et alimentation dans les Pays-Bas autrichiens* (Gent-Leuven: Centre Belge d'Histoire Rurale, 1975).
- . "Le problème de la durée du travail aux Temps Modernes", in Leboutte, ed., *Proto-industrialization* (1996): 237–242.
- van den Eeckhout, Patricia. "Family Income in Ghent Working-Class Families, c. 1900", *Journal of Family History* 18 (1993): 87–110.
- Vanderlint, Jacob. *Money Answers All Things* [1734] Jacob H. Hollander, ed., (Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1914)
- van der Valk, Johan. "Arbeidsdeelname van paren", *Sociaal-economische trends* (2005–3): 27–31.
- van der Valk, Johan, and Annemarie Boelens. "Vrouwen op de arbeidsmarkt", *Sociaal-economische trends* (2004–3): 19–25.
- van der Veen, D. J., and J. L. van Zanden. "Real-Wage Trends and Consumption Patterns in the Netherlands, c. 1870–1940", in Peter Scholliers, ed., *Real Wages in 19th and 20th Century Europe. Historical and Comparative Perspectives* (Munich: Berg Publishers, 1989): 205–228.
- van der Woud, Auke. *Het lege land. De ruimtelijke orde van Nederland, 1798–1848* (Amsterdam: Meulenhoff, 1987).
- van der Woude, Ad. "The Volume and Value of Paintings in Holland at the Time of the Dutch Republic", in de Vries and Freedberg, eds. *Art in History, History in Art*, pp. 285–330.
- . "Alfabetisering als gezinsgeschiedenis", in Ad van der Woude, *Leven met geschiedenis. Theorie, praktijk en toepassing van historische kennis* (Amsterdam: Balans, 2000): 225–294.
- Vanhaute, Eric. "Breadwinner Models and Historical Models. Transitions in Labour Relations and Labour Markets in Belgium, 19th–20th Centuries", in Henrik Jensen, ed., *The Welfare State. Past, Present, Future* (Pisa: Edizioni Plus-Università di Pisa, 2002): 59–76.
- van Koolbergen, H. "De materiële cultuur van Weesp en Weesperkarspel in de zeventiende en achttiende eeuw", *Volkskundig Bulletin* 9 (1983): 3–52.
- Vardi, Liana. *The Land and the Loom. Peasants and Profit in Northern France, 1680–1800* (Durham, N.C.: Duke University Press, 1993).
- Varian, Hal. *Intermediate Microeconomics. A Modern Approach*, sixth edition (New York: W. W. Norton, 2003).
- Veblen, Thorstein. *The Theory of the Leisure Class. An Economic Study of Institutions* ([1899] New York: New American Library, 1953).

- Velgema, Wyger, R. E. "Ancient and Modern Virtue Compared. De Beaufort and Van Effen on Republican Citizenship", *Eighteenth-Century Studies* 30 (1997): 437-448.
- Verdon, Michael. *Rethinking Households. An Atomistic Perspective on European Living Arrangements* (London: Routledge, 1998).
- Vickery, Amanda. "Golden Age to Separate Spheres? A Review of the Categories and Chronology of English Women's History", *Historical Journal* 36 (1993): 383-414.
- Vincent, David. *Bread, Knowledge and Freedom. A Study of Nineteenth-Century Working-Class Autobiography* (London: Methuen, 1981).
- Vlasblom, Jan Dirk, and Joop J. Schippers. "Increases in Female Labour Force Participation in Europe. Similarities and Differences", Tjalling C. Koopmans Research Institute Discussion Paper Series nr. 04-12 (Utrecht University, 2004).
- Vögele, Jörg. *Urban Mortality Change in England and Germany, 1870-1913* (Liverpool: Liverpool University Press, 1998).
- Vogler, Carolyn. "Money in the Household", in Anderson, Bechhofer, and Gershuny, eds. *The Social and Political Economy of the Household*, pp. 225-266.
- Voskuil, J. J. "De weg naar Luilekkerland", *Bijdragen en mededelingen van de geschiedenis der Nederlanden* 98 (1983): 460-484.
- . "De verspreiding van koffie en thee in Nederland", *Volkskundig Bulletin* 14 (1988): 77-83.
- Voth, Hans-Joachim. "Seasonality of Baptisms as a Source for Historical Time-Budget Analysis. Tracing the Disappearance of Holy Days in Early Modern England", *Historical Methods* 27 (1994): 127-132.
- . "Height, Nutrition, and Labor. Recasting the "Austrian Model", *Journal of Interdisciplinary History* 25 (1995): 627-636.
- . "Physical Exertion and Stature in the Habsburg Monarchy, 1730-1800", *Journal of Interdisciplinary History* 27 (1996): 263-275.
- . "Time and Work in Eighteenth-Century London", *Journal of Economic History* 58 (1998): 29-58.
- . *Time and Work in England, 1760-1830* (Oxford: Oxford University Press, 2001).
- Waite, Linda J. "U.S. Women at Work", *Population Bulletin* 36 (1981): entire.
- Walcha, Otto. *Meissen Porcelain* (New York: Putnam, 1981).
- Wall, Richard. "The Age at Leaving Home", *Journal of Family History* 3 (1978): 181-202.
- . "Some Implications of the Earnings, Income and Expenditure Patterns of Married Women in Populations in the Past", in John Henderson and Richard Wall, eds. *Poor Women and Children in the European Past* (London: Routledge, 1994): 312-335.
- Wall, Richard, Jean Robin, and Peter Laslett, eds. *Family Forms in Historic Europe* (Cambridge: Cambridge University Press, 1983).
- Walsh, Lorena. "Consumer Behavior, Diet, and the Standard of Living in Late Colonial and Early Antebellum America, 1770-1840", in Gallman and Wallis, eds. *American Economic Growth and Standards of Living Before the Civil War*, pp. 217-261.
- Warren, Elizabeth, and Amelia Warren Tyagi. *The Two-Income Trap. Why Middle-Class Mothers and Fathers Are Going Broke* (New York: Basic Books, 2003).
- Watkins, Susan Cotts, Jane A. Menken, and John Bongaarts. "The Demographic Foundations of Family Change", *American Sociological Review* 52 (1993): 47-84.

- Weatherill, Lorna. *The Pottery Trade and North Staffordshire, 1660–1760* (Manchester: Manchester University Press, 1971).
- . "The Growth of the Pottery Industry in England, 1660–1815", *Post-Medieval Archaeology* 17 (1983): 15–46.
- . "A Possession of One's Own. Women and Consumer Behavior in England, 1660–1749", *Journal of British Studies* 25 (1986): 131–156.
- . *Consumer Behavior and Material Culture in Britain, 1660–1760* (London: Routledge, 1988).
- . "Consumer Behavior, Textiles, and Dress in the Late Seventeenth and Early Eighteenth Centuries", *Textile History* 22 (1991): 297–310.
- . "The Meaning of Consumer Behavior in Late Seventeenth- and Early Eighteenth-Century England", in Brewer and Porter, eds. *Consumption and the World of Goods*, pp. 206–227.
- Weber, Max. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism* ([1903/04] New York: Harper & Row, 1930).
- Weiner, Lynn. *From Working Girl to Working Mother. The Female Labor Force in the U.S.* (Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1985).
- Weir, David. "Parental Consumption Decisions and Child Health During the Early French Fertility Decline, 1790–1914", *Journal of Economic History* 53 (1993): 259–274.
- Wells, Roger A. E. *Wretched Faces. Famine in Wartime England, 1793–1801* (New York: St. Martin's Press, 1988).
- Welsh, Evelyn. *Shopping in the Renaissance* (New Haven, Conn.: Yale University Press, 2005).
- White, Jonathan. "The 'Slow but Sure Poyson'. The Representation of Gin and Its Drinkers, 1736–1751", *Journal of British Studies* 42 (2003): 35–64.
- Wijsenbeek-Olthuis, Thera. *Achter de gevels van Delft. Bezit en bestaan van rijk en arm in een periode van achteruitgang (1700–1800)* (Hilversum: Verloren, 1987).
- . "The Social History of the Curtain", in Baulant, Schuurman, and Servais, eds. *Inventaires Après-décès*, pp. 381–387.
- . "A Matter of Taste. Lifestyle in Holland in the 17th and 18th Centuries", in Schuurman and Walsh, eds. *Material Culture*, pp. 43–54.
- Wilk, Richard R. "Decision Making and Resource Flows within the Household. Beyond the Black Box", in Richard R. Wilk, ed., *The Household Economy*, pp. 23–52.
- Wilk, Richard R. ed., *The Household Economy. Reconsidering the Domestic Mode of Production* (Boulder, Colo.: Westview Press, 1989).
- Williams, Rosalind. *Dream Worlds. Mass Consumption in Late Nineteenth-Century France* (Berkeley: University of California Press, 1982).
- Wilson, Adrian. "Illegitimacy and Its Implications in Mid-Eighteenth Century London", *Continuity and Change* 4 (1989): 103–164.
- Wilson, James Q. *The Marriage Problem. How Our Culture Has Weakened Families* (New York: HarperCollins, 2002).
- Winch, Donald. *Riches and Poverty. An Intellectual History of Political Economy in Britain, 1750–1834* (Cambridge: Cambridge University Press, 1996).
- Wolf, Eric. *Peasants* (Englewood Cliffs, N.J., Prentice-Hall, 1966).
- Woods, Robert I., P.A. Watterson, and J. H. Woodward. "The Causes of Rapid Infant Mortality Decline in England and Wales, 1861–1921", *Population Studies* 42 (1988): 343–366; 43 (1989): 113–132.
- Wrigley, E. A. "Urban Growth and Agricultural Change. England and the Continent in the Early Modern Period", *Journal of Interdisciplinary History* 15 (1985): 683–728.

- . "Men on the Land and Men in the Countryside", in L. Bonfield, et al., eds. *The World We Have Gained* (Oxford: Basil Blackwell, 1986): 295–336.
- . *Continuity, Chance and Change. The Character of the Industrial Revolution in England* (Cambridge: Cambridge University Press, 1988).
- Wrigley, E. A., and R. S. Schofield. *The Population History of England, 1541–1871. A Reconstruction* (London: Edward Arnold, 1981).
- Yang, Xiaokai, and Jeff Borland, "A Microeconomic Mechanism for Economic Growth", *Journal of Political Economy* 99 (1991): 460–482.
- Young, Allyn. "Increasing Returns and Economic Progress", *The Economic Journal* 38 (1928): 527–542.
- Young, Michael. "Distribution of Income within the Family", *British Journal of Sociology* 3 (1952): 305–321.
- Zahedieh, Nuala. "London and the Colonial Consumer in the Late Seventeenth Century", *Economic History Review* 47 (1994): 239–261.
- Zelizer, Viviana. *The Social Meaning of Money* (New York: Basic Books, 1994).
- Zweig, F. *The Worker in an Affluent Society* (London: Heinemann Educational Books, 1961).
- Zwingli, Huldreich. "Von Erkeisen und Freiheit der Speisen. 16 April 1522", in Emil Egli and Georg Finsler, eds. *Huldreich Zwinglis sämtliche Werke*, Vol 1: *Corpus reformatorum* (Berlin, 1904): 74–136.

Научное издание

ЯН ДЕ ФРИС

РЕВОЛЮЦИЯ ТРУДОЛЮБИЯ

**Потребительское поведение
и экономика домохозяйств
с 1650 года до наших дней**

Главный редактор В. В. Анашвили
Заведующая редакцией Ю. В. Бандурина
Выпускающий редактор Е. В. Попова
Корректор И. Б. Москаленко
Художник Е. Н. Спасская
Оригинал-макет О. З. Элоев
Верстка А. И. Попов

Подписано в печать 18.04.2016. Формат 70×100¹/₁₆.

Усл. печ. л. 37,59. Тираж 1000 экз.

Изд. № 210. Заказ № 2783

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, (495) 433-25-02
www.ranepa.ru
delo@ranepa.ru

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59

Это важная книга. Появление «новых товаров» в XVIII веке вызвало рост трудовой деятельности и подстегнуло экономический рост в еще большей степени, чем сама промышленная революция. Схожее материальное изобилие в последние несколько десятилетий (и рост образования) побудило женщин снова покинуть домашний очаг и вернуться к работе. Де Фрис — блестящий и одаренный историк, который показывает устойчивые закономерности, стоящие за стремлением к получению благ на протяжении трех последних столетий.

Авнер Оффер, историк Ола Селта, Оксфордский университет

Один из наиболее выдающихся и влиятельных экономических историков нашего времени написал авторитетную работу, которая заставит всех нас переосмыслить историю семьи, работы, досуга и потребления в Европе на протяжении трех столетий. Основываясь на широком и глубоком знании предмета, де Фрис использует новый и оригинальный подход к определению дохода и потребления домохозяйств. «Революцию трудолюбия» будут обсуждать и изучать еще многие годы.

Джозель Мокир, Северо-Западный университет

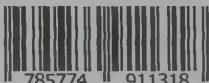
...эта книга заинтересует всех, кто изучает человеческое поведение во всем его многообразии... в ней содержатся любопытные открытия, касающиеся изменений в поведении за последние триста лет.

The Financial Times

Ян де Фрис

Профессор истории и экономики в Калифорнийском университете в Беркли; в прошлом — глава исторического факультета, декан факультета социальных наук и заместитель проректора по учебной части. Автор пяти книг и многочисленных статей и рецензий. Удостоен многочисленных исследовательских грантов, в том числе — фондов им. Т. Вильсона и им. С. Гуттенхайма, Национального научного фонда и Национального института здравоохранения США. Является членом Американской академии искусств и наук, Британской академии, Нидерландской королевской академии наук и Американского философского общества. В 2000 г. был удостоен премии им. А. Хайнекема в области исторических наук.

9 785774

911318